26, 89 (2)
B 15
4265

Включен в каталог

V

ПРОЧИТАНО

91

34660

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

91(47) 80
1965
91(47) 26.89(2)
В15
Инв. 34660.
№ 4265
34660

ПО ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РѢКѢ

ОЧЕРКИ и КАРТИНЫ ПОВОЛЖЬЯ

А. П. Валуевой (Мунтъ).

Рисунки скомпанованы Т. И. Никитинымъ.

Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія опредѣлилъ допустить въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возраста, Мужскія и Женскія Гимназіи, Реальныя Училища, Учительскіе Институты, Семинаріи и Городскія Училища, а также въ безплатныя народныя читальни.

1987

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. ГУБИНСКАГО.
1904 г

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

В. И. ГУБИНСКАГО.

С.-Петербургъ, Фонтанка, д. Линевича, № 61.

Проказы Ани. Соч. графини Сегюръ-Растопчиной, съ рисунк. Переводъ Е. Чистяковой. Въ перепл., ц. 1 р. Проказы Ани—одно изъ лучшихъ, вѣчно юныхъ произведеній старушки графини де-Сегюръ. Ея юморъ и смѣшныя положенія героини повѣсти трогательныя сцены и забавныя словечки—все живетъ, увлекаетъ. Недаромъ де-Сегюръ прежде всего разсказывала свои произведенія въ семейномъ кругу, и только получивъ одобренія своихъ внуковъ, отдавала ихъ въ печать. Нельзя не чувствовать, что въ «Проказахъ Ани» каждая черточка—плодъ наблюденій, каждая сцена списана съ натуры. 77 рисун. художника Эм. Баярда.

Послѣ грозы. Повѣсть. Соч. графини Сегюръ-Растопчиной, перев. Е. Чистяковой, съ 100 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Послѣ грозы соч. графини де-Сегюръ можно считать образцовымъ романомъ для дѣтей. Развитіе драмы, главными дѣйствующими лицами которой являются добрая, честная маленькая дѣвочка и преданный ей негръ, захватываетъ не только юныхъ читателей, но и взрослыхъ. Съ интересомъ слѣдишь за дѣйствующими лицами, смѣешься надъ комической фигурой Примрозъ, негодуешь на Жоржа. Въ цѣломъ получается впечатлѣніе странички, выхваченной изъ жизни.

Маленькій горбунъ. Соч. графини Сегюръ - Растопчиной. Съ 100 рис. фран. художника Э. Баяра. Пер. Е. Чистяковой-Вэръ. Спб. Въ крас. папкѣ, ц. 1 р. 20 к. «Маленькій Горбунъ» одинъ изъ лучшихъ дѣтскихъ разсказовъ г-жи де-Сегюръ, рожденной Растопчиной. Въ немъ разсказывается трогательная исторія дружбы маленькой Христины, несчастливой въ своей семьѣ, съ горбуномъ Франсуа.

Дѣтскій міръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго и средняго возраста. Соч. Зои Щербачевой. Съ 70 рисунками и заставками. 20 разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія. Изъ путешествія по Европѣ. Изъ жизни животныхъ. Интересные разсказы про умныхъ собачекъ. Забавныя приключенія дѣтей. Охота на звѣрей и пр. и пр., написанныхъ простымъ литературнымъ языкомъ и вполнѣ доступныхъ пониманію своего читателя. Въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Былое на Руси. Историческіе разсказы. Княгиня Ольга Святославъ. Плачъ Ярославни. Евпатій Коловратъ. Шемякинъ судъ. Князь Сибирскій, Кулачный бой. Скоморохи. Кружало. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Боярская Дума. Вербное Воскресенье. Великъ день. Ближній бояринъ. Въ теремѣ царевны. Святки. Свадьба. Соч. Черскаго и А. Зарина. Съ 65 рисунками, снимки съ картинъ художниковъ: К. Маковскаго, Соломко, В. Васнецова, К. Венича, А. Рябушкина, Малышева, Шварца, А. Шаклемана, Чорикова и др. съ портретами. 286 стр., въ красивой папкѣ. Спб. 1912 г. ц. 1 р. 35.

Заклинатель змѣй. Необыкновенныя приключенія въ Индіи, «Странѣ чудесъ», соч. Л. Русселэ. Перев. А. Неѣловой, съ 67 рисунками художника А. Мари въ папкѣ, цѣна 1 р. 10 к. Въ непрерывномъ рядѣ заманчивыхъ и увлекательныхъ описаній проходятъ передъ читателемъ картины страны чудесъ—Индіи. Авторъ живо и увлекательно разсказываетъ о всевозможныхъ приключеніяхъ благороднаго юноши, самоотверженно боровшагося съ тысячами труднѣйшихъ препятствій ради спасенія сестры изъ неволи. Книга прочтется съ интересомъ не только дѣтьми, но и взрослыми.

Исторія Греческихъ героевъ. Разсказанная Нибуромъ своему сыну. Перев. съ нѣмецкаго. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

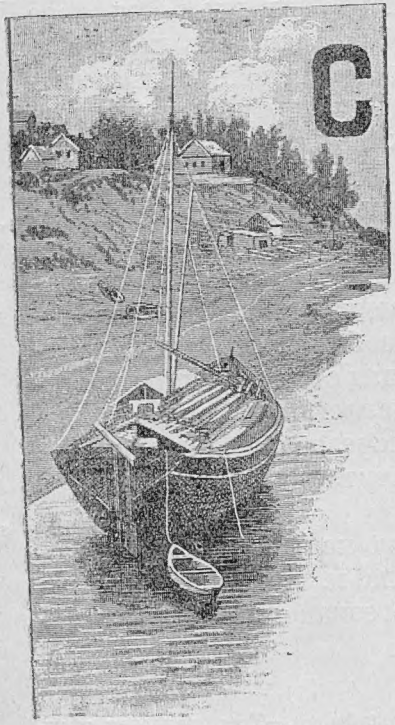
*) **Ноевъ Ковчегъ.** Повѣсть Соч. Виконтесы де-Питранль, урожденной графини де-Сегюръ. Перев. В. Карпинскій, съ 23 рис. художн. Робиди въ папкѣ, ц. 1 р.

Типографія 1-ой Спб. Трудовой Артели, Лиговская, 34.

ВОЛГА.

I.

Отъѣздъ изъ Твери.—Селигеръ.—Верховья Волги.—Верхневолжскій бейшлотъ.—Волжскія мели и волжскіе лоцманы.—Села верхней Волги.



ВѢТЛОЕ, теплое іюньское утро. Ясное лѣтнее солнышко поднялось уже довольно высоко и привѣтливо освѣщаетъ красивый, уютный городокъ, спокойную рѣку и пеструю кучку народа, столпившуюся на пристани у небольшого, но чистенькаго и изящнаго парохода, который разводитъ пары, немилосердно при этомъ гудитъ и напоминаетъ собою огромный раскипѣвшійся самоваръ.

Городъ этотъ—Тверь, рѣка—Волга[1]). Я стою на палубѣ парохода среди толпы пассажировъ, которые занимаютъ мѣста, возятся со своими вещами и страшно суетятся.

Раздается оглушительный свистокъ—одинъ... другой... третій... Слышится команда: „Трапъ долой!“—„Отчаливай“!—Живо прибираются канаты, удержи-

[1]) *Волга*—финское слово, означающее *святая*. Въ древней исторіи Волга зовется *Ра*; татары зовутъ ее *Атель*, что означаетъ *рѣка*.

вавшіе пароходъ у пристани, онъ начинаетъ медленно отъ нея отходить,—и вотъ мы тронулись „внизъ по матушкѣ—по Волгѣ". Пассажиры усердно крестятся.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ! Въ часъ добрый!—слышатся съ берега голоса провожающихъ. Машутъ шапками и платками.

Все быстрѣе начинаютъ поднимать колеса парохода мутную желтоватую воду рѣки. Мало-по-малу, мы оставляемъ городъ позади себя, но долго виднѣются еще на горизонтѣ колокольни его старинныхъ церквей изъ Отрочь-Успенскаго монастыря [1]).

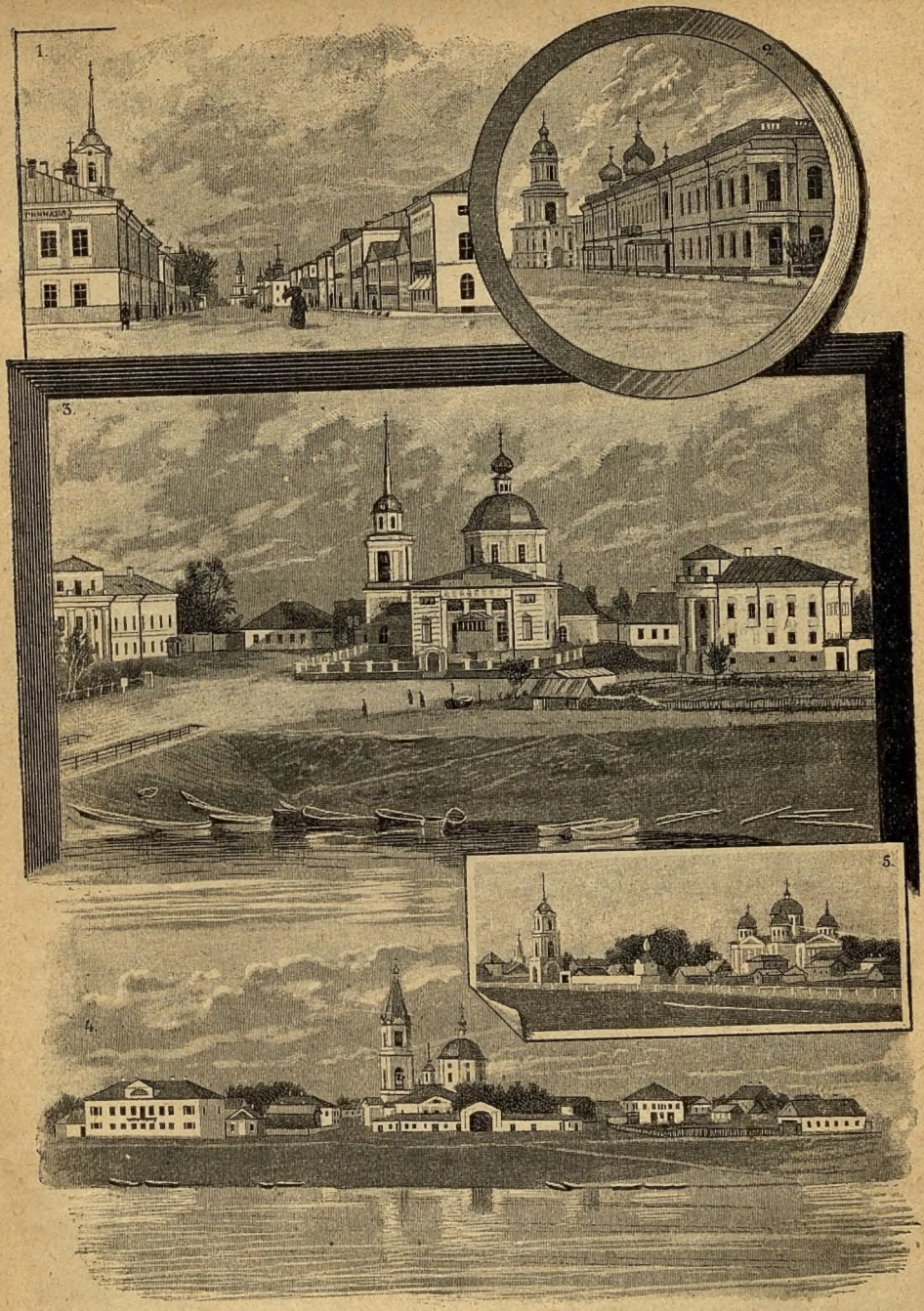
Чего только не видали на своемъ вѣку эти древнія зданія, чего ни поразсказали-бы намъ, владѣй они языкомъ! Разсказали-бы они о сильномъ, славномъ въ свое время, княжествѣ Тверскомъ, о безчисленныхъ набѣгахъ на него татаръ и литовцевъ, нещадно грабившихъ и жегшихъ все, что ни попадалось имъ по пути, о многострадальномъ князѣ Тверскомъ, Михаилѣ, замученномъ въ Ордѣ по навѣтамъ родственника своего, Юрія Даніиловича Московскаго, объ ожесточенной борьбѣ Твери съ молодою Москвою и объ окончательномъ паденіи древняго княжества отъ непоколебимой руки великаго князя Іоанна Васильевича III,—вѣдь Тверь, занимающая такое выгодное положеніе у верховьевъ Волги, всегда была лакомымъ кусочкомъ, какъ для чужеземцевъ, такъ и для своихъ единоплеменниковъ—сосѣдей. Все это припоминалось мнѣ, когда, стоя на пароходной палубѣ, я смотрѣла на исчезавшій вдали городъ.

— Ну, что-жъ, какъ вамъ нравится Волга?—раздался позади меня чей-то голосъ.

Обернувшись, я увидѣла нашего капитана, который, въ качествѣ полнаго хозяина парохода и, притомъ, хозяина очень любезнаго, успѣлъ уже перезнакомиться съ большинствомъ своихъ пассажировъ.

---

[1]) Заурядный провинціальный городъ нашего времени.—Тверь является, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ стариннѣйшихъ русскихъ городовъ. Онъ существуетъ уже восьмое столѣтіе и обладаетъ цѣнными историческими памятниками, между которыми одинъ изъ самыхъ интересныхъ—*Отрочь-Успенскій* монастырь, основанный въ 1265 году. Подъ однимъ изъ монастырскихъ храмовъ находится мрачное подвальное помѣщеніе, въ которомъ, по преданію, въ 1569 году, злодѣйски былъ умерщвленъ Малютою Скуратовымъ св. Филиппъ.



(*Смотри на оборотѣ*).

1) Милліонная—главная улица въ Твери. 2) Реальное училище и соборъ въ Твери. 3) Видъ Заволжья. Церковь Трехъ Исповѣдниковъ. 4) Видъ за рѣкой Тверцой. Церковь св. Екатерины-Мученицы. 5) Дѣвичій монастырь. Церковь во Имя Тихвинской Божіей матери.

— Пока, она еще ничего особеннаго не представляетъ,— отвѣчала я, глядя на нешырокую, довольно мутную рѣку, въ которой трудно было признать одну изъ величайшихъ рѣкъ на свѣтѣ, въ $3^{2}/_{2}$ тысячи верстъ длиною, на 1,000 верстъ длиннѣе Дуная и въ три раза длиннѣе Рейна.— Посмотримъ, что будетъ дальше. Я вѣдь намѣрена проѣхать по всей Волгѣ, отъ верховьевъ до устья,—отъ Твери до Астрахани.

— Ну, ужъ разъ вы хотѣли посмотрѣть на настоящія верховья Волги, т. е. на истокъ ея, вамъ слѣдовало на-

Отрочь-Успенскій монастырь.

чать не съ Твери, а отправиться къ намъ, въ Осташковскій уѣздъ,—я уроженецъ тѣхъ мѣстъ. Тамъ вы нашли-бы мѣстечко, гдѣ никакого труда не стоитъ *перешагнуть* Волгу.

— А какъ добраться до истоковъ Волги?

— Да очень просто. Надо для этого остановиться на Вышневолоцкой станціи Николаевской желѣзной дороги и отправиться въ Осташковъ, до котораго оттуда 85 верстъ. Осташковъ съ трехъ сторонъ окруженъ *Селигеромъ*. Преинтересное это озеро! Въ длину оно имѣетъ до 80-ти верстъ, въ ширину до 30. И какіе у него извилистые берега, ка-

кое множество острововъ разбросано по озеру! Ихъ насчитываютъ до 160. А знаете, что разсказываетъ народъ объ этихъ островахъ?—Въ незапамятныя времена пришлось Селигеру идти куда-то вмѣстѣ съ Ильменемъ,—онъ этому озеру, видите-ли, братомъ доводится. Откуда и куда они шли—неизвѣстно; только вотъ какъ-то разъ, ночью, Селигеръ оставилъ брата, да и ушелъ себѣ впередъ одинъ. Не то Селигеръ былъ хорошій ходокъ, не то Ильмень спалъ слишкомъ долго, но, когда онъ проснулся, младшій братъ успѣлъ уже пройти впередъ цѣлыя 160 верстъ.

— „Будь-же ты проклятъ на вѣки“!—воскликнулъ обманутый Ильмень своему брату.—„Пусть будетъ на тебѣ отнынѣ больше 100 острововъ“.

— Богатъ Селигеръ островами, богатъ онъ и рыбою. Сколько въ немъ водится сомовъ, лещей, судаковъ, окуней, ершей, снятковъ! Прокормить такое множество рыбы ему не подъ-силу, особенно весной, когда выводятся изъ икры милліоны *мальковъ* (молодыхъ рыбокъ). Голодная рыба бросается тогда черезъ рѣку *Селижаровку* въ Волгу и спускается внизъ по ней. Не знаю, случалось-ли вамъ слышать отъ людей, даже довольно образованныхъ, будто Селигеръ—истокъ Волги? Хорошо, видно, они знаютъ географію своей родной страны! Не истокъ онъ самой нашей великой рѣки, а источникъ ея рыбнаго богатства,—это безспорно.

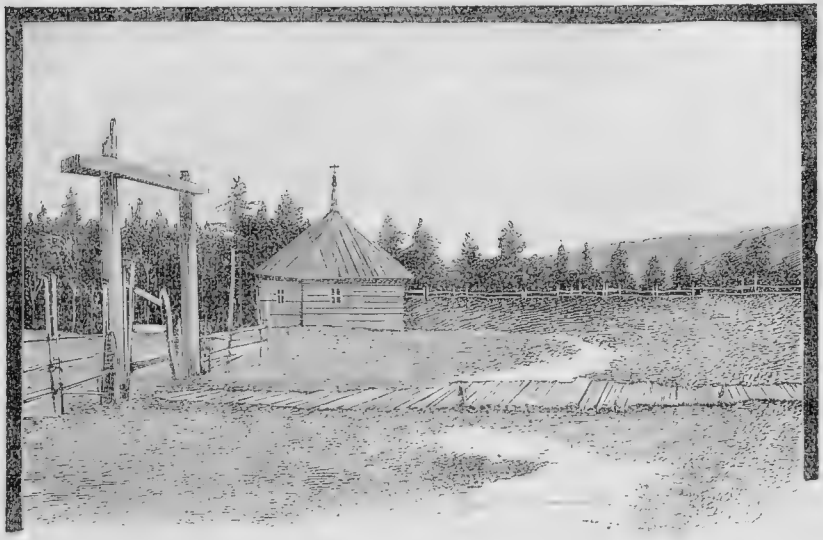
— Ну, такъ вотъ,—пріѣхали вы въ Осташковъ. Тутъ вамъ нужно или подождать парохода, который ходитъ въ *Березовое плесо* (такъ называется западная вѣтвь Селигера), къ деревнѣ *Подгорье*, или отправиться туда на лодочкѣ. Это недалеко—всего верстъ 25 будетъ. Проплывете вы мимо *Хочина*, самаго большого острова на Селигерѣ, гдѣ находится 7 деревень, а также и мимо маленькаго живописнаго островка съ краснымъ монастыремъ Нила Столбенскаго, куда каждый годъ, 27-го мая, пріѣзжаетъ изъ Твери архіерей и собирается нѣсколько тысячъ народа; доберетесь, вслѣдъ затѣмъ, скоро и до Подгорья, а тамъ ужъ вамъ придется распрощаться съ озеромъ.

Верстахъ въ 15-ти отъ Подгорья находится деревенька *Волговерхье*. Мѣстность тамъ холмистая; вправо, влѣво,

(См. на оборотѣ)

1) Озеро Большой Верхитъ. 2) Видъ на озеро Селигеръ и монастырь Нила Столбенскаго съ полуострова Свѣтлицы. 3) Деревня Верховерхье. 4) Верхневолжскій бейшлотъ.

всюду видны самые разнообразные бугры, холмы, пригорки. Гранитныхъ валуновъ тоже множество, величиною отъ яйца до огромной бочки. Это часть Валдайской возвышенности, извѣстная подъ названіемъ *Ревеницкихъ горъ*, которыя не особенно велики на видъ, но составляютъ, тѣмъ не менѣе, одну изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстностей центральной Россіи. Если-бы къ нимъ придвинуть Петербургъ, то онъ оказался-бы какъ во впадинѣ; онъ ниже ихъ на 100 саженъ. Кромѣ того, вся окрестность покрыта безчисленнымъ множествомъ озеръ и болотъ, изъ кото-



Истокъ Волги близъ деревни Волговерховье.

рыхъ многія тянутся верстъ на 30, на 40, а то и на 60. Болота эти поросли осокою, трефолью, бѣлокопытникомъ и другими водяными растеніями; берега ихъ покрыты безпрерывными, преимущественно хвойными лѣсами.

Деревенька Волговерхье расположена на горкѣ, подъ которою находится одно изъ такихъ болотъ. Посреди него стоитъ скромная деревянная часовенка. Тутъ-то и беретъ начало наша матушка-Волга. У Астрахани ее и глазомъ въ ширину не окинешь; тутъ-же, въ лѣтнее время, бываетъ такъ мало воды, что ея не хватаетъ для одной мельницы.

Вообще говоря, на протяженіи 40 верстъ отъ истока Волга не похожа ни на рѣку, ни на ручей: берега не обозначаются ясно и теченіе незамѣтное. Верстахъ въ 8-ми отъ истока она встрѣчаетъ маленькое озеро *Большой Верхитъ*, а далѣе рядъ довольно значительныхъ озеръ—*Стержъ*, *Овселукъ*, *Пено*, *Волго*,—и принимаетъ въ себя нѣсколько ручьевъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣтенъ *Руна*, впадающій съ правой стороны.

Въ 4-хъ верстахъ ниже озера Волго устроено замѣчательное сооруженіе—нѣчто въ родѣ прочной плотины, называемой *Верхне-волжскимъ бейшлотомъ*. Благодаря этой плотинѣ, всѣ 4 озера—Стержъ, Овселукъ, Пено, Волго—соединяются въ одно, и на всемъ 80-ти верстномъ протяженіи Волги, отъ истока до бейшлота, образуется запасное водохранилище, извѣстное подъ названіемъ *верхне-волжскаго бассейна*. Назначеніе бейшлота состоитъ въ томъ, чтобы во время мелководья повышать уровень воды въ Волгѣ. Въ немъ находятся подвижные щиты, которые открываются по мѣрѣ надобности и спускаютъ внизъ накопившуюся за бассейномъ воду. При открытіи всѣхъ щитовъ уровень воды повышается на протяженіи болѣе 500 верстъ внизъ отъ бейшлота, понятно, не всюду одинаково: такъ, напр., въ то время, какъ въ устьяхъ рѣки Селижаровки, впадающей въ Волгу въ 10 верстахъ отъ бейшлота, вода повышается на 28 вершковъ, у Твери она повышается на 6—10, а у Мологи и Рыбинска всего только на одинъ вершокъ. Но и этотъ вершокъ является иногда спасительнымъ для судовъ, засѣвшихъ на мели вслѣдствіе быстрой убыли воды въ Волгѣ.

Настоящая Волга, не прерываемая ни озерами, ни искусственными сооруженіями, въ родѣ плотинъ и шлюзовъ[1]), начинается за бейшлотомъ; здѣсь она имѣетъ 20—30 саж. ширины и, по впаденіи въ нее *Вазузы* съ *Гжатью*, на ней становится возможно судоходство, какъ сплавное (по теченію), такъ и взводное (противъ теченія).

Пронзительный свистокъ парохода прервалъ разсказъ словоохотливаго капитана.

---

[1]) Подробно о шлюзахъ будетъ говориться въ 3-й главѣ.

— И заговорился-же я съ вами—бѣда! Вотъ мы уже и до Едимонова доѣхали,—сказалъ онъ и, махнувъ рукою, побѣжалъ на вышку.

Бѣды, впрочемъ, не вышло-бы никакой даже и въ томъ случаѣ, если-бы капитанъ еще болѣе отвлекся отъ своихъ обязанностей: пароходъ находился въ рукахъ человѣка, не менѣе его опытнаго въ практическомъ судоходствѣ. Это былъ лоцманъ, видный мужчина лѣтъ сорока, неотлучно находившійся при рулѣ. Его мощная фигура и красивое лицо съ широкою окладистою бородою, съ серьезными глазами, сосредоточенно устремленными вдаль, давно уже обратили на себя мое вниманіе,—такъ много было въ немъ силы и достоинства. Лоцманъ играетъ важную роль на суднѣ; послѣ капитана онъ тамъ—первое лицо. Судьба судна и пассажировъ находится вполнѣ въ его рукахъ, такъ какъ—зазѣвайся онъ на минуту, не дай должнаго направленія,—и оно почти навѣрно врѣжется въ мель, которыхъ на Волгѣ безчисленное множество. Мели эти тѣмъ болѣе опасны, что онѣ постоянно мѣняютъ тамъ мѣста. Нѣтъ рѣки съ болѣе непостояннымъ фарватеромъ, чѣмъ Волга; тамъ, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ постоянно проходили пароходы, въ одинъ прекрасный день можетъ застрянуть баржа, а отъ иной опасной мели, безъ всякой видимой причины, не осталось и слѣда. Приходится постоянно измѣрять глубину рѣки, постоянно слѣдить за измѣненіями фарватера, и нѣтъ лучше мастера въ этомъ дѣлѣ, какъ приволжскій лоцманъ. У этого неученаго, часто даже неграмотнаго мужика какое-то природное чутье, замѣняющее ему любую карту, подсказывающее всѣ опасности, которыя могутъ грозить судну. Искусство лоцмановъ наслѣдственно; отъ отца оно переходитъ къ сыну. Цѣлыя деревни по Волгѣ и Окѣ поставляютъ исключительно лоцмановъ. Понятно, что лоцманами могутъ быть люди трезвые и степенные. Проработавъ лѣто на рѣкѣ, къ зимѣ они возвращаются домой, принося съ собою цѣликомъ всѣ заработанныя деньги, рублей до 300, а иногда и болѣе. Сумма эта является большимъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: потому-то и отличаются лоцманскія деревни отъ остальныхъ большимъ достаткомъ и зажиточностью.

Первая пристань за Тверью, Едимоново, съ находящеюся тамъ всероссійски извѣстною школою молочнаго хозяйства, основанною помѣщикомъ Верещагинымъ, о которой будетъ говориться подробно въ слѣдующей главѣ, оказалась большимъ и красивымъ селомъ, и чѣмъ дальше подвигались мы впередъ, тѣмъ все чаще стали попадаться намъ по пути такія-же многолюдныя, широко раскинувшіяся селенія съ богатыми старинными церквами. На видъ они были и чище, и красивѣе остальныхъ нашихъ русскихъ селъ. Встрѣчались и въ нихъ жалкія, покосившіяся лачуги; но большинство избъ, съ тесовыми крышами, съ рѣзными крылечками, имѣли видъ зажиточный. Видно было, что живется въ нихъ не плохо, благодаря кормилицѣ Волгѣ.

II.

Корчева.—Кимра.—Настасья башмачница.—Кустарная промышленность.—Артельныя сыроварни.—Едимоновская школа молочнаго хозяйства Верещагина.—Отхожіе промыслы.

Миновавъ *Корчеву*, захолустный городокъ Тверской губерніи, вечеромъ подплыли мы къ *Кимрѣ*, огромному селу, красиво раскинувшемуся на лѣвомъ берегу Волги. Величинѣ и многолюдству Кимры, насчитывающей до 6,000 жителей, можетъ позавидовать не только жалкая Корчева, въ уѣздѣ которой находится это село, но и многіе другіе наши уѣздные города.

Воспользовавшись остановкою парохода, я поспѣшила пробраться въ самое село. Посреди него, за каменною оградою, возвышаются два величественныхъ храма: Покровскій соборъ и Троицкая церковь. Оба храма, по своему богатству и великолѣпію, смѣло могли-бы служить украшеніемъ не только любого губернскаго города, но даже столицы. Передъ соборомъ раскинулась большая базарная площадь, на которой каждую субботу собираются многія сотни, даже тысячи людей. Еще наканунѣ, вечеромъ, вся она заставляется повозками пріѣзжихъ крестьянъ, стоечками и сундучками мѣстныхъ мастеровъ. Всюду вид-

нѣется, главнымъ образомъ, одинъ товаръ—*обувь*, начиная съ грубаго крестьянскаго сапога и кончая изящными дамскими туфельками, и все это безчисленное количество обуви изготовлено самими кимряками и жителями сосѣднихъ деревень. Кимряки исконп вѣковъ занимаются сапожнымъ мастерствомъ. Въ военное время большая часть обуви, необходимая для русской арміи, поставляется ими. Говорятъ, что въ 1812 году они одни обули все наше войско. Наши гостиные дворы биткомъ набиты кимрскою обувью, такъ что мы, сами того не зная, сплошь да рядомъ щеголяемъ въ сапожкахъ, изготовленныхъ приволжскими крестьянами.

О житьѣ-бытьѣ кимряковъ мнѣ удалось узнать много интереснаго, совершенно случайнымъ образомъ.

Изъ Кимры къ намъ на пароходъ прибыло довольно много новыхъ пассажировъ и въ числѣ ихъ высокая пожилая женщина, лѣтъ пятидесяти, симпатичная внѣшность которой невольно привлекала вниманіе. Правильныя черты ея загорѣлаго лица, темныя, точно нарисованныя, брови. большіе каріе глаза—все это ясно свидѣтельствовало о томъ, что въ свое время она была чисто русскою, приволжскою красавицею. Необыкновеннымъ достоинствомъ дышала вся фигура этой простой крестьянки въ полинялomъ ситцевомъ платьѣ, съ большимъ чернымъ платкомъ на головѣ. Глядя на нее, невольно приходилъ на память тотъ типъ „величавой славянки“, о которой говоритъ нашъ поэтъ-волгарь:[1])

„Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ,
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ.

* * *

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говоритъ:
Пройдетъ—словно солнцемъ освѣтитъ!
Посмотритъ—рублемъ подаритъ!“

Не торопясь, положила она на палубу свой узелокъ и усѣлась подлѣ него, подперевъ щеку грубою, морщини-

[1]) Н. А. Некрасовъ, проведшій свое дѣтство въ имѣніи родителей, сельцѣ Грешневѣ, Ярославской губерніи и уѣзда.

стою рукою. Я заговорила съ нею. Она отвѣчала охотно, но безъ всякаго подобострастія. Сначала отвѣты ея были коротки, но потомъ она разговорилась и, какъ часто бываетъ въ путешествіяхъ, разсказала мнѣ всю исторію своей жизни, простую, но въ высшей степени трогательную и поучительную.

Звали ее Настасьей Ѳедосѣевной. Она родилась, выросла и всю свою жизнь провела въ небольшой деревушкѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ Кимры. Замужъ она вышла рано за хорошаго, трезваго, одинокаго человѣка, такого-же бѣдняка, какъ и она сама. Съ мужемъ жила припѣваючи, хотя и при немъ приходилось работать, не покладая рукъ. Мужъ ея, какъ и всѣ кимряки, занимался сапожнымъ мастерствомъ. Для подмоги онъ держалъ у себя нѣсколько мальчиковъ. Помогала ему въ его дѣлѣ и Настасья; вѣдь не даромъ-же была она природная кимрячка. Двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою она уже умѣла точать голенища, а потомъ, когда выросла, то, не хуже любого мастера, могла изготовить какую угодно пару незатѣйливой обуви. Но при жизни мужа сапожнымъ мастерствомъ ей приходилось мало заниматься. У нихъ былъ небольшой кусокъ земли, хоть и мало плодородный, но который, тѣмъ не менѣе, приходилось обработывать, и всѣ эти полевыя работы лежали на Настасьѣ. Она и пахала, и сѣяла, и жала,—такъ уже это водится въ томъ краѣ: мужъ сидитъ дома, сапоги точаетъ, а жена работаетъ въ полѣ. Впрочемъ, помогалъ ей и онъ: съ Петрова дня сапожная работа откладывалась въ сторону, и Семенъ убиралъ сѣно, исправлялъ свою избенку и приводилъ въ порядокъ полевыя орудія. Жили они такимъ образомъ сносно, концы съ концами сводили, а въ праздникъ Господень могли и свѣчку поставить, и чайку напиться. Если-бы такъ, да всегда, то нечего былобы и на Бога роптать. Да судилъ Онъ имъ иное: разъ какъ-то, возвращаясь съ базара, крѣпко простудился Семенъ, расхворался, и какъ она его ни лѣчила,—по своему, конечно,—а дней черезъ десять отдалъ Богу душу. Осталась Настасья одна, съ пятью ребятами, изъ которыхъ старшей дочкѣ Надюшѣ всего лишь 13-й годъ миновалъ. Лишней копѣйки у нихъ никогда не водилось, а

гулъ, за болѣзнью мужа, во время которой остановилась работа, и послѣ его похоронъ, вышло такъ, что совсѣмъ таки не на что было хлѣба купить, и, не помоги ей соѣди, ей нечѣмъ было-бы накормить своихъ голодныхъ ребятишекъ. Просто хоть по міру иди!

Но не протянула Настасья руки за милостынею; хоть и тяжко ей было, а рѣшила она взвалить себѣ на плечи ту работу, которую до тѣхъ поръ несла вдвоемъ съ мужемъ. На другой-же день послѣ его похоронъ, утеревъ слезы, собрала она колодки и принялась кроить да точать сапоги, Надюша возилась съ младшими дѣтьми и, по указанію матери, стряпала ихъ незатѣйливый обѣдъ.

Наступила суббота. Собрала Настасья свою работу, связала ее въ узелокъ и пошла на базаръ къ тому самому скупщику, съ которымъ чаще всего имѣлъ дѣло ея мужъ. Идетъ она въ Кимру и думаетъ: „Ну, а что если скупщикъ да забракуетъ мой товаръ? Что если я вернусь домой безъ денегъ? Чѣмъ дѣтей-то тогда накормить?“ — И при этой мысли холодный потъ выступаетъ на лбу у бѣдной женщины. Но Богъ не безъ милости. Купецъ потужилъ о покойномъ, разсмотрѣлъ работу и не только не забраковалъ ее, но и цѣну назначилъ сносную; половину заплатилъ сейчасъ-же деньгами, а на другую половину далъ товара. И стала съ тѣхъ поръ Настасья являться каждую субботу на базаръ съ готовою обувью и возвращаться оттуда съ кускомъ хлѣба для своихъ птенцовъ. Хоть и трудно было ей кормить пятерыхъ, за то и славные-же они у нея вышли! Самый маленькій, восьмилѣтній Андрюша, и тотъ помогалъ ей, чѣмъ могъ: готовилъ дратву, прибиралъ колодки, служилъ на посылкахъ. Одиннадцатилѣтній Ваня тачалъ голенища. О Надюшѣ и говорить нечего: лучшей работницы, лучшей помощницы и быть не могло. Она и съ ребятишками возилась, и по хозяйству мать вполнѣ замѣнила; и въ мастерствѣ ей помогала. Работаетъ себѣ день-деньской; даже лѣтними вечерами, когда вся деревенская молодежь высыпаетъ на улицу, и нѣснямъ да играмъ нѣтъ конца, въ кои-то вѣки ее туда выманишь: то одно ей нужно окончить, то другое къ завтрашнему дню приготовить.

№ 27000
4265

Съ помощью Бога и добрыхъ людей перебивалась Настасья, выращивала своихъ дѣтокъ, и совсѣмъ было ей ужъ легко становилось, да стряслась надъ нею новая тяжкая бѣда: ея любимица, ея помощница Надюша простудилась, прополоскавъ слишкомъ долго зимой бѣлье въ проруби; привязался къ ней кашель, лихорадка, заныла грудь, стала она таять, какъ свѣчка, и весною, когда все кругомъ зажило, зазеленѣло, когда Волга вскрылась и показались на ней первыя суда, когда звонче прежняго раздавались по вечерамъ въ селѣ пѣсни дѣвушекъ и парней, умерла Надюша. Часа за два до смерти, прерывающимся, едва слышнымъ голосомъ пеняла она на то, что какъ это завтра матушка на базаръ пойдетъ, а она, пожалуй, встать не сможетъ и некому будетъ братьямъ поѣсть приготовить.

— Не думала она, моя голубка, что и вовсе-то ей встать не придется,—проговорила Настасья, утирая глаза.— Повыростали теперь мои дѣтки,—продолжала она,—помогаютъ мнѣ, дай имъ Богъ здоровья! Ванюша на сторону ушелъ, въ Рыбинскѣ теперь свою мастерскую держитъ, женился, вотъ и выписываетъ меня, старуху, на внучатъ посмотрѣть. Изъ другихъ сыновей тоже хорошіе мастера вышли, достатокъ имѣютъ. Любо мнѣ на ихъ житье смотрѣть, а Надюши все забыть не могу, и какъ вспомню я о томъ, что не дожила она до этихъ хорошихъ деньковъ, а всю свою жизнь билась, какъ рыба объ ледъ, такъ горько станетъ на душѣ, что не приведи Богъ,—закончила она, махнувъ рукою.

И такую-то честную трудовую жизнь, въ которой принимаютъ участіе всѣ члены семейства, отъ мала до велика, ведутъ цѣлыя сотни тысячъ нашихъ приволжскихъ крестьянъ. Всѣ они занимаются такъ называемою *кустарною промышленностью*. Подъ этимъ названіемъ подразумѣваются разные промыслы и ремесла, которымъ крестьяне посвящаютъ свободное отъ полевыхъ работъ время. Кустарная промышленность развилась преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва уже отчасти истощена и даетъ крестьянину достаточно средствъ для прокормленія семьи и уплаты лежащихъ на немъ повинностей.

Почти каждая губернія имѣетъ свою кустарную про-

мышленность; сильнѣе-же всего развита она въ губерніяхъ верхняго Поволжья: Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской, а также и въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ близъ Москвы. Перечислить всѣ отрасли кустарной промышленности, все множество ремеслъ и промысловъ, которыми занимаются наши крестьяне, почти нѣтъ возможности. Упомянемъ только о главныхъ изъ нихъ.

Въ Тверской губерніи, кромѣ чеботарнаго дѣла, съ которымъ мы уже познакомились, говоря о Кимрѣ, сильно распространено также и кузнечное производство. Замѣчательно то, что въ каждомъ изъ уѣздовъ развита какая-нибудь одна спеціальная отрасль этого производства. Такъ, въ однихъ уѣздахъ дѣлаются только сапожные и другого рода гвозди; въ другихъ, напримѣръ, Ржевскомъ—топоры, въ Осташковскомъ—топоры и серпы и т. д.

За послѣднія 20 лѣтъ въ Тверской губерніи возникъ еще одинъ промыселъ, а именно артельное сыровареніе. Устройство артельныхъ сыроварень приблизительно слѣдующее: въ какомъ нибудь селеніи устраивается сыроварня и сдается въ аренду опытному сыровару; крестьяне-же поставляютъ туда молоко и, по мѣрѣ продажи сыра, деньги распредѣляются между крестьянами по количеству доставленнаго каждымъ изъ нихъ молока.

Въ этомъ отношеніи крестьяне, занимающіеся артельнымъ сыровареніемъ, счастливѣе многихъ другихъ кустарей, хотя-бы, напримѣръ, кимряковъ, которые работу свою продаютъ скупщикамъ, старающимся заплатить за нее возможно меньше, а продать ее возможно дороже, такъ что главная прибыль остается въ рукахъ не работника, а скупщика, и въ Кимрѣ, на ряду съ красивыми домами ея богачей-купцовъ, находятся многія десятки жалкихъ лачугъ, обитатели которыхъ гнутъ спину надъ работою съ 6 часовъ утра до 10 вечера и еле-еле вырабатываютъ 2—3 рубля въ недѣлю. Существуетъ проектъ учрежденія земско-кустарнаго товарищества, которое должно являться посредникомъ между потребителемъ (т. е. тѣмъ, кто покупаетъ обувь, чтобы самому ее носить) и производителемъ-кустаремъ (тѣмъ, кто ее шьетъ). Товарищество предполагаетъ брать подряды по казеннымъ, общественнымъ и частнымъ зака-

замъ, устраивать въ разныхъ городахъ свои склады для продажи кустарныхъ издѣлій и учредить въ Кимрѣ и ея окрестностяхъ свои мастерскія съ техническими школами. Нельзя не пожелать отъ души, чтобъ это полезное предположеніе осуществилось на самомъ дѣлѣ.

Возвратимся теперь къ артельнымъ сыроварнямъ. Починъ этому дѣлу положенъ помѣщикомъ Новгородской губерніи, Верещагинымъ, изучившимъ предварительно лично сыровареніе въ Швейцаріи. Имъ-же учреждена въ селѣ Едимоновѣ извѣстная во всей Россіи школа молочнаго хозяйства, на которую правительство отпускаетъ ежегодно по 18 тысячъ рублей. Сумма эта всецѣло расходуется на содержаніе школы, польза которой громадна. Въ ней обучаютъ приготовленію, по новѣйшему усовершенствованному способу, масла лучшаго качества. Затѣмъ изъ приносимаго крестьянами молока изготовляются сыры разныхъ сортовъ и притомъ такого высокаго достоинства, что они раскупаются нарасхватъ, и, мало-по-малу, вытѣсняютъ изъ обращенія дорогой швейцарскій сыръ. Въ сыроварнѣ два отдѣленія: въ одномъ молоко сквашивается при посредствѣ телячьяго сычуга, въ другомъ идетъ прессовка. Кромѣ того, при школѣ имѣется интересная кефирная мастерская: кефирные грибки кладутся въ сосуды съ цѣльнымъ молокомъ, изъ котораго на вторыя сутки получается готовый кефиръ; грибки-же высушиваются и вновь идутъ въ дѣло.

Школа устроила еще два отдѣленія въ сосѣднихъ селахъ; за время своего двадцатилѣтняго существованія она выпустила болѣе 300 лицъ обоего пола, основательно изучившихъ молочное хозяйство, которыя разнесли свои знанія на большое пространство, причемъ прежніе сыровары-иностранцы совершенно исчезли.—Обезпеченный сбытъ молока даетъ крестьянамъ возможность держать больше скота, а стало быть—имѣть больше удобренія, въ которомъ такъ нуждается мало-плодородная почва тѣхъ мѣстъ. Все это ведетъ къ благосостоянію крестьянъ, которое тутъ дѣйствительно увеличивается съ каждымъ годомъ и дѣлаетъ очевидною всю великую пользу, приносимую дѣятельностью Верещагина.

Кромѣ вышеупомянутыхъ промысловъ, въ Тверской гу-

берніи, почти повсемѣстно, существуетъ ручное пряденіе льна, ткапье холстовъ и полотенецъ, вязанье рыболовныхъ сѣтей и чулокъ, плетеніе кружевъ, рыболовство, лѣсная промышленность и т. д.

Тѣми-же самыми производствами занимаются кустари и въ остальныхъ верхневолжскихъ губерніяхъ: Ярославской, Костромской и Нижегородской. Въ Ярославской губерніи особенно развито тканье полотенъ, центромъ котораго является *село Великое*; въ этой-же губерніи распространено производство валенокъ, войлоковъ и овчинъ для полушубковъ, называемыхъ романовскими—по городу Романову-Борисоглѣбску, занимающемуся ихъ выдѣлкою.—Въ Костромской губерніи важнѣйшимъ ручнымъ производствомъ является тканье бумажныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій. Выдѣлкою крестьянскихъ суконъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *„ржшемскихъ“*, замѣчательна слобода *Ржшма*, лежащая на правомъ берегу Волги, близъ города *Кинешмы*.—Въ Нижегородской губерніи важную роль въ занятіяхъ жителей играютъ природныя богатства этой мѣстности, обиліе въ ней лѣсовъ и металловъ. Тамъ находятъ желѣзную руду, бѣлую и синюю глину; потому-то города *Горбатовъ*, *Балахна* и *Макарьевъ* и села *Лысково*, *Павлово* и *Ворсма* извѣстны своими металлическими и деревянными издѣліями.

Нельзя не изумиться ловкости, изворотливости и необыкновенной способности ко всевозможнымъ промысламъ и ремесламъ, которую выказываютъ наши кустари. Они изготовляютъ всѣ предметы, необходимые русскому крестьянину въ его домашнемъ обиходѣ, и притомъ способами, которые ими самими придуманы и улучшены, безъ помощи какихъ-бы то ни было иностранцевъ. Кромѣ того, предметы эти отличаются дешевизною и, слѣдовательно, вполнѣ доступны простому народу, а матушка-Волга своими безчисленными притоками разноситъ ихъ по всей Руси.

Вышеупомянутыя ремесла не всегда, однако-жъ, даютъ кустарямъ всѣ необходимыя средства къ жизни, и потому множество волжскихъ крестьянъ, занимаются такъ называемыми *отхожими промыслами*, т. е. уходятъ на заработки въ другія мѣста, преимущественно въ столицы. Первое

мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ ярославцамъ, предпріимчивость, смѣтливость и умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ которыхъ вошли въ поговорку.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ развиты отхожіе промыслы въ приволжскихъ губерніяхъ, достаточно сказать, что въ Нижегородской, Ярославской и Костромской губерніяхъ около одной пятой части всего сельскаго населенія уходитъ на-сторону. Но насколько кустарныя занятія имѣютъ хорошее нравственное вліяніе на крестьянина, доставляя ему полезное и выгодное дѣло во время полугодового зимняго досуга, настолько отхожіе промыслы способны вредно на него дѣйствовать: промышляя преимущественно въ столицахъ, крестьяне нерѣдко растрачиваютъ тамъ заработанныя деньги, отвыкаютъ отъ хозяйства и отъ семейной жизни.

III.

Угличъ.—Воспоминаніе о царевичѣ Димитріѣ.—Молога.—Рыбинскъ.—Водныя системы: Тихвинская, Маріинская, Вышневолоцкая.—Географическія причины, ихъ обусловливающія.—Исторія ихъ развитія.—Ихъ современное состояніе.

На другой день нашего путешествія подошли мы къ высокому и крутому берегу, на которомъ живописно раскинулся *Угличъ*, уѣздный городъ Ярославской губерніи, имѣющій такую грустную извѣстность въ нашей отечественной исторіи. Пароходъ началъ принимать грузъ, а я, пользуясь этимъ временемъ, поспѣшила въ городъ. Извощикъ привезъ меня прямо къ соборамъ, которыхъ въ Угличѣ два: зимній и лѣтній. Невдалекѣ отъ нихъ, въ оградѣ, среди деревьевъ, возвышается старинное каменное зданіе дворца Димитрія Царевича, возстановленное въ 1891 году, къ 300-лѣтнему празднованію памяти Царевича.

Дворецъ состоитъ изъ двухъ этажей, сообщающихся крытою наружною лѣстницею. Въ верхнемъ этажѣ находится комната, обращенная въ часовню. Стѣны ея покрыты живописью—между прочимъ, портретами русскихъ царей. Противъ входа виднѣется икона Спаса-Нерукотвореннаго. Подъ нею стоитъ гробница, въ которой, 300 лѣтъ тому на-

задъ, были перенесены мощи Димитрія Царевича изъ Углича въ Москву. У другой стѣны помѣщаются носилки, на которыхъ несли гробницу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца, ближе къ Волгѣ, находится небольшая церковь въ древне-русскомъ стилѣ, вся красная, какъ-бы кровавая, съ бѣлыми обводами. Она воздвигнута на самомъ мѣстѣ убіенія несчастнаго малютки-царевича и носитъ названіе церкви „Св. Димитрія на крови". Въ лѣтнемъ придѣлѣ этой церкви, находящемся въ верхнемъ этажѣ, на серебряную раку возложена плащаница, вышитая матерью Царевича Димитрія, инокинею Маѳою, спустя 15 лѣтъ по убіеніи младенца, послѣ открытія его мощей. Надъ плащаницею находится серебряная икона съ вдѣланными въ нее четырьмя орѣхами, которые, по преданію, Св. Царевичъ Димитрій держалъ въ рукѣ въ ту минуту, когда его сразилъ ножъ безжалостнаго убійцы; въ срединѣ иконы виднѣется ковчежекъ съ землею, собранною, по преданію, на мѣстѣ убіенія, на которую пролилась кровь Св. Царевича.

Необыкновенно сильное впечатлѣніе производитъ осмотръ этой церкви и дворца Царевича Димитрія. Невольно припоминаются подробности разыгравшейся тутъ кровавой драмы, такъ художественно вложенныя Пушкинымъ въ уста его Пимена:

„Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда-жъ,—а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ.
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку..."

Память мученика-младенца до сихъ поръ свято чтится въ Угличѣ. 15-го мая, въ день его убіенія, ежегодно совершается богослуженіе въ церкви Св. Димитрія и бываетъ крестный ходъ. Слѣдующій день—16-е мая—называется „дѣтскимъ праздникомъ". Въ церковь приводятъ множество дѣтей; по окончаніи богослуженія, съ серебря-

ной раки поднимаютъ плашаницу и проводятъ подъ нею дѣтей, какъ-бы моля невинно убіеннаго Царевича, причисленнаго къ лику святыхъ, взять ихъ подъ свое покровительство. Затѣмъ совершается снова крестный ходъ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ находящіяся въ церкви дѣти.

Распростившись съ Угличемъ и его тяжелыми воспоминаніями, мы тронулись далѣе. Отъ этого города вплоть до впаденія *Мологи* Волга течетъ почти прямо на сѣверъ, а у Мологи круто поворачиваетъ на юго-востокъ. Этотъ большой изгибъ важенъ для торговли, такъ какъ тутъ впадаетъ въ Волгу, съ лѣвой стороны, кромѣ Мологи, еще одна большая рѣка, *Шексна*, способствующая соединенію Волги съ морями Балтійскимъ и Бѣлымъ, съ которыми Волга соединяется также и посредствомъ Мологи въ связи съ рядомъ озеръ и каналовъ. При впаденіи Мологи въ Волгу находится небольшой уѣздный городъ того-же названія, и отъ него начинается такъ называемая *Тихвинская водная система* (водный путь), соединяющая, въ числѣ остальныхъ двухъ—*Маріинской* и *Вышневолоцкой*,—Волгу, другими словами бассейнъ Каспійскаго моря, въ которое она впадаетъ, съ бассейнами нашихъ сѣверныхъ морей — Балтійскаго и Бѣлаго. При устьѣ Шексны, отъ которой начинается Маріинская система, стоитъ *г. Рыбинскъ*.

У Рыбинска-же начинается такъ называемый второй *плесъ* [1]) Волги, которая, какъ путь сообщенія, дѣлится на *четыре* главныхъ *плеса*: 1) отъ Твери до Рыбинска, 2) отъ Рыбинска до Нижняго-Новгорода, 3) отъ Нижняго до устья Камы и 4) отъ устья Камы до Астрахани.

Географы дѣлятъ теченіе Волги на *три* части: *верхнее*—до впаденія въ нее *Оки*, *среднее*—до впаденія р. *Сарпы* и *нижнее*—до *устья*.

Мы добрались до Рыбинска на слѣдующій день, рано по утру. Богатые каменные дома, красивая набережная, длинные ряды судовъ, множество амбаровъ, сараевъ, конторъ, покрывающихъ берегъ рѣки,—все это сразу указываетъ на богатство и важное торговое значеніе Рыбинска.

[1]) Плесами называются ровные и глубокіе участки рѣки.

(*Смотри на оборотѣ*).

1) Видъ города Углича. 2) Дворецъ Царевича Димитрія въ Угличѣ. 3) Бѣлозерскій каналъ. 4) Общій видъ города Рыбинска.

Дѣйствительно, этотъ городъ—одинъ изъ самыхъ оживленныхъ пунктовъ всего верхняго Поволжья: онъ является центромъ хлѣбной торговли; кромѣ того, въ немъ происходитъ перегрузка товаровъ съ большихъ судовъ на малыя, такъ какъ большія волжскія суда, приходящія въ Рыбинскъ съ низовьевъ, не могутъ идти далѣе вверхъ по Волгѣ, а тѣмъ болѣе пробираться по узкимъ каналамъ, входящимъ въ составъ Маріинской системы. Для перегрузки хлѣба съ большихъ волжскихъ баржъ, подвозящихъ милліоны пудовъ изъ хлѣбородныхъ поволжскихъ губерній: *Симбирской*, *Самарской* и *Саратовской*, на мелкія суда—*унжаки*, *тихвинки*, *коломенки*,—въ Рыбинскѣ лѣтомъ скопляются тысячи крючниковъ, лоцмановъ и коноводовъ, ищущихъ работы.

Мы уже сказали, что Рыбинскъ находится при началѣ Маріинской системы. Съ составомъ водныхъ системъ читатель можетъ познакомиться по любому учебнику географіи [1]); но если онъ приметъ въ соображеніе то огромное значеніе, которое имѣютъ водныя системы для русской промышленности и торговли, а слѣдовательно—и для благосостоянія русскаго народа, соединяя три такихъ отдаленныхъ и важныхъ торговыхъ пункта, какъ Петербургъ

[1]) *Тихвинская* система начинается съ *Мологи*, соединяющейся, посредствомъ нѣсколькихъ небольшихъ озеръ, рѣчекъ и *Тихвинскаго канала*, съ рѣкою *Тихвинкою*, которая впадаетъ въ р. *Сясь*; та, въ свою очередь, впадаетъ въ *Ладожское озеро*; но суда не входятъ въ это бурное озеро съ опаснымъ каменистымъ дномъ, а по обводному каналу отправляются до Новой-Ладоги, гдѣ входятъ въ Ладожскій каналъ, называемый каналомъ Императора Александра II, переходятъ изъ него у Шлиссельбурга въ Неву и направляются къ Петербургу.

Маріинская система начинается у Рыбинска. Въ ея составъ входятъ: *Шексна*, соединяющая Волгу съ *Бѣлоозеромъ*, *Бѣлозерскій обходный каналъ*, рѣка *Ковжа*, соединительный *Маріинскій каналъ*, р. *Вытегра*, впадающая въ Онежское озеро, *Онежскій обходный каналъ*, р. *Свирь*, соединяющая Онежское озеро съ Ладожскимъ, и рядъ обходныхъ каналовъ, идущихъ вдоль южнаго берега этого озера и соединяющихъ его съ Невою.

Изъ Шексны можно попасть водою и въ Бѣлое море. Для этого надо, не доѣзжая до Бѣлоозера, поворотить направо и, посредствомъ *канала герцога Виртембергскаго* и неболотной рѣчки *Порозовицы*, въѣхать въ *Кубенское озеро*. Изъ этого озера выходитъ рѣка *Сухона*, отъ сліянія которой съ рѣкою *Югомъ* образуется *Сѣверная Двина*, впадающая у Архангельска въ Бѣлое море.

Кромѣ Тихвинской и Маріинской, существуетъ еще третья водная система—*Вышневолоцкая*, самая длинная и самая древняя. Названа она такъ по своему главному каналу, соединяющему у города *Вышняго-Волочка* притокъ Волги, *Тверцу* съ рѣкою *Мстою*, текущею въ озеро *Ильмень*, которое соединяется съ Ладожскимъ рѣкою *Волховомъ*.

на Балтійскомъ морѣ. Астрахань—на Каспійскомъ и Архангельскъ—на Бѣломъ, сплавляя милліоны пудовъ груза и, притомъ, по такой, сравнительно, низкой цѣнѣ, съ которою не могутъ соперничать никакіе другіе пути сообщенія, то, по всей вѣроятности, онъ не пожелаетъ ограничиться этими свѣдѣніями и будетъ непрочь узнать нѣкоторыя подробности о нашихъ водныхъ системахъ.

Водныя системы Россіи обусловливаются, прежде всего, самою природою страны. Между бассейнами рѣкъ Волги и Невы не существуетъ *естественнаго* воднаго сообщенія, такъ какъ бассейны этихъ рѣкъ отдѣлены другъ отъ друга *Алаунскою возвышенностью*, занимающею сѣверозападный уголъ Европейской Россіи, а именно смежныя части губерній: Новгородской, Тверской, Смоленской, Витебской и Псковской. Самая высокая часть ея находится между рѣками Ловатью и Мстою и образуетъ группу высокихъ холмовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Валдайскихъ горъ*. На возвышенностяхъ этихъ, изобилующихъ болотами и озерами, а также и лѣсами, способствующими сохраненію влаги, берутъ начало главнѣйшія рѣки Европейской Россіи; Валдайскія-же горы составляютъ естественную преграду—*водораздѣлъ*, отдѣляющій бассейны этихъ рѣкъ, текущихъ въ Каспійское, Черное, Бѣлое и Балтійское моря. Но притоки разныхъ рѣчныхъ бассейновъ, берущіе начало на одной и той-же возвышенности, сближаются своими верховьями на такія незначительныя разстоянія, что является полнѣйшая возможность соединить ихъ посредствомъ разныхъ *искусственныхъ сооруженій*, какъ, напримѣръ, каналовъ, прорытыхъ въ водораздѣлѣ, и шлюзовъ. Такимъ образомъ, рѣки, текущія по противоположнымъ склонамъ возвышенности, образуютъ непрерывную водную линію и соединяютъ бассейны главныхъ русскихъ рѣкъ, а слѣдовательно—и моря, куда тѣ несутъ свои воды.

Эти географическія условія страны, дающія возможность попадать изъ бассейна Балтійскаго моря въ бассейнъ Каспійскаго, были извѣстны уже въ глубокой древности. Несмотря на отсутствіе непрерывнаго воднаго сообщенія между Волгою и Невою и на всѣ трудности и опасности, сопряженныя съ движеніемъ судовъ по бур-

нымъ озерамъ и быстрымъ порожистымъ рѣкамъ, поднимающимся къ вершинѣ Валдайскихъ горъ, по этимъ озерамъ и рѣкамъ создался историческій путь между Варягами, Новгородомъ, Тверью, Кіевомъ и далекою Византіею,—путь *„изъ Варягъ въ Греки“*, по выраженію лѣтописца. Варяжскія суда входили *въ Неву* и подымались по ней до *Ладожскаго озера*, шли озеромъ *до Ладоги* и здѣсь, перегрузившись въ лодки и взявши лоцмановъ для проведенія лодокъ черезъ *Петропавловскіе пороги*, шли *Волховомъ* до *Новгорода:* затѣмъ входили въ озеро *Ильмень*, пересѣкали его сѣверо-восточный уголъ, чтобы войти въ устья рѣки *Мсты*, которою поднимались до *Боровичскихъ* пороговъ. Пороги эти представляли такое препятствіе, что у пристани *Потерпѣльской* приходилось кладь и лодки нагружать на подводы и на лошадяхъ перевозить ихъ до конца пороговъ. Это мѣсто и способъ перевозки клади гужомъ назывались *нижнимъ волокомъ*. Въ открытой части рѣки Мсты лодки снова спускались на воду и рѣкою поднимались до озера *Мстина*, пройдя которое, поднявшись рѣкою *Цною* до ближайшаго мѣста ея къ рѣкѣ *Тверцъ*, т. е. до водораздѣла, онѣ снова нагружались на подводы и *верхнимъ волокомъ* перевозились черезъ водораздѣльныя возвышенности до р. Тверцы, по которой лодки и спускались въ Волгу.

Путь этотъ, обозначавшійся исторически еще въ XI вѣкѣ, былъ обращенъ впослѣдствіи Петромъ Великимъ въ *Вышневолоцкую систему*—первый искусственный водный путь въ Россіи, который не терялъ своего значенія до начала пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія.

Другой историческій водный путь между Невою и Волгою шелъ изъ Ладожскаго озера черезъ р. *Сясь*, притокъ Сяси—*Тихвинку*, изъ которой, пройдя водораздѣлъ и цѣлый рядъ незначительныхъ озеръ и рѣчекъ (какъ, наприм., оз. *Сомино*, р. *Соминка* и др.), суда попадали въ р. *Чагодощу*, притокъ *Мологи*, при впаденіи которой въ Волгу стоялъ *Холопій городокъ*, куда на ярмарку доставлялись новгородскіе грузы.

Послѣ основанія Петербурга Петромъ Великимъ, однимъ изъ первыхъ вопросовъ, ставшихъ на очередь, былъ во-

просъ возможно легкой доставки въ Петербургъ всякихъ грузовъ и о соединеніи съ этой цѣлью Невы съ Москвою и Поволжьемъ. Въ 1718 году было приступлено къ устройству Ладожскаго канала между Невою и Волховомъ. Работы шли сначала подъ наблюденіемъ генерала Писарева и велись чрезвычайно медленно. Въ 1723 году Петръ Великій, только что возвратившійся съ Персидскаго похода, несмотря на сильное утомленіе, въ глухую осень отправился обозрѣвать работы. Онъ остался ими крайне недоволенъ и передалъ ихъ Миниху. Годъ спустя, неутомимый Царь снова прибылъ осенью на каналъ осмотрѣть работы. Онъ приказалъ пустить воду и для этого собственноручно сталъ прокапывать заступомъ плотину, ее сдерживавшую. Вода ринулась въ каналъ. Вблизи стоялъ маленькій ботикъ. Петръ вошелъ въ него, приказавъ садиться и Миниху. Ботикъ понесло по теченію канала, прорытаго Минихомъ уже верстъ на 10. Петръ пришелъ въ восторгъ, снялъ съ головы шляпу, махалъ ею и кричалъ „ура!“. Совершивъ такимъ образомъ пробное плаваніе, Императоръ, весьма довольный работами Миниха, обнялъ и расцѣловалъ его. Но великому Царю-труженику не суждено было дожить до окончанія канала: Ладожскій каналъ былъ открытъ уже послѣ его кончины, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, въ 1731 году; однако-жъ, ему, все-таки, присвоено имя Императора Петра Великаго.

Кромѣ двухъ уже извѣстныхъ направленій—Вышневолоцкаго и Тихвинскаго, Царь обратилъ вниманіе на возможность сообщенія съ Волгою путемъ, хотя и дальнимъ, проходящимъ по безплодной и дикой мѣстности, но обладающимъ обиліемъ воды, прекрасными рѣками и глубокими озерами, это—путь, впослѣдствіи названный *Маріинскимъ*, въ честь императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Императора Павла I, принимавшей живѣйшее участіе въ осуществленіи мысли Петра Великаго—соединить Волжскій бассейнъ съ Невою. Путь этотъ состоитъ изъ *Невы*, *Ладожскаго озера*, *р. Свири*, *Онежскаго озера*, *р. Вытегры*, цѣлаго ряда водораздѣльныхъ болотъ и озеръ, прорытаго впослѣдствіи *Маріинскаго канала*, *р. Ковжи*, *Бѣлаго озера* и рѣки *Шексны*, впадающей въ Волгу.

Этимъ путемъ, который тѣмъ болѣе интересовалъ Царя, что на рѣкѣ Свири имъ были устроены корабельныя верфи, Петръ пробрался въ самыя дебри олонецкихъ лѣсовъ и самъ лично осмотрѣлъ водораздѣлъ для выбора мѣста подъ соединительный каналъ. До сихъ поръ на водораздѣлѣ сохранился памятникъ, на одной сторонѣ котораго помѣщена слѣдующая надпись: «*Зиждитель славы и пользы народа своего, Великій Петръ, помышляя о судоходствѣ, отдыхалъ здѣсь, на семъ самомъ мѣстѣ. Благоговѣйте, сыны Россіи!*»

Тихвинское и Маріинское направленія оказались слишкомъ трудными для постройки въ техническомъ отношеніи, и Петръ приказалъ устроить Вышневолоцкую систему. Съ этою цѣлью у Вышняго-Волочка былъ вырытъ каналъ, соединявшій р. *Цну* и р. *Тверцу* вдоль бывшаго верхняго волока; съ обѣихъ сторонъ каналъ былъ запертъ воротами, которыя задерживали воду, проведенную въ каналъ изъ р. Цны; такія-же ворота (называемые *полушлюзомъ*) были построены на р. *Мстѣ*, при выходѣ ея изъ озера *Мстино*.

Суда заходили въ каналъ изъ Тверцы, и когда онъ наполнялся судами, то ворота со стороны Тверцы запирались и въ каналъ накачивали воду; когда воды было достаточно, то открывали ворота въ Цнѣ, и вся вода изъ канала, вмѣстѣ съ судами, устремлялась въ р. Цну и проходила быстрою струею до озера Мстино. Благодаря временному обилію воды, напущенной изъ канала и изъ разныхъ боковыхъ небольшихъ озеръ, закрытыхъ плотинами, черезъ которыя, качая кранами, по мѣрѣ надобности, пускали воду, суда получали возможность пройти мелкіе участки р. Цны и добраться до озера Мстино. Здѣсь суда опять останавливались; въ озерѣ накапливали воду и затѣмъ открывали ворота, которыя вели въ р. Мсту, и снова суда, влекомыя массою воды, спущенной изъ озера Мстино и другихъ сосѣднихъ недалекихъ озеръ, бѣшено неслись по мелкимъ, въ обыкновенное время, частямъ р. Мсты и доходили до *плесовъ*.

Такое караванное движеніе судовъ, конечно, неудобно, отчасти даже опасно, главное-же—оно почти не допускаетъ взводнаго судоходства, противъ водяного вала, а потому движеніе грузовъ могло идти только по направленію къ

Петербургу, и не было возможности доставлять петербургскіе товары на Поволжье. Между тѣмъ, въ этой доставкѣ чувствовалась сильная необходимость: надо было перевозить мануфактурные и колоніальные товары на Макарьевскую ярмарку; въ силу этого, въ началѣ нашего столѣтія рѣшено было устроить изъ Тихвинскаго и Маріинскаго направленій правильныя водныя системы. Съ этой цѣлью въ первой — прорытъ *Тихвинскій каналъ*, соединившій *р. Тихвинку* и *р. Соминку*, соединяющуюся съ *р. Чагодощею*, а на Маріинской системѣ прорытъ каналъ *Маріинскій* — между рѣками *Вытегрою* и *Ковжею*.

Рѣки Тихвинка и Соминка на Тихвинскомъ пути и р. Вытегра на Маріинскомъ представляютъ изъ себя рѣченки, съ которыми трудно вяжется понятіе о судоходствѣ: узкое, извилистое, каменистое ложе ихъ, мѣстами охваченное почти вертикальными скалами, скорѣе напоминаетъ водопады, чѣмъ судоходныя рѣки. Чтобы привести ихъ въ судоходное состояніе, эти рѣки были *шлюзованы*, т. е. вся рѣка была обращена въ рядъ отдѣльныхъ глубокихъ прудовъ, поднимающихся все выше и выше одинъ надъ другимъ и отдѣленныхъ другъ отъ друга водоподпорными плотинами. Чтобы суда могли спускаться изъ одного пруда въ другой, устроены *шлюзы*.

Шлюзъ представляетъ изъ себя непроницаемый для воды резервуаръ, въ которомъ можетъ помѣститься судно и который, по желанію, можетъ быть наполненъ водою или опорожненъ. Онъ располагается на границѣ выше и нижележащаго прудовъ, отъ которыхъ онъ отдѣленъ воротами: въ воротахъ устроены подвижные щиты (*краны*) для впусканія воды въ шлюзъ.

Когда судно подходитъ къ шлюзу, положимъ, со стороны верхняго пруда, то въ тѣхъ воротахъ, которыя отдѣляютъ шлюзъ отъ верхняго пруда, открываются краны и наполняютъ шлюзъ водою такъ, что вода въ немъ становится вровень съ водою въ верхнемъ прудѣ; тогда отворяютъ ворота и пускаютъ судно въ шлюзъ; краны въ верхнихъ воротахъ запираютъ, запираютъ также и ворота. Судно стоитъ въ шлюзѣ вровень съ верхнимъ прудомъ; тогда отпираютъ краны въ тѣхъ воротахъ, которыя отдѣляютъ шлюзъ отъ

нижняго пруда; вода выходитъ изъ шлюза, и уровень ея, постепенно понижаясь, становится вровень съ водою нижняго пруда, а судно, спустившееся вмѣстѣ съ водою, какъ поплавокъ, оказывается стоящимъ въ шлюзѣ вровень съ поверхностью воды нижняго пруда; тогда отворяютъ нижнія ворота, и судно входитъ въ нижній прудъ. Когда судно подходитъ къ шлюзу со стороны нижняго пруда, то порядокъ дѣйствій обратный: открываются краны въ нижнихъ воротахъ; вода въ шлюзѣ доводится до уровня нижняго пруда, затѣмъ судно впускается въ шлюзъ; нижнія ворота и краны закрываются; открываются краны въ верхнихъ воротахъ; поверхность воды, а съ нею вмѣстѣ и судно доводятся до уровня верхняго пруда; верхнія ворота открываются и впускаютъ судно въ верхній прудъ. Такимъ образомъ, благодаря шлюзованію рѣкъ, суда получаютъ возможность двигаться по нимъ, какъ по ступенькамъ лѣстницы, не только внизъ, но и вверхъ. Для устройства Тихвинской системы такихъ шлюзовъ пришлось построить 60, а для Маріинской системы—30.

Тихвинскій путь короче Маріинскаго и идетъ по населеннымъ и оживленнымъ мѣстамъ, а потому въ первое время онъ развился сильнѣе Маріинскаго, который всегда былъ почти исключительно транзитнымъ (передаточнымъ) и представлялъ много опасностей при проходѣ судовъ черезъ озера (Бѣлое и Онежское). Но когда судоходство стало развиваться и потребовалось улучшеніе обѣихъ системъ, то оказалось, что Маріинскій путь гораздо легче и дешевле поддавался дальнѣйшимъ улучшеніямъ, чѣмъ путь Тихвинскій, по той причинѣ, что, съ одной стороны, онъ имѣлъ значительно меньшее число шлюзовъ, чѣмъ Тихвинскій, съ другой-же—онъ оканчивается такими прекрасными рѣками, какъ Свирь, Ковжа и Шексна, а конечныя рѣки Тихвинскаго пути, Сясь и Чагодоща, представляютъ большія затрудненія для судоходства, и на улучшеніе ихъ требовались огромныя затраты.

Въ первые два года существованія Маріинской системы, а именно, въ 1811—1812 гг., по ней проходило по 1,000 барокъ, и каждая несла около 10,000 пудовъ груза. Въ 1857 году, когда уже были прорыты каналы Бѣлозерскій

и Онежскій, прошло по системѣ такихъ-же судовъ 3,700, т. е. почти въ четыре раза больше, чѣмъ въ первое время; но такъ какъ явилась потребность еще болѣе увеличить провозную способность системы, то въ 1858—1866 гг. всѣ шлюзы были увеличены на такой размѣръ судна, чтобы въ немъ помѣщалось 20,000 пудовъ. Въ настоящее время система можетъ пропускать 4,000 такихъ барокъ или 80,000,000 пудовъ груза. Но и это оказывается недостаточнымъ. Несмотря на развитіе желѣзнодорожной сѣти вокругъ Волги, которая, казалось-бы, должна отвлекать грузы отъ системы, и несмотря на постройку Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, почти параллельной Маріинской системѣ, правительство сочло нужнымъ обратить вниманіе на настоятельныя ходатайства волжскаго купечества и перестроить всю систему такимъ образомъ, чтобы волжская баржа длиною въ 30 саженъ могла, безъ всякой перегрузки, прямо съ Волги пройти въ Петербургъ. Для этого оказалось необходимымъ перестроить всѣ шлюзы, извилистыя мѣста рѣкъ Вытегры и Ковжи обойти цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ каналовъ и, кромѣ того, шлюзовать мелководную рѣку Шексну. По окончаніи этихъ работъ, система будетъ въ состояніи перевозить 120,000,000 пудовъ груза въ одну навигацію, т. е. въ 100 дней, слѣдовательно,—1.200,000 въ сутки, что составляетъ, приблизительно, 50 товарныхъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ въ сутки.

Грузъ идетъ по Маріинской системѣ къ Петербургу, главнымъ образомъ, слѣдующій: желѣзо изъ Сибири, хлѣбъ съ Поволжья, овесъ изъ Вологды, лѣсъ изъ мѣстностей, прилегающихъ къ системѣ.

На Свирѣ и на Шекснѣ тяга паровая: на Ковжѣ и на каналахъ—лошадиная, а въ шлюзованной части р. Вытегры и Маріинскомъ каналѣ—тяга людьми.

По Тихвинской системѣ въ настоящее время проходитъ всего около тысячи барокъ, вмѣстимостью каждая около 10,000 пудовъ, а по Вышневолоцкой системѣ судоходство совершенно случайное, и даже возбужденъ вопросъ о закрытіи этой системы.

IV.

Города по пути отъ Рыбинска до Нижняго-Новгорода: Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ярославль. Кострома.—Толгскій и Ипатьевскій монастыри.—Кинешма.—Юрьевецъ Поволжскій.—Поворотъ Волги на югъ.—Нижній-Новгородъ.

Въ 4 часа пополудни тронулись мы изъ Рыбинска и въ скоромъ времени увидѣли передъ собою новый городъ, живописно раскинувшійся по обоимъ берегамъ Волги,—*Романовъ-Борисоглѣбскъ*. Прежде это было два города: Романовъ на лѣвомъ берегу и Борисоглѣбскъ—на правомъ; но въ 1822 году они слились въ одинъ уѣздный городъ Ярославской губерніи.

Осмотрѣть этотъ городъ мнѣ не удалось: остановка была слишкомъ коротка. Замѣтила я только, что онъ имѣетъ характеръ чисто русскаго города съ множествомъ старинныхъ церквей, и узнала, что жители его занимаются, главнымъ образомъ, выдѣлкою овчинъ и полушубковъ, пользующихся громкою извѣстностью подъ названіемъ *романовскихъ*.

Подъ вечеръ того-же дня мы уже приблизились къ Ярославлю. Когда пароходъ нашъ подходилъ къ послѣдней пристани передъ этимъ городомъ, до насъ донеслись звуки стройнаго церковнаго пѣнія. Это была братія *Толгскаго монастыря*, высокія колокольни и бѣлая каменная стѣна котораго виднѣлись въ отдаленіи. На пристани-же находится монастырская часовня, въ которой монахи ожидаютъ съ молебствіемъ прихода каждаго парохода. Толгскій монастырь съ чтимою во всемъ Поволжьѣ иконою Толгской Божіей Матери находится на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее маленькой рѣчки Толги. Онъ основанъ въ началѣ XIV вѣка, при ярославскомъ князѣ Св. Давидѣ Ѳеодоровичѣ, на мѣстѣ явленія иконы Божіей Матери святителю Трифону. При монастырѣ, на берегу, находится чудная кедровая роща.

Отъ Толгскаго монастыря до Ярославля всего 8 верстъ. Освѣщенный послѣдними лучами заходящаго солнца, городокъ этотъ показался мнѣ очень привлекательнымъ, когда мы къ нему подходили: высокій, крутой берегъ, хорошенькій городской бульваръ, проглядывавшія сквозь его зе-

лень городскія строенія и высокія колокольни церквей—все это было очень живописно и манило къ себѣ. Ближайшій осмотръ Ярославля доставилъ, однако-же, нѣкоторое разочарованіе: чистыя и довольно красивыя улицы оказались почти совершенно пустыми; кругомъ царили безлюдіе и какая-то томительная тишина. Между тѣмъ, Ярославль, безспорно, принадлежитъ къ числу бойкихъ торговыхъ пунктовъ Поволжья. Ярославскія полотна славятся по всей Россіи. Производство полотенъ развито, главнымъ образомъ, въ деревняхъ и селахъ Ярославскаго уѣзда. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи *село Великое*.

Къ числу достопримѣчательностей самаго города, кромѣ нѣсколькихъ старинныхъ церквей и монастырей, относится Демидовскій юридическій лицей, длинное бѣлое зданіе на берегу рѣки *Которосли*. Основателю его, Демидову, ярославскимъ дворянствомъ воздвигнутъ близъ Успенскаго собора памятникъ, довольно сильно, впрочемъ, попорченный временемъ и дождями.

Ярославль основанъ Ярославомъ Мудрымъ, который, какъ говоритъ преданіе, убилъ огромнаго медвѣдя на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тогда находился дремучій лѣсъ. Онъ стоитъ при впаденіи въ Волгу р. Которосли, берущей начало въ Ярославской-же губерніи изъ *Ростовскаго озера*. Жители черноземнаго Ростовскаго уѣзда считаются лучшими огородниками въ Россіи. За тысячи верстъ развозятъ они свои овощи въ сушеномъ видѣ и, кромѣ того, уходятъ работать въ огородахъ на-сторону. Большинство нашихъ столичныхъ огородниковъ и зеленщиковъ родомъ изъ Ростова.

Отъ Ярославля недалеко и до *Костромы*, основанной въ 1152 году Юріемъ Долгорукимъ, сыномъ Владиміра Мономаха. Подобно Ярославлю, Кострома является важнымъ центромъ льняного производства. Полная луна поднялась на небѣ и заливала своимъ свѣтомъ этотъ, какъ мнѣ показалось, красивый городъ, когда мы къ нему подходили. Осмотрѣть его мнѣ не удалось, да, говорятъ, кромѣ памятника Ивана Сусанину и стариннаго собора во имя Успенія Божіей Матери, въ немъ и нѣтъ особыхъ достопримѣчательностей. Памятникъ Ивану Сусанину кра-

(*Смотри на оборотѣ*).

1) Видъ города Романова-Борисоглѣбска со стороны Волги. 2) Церковь Іоанна Предтечи въ Толчковѣ, въ городѣ Ярославлѣ. 3) Видъ города Ярославля.

суется на главной площади Костромы въ видѣ колонны. Наверху ея изображенъ юный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, а внизу—молящійся о его спасеніи Сусанинъ; на пьедесталѣ—картина мученической смерти Сусанина съ надписью: «*Ивану Сусанину, за Царя, спасителя вѣры и царства, животъ свой положившему, благодарное потомство*». Потомки Сусанина навсегда освобождены отъ податей и, подъ именемъ бѣлопашцевъ, живутъ въ 54 верстахъ отъ Костромы, въ селѣ Коробовѣ. Особенно интересными показались мнѣ высокія стѣны съ бойницами *Ипатьевскаго монастыря*, находящагося въ одной верстѣ отъ города, при впаденіи въ Волгу рѣки Костромы. Отъ души сожалѣла я, что поздній часъ и слишкомъ короткая остановка лишаютъ меня возможности побывать въ этомъ мѣстѣ, съ которымъ связано столько историческихъ воспоминаній.

Кровавая угличская драма была началомъ длиннаго ряда подобныхъ-же страшныхъ дѣлъ и потрясающихъ событій, извѣстныхъ въ русской исторіи подъ названіемъ «смутнаго времени». Преемникомъ царя Ѳеодора Іоанновича сдѣлался Борисъ Годуновъ; но ему не удалось закрѣпить престолъ за своимъ родомъ. Къ концу его царствованія появился самозванецъ, выдававшій себя за спасшагося, будто-бы, отъ смерти Царевича Димитрія, и бороться съ нимъ Годуновъ оказался не въ состояніи, такъ какъ народъ и царскіе воеводы находили, что «трудно воевать противъ природнаго государя», т. е. противъ наслѣдника Іоанна Грознаго. Послѣ скоропостижной смерти царя Бориса, въ апрѣлѣ 1605 года, сынъ его, Ѳеодоръ, былъ убитъ, и на престолъ вступилъ самозванецъ, извѣстный въ русской исторіи подъ именемъ перваго Лжедимитрія. Но онъ царствовалъ недолго; не прошло и года, какъ москвичи, возмущенные его презрѣніемъ къ русскимъ правамъ и обычаямъ и любовью ко всему иностранному, преимущественно польскому, свергли его съ престола и умертвили.

Царствованіе князя Василія Ивановича Шуйскаго, избраннаго послѣ смерти Лжедимитрія, продолжалось также недолго, а затѣмъ настало междуцарствіе—тяжелое время,

когда родину нашу терзали враги внѣшніе и внутреніе, когда она была покрыта горящими городами и селеніями, жители которыхъ, голодные и полунагіе, бродили по дорогамъ, не имѣя пристанища; когда сердце Россіи—Москва была разорена и находилась въ рукахъ поляковъ. Казалось, приходилъ конецъ землѣ русской, могучей и самостоятельной; казалось, не справиться ей никакъ со всѣми этими самозванцами, поляками и разбойничьими шайками, опустошавшими ее; но, съ Божіей помощью, вышло иначе.

Видя родную страну на краю гибели, лучшіе русскіе люди выступили на ея защиту. Раздался голосъ престарѣлаго патріарха Гермогена, призывавшаго русскій народъ единодушно стоять за вѣру отцовскую. Поляки заключили его въ темницу. Тогда, вмѣсто грамотъ патріаршихъ, стали распространяться въ народѣ граматы отъ властей Троицко-Сергіевской лавры, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицина. Смиренный и уступчивый, когда дѣло шло о немъ самомъ, Діонисій шелъ впереди и обнаруживалъ необыкновенную твердость, когда дѣло шло о благѣ общемъ. Авраамій Палицинъ являлся достойнымъ ему сподвижникомъ.

Въ октябрѣ 1611 года увѣщательная троицкая грамота явилась въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда въ соборной церкви протопопъ прочелъ ее предъ всѣмъ народомъ, то земскій староста (городской голова), мясной торговецъ Кузьма Мининъ Сухорукій, началъ говорить:

«Поможемъ Московскому государству; не пожалѣемъ ничего: дома свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ, и будемъ бить челомъ—кто бы вступился за православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ.»

Положено было созывать служилыхъ людей и собирать деньги имъ на жалованье. Но, прежде всего, надо было найти воеводу. Въ это время въ Суздальской области жилъ извѣстный воевода Димитрій Михайловичъ Пожарскій, долѣчивавшійся отъ ранъ, полученныхъ имъ при защитѣ Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, уладилъ дѣло и сказалъ народу, что не за кѣмъ больше посылать, кромѣ князя Пожарскаго. На просьбу нижегородцевъ Пожарскій отвѣчалъ:

(*См. на оборотѣ*).

1) Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ. 2) Памятникъ Сусанину и царю Михаилу Ѳеодоровичу въ Костромѣ. 3, 4, 5) Палаты Михаила Ѳеодоровича въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

— Радъ я вамъ помочь, готовъ хоть сейчасъ ѣхать: но выберите прежде, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать. Есть у васъ Кузьма Мининъ; человѣкъ онъ служилый,—ему это дѣло привычное.

Тогда нижегородцы стали бить челомъ Кузьмѣ, чтобъ онъ взялъ на себя это дѣло. Мининъ согласился, но лишь тогда, когда нижегородцы написали приговоръ, что не пожалѣютъ ничего для великаго дѣла.

Какъ только разнеслась вѣсть, что нижегородцы поднялись и готовы на всякія пожертвованія, то ратные люди стали собираться къ нимъ отовсюду. Вѣсть объ этомъ ополченіи сильно встревожила поляковъ, которые стали требовать отъ Гермогена, чтобъ онъ остановилъ нижегородцевъ. Гермогенъ отвѣчалъ:

— Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго царства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!

Вскорѣ послѣ этого Гермогенъ скончался, заморенный голодомъ въ темницѣ. Русское-же ополченіе, съ Мининымъ и Пожарскимъ во главѣ, двинулось впередъ; лучшіе русскіе люди становились въ его ряды; мелкая зависть, личная вражда были забыты, и 27-го ноября ополченіе и народъ съ торжествомъ вошли въ очищенный отъ враговъ Кремль, а въ февралѣ слѣдующаго года былъ избранъ новый царь изъ старинной, любимой и уважаемой на Руси боярской семьи Романовыхъ.

Шестнадцатилѣтній Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ жилъ тогда съ матерью своею, инокинею Марѳою, въ томъ самомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, темныя стѣны котораго такъ ясно выдѣлялись передо мною при свѣтѣ лунной лѣтней ночи. Сюда явились крестнымъ ходомъ московскіе послы, вмѣстѣ съ костромичами, и объявили Михаилу, что, по волѣ Божіей, онъ избранъ въ русскіе цари; здѣсь благословила престарѣлая Марѳа Ивановна сына своего принять престолъ. Недалеко отсюда находится и село Домнино, принадлежавшее Романовымъ, въ которомъ жилъ Иванъ Сусанинъ.

Кто не слышалъ о геройскомъ подвигѣ этого крестьянина и объ его мученической смерти?—Когда до поляковъ

дошла вѣсть объ избраніи новаго русскаго царя, они принялись дѣятельно розыскивать его съ цѣлью умертвить соперника Владиславова. Одинъ изъ ихъ отрядовъ попалъ въ село Домнино, въ домъ къ Ивану Сусанину. Поляки старались вывѣдать у Сусанина, гдѣ находится Михаилъ Ѳеодоровичъ, и предлагали ему сначала деньги, съ тѣмъ, чтобы онъ провелъ ихъ къ нему; потомъ они стали пытать его и грозили убить, если онъ не исполнитъ ихъ требованія. Сусанинъ зналъ, что Михаилъ въ Костромѣ; но ни деньги, ни пытки не могли принудить его открыть это врагамъ: онъ не сказалъ ни слова и былъ замученъ до смерти. По повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, этотъ крестьянинъ-герой погребенъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, а потомству его были предоставлены разныя льготы.

На Волгѣ, въ Угличѣ, началась кровавая драма междуцарствія; на берегахъ этой-же рѣки, на нижегородской площади, мощный голосъ простого, истинно-русскаго человѣка, Минина, положилъ начало спасенію Россіи въ тяжелое смутное время: на Волгѣ-же находится и тотъ монастырь, гдѣ жилъ родоначальникъ новой династіи Романовыхъ.

А кромѣ этихъ выдающихся событій въ русской исторіи, сколько другихъ историческихъ воспоминаній связано съ берегами великой русской рѣки!

Въ *Плесѣ*, заштатномъ, очень древнемъ городѣ Костромской губерніи, расположенномъ на живописномъ, крутомъ

Видъ села Домнина.

берегу, въ 1540 году русскіе разбили татаръ, пробиравшихся къ Костромѣ; здѣсь-же въ 1612 году костромичи встрѣтили Минина и Пожарскаго, шедшихъ на освобожденіе Москвы. По дорогѣ отъ Костромы до Нижняго многія мѣстности ознаменованы битвами или съ татарами, или съ поляками. Замѣчательны въ этомъ отношеніи городъ *Кинешма* и находящаяся верстахъ въ 20-ти отъ него бойкая торговая слобода *Рѣшма*, которые не захотѣли признать власти поляковъ и были разорены до тла.

Недалеко за Рѣшмой впадаетъ въ Волгу судоходная рѣка *Унжа*, берущая начало въ лѣсистой Вологодской гу-

Видъ города Юрьевца.

берніи. По рѣкѣ этой сплавляется большое количество строеваго лѣса, дегтя, смолы и т. п. Противъ устья Унжи находится старинный городъ Юрьевецъ-Поволжскій, жители котораго занимаются постройкою судовъ.

Отъ Юрьевца-Поволжскаго Волга поворачиваетъ почти прямо на югъ. Мѣстность становится все живописнѣе и привлекательнѣе. Правый, гористый берегъ рѣки покрытъ богатыми рощами и лѣсами, въ которыхъ преобладаютъ уже лиственныя деревья—кленъ, липа и встрѣчающійся всюду по берегамъ Волги осокорь; лѣвый, низменный берегъ представляетъ безконечный рядъ роскошныхъ заливныхъ луговъ.

Рано утромъ, на четвертый день моего путешествія, я была разбужена въ своей каютѣ какимъ-то особеннымъ

шумомъ на палубѣ, надъ моею головою. Слышно было, какъ тамъ бѣгаютъ, суетятся, таскаютъ разныя тяжести.

— Къ Нижнему подходимъ,—объяснила мнѣ моя сосѣдка.

Я поспѣшила выйти на палубу и долго не забуду того зрѣлища, которое открылось тамъ передъ моими глазами. «Величаво раскинувшійся по высокому нагорному берегу Волги красавецъ-городъ, высокія горы, великанами встающія и торжественно сіяющія надъ широкою водною равниною, крытыя густолиственными садами, увѣнчанныя бѣлокаменными стѣнами древняго Кремля, что смѣлыми уступами слетаетъ съ кручи до самаго рѣчного берега» [1]).

Необыкновенное обиліе воды, множество судовъ, загромоздившихъ обѣ рѣки, шумъ и говоръ пробуждающагося большого города, чудное лѣтнее утро—все это сливалось въ такую очаровательную картину, описать которую нѣтъ возможности.

Почему-же Волга становится такою могучею и великою рѣкою именно отъ Нижняго? Почему именно здѣсь является она въ первый разъ во всемъ своемъ величіи и красотѣ?—Отвѣтомъ на это является другая рѣка, столь-же мощная и величественная въ этомъ мѣстѣ, какъ и сама Волга, выступающая изъ-за башни Нижегородскаго Кремля и незамѣтно сливающаяся съ Волгою. Рѣка эта—*Ока*, важнѣйшій правый притокъ Волги. Съ такой большой рѣкой Волгѣ еще не приходилось встрѣчаться. Это не чета Шекснѣ или Мологѣ; у нея самой есть притоки больше Шексны и Мологи. Эта рѣка, протекающая со своими притоками по сердцу Россіи—нашимъ центральнымъ губерніямъ: Курской, Орловской, Тульской, Калужской, Московской, Рязанской, Пензенской, Владимірской и Нижегородской,—является, вообще, главнѣйшимъ притокомъ Волги.

Ока беретъ начало въ южной части Орловской губерніи, почти на границѣ съ Курскою, на обширной плоской возвышенности, доходящей до самой Волги, гдѣ она круто обрывается, образуя живописныя горы ея праваго берега. Въ южной части Орловскаго уѣзда, близъ села *Очки*, въ

[1]) Изъ сочиненій Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова) «Въ лѣсахъ».

лѣсистой, болотистой мѣстности, есть мѣсто, называемое *головою Оки*, откуда рѣка эта и беретъ свое начало въ видѣ небольшого ручья. Съ г. Орла она уже становится судоходною. Главными притоками Оки являются: слѣва *Москва* и *Клязьма*, а справа—*Мокша* съ *Цною*. Всѣхъ притоковъ у Оки насчитывается до 50, составляющихъ вмѣстѣ линію до 7,000 верстъ; протяженіе-же самой Оки, отъ ея истока до Нижняго, равняется, приблизительно, 1,400 верстамъ. Является даже вопросъ: которой изъ двухъ отдать первенство—Волгѣ или Окѣ? Которую считать главную рѣкою и которую притокомъ? Подобный-же вопросъ возбуждается, какъ увидимъ ниже, относительно Волги и Камы. Такъ грандіозны, по своимъ размѣрамъ и значенію, притоки матушки-Волги.

V.

Нижній-Новгородъ.

Нижній и Верхній Базары.—Кремль.—Ярмарочная часть города.—Легенды объ основаніи Нижняго-Новгорода. Его исторія.

ЕРЕСЪВЪ съ парохода на извощичью пролетку я пустилась въ путь по направленію къ *Рождественской улицѣ*, находящейся на такъ называемомъ *Нижнемъ Базарѣ*. Нижній-Новгородъ, являющійся, благодаря своей знаменитой ярмаркѣ, дѣйствительно «базаромъ» всей Россіи, дѣлится на двѣ главныя части: на *Нижній* и *Верхній Базары*. Необыкновенное многолюдство, оживленіе, дома, сверху до-низу увѣшанные вывѣсками, лавки даже подъ церквами,—все это поражаетъ каждаго, въ первый разъ очутившагося на Нижнемъ Базарѣ—главной торговой части, если не считать ярмарочной части, расположенной за городомъ, на обширной мѣстности, прилегающей съ одной стороны къ Волгѣ, съ другой—къ *Окѣ*. Еслибъ не мелькающая вдали серебристой полосою Волга, можно

было-бы подумать, что находишься въ одномъ изъ самыхъ оживленныхъ торговыхъ уголковъ Москвы.

Тутъ также, какъ и въ Москвѣ, множество старинныхъ церквей и монастырей. Особенно замѣчательна на Нижнемъ Базарѣ Строгоновская церковь Рождества Богородицы. Необыкновенно живописно возвышается на склонѣ горы ея готическое зданіе, ярко расписанное и покрытое лѣпными украшеніями. Ее поддерживаетъ высокій контрфоръ, наверху котораго устроена терраса. Церковь замѣчательна и внутри: въ ней много древнихъ иконъ; отдѣлка ея великолѣпна и поражаетъ своею художественностью и изяществомъ. Въ концѣ Рождественской улицы находится Спасская часовня съ иконою Спаса Нерукотвореннаго, залитою жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Жители Нижняго особенно чтятъ этотъ образъ и называютъ его «Хозяиномъ Нижняго».

По отлогому, мощеному съѣзду, носящему названіе Зеленскаго и соединяющему, въ числѣ другихъ четырехъ, нижнюю часть города съ верхнею, поднялись мы на Верхній Базаръ и выѣхали на Благовѣщенскую площадь, посреди которой возвышаются двѣ церкви и бьетъ фонтанъ. Къ площади этой примыкаетъ кремлевская стѣна съ бульваромъ, спускающимся къ верхней набережной. Чудный видъ открывается отсюда на широко разливающуюся красавицу-Волгу, покрытую цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, на залитую пестрою толпою набережную и на спускающійся къ ней разбитый по откосу горы, общественный садъ, въ которомъ по вечерамъ играетъ музыка. Верхній Базаръ носитъ свой особенный характеръ; онъ не похожъ на Нижній: въ немъ тишь, уютнѣе,—всюду виднѣются небольшіе домики-особняки, окруженные садами, на улицахъ играютъ дѣти. Кажется, будто жители Нижняго, утомленные сумятохой, господствующею на Нижнемъ Базарѣ, вдоволь нахлопотавшись и наторговавшись, отдыхаютъ тутъ среди своихъ семей.

Самою замѣчательною частью верхняго Базара являются Кремль, гордо царящій надъ окрестностью. Прелестный бульваръ охватываетъ зеленою лентою его старинныя стѣны. Нелегко было выдвинуть ихъ на такой гористой

мѣстности, изрѣзанной родниками и ключами. Но трудъ этотъ съ честью выполнилъ итальянскій архитекторъ Франческо, которому нижегородскій князь Василій въ 1508 году поручилъ постройку укрѣпленій въ Нижнемъ. Стѣны Нижегородскаго Кремля спускаются подъ-гору уступами, въ видѣ громадныхъ лѣстницъ съ высокими башнями и контрфорсами. Внутри Кремля находятся два собора, Архангельскій и Преображенскій, губернаторскій домъ, Аракчеевскій кадетскій корпусъ, памятникъ Минину и Пожарскому, вокругъ котораго разведенъ любимый дѣтьми садикъ, называемый «Мининскимъ», и еще нѣсколько церквей и общественныхъ зданій. Частныхъ построекъ въ Кремлѣ нѣтъ.

Самый древній храмъ Нижняго-Новгорода—Архангельскій соборъ, основанный одновременно съ самимъ Нижнимъ въ 1221 году княземъ Юріемъ II. Онъ не великъ, но замѣчателенъ своимъ своеобразнымъ видомъ, переносящимъ насъ въ глубокую древность. Это одноглавый, крытый черепицею храмъ, съ маленькими окнами, съ желѣзными рѣшетками и ставнями. Въ немъ хранится много древнихъ священныхъ предметовъ, а за обоими клиросами возвышаются каменныя гробницы, обнесенныя старинными желѣзными рѣшетками: подъ ними погребены нѣкоторые изъ нижегородскихъ князей.

Главною святынею Кремля является Спасо-Преображенскій соборъ, въ склепѣ котораго находится гробница Минина. Изъ собора устроенъ ходъ въ нижнюю церковь. Надъ каменною лѣстницею, окруженною изящною рѣшеткою, возвышается красивая рѣзная часовня въ русскомъ стилѣ. Внутри нея, въ стѣнѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ погребенъ Мининъ, поставлены три чугунныя доски съ надписями, древніе образа и знамена. Гробницѣ Минина поклонился до земли Петръ Великій, при посѣщеніи Нижегородскаго Спасо-Преображенскаго собора, и сказалъ: «*Здѣсь лежитъ избавитель Россіи*». Могилѣ Минина спѣшитъ поклониться каждый, посѣщающій Преображенскій соборъ: ему и его славному сподвижнику, князю Пожарскому воздвигнуты памятники въ стѣнахъ московскаго и нижегородскаго кремлей; имена Минина и Пожарскаго живутъ въ душѣ

каждаго истинно-русскаго человѣка. О подвигѣ этихъ національныхъ героевъ мы говорили въ предыдущей главѣ.

Великому нижегородскому гражданину, Козьмѣ Минину-Сухорукову, предполагаютъ воздвигнуть въ Нижнемъ-Новгородѣ новый, грандіозный памятникъ, взамѣнъ скромнаго, отчасти даже убогаго обелиска, находящагося въ Мининскомъ саду. По проекту художника Микѣшина, памятникъ этотъ долженъ состоять изъ гранитной скалы, на вершинѣ которой находится статуя Минина. Онъ изображенъ въ плащѣ, съ обнаженною головою. Въ правой рукѣ онъ высоко держитъ шапку-Мономаха. Съ 3-хъ сторонъ монументъ украшенъ барельефами, которые изображаютъ: Минина на площади, въ Нижнемъ; Минина во главѣ отряда, отбивающаго вылазку изъ Кремля, и рыцарскій поступокъ Минина и Пожарскаго относительно женщинъ изъ враждебнаго стана. Какъ извѣстно, поляки и ихъ приверженцы заперлись въ Кремлѣ и долгое время не сдавались, несмотря на голодъ и другіе ужасы осаднаго положенія. Чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ, они рѣшили выслать всѣхъ женщинъ изъ Кремля и послали просить Минина и Пожарскаго, чтобы тѣ приняли ихъ женъ, не причинивъ имъ никакого вреда. Пожарскій велѣлъ сказать имъ, чтобъ выпускали женъ безъ страха, самъ пошелъ принимать ихъ и проводилъ къ своему пріятелю Минину, приказавши дать имъ все необходимое продовольствіе. Многіе изъ его воиновъ остались недовольны, особенно казаки, пригрозившіе даже убить князя Димитрія за то, что онъ не далъ имъ грабить боярынь; но и Пожарскій, и Мининъ остались непреклонными въ своемъ благородномъ рѣшеніи. На лицевой сторонѣ монумента, у подножія статуи, на скалѣ видна надпись золотыми буквами: «*1612. Великому гражданину земли Русской*». Внизу, подъ скалою, изображенъ мечъ Минина, съ которымъ онъ участвовалъ въ битвѣ подъ Москвою. На самой нижней части пьедестала золотыми буквами надпись: «*Благодарное потомство 189... года*». Съ задней стороны на скалѣ, подъ статуей, помѣщена краткая надпись: «*Козьма Мининъ Сухоруковъ*». Высота памятника 10 саженъ. Общая стоимость должна равняться не менѣе 200,000 рублей.

(*См. на оборотѣ*).

Памятникъ Козьмѣ Минину въ Нижнемъ-Новгородѣ. 2) Видъ Главнаго Дома на Нижегородской ярмаркѣ. 3) Общій видъ Нижняго-Новгорода и Кремля. 4) Гробница Козьмы Минина. 5) Памятникъ-часовня надъ могилой Козьмы Минина.

Во времена Минина и Пожарскаго, Нижній-Новгородъ считался уже однимъ изъ богатѣйшихъ русскихъ торговыхъ городовъ. Онъ переживалъ тогда четвертый вѣкъ своего существованія. Начало его относится къ XIII столѣтію. Въ 20-хъ годахъ этого столѣтія князь Суздальскій Юрій II, осматривая земли, завоеванныя у болгаръ и мордвы его храбрымъ братомъ Святополкомъ, доѣхалъ до сліянія Оки съ Волгою. Мѣсто это, въ особенности-же возвышающіяся тамъ, поросшія въ тѣ времена густымъ лѣсомъ, такъ называемыя, *Дятловы* горы поразили князя своею красотою и сходствомъ съ кіевскими. Онъ рѣшилъ основать на этомъ мѣстѣ городъ, а близъ него монастырь, назвавъ его, по примѣру кіевскаго, *Печерскимъ*. На томъ-же основаніи назвалъ онъ *Почайною* рѣчку, вытекавшую изъ ущелья.

Объ основаніи Нижняго-Новгорода и переходѣ мордовскихъ земель во владѣніе русскихъ князей существуетъ нѣсколько интересныхъ народныхъ сказаній. Въ стародавнія времена,—такъ гласитъ одно изъ нихъ,—на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Нижній, въ густомъ лѣсу жилъ мордвинъ Скворецъ, помощникъ Соловья-разбойника, пойманнаго нашимъ сказочнымъ богатыремъ Ильею Муромцемъ. У Скворца была огромная семья. Каждый вечеръ приходилось ему съ сыновьями гонять скотъ на водопой къ Окѣ мимо ущелья, въ которомъ жилъ чародѣй Дятелъ. Однажды Скворецъ спросилъ Дятла о судьбѣ своихъ сыновей. Дятелъ сказалъ, что если дѣти его будутъ жить мирно, то достигнутъ могущества и долго будутъ владѣть этими горами; если-же между ними пойдутъ раздоры, то ихъ покорятъ сосѣди и построятъ на берегу Оки «градъ камень и крѣпокъ зѣло, и не одолѣютъ его силы вражескія».— Чародѣй Дятелъ умеръ и похороненъ Скворцомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ Благовѣщенскій монастырь, а горы названы въ честь его Дятловыми.

Много лѣтъ спустя, - повѣствуетъ далѣе преданіе,— поселился на Дятловыхъ горахъ мордвинъ Ибрагимъ или Абрамъ. Благодаря своему уму и энергіи, Абрамъ сдѣлался вскорѣ начальникомъ ближайшаго племени. Услышавъ, что суздальскій князь Андрей Боголюбскій собирается идти

на болгаръ черезъ мордовскія земли, Ибрагимъ дѣятельно принялся укрѣплять свой городокъ. Вскорѣ подъ стѣнами его появилось большое русское войско подъ предводительствомъ Мстислава, сына Андрея Боголюбскаго, который потребовалъ, чтобы мордва признала его власть. Ибрагимъ отвѣчалъ, что безъ согласія всего народа онъ не имѣетъ права признать власть русскихъ, и просилъ дать сроку четыре дня. Въ это короткое время онъ успѣлъ оповѣстить о приходѣ русскихъ всѣ мордовскія селенія и созвалъ ихъ себѣ на помощь. 5.000 человѣкъ вошли въ его городъ черезъ потайныя ворота и рано утромъ, на пятый день, внезапно напали на русскихъ. Завязалась жаркая битва; но, несмотря на геройское сопротивленіе мордвы, русскіе побѣдили. Ибрагимъ былъ убитъ, а мордовская земля завоевана.

На этихъ-то Дятловыхъ горахъ возникло, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, новое русское поселеніе, благодаря князю Юрію II, какъ мы уже говорили. Конечно, не одна только красота мѣстоположенія побудила Юрію заложить новый городъ въ глуши, среди дремучихъ лѣсовъ, на границѣ княжества. Предусмотрительный князь желалъ предупредить возможность вторженія враговъ внутрь страны и, въ то-же время, имѣть пунктъ, съ котораго можно было-бы слѣдить за ними. Согласно своему назначенію, Нижній-Новгородъ съ самаго начала имѣлъ видъ крѣпости. Въ 1222 году онъ былъ уже оконченъ и по тому времени могъ считаться хорошо укрѣпленнымъ. Деревянныя постройки новаго города были обнесены высокою деревянною-же стѣною, окруженною глубокимъ рвомъ и валами. Съ теченіемъ времени маленькій и скромный при своемъ основаніи городокъ началъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Сначала онъ служилъ оплотомъ противъ вторженія въ предѣлы Суздальскаго княжества мелкихъ инородческихъ сосѣдей, преимущественно мордвы; съ появленіемъ-же татаръ, значеніе его, какъ пограничной крѣпости, еще болѣе усилилось. Тѣмъ временемъ въ немъ возникло самостоятельное княжество, недолго, впрочемъ, существовавшее. Въ 1392 году московскій князь Василій Дмитріевичъ, сынъ Димитрія Донскаго, свергъ съ престола

послѣдняго нижегородскаго князя Бориса и присоединилъ нижегородское княжество къ Москвѣ.

Съ этого времени начинаются для Нижняго почти непрерывныя войны съ татарами, въ особенности съ сильнымъ Казанскимъ царствомъ. Важное значеніе Нижняго, какъ крѣпости, побудило князя Василія построить каменный Кремль, съ окончаніемъ котораго Нижній сталъ почти недоступенъ для татаръ. Когда царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный захотѣлъ покорить Казань, сборнымъ пунктомъ всѣхъ войскъ онъ назначилъ Нижній Новгородъ и оттуда двинулся на Казанское царство. Послѣ покоренія Казани Іоаннъ опять шелъ черезъ Нижній, и нижегородцы привѣтствовали его тѣмъ болѣе восторженно, что видѣли въ немъ своего избавителя отъ тѣхъ бѣдствій, которыя причиняли имъ такъ часто казанцы. О видной роли, которую игралъ Нижній въ смутное время, мы уже говорили.

Болѣе двухсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Какъ измѣнился внѣшній видъ русской земли! Сколько новыхъ городовъ, съ Петербургомъ во главѣ возникло и выдвинулось въ ней на первый планъ за это время: сколько прежнихъ важныхъ пунктовъ превратилось въ жалкія провинціальныя захолустья! А Нижній-Новгородъ продолжаетъ процвѣтать. Конечно, онъ уже не имѣетъ болѣе военнаго значенія; бѣлыя стѣны его Кремля мирно поростаютъ мхомъ: но положеніе его при сліяніи двухъ великихъ русскихъ рѣкъ, его обширная торговля, главнымъ же образомъ—знаменитая Макарьевская ярмарка, переведенная въ 1817 году изъ Желтоводскаго Макарьевскаго монастыря въ Нижній,—все это ставитъ Нижній на ряду съ лучшими русскими городами.

О причинахъ перевода ярмарки изъ Макарьева въ Нижній мы скажемъ далѣе; теперь-же сдѣлаемъ экскурсію на самую ярмарку, широко раскинувшуюся, отдѣльно отъ города, на обширной мѣстности, прилегающей съ одной стороны къ Волгѣ, съ другой—къ Окѣ. Это—совершенно особый городъ, живущій около двухъ мѣсяцевъ въ году бойко, своеобразной жизнью. Весною, при разлитіи Волги и Оки, ярмарочный городъ обыкновенно затопляется со всѣми своими зданіями. Но лишь только торговые корпуса

Къ стран. 59

пообсохнутъ послѣ спада водъ, какъ они начинаютъ наполняться товарами и пришлымъ торговымъ людомъ. 15-го іюля происходитъ оффиціальное открытіе ярмарки, продолжающейся до 25-го августа, когда, послѣ богослуженія въ одномъ изъ ярмарочныхъ соборовъ, крестнаго хода и молебствія покровителю Нижегородской ярмарки, преподобному Макарію, чудотворцу Желтоводскому и Унженскому, ярмарочные флаги торжественно спускаются.

VI.

Нижегородская ярмарка [1]).

НИЖЕГОРОДСКАЯ ярмарка въ полномъ разгарѣ. На высокихъ каменныхъ устояхъ по обѣимъ сторонамъ главной ярмарочной святыни –пятиглавой часовни преп. Макарія Желтоводскаго развѣваются ярмарочные флаги. Въ гостиномъ дворѣ нѣтъ ни одного пустого номера. Всѣ они наполнились произведеніями всѣхъ возможныхъ русскихъ городовъ: здѣсь и кяхтинскіе чаи, и сибирское желѣзо; московскіе и ивановскіе сукна и ситцы; ярославскія, кинешемскія и вятскія полотна; романовскія и слободскія овчины; казанскіе козлы и другая кожа; торжковскіе шитые сапожки, башмаки и туфли; кимровскіе и московскіе сапоги всѣхъ сортовъ и достоинствъ; орловскія, тульскія и др. яблоки и вязниковскія вишни; кіевскія варенья и сушеные фрукты; желѣзные сундуки и подносы на азіатскій вкусъ и бухарскую руку; тульскія стальныя издѣлія и самовары; крымскія и кизлярскія вина; польскія сукна; сибирскіе и камчатскіе пушные звѣри галицкой и московской выдѣлки; уральская икра; оренбургскіе и донскіе балыки; астраханская и пермская соль; подгородныя крестьянскія издѣлія; нѣжинскій листовой табакъ и корешки, и проч., и проч. По дорогамъ, идущимъ къ Нижнему,–рѣже тянутся обозы, застилавшіе прежде весь путь и мѣшавшіе проѣзду тарантасовъ съ хозяевами. Всѣ эти обозы отправляются

[1]) Составлено по очеркамъ и картинамъ «Поволжья» А. Овсянникова и другимъ источникамъ.

Видъ Нижегородской ярмарки съ Кремля.

въ Нижній и рѣдко назадъ. За Окой, на огромной песчаной косѣ, обрамленной съ другой стороны желтоватыми водами Волги, выстроился новый городъ, не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ, который чудною панорамою раскинулся на горахъ противоположнаго берега. Въ этомъ городѣ все свое, начиная отъ соборовъ, армянской церкви и мечети до мѣстопребыванія губернатора, почтовой и ярмарочной конторъ, и оканчивая всевозможными удобствами обыденной жизни. Самъ Нижній на время переселяется сюда, призакрывши свой гостиный дворъ и ежедневно отправляя за Оку чуть-ли не половину своего населенія. И хотя кратковременна жизнь этого новаго, временнаго города, уничтожаемаго волнами бурливой рѣки во время весенняго разлива, но, тѣмъ не менѣе, жизнь эта своеобразна и полна интереса. Вся Россія собирается сюда, чтобы принять въ ней свою долю участія. Трудно, даже, кажется, невозможно представить себѣ хоть одинъ самый дальній уголокъ нашего обширнаго отечества, который не присылалъ бы сюда своего представителя.

Мостъ, соединяющій городъ съ ярмаркою, уже наведенъ, и во всю длину его, на цѣлую версту, разставлены оренбургскіе казаки, обязанные крикомъ: «легче!» останавливать и ретивый бѣгъ пары лошадей пріѣзжаго собственника, и легонькую побѣжку съ перебоемъ лошаденки извощика. Положимъ, что мы уже на серединѣ моста; поспѣшимъ обернуться назадъ и полюбоваться чуднымъ видомъ Нижняго-Новгорода, который уступаетъ въ этомъ отношеніи только Кіеву, но превосходитъ всѣ остальные города Россіи. Обернемся направо,—и цѣлый сплошной рядъ судовъ со всякимъ товаромъ бросается намъ въ глаза, мѣшая взору проникнуть дальше. Кажется, всѣ суда Волги и Оки, всѣ эти *расшивы, барки, кладныя, шитики, бѣляны* собрались сюда, чтобы запрудить устье и всю Волгу направо и налѣво отъ города, а также чтобы щегольнуть своими разнохарактерными пестрыми флагами. Оглянемся налѣво: широкая, глубокая черная бездна Оки потянулась въ даль въ своихъ крутыхъ берегахъ. Кое-гдѣ мелькаютъ по ней лодки, перевозящія пѣшеходовъ и управляемыя русскими мужиками въ оригинальныхъ шляпахъ грешневи-

комъ. До-нельзя заставленные лошадьми и экипажами дощаники, управляемые татарами въ бѣлыхъ круглыхъ валеныхъ шляпахъ, исчезли съ рѣки съ того момента, какъ черезъ нее перекинулся мостъ; они перенесли свою тяжелую ломовую дѣятельность на Волгу, съ другой стороны Нижняго.

Между тѣмъ, мы подвигаемся дальше впередъ, все ближе къ самой ярмаркѣ. Мостъ какъ-будто кончился, т. е. уже не видно подъ нимъ черной Оки, которую смѣнили пески, разстилающіеся подъ ногами, направо и налѣво застроенные амбарами, постоялыми дворами для извощиковъ и пекарнями, снабжающими хлѣбомъ всю ярмарку. По количеству этого хлѣба опредѣляется приблизительное число ярмарочныхъ посѣтителей. Направо пестрѣютъ раскрашенные садки для рыбы. Здѣсь любители лакомятся настоящею, неподдѣльною, диковинной стерляжьей ухою.

Толкотню встрѣчающихся на мосту экипажей смѣняетъ новая толкотня, затрудняющая проходъ и проѣздъ. Толпятся кучи мужиковъ, оборванныхъ, съ изнуренными, страшно загорѣлыми лицами. Всмотримся въ нихъ и увидимъ слѣды тяжелой ломовой работы; прислушаемся къ ихъ разговорамъ и подивимся разнообразію выговора. Волга со своими притоками омываетъ 21 губернію внутренней Россіи съ многочисленными инородческими сосѣдями, которые и портили, и измѣняли родной языкъ великорусовъ. Здѣсь, на мосту, мы можемъ встрѣтить представителей рѣшительно всѣхъ этихъ губерній и прислушаться ко всѣмъ ихъ нарѣчіямъ.

Большинство мужиковъ, толпящихся на мосту,—бурлаки, пришедшіе наниматься въ этомъ году уже на вторую путину. Завтра-же, можетъ быть, они, по зову урядника и найму хозяевъ судовъ, которымъ всегда нуженъ и дорогъ работникъ, накинутъ на плечи лямку и тяжелымъ, перевалистымъ шагомъ побредутъ по луговой сторонѣ матушки-Волги, въ предшествіи своего шишки (вожака)—человѣка, болѣе другихъ изможденнаго, но болѣе другихъ знающаго мѣстность. Запоютъ они свои завѣтныя пѣсни, которыя такъ хороши на Волгѣ и такъ богаты содержаніемъ. Только-бы съ ноги не сбиваться, да подхватывать

въ разъ, а за словами у нихъ не стоитъ дѣло. Тамъ придутъ они на завѣтный бугорокъ гдѣ нибудь на Телячьемъ броду, достанутъ изъ чередового мѣшечка горсточекъ пятокъ крупицы, да вольютъ въ котелокъ ведерко воды кормилицы Волги,—и сытъ бурлакъ—трудовой человѣкъ, и опять онъ ломаетъ свою путину все дальше и дальше. Не страшатъ его бѣды незнаемыя, лихорадки и самая немощь отъ избытка труда и лишеній; тѣмъ-же настойчивымъ шагомъ подвигается онъ и при концѣ путины, какимъ шелъ въ началѣ. Недоволенъ онъ только грязью послѣ дождей, да вѣтромъ противнымъ. Лишь-бы кончить скорѣе долгую путину, да добиться честнаго и безотлагательнаго расчета, а за себя онъ не стоитъ. Съ развитіемъ пароходства бурлачество утратило свое прежнее значеніе и сократилось въ размѣрахъ; обязанности бурлаковъ съ полнымъ успѣхомъ выполняютъ буксирные пароходы, тянущіе за собою длинныя вереницы баржей, бѣлянъ и другихъ волжскихъ судовъ. Но долго еще будутъ встрѣчаться на берегахъ Волги, а можетъ быть и никогда оттуда не исчезнутъ, согнутыя въ три погибели фигуры бурлаковъ, покорно тянущихъ свою лямку, никогда не замолкнетъ ихъ унылое пѣніе, столько вѣковъ оглашающее берега великой русской рѣки.

Но возвратимся къ нашему путешествію по Нижегородской ярмаркѣ. Мостъ еще не кончился, но начался уже рядъ лавокъ, въ которыхъ производится торговля, по преимуществу мелочная: шапками, картузами, сапогами и прочимъ добромъ, необходимымъ въ быту крестьянскомъ и бурлацкомъ.

Между тѣмъ, къ концу моста становится окончательно очевидною близость армарки: со всѣхъ сторонъ тянутся навстрѣчу длинные обозы, запирающіе проходъ дальше. Толпа дѣлается гуще и разнообразнѣе; говоръ становится громче и сильнѣе. Еще нѣсколько десятковъ шаговъ, и мы уже на самой ярмаркѣ. Съ моста потянулась длинная широкая улица, образуемая досчатыми балаганами, выстроенными наскоро, на живую нитку. Какъ-бы для того, чтобы скрыть ихъ недостатки, всѣ они выкрашены свѣжею краскою. Тутъ пока идетъ торговля только старымъ

платьемъ; со всѣхъ сторонъ слышатся зазыванья, какъ на Апраксиномъ или въ московскихъ гостинодворскихъ рядахъ. И здѣсь также готовы ухватить за руки и силою втащить въ лавку, если только найдется хоть малѣйшій къ тому поводъ. Подгородныхъ мужиковъ и бабъ торгаши просто таскаютъ за руки силою.

Вотъ двѣ дороги: одна налѣво, мимо грудъ дынь и арбузовъ,—къ центру ярмарки: двумъ завѣтнымъ флагамъ и такъ называемому Главному Дому; другая прямо—къ театру. Выберемъ послѣднюю и будемъ имѣть удовольствіе видѣть Новинское или Царицынъ Лугъ во время Святой недѣли и масляницы. Цѣлая площадь обстроена балаганами съ заманчивыми картинами и вывѣсками. Тамъ намалевано цѣлое поле сраженія; здѣсь пирамида людей, исковерканныхъ въ различныхъ фантастическихъ положеніяхъ. Изъ нѣкоторыхъ балагановъ раздаются выстрѣлы; вотъ одинъ сильнѣе прочихъ, проходившая толпа праздныхъ мужиковъ ухаетъ и останавливается. Мужики переглянутся, улыбнутся, отпустятъ доморощенную остроту и пойдутъ дальше. На самокатахъ или, какъ обыкновенно называютъ ихъ здѣсь, кружалахъ, раздается однотонная музыка, которую только и можно слышать на народныхъ гуляньяхъ. Здѣсь цѣлая ватага горничныхъ, отпущенныхъ господами, мѣщанокъ, раздобывшихъ двугривенный на какомъ-нибудь шитьѣ или вязаньѣ, и т. п. люда. Все это катается въ самокатахъ на слонѣ, на конькахъ, коляскахъ и на другихъ разнаго вида и рода сидѣньяхъ; всѣ онѣ крайне довольны собой, и ярмаркой, и людьми, которые дали имъ средства на то, чтобы повеселиться. Тутъ-же, напротивъ самокатовъ, сидятъ торговки, бабы съ орѣхами, подсолнечниковыми и арбузными сѣмячками, моченымъ горохомъ, гнилыми яблоками, услаждающими вкусъ каталыциковъ. На открытыхъ подмосткахъ балагановъ потѣшаютъ народъ фигляры и скоморохи, хорошо извѣстные каждому, кому только доводилось бывать на нашихъ народныхъ гуляньяхъ. Толпа восторженно гудитъ отъ ихъ остротъ. Въ сторонѣ отъ кружалъ помѣстился раешникъ, выбравшій, по возможности, видное и бойкое мѣстечко. Его окружаетъ цѣлая толпа ребятишекъ, въ свою очередь, приходящихъ въ восторгъ и отъ интереснаго для

нихъ зрѣлища и отъ незамысловатыхъ прибаутокъ раешника, въ родѣ слѣдующей: «вотъ городъ Парижъ,—не доѣдешь—прогоришь».

Еще нѣсколько шаговъ впередъ; и передъ вами большое сѣрое зданіе театра, все облѣпленное афишами, на которыхъ огромными буквами обозначены имена заѣзжихъ столичныхъ артистовъ. Тѣ-же афиши пестрятъ всѣ городскіе фонарные столбы сверху до низу, но публику привлекаютъ, противъ ожиданія, мало. Идетъ туда, по большей части, пріѣзжая не коммерческая публика, или-же купцы и фабриканты, такъ сказать, высшаго разряда. Средній купецъ—тотъ зачастую за всю ярмарку ни разу не заглянетъ въ театръ.

Обогнувши театръ и повернувъ немного налѣво, мы вскорѣ очутимся въ самомъ центрѣ ярмарки, который можно считать у Главнаго Дома—большого довольно ветхаго зданія, въ которомъ въ прежніе годы жилъ во время ярмарки нижегородскій губернаторъ; но впослѣдствіи съ этою цѣлью былъ выстроенъ небольшой деревянный домъ, а Главный Домъ все болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ. Въ настоящее время зданіе Главнаго Дома перешло въ собственность ярмарочнаго купечества, которое рѣшило капитально перестроить его. Вообще, ярмарка, годъ отъ году, улучшается въ своемъ внѣшнемъ благоустройствѣ. Начиная съ 1885 года, на ней распространилось по всѣмъ гостинницамъ и торговымъ помѣщеніямъ электрическое освѣщеніе, дающее не только многія удобства, но и безопасность въ пожарномъ отношеніи. Появляются новыя зданія. Взамѣнъ торговыхъ помѣщеній въ обветшавшемъ Главномъ Домѣ, устроены красивые пассажи для розничной торговли: одинъ пассажъ въ зданіи бывшей въ 1885 году кустарно-промышленной выставки, другой—противъ большого ярмарочнаго театра. Въ пассажахъ группируются галантерейные магазины, парфюмерные, драгоцѣнныхъ издѣлій, издѣлій изъ уральскихъ камней и проч.

Еще большія улучшенія ярмарочной части и всего города произведены по случаю состоявшейся въ 1896 году въ Нижнемъ-Новгородѣ Всероссійской выставки. Улучшено водоснабженіе города, перемощены главныя улицы и устроено на нихъ электрическое освѣщеніе.

Кромѣ «Главнаго Дома» и Макарьевской часовни, главными достопримѣчательностями и святынями ярмарочнаго города являются соборы, старый и новый. Первый изъ нихъ помѣщается въ противоположномъ концѣ отъ Макарьевской часовни и прилегаетъ къ такъ называемымъ китайскимъ рядамъ. Постройка его была начата тотчасъ по перенесеніи ярмарки изъ Макарьева въ Нижній, въ 1818 году. Строился онъ по проекту Монферрана, строителя Исаакіевскаго собора, и былъ готовъ въ 1822 году. Новый ярмарочный соборъ находится близъ «Стрѣлки», т. е. мѣста сліянія Оки съ Волгою, совсѣмъ въ сторонѣ отъ стараго собора. Онъ сооруженъ въ память Государя Александра Николаевича и освященъ въ 1881 году. Это—обширное, красивое и величественное зданіе съ богатою внутреннею отдѣлкою.

Одинъ выходъ изъ «Главнаго Дома» ведетъ къ Окѣ. Онъ съ двухъ сторонъ окруженъ цѣлымъ рядомъ извозчиковъ, потому что это—главный подъѣздъ отъ города, а другой—выходитъ на бульваръ. Отъ бульвара Главный Домъ отдѣленъ площадкою, на которой постоянно толкутся продавцы-ношатые. Вотъ одинъ изъ нихъ въ длинной, чистенькой сибиркѣ, съ цѣлою связкою ящичковъ и коробочекъ за плечами; та, которая въ рукахъ, открыта; онъ показываетъ пряникъ и называетъ послѣдній заманчивымъ именемъ вяземскаго. Тутъ-же, какъ изъ-подъ земли выростаетъ и подступаетъ къ вамъ татаринъ съ бракованнымъ, рѣдко добротнымъ мѣхомъ изъ крымскихъ барашковъ или воротникомъ польскаго съ подкрашенными сѣдинками, а иногда и настоящаго, бобра. Такъ-же, какъ и вездѣ, вѣрный самому себѣ, татаринъ запроситъ страшную сумму, а уступитъ за половину, но нѣсколько разъ отходя въ сторону, пропадая иногда изъ виду у покупателя и выходя опять откуда-нибудь изъ-за угла или подсылая товарища.

— Купи, баринъ, у меня мѣхъ! — говоритъ подосланный и покажетъ тотъ-же мѣхъ, который уже видѣлъ покупатель, сбавивъ немного цѣну противъ прежняго. — Нонча дорогъ крымскій баранъ настоящій, баринъ. Тебѣ не убытка, а намъ деньга нужна! Слышь, баринъ: тебѣ добра хочимъ... — При дальнѣйшемъ упорствѣ, онъ, пожалуй, еще сбавитъ

цѣну и, если видитъ хотъ маленькій барышъ, непремѣнно уступитъ мѣхъ.

Вообще говоря, эта площадка между Главнымъ Домомъ и бульваромъ—мѣсто сходки всѣхъ мелочныхъ торгашей: тутъ и мальчишка-лакей, стащившій у барина нѣсколько томовъ журналовъ старыхъ годовъ, и человѣкъ, приплевшійся изъ Москвы продавать свою ваксу, которая, по его словамъ, должна сдѣлать ваши сапоги на цѣлую недѣлю чище зеркала, а въ сущности—дрянь, какую себѣ только можно представить. Тутъ-же протискается впередъ и казанскій татаринъ съ коробкой мыла, способнаго въ два пріема сгонять загаръ и выводить веснушки.

Но все это мелочная, грошевая торговля. Гдѣ-же главное торговое движеніе знаменитой Нижегородской ярмарки, гдѣ совершаются ея многомилліонные обороты? Мелочныя покупки въ лавкахъ нижегородскихъ жителей рѣшительно ничего не значатъ. Ничего не доказываетъ и это множество лавокъ, которыя цѣлый день стоятъ отпертыми, повидимому—безъ цѣли, и эти хозяева, которые пьютъ чай въ невозмутимомъ спокойствіи, заботясь, кажется, только о томъ, чтобы не обжечь себѣ ладони и пальцы о горячій стаканъ. Не тутъ, не въ гостиномъ дворѣ совершаются главныя сдѣлки между продавцами и покупателями, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Россіи на знаменитую Нижегородскую ярмарку; въ этомъ и состоитъ своеобразная особенность послѣдней. Обойдите кругомъ ярмарки, и вы будете поражены огромнымъ числомъ трактировъ, харчевенъ, ресторацій и другихъ заведеній подобнаго рода, выстроенныхъ на этомъ пространствѣ. Вотъ въ этихъ-то трактирахъ и совершаются всѣ сдѣлки и торговыя операціи. Здѣсь находится корень ярмарки, какъ выражаются сами купцы. Сюда сходятся они, чтобы заключить послѣднее условіе, сказать другъ-другу послѣднее слово: «да» или «нѣтъ».

Дѣло, обыкновенно, производится слѣдующимъ образомъ: купецъ, желающій сдѣлать закупку, является къ тому, у котораго есть то, что ему нужно. Покупщикъ кланяется, нѣсколько времени мѣшкаетъ, переминается: онъ незнакомъ

съ продавцомъ. Тотъ спѣшитъ предупредить его и спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно, почтеннѣйшій?

— Да вотъ-съ желательно изъ суконъ-съ недорогихъ... ситцевъ московскаго производства... дардедаму...

— Отъ какихъ и до какихъ цѣнъ?—спрашиваетъ продавецъ. Но покупщикъ желаетъ видѣть самый товаръ. Продавецъ приказываетъ приказчикамъ снять товары съ полки, и, когда покупщикъ займется самымъ внимательнымъ разглядываніемъ ихъ, онъ спѣшитъ съ нимъ разговориться: допрашиваетъ, изъ какой губерніи онъ родомъ, гдѣ производитъ торговлю и кто ему рекомендовалъ его.

Слово за словомъ, и покупщикъ уже назначаетъ количество нужнаго ему товара, а затѣмъ:

— Позвольте ужъ, выходитъ, утрудить ваше досужество, на кое-время попросить въ заведеніе чайкомъ побаловаться.

Продающій соглашается, отдаетъ нужныя приказанія приказчику и отправляется въ ближайшій трактиръ. На пути онъ вступаетъ въ разговоръ съ своимъ покупателемъ, что и онъ потерпѣлъ убытку на нѣсколько сотенъ. Тутъ-же сошлется на трудность найти вполнѣ честнаго довѣреннаго приказчика, увѣряетъ, что за всѣмъ свой глазъ нуженъ.

Но вотъ они уже въ заведеніи, гдѣ ихъ встрѣчаютъ поклоны хозяина трактира, буфетчика и двухъ приказчиковъ, приставленныхъ для надзора за служителями. Съ радостью видитъ москвичъ обстановку любого московскаго трактира: тѣ-же маленькіе столики съ вѣчно мокрыми, сомнительной чистоты скатертями; тѣ-же полоскательныя чашки на столахъ; тотъ-же песокъ на полу и морсъ на среднемъ большомъ столѣ, всегда готовый къ услугамъ даромъ; тѣ-же завѣтныя нарочки и кувшинчики сливокъ; та-же даровая закуска къ водкѣ, состоящая изъ куска ветчины или соленой рыбы съ двумя огурцами, и, наконецъ, тѣ-же половые въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ полотенцемъ на одномъ плечѣ, бойкіе ребята-ярославцы, охотники прислушаться къ вашему разговору и даже вмѣшаться въ него, въ надеждѣ, что ихъ не оставятъ безъ вниманія.

Кучкой, расправляя бороды и разглядывая до послѣдней нитки своихъ гостей, стоятъ половые подлѣ стола,

когда входятъ новые гости. Мгновенно они перемигиваются, суетятся, хватаясь, какъ угорѣлые, за кучу салфетокъ, пока одинъ, побойчѣе прочихъ, не выдѣлится впередъ. Подойдя къ столу, онъ раскладываетъ салфетку, оправляетъ ее, безсознательно повертываетъ полоскательную чашку, вытираетъ, ставитъ ее на салфетку и вопросительно перебѣгаетъ взглядомъ съ одного гостя на другого.

— Три парочки чайку, да смотри хорошенькаго, самаго, знаешь, лучшаго!—говоритъ покупатель.

— Лажену, что-ли?—спрашиваетъ нѣсколько грубовато привычный половой.—Чашекъ-то двѣ прикажете, лимону, или сливокъ?

— Вели собрать цвѣточнаго, да лимонцу два кусочка принеси, хорошенькаго,—отвѣчаетъ заказывающій.

При этомъ онъ потираетъ руки и начинаетъ пощелкивать пальцами въ то время, какъ продавецъ безсознательно оглядываетъ со всѣхъ сторонъ полоскательную чашку и, Богъ вѣсть—съ какою цѣлью, щелкаетъ въ ея донышко своими пятью ногтями. Видимо, они еще не освоились, а продолжать прежній разговоръ, прерванный отвѣтными поклонами хозяину трактира и его приказчикамъ, находятъ теперь излишнимъ.

Не проходитъ пяти минутъ, половой уже мчится на всѣхъ парусахъ, растопыривъ руки и живо передергивая плечами. Въ одной изъ рукъ мотается приподнятый выше головы подносъ съ чашками и двумя чайниками, которые, Богъ вѣсть—какимъ чудомъ, не падаютъ на полъ и, кажется, только чисто акробатической ловкости служителя обязаны своимъ спасеніемъ. Половой не поставилъ, а ловко бросилъ подносъ на столъ, причемъ посуда страшно зазвенѣла, но, къ удивленію, осталась цѣла; затѣмъ онъ отошелъ отъ стола на свое мѣсто и, обкусывая бороду, принялся искоса наблюдать за своими гостями.

Покупатель долилъ чайникъ, всполоснулъ чашки, налилъ ихъ и, придвинувъ блюдечко съ тремя парами сахара къ гостю, проситъ его угощаться. Гость снялъ одинъ кусочекъ, перекрестился, налилъ чаю изъ чашки, растопырилъ свою пятерню въ видѣ рогульки и, умѣстивъ на нее блюдечко, начинаетъ пить, откусывая гомеопатическіе

кусочки сахара. Половой продолжаетъ наблюдать за своими гостями. Оба они выпили чай. Одинъ опрокинулъ чашку и положилъ на ея донышко оставшійся огрызокъ сахара. Тотъ, который заказывалъ, сбросилъ сахаръ, вскрылъ чашку и, промолвивъ:

— Не въ одолженіе!.. уважьте еще чашечкой!—долилъ послѣднюю чаемъ.

Половой продолжаетъ наблюдать и видитъ, что у купцовъ дѣло еще не ладится. Онъ переступилъ съ ноги на ногу, перекинулъ полотенце съ одного плеча на другое и начинаетъ опять наблюдать за ними. И вотъ, наконецъ, къ крайнему его удовольствію, заказывавшій догадывается и подзываетъ его сначала звономъ въ полоскательную чашку, а потомъ—пальцемъ.

— Принеси-ка, молодецъ, графинчикъ очищенной... или какую вы болѣе уважаете?—продолжаетъ купецъ, обращаясь къ своему гостю.

— Что до насъ, то все едино-единственно, какую прикажете-съ!—отвѣчаетъ тотъ, замѣтно повеселѣвъ.

— Такъ ужъ поуважительнѣе, по крайности, графинъ принеси, да и рюмочекъ-то, знаешь хозяйскихъ подай!..

Съ тѣми-же ловкими порывами и громкимъ звономъ поставилъ половой на кончикъ стола требуемый графинъ съ кускомъ ветчины и двумя огурцами на тарелкѣ. Затѣмъ онъ опять скрылся, чтобы принести ножъ и вилку, разрѣзать закуску и вывалить цѣлую ложку сарептской горчицы, отъ которой у купцовъ зажжетъ во рту и захватитъ дыханіе. Послѣ первой-же рюмки, сопровождаемой кряканьемъ и обтираніемъ бородъ, они дѣлаются замѣтно разговорчивѣе. Первымъ начинаетъ покупатель:

— Такъ-какъ намъ оченно нужно товаръ этотъ получить во свое во владѣніе, то соблаговолите ужъ назначить ему и сумму безобидную. Вамъ, значитъ, продать безъ убытка, а намъ купить безъ онаго.

— Да вотъ-что,—отвѣчаетъ продавецъ, пережевывая закуску:—если вы теперича, выходитъ, первоброднаго самаго купите, то дамъ вамъ на рѣдкость—лучше, чѣмъ вы сами отложили, а ужъ на бракъ такъ мы и цѣны накиды-

вать не станемъ... Такъ ужъ для перваго знакомства, чтобъ и впередъ намъ компанію и дѣла водить.

— Всегда, выходитъ, покупатели ваши!—перебиваетъ его первый и при этомъ приподнимается и кланяется. Продавецъ даетъ ему руку черезъ столъ, также привстаетъ и также низко кланяется. Они уже знакомы и, повидимому, довольны другъ-другомъ.

— Такъ какъ-же, теперича, цѣна ваша будетъ добротному-то?..

Произнеся эти слова, покупатель какъ-то съежился, даже покраснѣлъ, какъ-бы и не радъ, что такъ скоро приступилъ къ концу, не догадавшись оттянуть его подальше.

Продавецъ медлитъ, покупатель наливаетъ еще двѣ рюмки и проситъ пригубить.

— Очень благодарствуемъ... не будетъ-ли? Я вотъ, лучше, чайку еще плошечку выпью!—церемонясь, отвѣчаетъ гость.

— Нѣтъ, вы ужъ не безпокойтесь:—чай-то и опосля можно будетъ. Насъ вѣдь, къ примѣру, водка не разоритъ; только будемъ другъ-другу въ одолженіе дѣлать. Прошу покорно!.. Послушай-ка, молодецъ, вели-ка намъ обрядить соляночки московской, да посолонѣе, капусты вели накрошить побольше.

Половой пристукнетъ каблукомъ, монотонно, скороговоркой объявитъ буфетчику о желаніи купцовъ и мелкой дробью слетитъ съ лѣстницы въ то время, какъ покупатель опять напоминаетъ о назначеніи цѣны.

— Безъ лишняго, почтеннѣйшій,—отвѣчаетъ ему продавецъ.—Ради перваго знакомства, сдѣлаемъ и уступку. Вотъ, положа руку на сердце, если вамъ на чистыя—по полутораста цѣлковыхъ за партію, а то продаемъ дороже!..

Покупщикъ не соглашается, даетъ свою цѣну; продавецъ долго крѣпится, говоритъ, что нонче и матеріалъ, и рабочіе стали дороже. Но и покупщика не проведешь; онъ поддается туже самого продавца.

Солянка, между тѣмъ, съѣдена; графинъ опростанъ, но купцы еще ломаются: не сошлись въ цѣнѣ. Только къ концу чая они замѣтно поддаются и, мало-по-малу, убѣж-

даются въ томъ, что нельзя-же одному продать безъ барыша, а другому купить съ убыткомъ.

— На угощеньи благодаримъ покорно!—говоритъ продавецъ, берясь за шляпу и раскланиваясь.

— Просимъ не прогнѣваться!—отвѣчаютъ ему.—Ужъ выходитъ, теперича, извольте и задаточекъ получить...

— Обойдется безъ онаго,—отвѣчаетъ продавецъ,—милости просимъ, теперича, товаръ получить; а мы во всякое время готовы,—пожалуйте!

Отдавши товаръ новому хозяину, онъ обязанъ, въ свою очередь, для поддержанія знакомства на будущее время, угостить его, по окончаніи сдѣлки, по крайней мѣрѣ, обѣдомъ.

Вотъ вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, цѣлые десятки трактировъ, окружающихъ гостиный дворъ, всегда полны народомъ, и нѣтъ, кажется, ни одного мѣста, которое зашибало-бы въ такомъ количествѣ копѣйку, какъ заведенія подобнаго рода. Не даромъ-же хозяева трактировъ употребляютъ всевозможныя средства для привлеченія публики и доставленія свойственныхъ ея вкусамъ удовольствій. Въ нѣкоторыхъ трактирахъ, для услажденія слуха посѣтителей, реветъ хоръ московскихъ цыганъ. Въ другихъ поютъ мнимыя знаменитости, давно покинувшія сцену и утратившія и голосъ, и извѣстность. Безъ зазрѣнія совѣсти, то и дѣло обходятъ они публику, назойливо требуя «на ноты». Нѣтъ ни одного самаго маленькаго трактирчика, который обошелся-бы безъ органа, хотя-бы и испорченнаго, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ удовлетворяющаго невзыскательную въ этомъ отношеніи ярмарочную публику.

Не обходится въ трактирахъ дѣло и безъ доморощенныхъ шутовъ и скомороховъ. Вотъ подходитъ къ одному изъ столовъ какая-то довольно подозрительная личность.

— Бѣдному прохожему!—говоритъ подошедшій, протягивая руку.

Его не слушаютъ, а если слышатъ, то не даютъ ничего. Онъ направляется къ другому столу и уже успѣваетъ обдумать новую фразу для просьбы. Лицо его искривляется улыбкою; онъ дѣлаетъ смѣшную гримасу, руки прячетъ

назадъ и разбитымъ голосомъ говоритъ гостямъ, которые пьютъ водку:

— Попросилъ-бы я у вашихъ спепенствъ рюмку водки, да вѣдь, поди, не дадите!

Шутка попадаетъ прямо въ цѣль съ полнымъ успѣхомъ; шутъ крякнулъ, выпивъ рюмку, и начинаетъ опять:

— Вотъ теперь хоть о закладъ побьюсь, что другой не дадите!..

И эта шутка удается ему, какъ нельзя лучше: съ нимъ начинаютъ шутить, надъ нимъ смѣются; онъ входитъ въ свою роль и не остается въ накладѣ, а получаетъ третью, иногда четвертую рюмки, послѣ чего ему уже сердито и грозно приказываютъ отойти прочь. Онъ громко стучитъ ногами, повертывается на каблукахъ, хлопаетъ руками по боку и маршируетъ съ выкрикомъ: «разъ, два, сѣно-солома»—къ сосѣднему столу, передъ которымъ вытягивается въ струнку и выкрикиваетъ громовымъ голосомъ:

— Здравія желаемъ, господа-купцы именитые, благотворительные! Жертвуйте-же старому кавалеру пятналтынный на подметки!..

При этомъ онъ спѣшитъ показать свои отрепанные сапоги и, получивъ просимое, дѣлаетъ опять налѣво кругомъ и такимъ образомъ обходитъ всѣ столы, передъ каждымъ придумывая новыя шутки. Къ вечеру онъ уже, что называется, готовъ и валяется гдѣ нибудь за рядами до слѣдующаго утра, съ котораго опять начинается его попрошайничество.

Настаетъ пора обѣда. По рядамъ чаще стали показываться разносчики, но не въ такомъ огромномъ числѣ, какъ, напримѣръ, въ московскомъ гостиномъ дворѣ. Причиною тому, вѣроятно, та-же близость трактировъ, гдѣ ожидаютъ проголодавшагося огромныя московскія порціи, изъ которыхъ одна въ состояніи вполнѣ насытить васъ, а на двоихъ посѣтителей всегда подается одинъ обѣдъ, да и тотъ не обходится безъ остатковъ. Если вамъ прискучили трактирныя кушанья и захотѣлось разнообразія,—отправляйтесь въ армянскія кухни. Пройдя мимо мастерскихъ на свѣжемъ воздухѣ, въ которыхъ перешивается старое платье и шьются личные сапоги, вы увидите два

балагана, изъ которыхъ клубами несется масляный дымъ. Внутри балагана, передъ маленькими столиками, стоятъ простыя деревянныя скамейки, накрытыя коврами. Это-то и есть армянскія кухни. Войдите туда, если хотите, но имѣйте терпѣніе перенести духоту, наполняющую балаганъ, и старайтесь не смущаться господствующей вокругъ нечистотою. Безъ этого вы принуждены будете отказать себѣ въ удовольствіи ѣсть пилавъ, кебабъ, шашлыкъ и другія національныя армянскія кушанья. Если нечистота слишкомъ сильно васъ поразитъ, и вамъ покажется невозможнымъ ѣсть при такой обстановкѣ,—оглянитесь кругомъ и успокойтесь. Съ тою-же цѣлью пришли сюда всѣ эти господа, не только прилично, но даже роскошно одѣтые, всѣ эти грузины, персіяне, армяне, привезшіе въ Нижній шемаханскій шелкъ, кавказскіе платки и шелковыя матеріи, бурсу, канусъ, ковры, кизлярскія вина и проч.

Выйдя изъ армянской кухни, отправимся въ китайскій рядъ съ его оригинальными кіосками и цѣлыми грудами цибиковъ чая. Пройдя его, мы вступаемъ на мостъ, съ котораго открывается съ одной стороны видъ на Сибирскую пристань, а съ другой—за широкимъ Мещерскимъ озеромъ—поле и дальнее село за чернымъ лѣсомъ. На этомъ полѣ, на мыску, образованномъ озеромъ, палатка, около которой привязано нѣсколько тощихъ кобылицъ, приведенныхъ на ярмарку какимъ-то аферистомъ, оренбургскимъ татариномъ, продающимъ кумысъ. Тутъ-же стоятъ воза три съ боченками заранѣе заквашеннаго кумыса. Если вы пожелаете попробовать его, татаринъ поспѣшитъ раскинуть вамъ подъ ноги коверъ; вы должны сѣсть и поджать ноги, иначе рискуете ушибиться головой о козлы палатки, которая крайне мала и низка. Татаринъ продаетъ кумысъ въ бутылкахъ и штофахъ; наливаетъ его въ деревянныя чашки; хвастается тѣмъ, что цѣлаго штофа не выпьешь, и, при этомъ, покажетъ сначала на голову и покачаетъ ею, а потомъ на ноги, прибавляя:

— Не можно, а садись, а на ногахъ не можно...

Онъ, видимо, радъ угостить своимъ добромъ, увѣряя, что кумысъ достаточно выбродился, что напитокъ этотъ очень здоровъ, и при этомъ непремѣнно разскажетъ слу-

чай, какъ одинъ баринъ изъ Петербурга пріѣзжалъ къ нимъ пить кумысъ эдакимъ (татаринъ указываетъ на валяющуюся на полу соломенку), а на зиму уѣхалъ вотъ какимъ (татаринъ распахиваетъ руками, насколько можно это сдѣлать въ его узенькой палаткѣ).

Мимо мечети и рядовъ, наполненныхъ цѣлыми кучами невыдѣланныхъ кожъ, гдѣ хозяевами являются исключительно одни татары, можно пройти на Сибирскую пристань, имѣющую громадное значеніе, такъ какъ она служитъ главнымъ центромъ обширныхъ ярмарочныхъ подвозовъ. Здѣсь сосредоточиваются азіатскій хлопокъ, чай, персидскіе ковры, кавказское вино и разный другой цѣнный грузъ. Всѣ главныя волжскія пароходныя общества имѣютъ тутъ свои временныя конторы. Далѣе за Сибирскою пристанью, по Волгѣ-же, идутъ: Бурнаковская пристань—главный складъ щепнаго товара, ободьевъ, луба, клепокъ, полозьевъ и проч., и Сормовскій затонъ—главный складочный и передаточный пунктъ нефтяныхъ и керосиновыхъ грузовъ, въ полуверстѣ отъ котораго находится Сормовскій судостроительный заводъ наслѣдниковъ Бенардаки.—Отъ «Стрѣлки» вверхъ по Окѣ идутъ: Петербургская пристань съ ледорѣзами, Московская пристань и Гребновская со складами желѣза на песчаномъ островѣ.

Между тѣмъ, незамѣтно наступаетъ вечеръ; густой мракъ опускается на ярмарку и ея окрестности, ярче другихъ мѣстъ освѣщены площадка передъ Главнымъ Домомъ, подъ арками котораго раздается музыка и толпится масса гуляющихъ. Гостиный дворъ почти весь уже запертъ, кромѣ пяти-шести очередныхъ магазиновъ. Хозяева ихъ забрались наверхъ своихъ нумеровъ, гдѣ въ маленькихъ комнаткахъ пьютъ въ десятый разъ чай и ужинаютъ вмѣстѣ съ главными приказчиками. Къ десяти часамъ кончается музыка. Персіяне и армяне спѣшатъ напиться чаю и, закусивъ въ сухомятку, запереть свои магазины, чтобъ тутъ-же улечься спать до другого утра.

Толпы гуляющихъ, послѣ ухода музыкантовъ, замѣтно рѣдѣютъ. Огни гасятся. Отъ рѣки несетъ прохладою; слышенъ стукъ сторожей въ доски и грохотъ колесъ послѣднихъ отъѣзжающихъ экипажей.

VII.

Американскій пароходъ.—Окрестности Нижняго.—Лысково.—Макарьевъ.—Св. Макарій, колонизаторъ и просвѣтитель Поволжья.

Въ Нижнемъ пересѣла я на такъ называемый американскій пароходъ. Пароходы эти построены по образцу тѣхъ, которые ходятъ по большимъ американскимъ рѣкамъ, преимущественно по Миссисипи, и извѣстны всему свѣту своею величиною и роскошнымъ устройствомъ. Названія американскихъ волжскихъ пароходовъ компаніи Зевеке тоже вполнѣ американскія: «Миссисипи», «Миссури», «Ніагара», «Колорадо» и др. Есть прекрасные пароходы американскаго типа и у другихъ волжскихъ пароходныхъ обществъ: напримѣръ, «Суворовъ» общества «Кавказъ и Меркурій», «Пушкинъ» и «Лермонтовъ» общества «Самолетъ» и др.

Мнѣ пришлось идти на «Ніагарѣ». Это громадное судно, вмѣщающее сотни тысячъ пудовъ багажа и множество пассажировъ, состоитъ изъ двухъ этажей: внизу помѣщается багажъ, наверху—пассажиры. Вокругъ всего парохода идетъ широкая галлерея, защищенная отъ солнца и вѣтра; на ней публика проводитъ большую часть времени. Обстановка на пароходѣ такъ удобна и изящна, что ничего лучшаго и требовать нельзя. Очутившись на «Ніагарѣ», я въ первую минуту готова была забыть, что нахожусь на пароходѣ: мнѣ казалось, что я попала въ одинъ изъ первоклассныхъ европейскихъ отелей. Въ роскошно меблированной общей залѣ I класса раздавались звуки рояля; посреди нея находился длинный, красиво сервированный столъ, убранный растеніями, а за нимъ виднѣлись оживленныя, веселыя лица пассажировъ, на которыхъ не было и слѣда дорожной усталости и скуки. Да и мудрено, дѣйствительно, утомиться или соскучиться, незамѣтно скользя по гладкой, покойной поверхности красавицы-рѣки, любуясь роскошными видами, пользуясь всевозможными удобствами: библіотекой, газетами, ванной, даже магазиномъ, наполненнымъ

всякими хорошенькими бездѣлушками и разными другими вещами, которыя могутъ понадобиться во время пути. Помѣщеніе II класса тоже отлично устроено. Даже III классъ представляетъ такія удобства и такую чистоту, что не остается желать ничего лучшаго.

Пассажировъ на пароходѣ было много,—все народъ веселый и живой; правда, встрѣчалось между ними нѣсколько блѣдныхъ болѣзненныхъ лицъ,—это были больные, ѣхавшіе на Кавказъ и въ Крымъ; но и ихъ видъ не въ состояніи былъ омрачить радостное настроеніе большинства: слишкомъ уже весело и привѣтливо свѣтило раннее солнышко; слишкомъ привлекательная картина открывалась передъ глазами на рѣкѣ и на берегу.

Тамъ кипѣла работа. Цѣлыя сотни рабочихъ заняты были нагрузкою судовъ, въ томъ числѣ и нашего. Загорѣлые, босоногіе русскіе мужики, татары съ выдающимися скулами, въ остроконечныхъ бѣлыхъ войлочныхъ шляпахъ, какія они носили еще во времена Батыева нашествія, поднимали и тащили къ пароходу самую разнообразную кладь, которою былъ заваленъ весь берегъ: безчисленные кули, ящики, колокола, земледѣльческія машины и т. д. Шумъ и гамъ стояли невообразимые; ясно выдѣлялся только неизмѣнный русскій припѣвъ: «эй, ухнемъ!», который подхватывался десятками голосовъ.

— И какъ это имъ до пѣсенъ во время такой работы?—замѣтила, глядя на рабочихъ, одна изъ пассажирокъ, недалеко отъ меня стоявшая.

— Что вы, сударыня! Да безъ пѣсни у нихъ и дѣло не спорилось-бы,—отвѣтилъ ей какой-то сѣдобородый, почтенный старикъ.—Безъ пѣсни, они тянули-бы кладь врозь, каждый по себѣ; ну, а тутъ, какъ затянутъ они свое: «эй, ухнемъ!», да припалягутъ всѣ заразъ, такъ оно и лучше выходитъ. А то гдѣ-бы имъ справиться вонъ съ такой махиной,—прибавилъ онъ, указывая на огромный колоколъ, спускавшійся въ эту минуту въ люкъ.

Кончилась нагрузка, раздались условные три свистка, и нашъ пловучій домъ двинулся внизъ по широкой рѣкѣ, тихо и величаво пробираясь между покрывавшими ее без-

численными, разнообразными волжскими судами: баржами, барками, бѣлянами [1]), мокшанами [2]), суряками [3]) и проч.

Что за веселая, густо населенная мѣстность открывается за Нижнимъ-Новгородомъ! Вдоль рѣки тянется длинный рядъ слободъ и деревень, составляющихъ какъ-бы предмѣстья этого города. На противоположномъ, низменномъ берегу виднѣется прежде всего огромное село *Боръ* съ богатымъ пятиглавымъ соборомъ. На одномъ берегу съ Нижнимъ находятся деревни: *Печеры*, *Новая*, *Подновье*, извѣстная своими подновскими огурчиками особаго соленья, *Кузьминка* и многія другія.

Миновали мы знаменитую въ исторіи волжскаго судоходства мель, извѣстную подъ названіемъ *Телячьяго брода*, прошли мимо живописнаго села *Великій Врагъ* и часа черезъ два добрались до первой пристани, села *Работокъ*.

Я все время сидѣла на палубѣ, и чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ сильнѣе хотѣлось мнѣ ни на минуту не отрываться отъ того, что проходило передъ моими глазами. Много приходилось мнѣ слышать и читать о Волгѣ, но только тутъ, ставъ съ нею лицомъ къ лицу, поняла я всю ея прелесть. Волга имѣетъ для насъ значеніе не только одной изъ самыхъ большихъ и интересныхъ рѣкъ земного шара: она—рѣка чисто русская и, въ силу этого, безконечно дорогая каждому русскому человѣку. Взгляните, съ какою любовью смотрятъ на нее пассажиры 3-го класса—мужики, мастеровые, мелкіе купчики. Хороша Волга не только въ тѣхъ частяхъ, которыя поражаютъ всякаго своею живописностью, какъ, напримѣръ, у Нижняго-Новгорода, Жигулей, Васильсурска,—для большинства русскаго люда она мила даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только и видны низкій тальникъ, бѣлыя песчаныя отмели и бѣгающіе по нимъ кулики. Чѣмъ-то роднымъ, задушевнымъ, поэтичнымъ вѣетъ отъ нихъ. Правъ писатель, сказавшій о Волгѣ, что это «безконечная

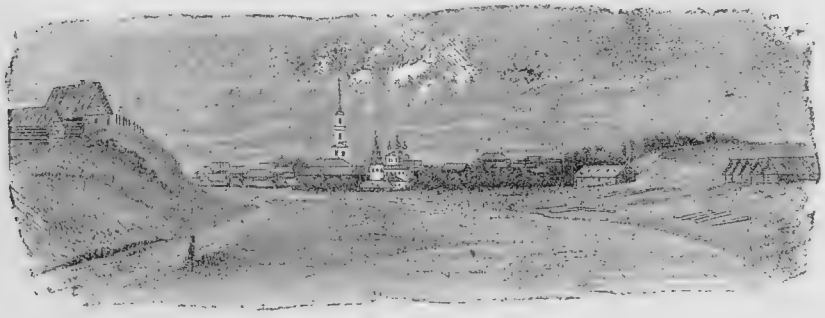
[1]) *Бѣляна*—огромная баржа, на которой сплавляютъ внизъ по Волгѣ лѣсъ изъ губерній, прилегающихъ къ Камѣ и Вяткѣ. Вверхъ по рѣкѣ съ бѣлянами не возвращаются, а, доведя ихъ до мѣста назначенія, разрубаютъ тамъ на дрова.

[2]) *Мокшанами* называются суда, которыя строятся на рѣкѣ Мокшѣ.

[3]) *Суряки* приходятъ съ хлѣбомъ съ рѣки Суры.

поэма, которую чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше хочется читать, тѣмъ больше она нравится»..

Часовъ около 4-хъ пополудни, прошли мы мимо громаднаго, богатаго села *Лыскова*, затѣмъ мимо лежащаго на противоположномъ лѣвомъ берегу стариннаго городка *Макарьева* и причалили къ селу *Исады*. Что за рѣзкую противоположность представляютъ эти два пункта—Лысково и Макарьевъ, лежащіе почти другъ противъ друга! Въ Лысковѣ все дышитъ довольствомъ; у пристаней его много судовъ; домики его заново отдѣланы, подчищены, подбѣлены; болѣе, чѣмъ на 4,000,000 рублей въ годъ торгуетъ



Село Лысково.

Лысково; болѣе 700 судовъ отпускаетъ оно ежегодно по Волгѣ. Въ Лысковѣ всюду жизнь, суета, движеніе; мало въ немъ воспоминаній о прошломъ.

Живописный, но грустный видъ представляетъ Макарьевъ или «Старый Макаръ», какъ его зовутъ на Волгѣ. На первомъ планѣ виднѣется старинный монастырь, находящійся въ сильномъ запущеніи: куполъ главной церкви въ немъ упалъ; окна въ кельяхъ повыбиты; широкій дворъ поросъ быльемъ. Болѣе отрадный видъ имѣетъ обновленный въ недавнее время небольшой храмъ преподобнаго Макарія, находящійся въ числѣ прочихъ пяти церквей въ монастырской оградѣ. Главную святыню его составляетъ икона св. Макарія, которая переносится на время ярмарки изъ монастыря въ Нижній-Новгородъ. Церковь Архистратига Михаила, воз-

вышающаяся надъ монастырскими вратами, также обновлена въ 1887 году. Все-же остальное въ монастырѣ и вокругъ него дышетъ ветхостью и запустѣніемъ.

А, между тѣмъ, какою шумною, дѣятельною жизнью кипѣлъ въ прежнія времена этотъ заброшенный забитый городокъ! Со всѣхъ концовъ стекались сюда торговые люди: сметливый русскій ярославецъ становился лицомъ къ лицу съ бухарцемъ, закутаннымъ въ свой пестрый халатъ; московскій купецъ покупалъ изъ первыхъ рукъ восточные ковры и ткани у персіянина въ остроконечной барашковой шапкѣ. Имя славной «Макарьевской ярмарки» гремѣло по всей Руси. Но наступили иныя времена: ярмарки не стало, ее перевели въ Нижній,—городокъ началъ постепенно замирать и замеръ окончательно. Теперь онъ славится только однимъ производствомъ—изготовленіемъ сундуковъ, множество которыхъ сплавляется ежегодно на Нижегородскую ярмарку.

Почему-же понадобилось перевести ярмарку изъ Макарьева въ Нижній? Причиной тому та самая Волга, которая однихъ любитъ и надѣляетъ всѣми благами земными, какъ нѣжная мать, а другихъ преслѣдуетъ хуже злой мачехи. Къ такимъ-то нелюбимымъ ея дѣтищамъ принадлежитъ, повидимому, и Макарьевъ. Все ближе и ближе подступаетъ она къ нему; все сильнѣе подмываетъ его берега, грозя въ одинъ прекрасный день окончательно снести монастырь; весной она заливаетъ его такъ, что весь городъ стоитъ въ водѣ, улицы превращаются въ рѣки, дворы,—въ озера, а городскія строенія представляютъ изъ себя острова. Все это такъ неудобно для торговли, что, волей-неволей, пришлось оставить старое, насиженное мѣстечко и перебраться съ ярмаркой на новоселье. Въ 1817 году, послѣ сильнаго пожара, истребившаго всѣ ярмарочныя постройки въ Макарьевѣ, ярмарка была переведена въ Нижній-Новгородъ, но названіе «Макарьевской» сохранилось за нею и до сихъ поръ.

Говоря о Макарьевѣ, нельзя не упомянуть объ основателѣ его, св. Макаріи, человѣкѣ «труда и сильный воли», много поработавшемъ на пользу родной земли. Макарій родился въ XIV вѣкѣ въ Нижнемъ, въ купеческой семьѣ.

Съ самаго ранняго дѣтства онъ обнаруживалъ черты необыкновенно впечатлительнаго, возвышеннаго характера, нашедшаго себѣ впослѣдствіи неисчерпаемый источникъ удовлетворенія въ религіи. Подросши и обучившись грамотѣ, онъ съ особенною любовью посѣщалъ нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ жадно слушалъ чтенія и разсказы о благочестивыхъ святыхъ подвижникахъ. Съ ранняго дѣтства имъ овладѣло страшное влеченіе къ религіозной дѣятельности. Торговыя дѣла отца, будничная обстановка домашней жизни, пустое времяпрепровожденіе и шумныя пирушки не могли удовлетворить юношу и казались ему подчасъ отвратительными; такъ не соотвѣтствовали они духу Евангельскаго ученія и дѣятельности людей истинно благочестивыхъ. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ рѣшился оставить семью и мірскую жизнь и ушелъ окончательно въ Печерскій монастырь. Со всею силою впечатлительной, страстной натуры предался онъ тамъ чтенію и подвижничеству. Въ благочестіи и святости жизни онъ превзошелъ скоро всю братію, такъ что о немъ начала уже распространяться слава. Но Макарій не искалъ ея; она даже мѣшала ему, и вотъ онъ принялъ, наконецъ, рѣшеніе оставить стѣны воспитавшей его обители и уйти въ пустыню. Подъ пустынею онъ подразумѣвалъ только тихое, уединенное отъ людей мѣсто; разстаться-же съ красотою нерукотвореннаго храма Божьяго—природы—онъ отнюдь не хотѣлъ, не хотѣлъ и удаляться отъ береговъ родимой Волги. Тамъ, невдалекѣ отъ Рѣшмы, построилъ онъ себѣ маленькую хижинку, въ которой и поселился одинъ. Но слава о новомъ подвижникѣ преслѣдовала его и здѣсь; многіе шли къ нему, желая раздѣлить съ нимъ жизнь, тяжелую для тѣла, сладостную для духа. Тогда Макарій устраиваетъ обитель, сооружаетъ церковь, но, исполнивъ это, онъ снова начинаетъ тяготиться окружающимъ его почетомъ и тайно покидаетъ основанный имъ монастырь, предварительно назначивъ замѣстителя себѣ. Онъ ушелъ за Волгу; долго шелъ онъ по ней на востокъ разными глухими мѣстами и, наконецъ, остановился въ землѣ черемисъ, противъ того мѣста, гдѣ въ Волгу впадаетъ рѣчка *Сундовикъ*.

Недолго прожилъ онъ одинъ въ своей маленькой пе-

щеркѣ: стоустная молва открыла его и здѣсь; многотруждающіеся и обремененные тяжкими житейскими невзгодами приходили къ славному и доброму подвижнику, который былъ необычайно братолюбивъ. Мало-по-малу, братіи накопилось столько, что Макарій нашелъ нужнымъ и здѣсь построить церковь и учредить монастырское общежитіе. Братія, конечно, избрала его игуменомъ. Макарію было уже 85 лѣтъ, но онъ забывая свои преклонныя лѣта и свое положеніе, трудился, какъ простой работникъ: мололъ зерна, пекъ и варилъ для всѣхъ пищу, считая себя, какъ говоритъ его житіе,—«не наставникомъ и учителемъ, а рабомъ и послушникомъ». Но чѣмъ большее смиреніе обнаруживалъ онъ, тѣмъ сильнѣе росла о немъ громкая слава. Народъ стекался къ нему отовсюду. Даже черемисы-язычники прониклись благоговѣйнымъ почтеніемъ къ подвижнику и приносили ему пшеницу, медъ и все, въ чемъ онъ нуждался. Макарій ласково принималъ къ себѣ язычниковъ, предлагая имъ, наравнѣ съ христіанами, убѣжище, пищу и покой. Много пожертвованій поступало, конечно, и отъ христіанъ. Обитель росла и крѣпла. Но ее постигла страшная невзгода: во время одного изъ татарскихъ набѣговъ она была окончательно разрушена; часть братіи была перебита, часть уведена въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ находился и Макарій. Но почтенный видъ старца и необычайная слава о немъ внушили татарскому хану Улу-Мехмеду уваженіе къ святому подвижнику. Онъ гнѣвно укорялъ своихъ воеводъ за то, что они оскорбили такого человѣка, и велѣлъ немедленно освободить его, съ условіемъ, впрочемъ, чтобъ онъ шелъ, куда ему угодно, но не оставался на старомъ мѣстѣ. Макарій испросилъ свободу и остальнымъ плѣннымъ, предалъ погребенію тѣла убитыхъ и удалился изъ разореннаго монастыря.

До сихъ поръ видна въ оградѣ Макарьевскаго монастыря часовенка съ колоннами, къ которымъ прикрѣплена слѣдующая надпись: „На семъ мѣстѣ погребена избіенная братія сія обители. Сіе бысть въ 1432 году, во время великаго князя Василія Васильевича. Бысть нашествіе агарянъ на Россію и напали нечаянно на сію обитель и побили братію, а ины взяша въ плѣнъ съ преподобнымъ

1) Часть сѣверной стѣны въ Макарьевскомъ монастырѣ. 2) Макарьевъ-Желтоводскій-Троицкій монастырь. 3) Сѣверныя ворота въ Макарьевскомъ монастырѣ. 4) Внутренній видъ Троицкаго собора въ Макарьевскомъ монастырѣ.

Макаріемъ и привели къ своему воеводѣ, и отпусти ихъ воевода, и прінде преподобный Макарій и погребе братію на семъ мѣстѣ».

Макарій удалился на *Унжу*—рѣку, впадающую съ лѣвой стороны въ Волгу, недалеко отъ рѣки Ветлуги, и основалъ тутъ новый монастырь. Такимъ образомъ, русскій народъ обязанъ этому замѣчательному человѣку многимъ: благодаря Макарію, возникли городъ Макарьевъ на Волгѣ и богатое село Лысково; наконецъ, благодаря ему-же, въ глуши костромскихъ лѣсовъ, на Унжѣ, возникъ другой городъ Макарьевъ.

VIII.

Керженецъ—святая рѣка старообрядцевъ.—Пѣсни и преданія верхняго Заволжья.—Иванова ночь.—Купальскіе огни.—Озеро Свѣтлояръ и невидимый городъ Китежъ.—Раскольники.—Ихъ скиты.—Занятія и довольство жителей верхняго Заволжья

ПРИБЛИЖАЯСЬ къ Макарьеву, проплыли мы мимо того мѣста, гдѣ въ Волгу впадаетъ *Керженецъ*,

«Рѣчка быстрая, омутистая,
«Омутистая лѣва—Керженка».

какъ поютъ о ней народныя пѣсни.

Ни величиной, ни географическимъ своимъ значеніемъ не замѣчательна эта рѣка. Течетъ она на протяженіи какихъ-нибудь 200 верстъ, главнымъ образомъ по Семеновскому и Макарьевскому уѣздамъ Нижегородской губерніи, а лѣса сплавляется по ней тысячъ на 15—не болѣе. Берега ея, поросшіе густыми лѣсами, не особенно сильно заселены. Но что это за своеобразное, интересное населеніе! Житье-бытье его яркими красками описано въ талантливомъ произведеніи покойнаго П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго)—«Въ лѣсахъ».

«Верховое Заволжье, — пишетъ онъ,—край привольный. Тамъ народъ досужій, бойкій, смышленный и ловкій. Таково Заволжье сверху—отъ Рыбинска, внизъ—до устья Керженца. Ниже не то: пойдетъ лѣсная глушь, Луговая Черемиса, чуваши, татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народъ тамъ другой: хоть русскій, но

не таковъ, какъ въ Верховьѣ. Тамъ новое заселенье, а въ заволжскомъ Верховьѣ Русь изстари усѣлась по лѣсамъ и болотамъ».

Свѣжи въ этомъ, чисто русскомъ, съ древнихъ временъ заселенномъ краѣ преданія глубокой старины. Разскажутъ вамъ тамъ и о тяжелыхъ временахъ татарщины, укажутъ и «тропу Батыеву»—ту дорогу, по которой двигался грозный завоеватель со своими полчищами. Еще дальше заходятъ народныя воспоминанія; въ тихія весеннія ночи до сихъ поръ поются тамъ пѣсни о «Громѣ Гремучемъ», о «Матери-Сырой-Землѣ», о веселомъ «Ярилѣ», богѣ весны,—тѣ самыя пѣсни, что пѣвались лѣтъ за тысячу тому назадъ нашими предками-язычниками, обоготворявшими великія явленія природы.

«Каждую весну,—такъ говорится въ этихъ пѣсняхъ,—поднимается Великъ Громъ-Гремучій отъ долгаго сна и, сѣвъ на коней своихъ—сизыя тучи, хлыщетъ золотой вожжей—палючей молніей Мать-Сыру-Землю. Мать-Земля отъ того просыпается, молодѣетъ, краситъ лицо цвѣтами и злаками, пышетъ силой, здоровьемъ,—жизнь по жиламъ ея разливается... Все оживаетъ: и поля, и луга, и темныя рощи, и дремучіе лѣса... Стукнетъ Громъ-Гремучій по небу горючимъ молотомъ, хлыстнетъ золотой вожжей,—и пойдетъ по землѣ веселый *Яръ* гулять... Ходитъ Яръ-Хмель по ногамъ, и тѣ ноги «хмелевыми» зовутся. Молодежь въ тѣ ночи пѣсни играетъ, хороводы водитъ, въ горѣлки бѣгаетъ отъ вечерней зари до утренней...

«Ходитъ тогда Ярило ночною порою въ бѣломъ объярининомъ [1]) балахонѣ, на головушкѣ у него вѣнокъ изъ алаго мака, въ рукахъ у него спѣлые колосья всякой яри [2]). Гдѣ ступитъ Яръ-Хмель,—тамъ яровой хлѣбъ, не сѣянный, выростаетъ. Глянетъ Ярило на чисто поле—лазоревы цвѣточки на немъ занестрѣютъ; глянетъ на темный лѣсъ—птички защебечутъ и пѣснями громко зальются; на воду глянетъ—бѣлыя рыбки весело въ ней заиграютъ.

[1]) *Объярь*—волнистая шелковая матерія (муаръ) съ серебряными струями, иногда съ золотыми.

[2]) Яровой хлѣбъ: пшеница, ячмень, овесъ, греча и др.

Только ступитъ Ярило на землю—соловьи прилетятъ; помретъ Ярило въ Ивановъ день—соловьи смолкнутъ.

«Ходитъ Ярилушко по темнымъ лѣсамъ, бродитъ Хмелинушка по селамъ-деревнямъ. Самъ собой Яръ-Хмель похваляется: «нѣтъ меня, Ярилушки, краше, нѣтъ меня, Хмеля, веселѣе:—безъ меня, веселаго, пѣсенъ не играютъ, безъ меня, молодого, свадебъ не бываетъ...»

Наступаетъ ночь наканунѣ Ивана Купалы [1])... У рыбаковъ сложилось на этотъ счетъ такое преданіе: въ ту ночь вода подергивается серебристымъ блескомъ, а бывалые люди говорятъ, что въ лѣсахъ тогда деревья съ мѣста на мѣсто переходятъ и шумомъ вѣтвей межъ собой бесѣды ведутъ... Сорви въ ту ночь огненный цвѣтъ папортника,—и ты поймешь языкъ всякаго дерева и всякой травы; понятны станутъ тебѣ разговоры звѣрей и рѣчи домашнихъ животныхъ... Тотъ «цвѣтъ-огонь»—даръ Ярилы... Только что наступитъ полночь, изъ средины широколистнаго папортника поднимается цвѣточная почка; шевелится она, двигается, ровно живая, и вдругъ, съ страшнымъ трескомъ, разрывается, и тутъ является огненный цвѣтъ... Незримая рука тотчасъ срываетъ его... Страшно подходить къ чудесному цвѣту; рѣдко кто рѣшится идти за нимъ въ Иванову ночь. Такой смѣльчакъ развѣ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ сыщется, да и тотъ не добромъ кончаетъ... Духи мрака, духи хлада, духи смерти. искони враждебные Солнцу-Ярилѣ, жадно стерегутъ отъ людей его даръ. Они срываютъ цвѣтъ-огонь, они напускаютъ ужасы, страхи и напасти на смѣльчака, что пойдетъ за нимъ въ завѣтную Иванову-ночь. Они увлекаютъ его за собой въ страну мрака и смерти, гдѣ уже не властенъ отецъ-Ярило... Страшно поклоняться Ярилѣ въ лѣсу, передъ таинственнымъ цвѣтомъ-огнемъ, за то весело и радостно чествовать свѣтлаго Яра купальскими огнями.

Набравъ шиповнику, крапивы и другихъ колючихъ и жгучихъ растеній, покрываютъ ими давно заготовленныя кучи хвороста и сухихъ листьевъ. И лишь только спрячется солнышко и начнетъ гаснуть заря вечерняя, начи-

[1]) Рожденіе Іоанна Крестителя, 24 іюня.

наютъ во славу Яра живой огонь «взгнетать (добывать). Для этого въ сухой березовой плахѣ прорѣзываютъ круглое отверстіе и плотно пригоняютъ къ нему сухое же березовое, очищенное отъ коры, круглое полѣно. Черезъ треніе его въ отверстіе плахи получается огонь. Дѣломъ этимъ занимаются одни старики... И когда старики «взгнетаютъ» живой огонь, другіе люди безмолвно и недвижно стоятъ вокругъ священнодѣйствія, ожидая въ благоговѣйномъ страхѣ чуднаго явленія «божьяго посла» — царя-огня.

Потомъ обливаются старики, «творя Божье дѣло»... Впившись глазами въ отверстіе плахи, стоитъ возлѣ нихъ по праздничному разодѣтая дѣвочка-подростокъ съ сухой лучиной въ высоко поднятой рукѣ. Разгорѣлось дѣтское личико, смотритъ она—не смигнетъ, сама дыханья не переводитъ, но не дрожитъ поднятая къ небесамъ ученка. Безмолвно, набожно глядитъ толпа на работу стариковъ... Въ вечерней тиши только и слышны трескъ сухого дерева, вздохи стариковъ да шептанье христіанскихъ молитвъ. Но вотъ задымилось въ отверстіи плахи, вотъ вспыхнулъ огонекъ, и просіявшая отъ восторга дѣвочка, въ строгомъ молчаніи, бережно подноситъ къ нему лучину... Снизошелъ Божій посолъ!.. Явился «царь-огонь»! Загорѣлся въ кострахъ великій даръ живоноснаго бога!.. Радостнымъ крикомъ, веселому гомону, громкимъ пѣснямъ нѣтъ ни конца, ни края.

Въ густой, влажной травѣ свѣтятся Ивановы червяки (свѣтляки), ровно зеленымъ пламенемъ они переливаются; тускнѣетъ заря на небѣ; ярко разгораются купальскіе костры, обливая красноватымъ свѣтомъ темныя деревья и отражаясь въ сонныхъ водахъ алыми столбами... Вся молодежь передъ кострами; дѣвушки въ вѣнкахъ изъ любистка и краснаго мака, нитью съ травяными поясами, у всѣхъ молодцовъ цвѣты на шляпахъ... Крѣпко схватившись за руки, прыгаютъ они попарно черезъ огонь. До утра кипитъ веселье молодежи вокругъ купальскихъ костровъ, и на зарѣ только расходятся они, кто по перелѣскамъ, кто по овражкамъ.

Такъ вспоминаетъ и хранитъ преданія предковъ народъ въ верховыхъ приволжскихъ губерніяхъ; такъ сохра-

нялись они въ теченіе многихъ вѣковъ и на берегахъ Керженца. Вблизи этой рѣки есть такое мѣсто, гдѣ въ стародавнія времена бывали великія народныя сходбища. Сходился тутъ народъ справлять празднества Свѣтлаго Яра. На обширной, плоской, безлѣсной равнинѣ возвышается раздвоенный холмъ, поросшій столѣтними дубами. Двумя мысами вдается онъ въ обширное, глубокое озеро. Воды озера никогда не мутятся; что ни бросить въ нихъ—ничего не принимаютъ: на другой-же день выкидываютъ брошенное обратно на берегъ. Озеро это зовется, по имени старорусскаго бога, *Свѣтлымъ Яромъ*. Здѣсь водились въ стародавнія времена хороводы на Красную Горку, величали Микулу Селяниновича [1]), справляли именины Сырой-Земли... Но наступили другія времена. Появились въ тѣхъ мѣстахъ люди, которые стали называть собранія эти «бѣсовскими сходбищами», противными Богу. Назвали они озеро Свѣтлояръ и холмы надъ нимъ «святымъ мѣстомъ», на которомъ стоитъ, невидимо для людей, городъ Божьихъ Святыхъ, великій градъ *Китежъ*. Стали эти боголюбивые отцы и пречестныя матери во дни, предназначенные торжественнымъ празднествамъ бога Яра, являться къ озеру съ иконами, священными книгами, крестами. Огласились берега Свѣтлояра чтеніемъ псалмовъ и духовнымъ пѣніемъ. Поборники бога Яра вступали иногда въ рукопашную съ поборниками келейныхъ отцовъ, и тогда у озера бывали смертные бои, великое кровопролитіе. Но старцы и старицы не унывали. Съ каждымъ годомъ ихъ поборниковъ становилось все больше и больше, а ярилиныхъ все меньше и меньше. Наконецъ, шумныя празднества веселаго Яра уступили окончательно мѣсто молчаливымъ сходбищамъ на поклоненіе невидимому граду.

Тысячи богомольцевъ стекаются каждое лѣто къ таинственному озеру Свѣтлояру. Въ теплые лѣтніе вечера множество огоньковъ мерцаетъ въ темной листвѣ старинныхъ дубовъ, которыми густо заросли берега озера. Красноватое пламя восковыхъ свѣчей освѣщаетъ иконы, прикрѣпленныя къ громаднымъ сучьямъ, темныя фигуры людей, медленно

[1]) Микула Селяниновичъ—одинъ изъ богатырей русскихъ былинъ.

снующихъ туда и сюда, и разнообразныя группы богомольцевъ, расположившихся на сочной, густой травѣ. Вонъ, передъ большой серебряной иконой курится ладанъ и стоитъ нѣсколько женщинъ, благоговѣйно устремившихъ на нее полные слезъ глаза; тутъ-же какой-то монахъ медленно, протяжно поетъ молитвы. Въ другомъ мѣстѣ дряхлая старушка лежитъ ницъ передъ простой деревянной иконой съ тоненькой восковой свѣчкой; красивый парень и молодая женщина въ пестромъ сарафанѣ молча и усердно кладутъ земные поклоны. Вонъ, на сваленномъ пнѣ виднѣется длинная, сгорбленная фигура сѣдого старика съ тоненькой, засаленной книжкой на колѣняхъ. Его окружаетъ толпа богомольцевъ съ напряженно-внимательными лицами. Молодой парень прямо надъ книжкой держитъ восковой огарокъ, и слабые лучи этого оплывающаго огарка падаютъ на морщинистое, строгое, спокойное лицо старика, медленно, торжественно и внятно читающаго тоненькую книжечку, которая есть не что иное, какъ «Китижскій Лѣтописецъ» —повѣствованіе о чудесномъ градѣ Китижѣ.

«Когда безбожный царь Батый,—такъ гласитъ оно,—разорилъ Русь суздальскую, то онъ пошелъ на богатый, славный городъ Китижъ, стоявшій на холмистомъ берегу озера Свѣтлояра. Городъ этотъ онъ рѣшилъ сжечь, а жителей увести въ плѣнъ. Но не допустилъ Господь басурманскаго поруганія надъ святынею христіанскою. Десять дней, десять ночей искали ослѣпленныя полчища Батыя града Китижа и не могли сыскать его; онъ сдѣлался невидимъ, стоитъ до сихъ поръ невидимъ и откроется только въ день страшнаго суда. Но люди благочестивые, въ видѣ особенной милости Господней, сподобляются видѣть стѣны, церкви и монастыри исчезнувшаго изъ глазъ людскихъ города отраженными въ свѣтлыхъ водахъ озера Свѣтлояра и слышать серебряный звонъ колоколовъ китижскихъ».

Жадно слушаютъ окружающіе этотъ разсказъ о чудесномъ исчезновеніи города Китижа и о томъ, какими подвигами можно достичь счастья узрѣть невидимый градъ. Кругомъ стоитъ торжественная тишина, лишь изрѣдка прерываемая глубокимъ вздохомъ кого-нибудь изъ слушающихъ.

Вонъ, въ сторонѣ, хорошенькая бѣлокуренькая дѣвочка шепотомъ, но такъ настойчиво, съ такимъ горячимъ любопытствомъ разспрашиваетъ свою мать: «гдѣ-же городъ, на который они пріѣхали посмотрѣть изъ такихъ далекихъ мѣстъ? Гдѣ терема? Гдѣ церкви съ серебряными колоколами?»

— Ахъ, ты, глупенькая, — отвѣчаютъ ей окружающіе: — вѣдь городъ невидимъ. Только однимъ праведнымъ людямъ Господь открываетъ глаза, чтобы видѣть его; но онъ стоитъ тутъ, на этихъ холмахъ. Вотъ здѣсь возвышается соборъ, здѣсь — церковь, здѣсь — другая! — объясняютъ ей, указывая на деревья.

Съ любопытствомъ всматривается дѣвочка въ темную массу роскошныхъ дубовъ, съ мелькающими всюду огоньками, и ожидаетъ, что вотъ-вотъ исчезнутъ эти деревья съ прикрѣпленными къ нимъ восковыми свѣчами, съ богатыми и бѣдными иконами и, вмѣсто нихъ, появятся великолѣпные храмы, старинные боярскіе дома съ высокими теремами и зелеными садами.

Дѣвочку ведутъ къ озеру, уговариваютъ ее лечь на берегъ и пристально смотрѣть на тихую зеркальную поверхность Свѣтлояра.

— Кто знаетъ, можетъ быть, ее, ангельскую душеньку, и сподобитъ Господь узрѣть невидимый городъ, услышать звонъ его колоколовъ?—думаютъ богомольцы, глядя на ребенка, жадно прижавшагося къ берегу своею русою головкою. Долго, упорно, съ полною надеждою смотритъ дѣвочка въ свѣтлыя струи озера. Сколько будутъ смотрѣть и послѣ! Живучи въ народѣ преданія старины...

По нѣкоторымъ особенностямъ въ обрядахъ богомольцевъ, которые собираются на берегахъ Свѣтлояра, въ нихъ нетрудно признать такъ называемыхъ *старообрядцевъ* или *раскольниковъ*.

Расколъ возникъ въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Самымъ приближеннымъ лицомъ къ царю, въ теченіе многихъ лѣтъ, былъ знаменитый патріархъ Никонъ, человѣкъ необыкновеннаго ума, энергіи и желѣзной воли, имѣвшій на Алексѣя Михайловича огромное вліяніе. Наиболѣе выдающимся событіемъ въ дѣятельности Никона было предпринятое имъ исправленіе духов-

ныхъ книгъ. По недостатку образованности, въ XV и XVI вѣкахъ въ русской церкви распространилось нѣсколько мнѣній, которыхъ не допускала православная восточная церковь,—мнѣній, касавшихся, большею частью, одной внѣшности обрядовъ, но очень важныхъ въ глазахъ людей, которые, по умственной неразвитости, придаютъ особенное значеніе внѣшнему, обрядамъ, буквѣ; такъ, напримѣръ, что надобно произносить Ісусъ, вмѣсто Іисусъ, складывать два пальца, а не три при крестномъ знаменіи, не брить бороды и усовъ и т. п. Такія мнѣнія замѣшались даже въ богослужебныя книги, и когда эти книги начали печататься безъ надлежащаго исправленія, то ошибки, вкравшіяся въ нихъ, распространились во всемъ народѣ, въ глазахъ котораго явились освященными. Желая возстановить вѣрность духовныхъ сочиненій, Никонъ рѣшился исправить ихъ, согласно со старинными русскими и греческими рукописями. Мѣра эта, разумная и хорошая, подняла, однако-жъ, цѣлую бурю въ тогдашнемъ русскомъ мірѣ. Многія духовныя лица, а вслѣдъ за ними и множество народа возстали противъ исправленныхъ духовныхъ книгъ, ужасаясь при мысли, что имъ велятъ молиться по новому, не такъ, какъ молились и спасались ихъ предки и святые угодники. Къ мысли о нововведеніяхъ въ вѣрѣ тотчасъ-же присоединилась мысль о послѣднихъ временахъ, объ антихристовомъ пришествіи; и вотъ, множество людей предпочло бѣжать въ глухія, незаселенныя мѣстности, лишь-бы только не отступать отъ *старой вѣры*, которую они считали истинною.

Дремучіе лѣса нашихъ сѣверныхъ губерній и Верхняго Заволжья представляли въ этомъ отношеніи много преимуществъ для старовѣровъ. Тамъ ихъ никто не преслѣдовалъ по той простой причинѣ, что края эти были совсѣмъ дикіе, безлюдные. Въ непроходимыхъ заволжскихъ дебряхъ можно было встрѣтить тогда развѣ только бѣглаго холопа,—крестьянина, несмогшаго примириться съ незадолго до того возникшимъ крѣпостнымъ правомъ, людей, бѣжавшихъ отъ долговъ, и тому подобныхъ несчастливцевъ. Старообрядцы могли, такимъ образомъ, безпрепятственно тамъ селиться и строить свои *скиты*, которые, одинъ за другимъ, возникали въ заволжскихъ лѣсахъ.

Заволжскіе раскольничьи скиты, другими словами—раскольничьи монастырскія общежитія, состоятъ изъ нѣсколькихъ *обителей*, которыя строятся въ кругъ, со зданіями, обращенными лицевой стороной внутрь круга. Одни изъ этихъ зданій стоятъ отдѣльно, другія соединяются между собою крытыми ходами, по двѣ, по три избы вмѣстѣ, и весело глядятъ своими чистенькими окошечками, съ бѣлыми занавѣсками и цвѣтами, на скитскую часовню, довольно большой четырехъугольный домъ, съ крестомъ на круглой крышѣ и двумя небольшими колокольнями. Но не звонятъ колокола на этихъ колокольняхъ, а вмѣсто этого повѣшено три доски: одна чугунная и двѣ деревянныя. Когда наступаетъ часъ молитвы, къ доскамъ этимъ подходитъ кто-нибудь изъ обитателей скита и начинаетъ колотить въ нихъ молоткомъ.

Въ самомъ большомъ домѣ обители, со множествомъ свѣтелокъ, переходовъ, сѣней и чулановъ, живетъ настоятельница. Были прежде въ Заволжьѣ и мужскіе скиты, но, съ теченіемъ времени, число ихъ все уменьшалось, и теперь сохранились одни только женскіе. Произошло это, по всей вѣроятности, потому, что въ женскихъ твердо сохранилось и повиновеніе старшимъ, и подчиненіе разъ заведеннымъ порядкамъ, тогда какъ въ мужскихъ своеволіе и непокорность въ корень разрушили общинное устройство.

Каждая обитель, стоящая въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прочихъ, имѣетъ свое управленіе, свое хозяйство, свою службу; но всѣ обители одного скита поддерживаютъ между собою связь, хотя иногда и не особенно тѣсную.

Главною распорядительницею работъ и всего хозяйства обители является *настоятельница* или *игуменья*. Ей помогаютъ: *уставщица*—по часовенной службѣ и по всему, что касается религіозной части; *казначея*, у которой на рукахъ имущество обители, деньги и всякаго рода запасы, исключая съѣстныхъ, которыми завѣдываетъ *мать-келарь*, распоряжающаяся поварней и столовой. Кромѣ этихъ главныхъ лицъ, заправляющихъ жизнью обители, живутъ тамъ еще непостриженныя, большею частью, молодыя дѣвушки, такъ называемыя *бѣлицы* и *трудницы*. Первыя принадлежатъ преимущественно къ зажиточнымъ семьямъ

и отдаются родителями въ скитъ для того, чтобы въ тишинѣ монастырскихъ стѣнъ выучиться всякимъ женскимъ рукодѣліямъ, церковному чтенію и письму. Труженицы-же занимаются въ скиту черною работою.

Да и не онѣ одни, а всѣ обитательницы скита ведутъ дѣятельную, трудовую жизнь. Нѣтъ тамъ дармоѣдовъ, потому и не нуждается ни въ чемъ даже самая скромная обитель. Всего въ ней достаточно: постройки крѣпки, чистота внутри такая, что и въ Голландіи лучше ничего не найдешь. Если-же и встрѣтится въ чемъ-нибудь недохватокъ, такъ его сейчасъ пополняютъ добровольныя приношенія мірянъ-старообрядцевъ, дорожащихъ своими скитами.

Довольствомъ, трудолюбіемъ, бережливостью отличаются не только заволжскіе скитскіе жители, но и вообще всѣ заволжане.

«Другой на мѣстѣ заволжанина давно-бы съ голоду померъ,—пишетъ Мельниковъ,—но онъ—не лежебока. Чего земля не дала,—умѣньемъ взяться за дѣло беретъ. Не побрелъ заволжскій мужикъ въ чужу-дальнюю сторону, какъ сосѣди его, нижегородцы и костромичи. Нѣтъ, и дома сумѣлъ онъ приняться за выгодный промыселъ: варежки началъ вязать, поярокъ валять, шляны да сапоги изъ него дѣлать, также шить, топоры да гвозди ковать, вѣсовыя коромысла чуть-ли ни на всю Россію дѣлать. А коромысла-то какія! Хоть въ аптеку бери—сдѣланы вѣрно.

«Лѣса заволжанина кормятъ. Ложки, чашки, блюда заволжанинъ точитъ да краситъ; грабли, веретена и другой щепной товаръ работаетъ; ведра, кадки, ковши—все, что изъ лѣса можно добыть, рукъ его не минуетъ.

«За то,—говорится далѣе въ «Лѣсахъ»,—заволжанинъ безъ горячаго спать не ложится; по воскреснымъ днямъ хлебаетъ мясное; изба у него просторная, печь съ трубой. А чистота какая въ заволжскихъ домахъ! Славятъ нѣмца за чистоту, русскаго корятъ за грязь и неряшество. Побывали-бы за Волгой тѣ славильщики, не то-бы сказали. Кто знакомъ только съ нашими степными да съ черноземными деревнями, въ голову тому не придетъ, какъ искони живутъ заволжане...»

Но довольно, однако-же, говорить о Верхнемъ Заволжьѣ.

Если-бъ мы захотѣли пересказать всѣ тѣ интересныя вещи, которыя оно представляетъ, намъ пришлось-бы пересказать цѣликомъ многочисленныя сочиненія покойнаго П. И. Мельникова; поэтому предоставляемъ читателю познакомиться съ нимъ въ подлинникѣ и тронемся далѣе, «внизъ по Матушкѣ по Волгѣ».

IX.

Васильсурскъ—стерляжья столица.—Сура.—Ветлуга—лыковая рѣка.—Лѣсное царство.—Козьмодемьянскъ.—Чебоксары—столица чувашей.—Откуда взялись на Волгѣ инородцы?

ВЕЧЕРѢЛО... Солнце склонялось къ закату. Поднялся свѣжій вѣтерокъ, весь пропитанный запахомъ лѣса, полевыхъ цвѣтовъ, только что скошеннаго сѣна. Доносилась съ нимъ до насъ съ берега и соловьиная пѣснь...

На высокомъ правомъ берегу Волги показался необыкновенно живописный городокъ, весь утопавшій въ зелени, горѣвшій алымъ заревомъ заката. Это былъ *Васильсурскъ*, находящійся при впаденіи въ Волгу рѣки *Суры*.

Сура беретъ свое начало въ Симбирской губерніи; течетъ она по богатымъ, хлѣбороднымъ губерніямъ: Симбирской, Пензенской, Казанской и Нижегородской, откуда по ней сплавляютъ множество хлѣба, преимущественно ржи. Въ одномъ *Промзинѣ*, огромномъ селѣ Симбирской губерніи,—главной присурской пристани, грузится ежегодно около милліона пудовъ ржи.

Значительная хлѣбная торговля ведется и въ самомъ Васильсурскѣ. Кромѣ того, городъ этотъ замѣчателенъ своими стерлядями; такихъ крупныхъ, жирныхъ стерлядей, какъ въ Сурѣ, не водится ни въ Волгѣ, ни въ Камѣ. Въ народѣ говорятъ, что въ Сурѣ самъ стерляжій царь живетъ. На головѣ у него золотой вѣнецъ, который издали блеститъ, какъ звѣзда. Живетъ онъ на самомъ днѣ рѣки въ глубокой ямѣ, разукрашенной драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Не приведи Богъ рыбаку увидѣть стерляжьяго царя: хоть совсѣмъ тогда ловъ бросай,—ни одной стерлядки ему не попадется.

Плывемъ дальше... Все чище и благоуханнѣе становится вечерній воздухъ, все громче раздаются на берегу трели соловьевъ. Въ сумерки проходимъ мимо *Ветлуги*—лыковой рѣки. Ветлуга беретъ начало въ Вятской губерніи, протекаетъ по Костромской, отчасти по Вологодской, затѣмъ по Нижегородской и впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны, на границѣ Казанской губерніи.

Направившись отъ Нижняго внизъ, къ Казани, мы видѣли сначала на берегу вереницу фруктовыхъ, преимущественно яблочныхъ, садовъ, въ которыхъ утопалъ длинный рядъ упомянутыхъ уже выше селъ и деревень, составляющихъ какъ-бы преддверіе Нижняго; приближаясь же къ Ветлугѣ, мы переходимъ изъ «царства яблочнаго» въ предѣлы волжскаго «лѣсного царства», центромъ котораго является сама Ветлуга, а главнымъ рынкомъ—городъ *Козьмодемьянскъ*, находящійся въ 7-ми верстахъ ниже впаденія ея въ р. Волгу.

По Ветлугѣ сплавляется множество лѣсного груза: луба, лыка, мочалъ, рогожъ, теса, смолы и т. д. Цѣлыя деревни по этой рѣкѣ живутъ, главнымъ образомъ, лѣсными промыслами. Много лѣса идетъ и съ знакомой намъ Унжи, но главнымъ источникомъ лѣсныхъ богатствъ Поволжья являются Прикамскіе лѣса. Съ Камы идетъ богатѣйшій лѣсъ на прекрасныхъ, массивныхъ и нарядныхъ плотахъ, съ затѣйливо выстроенными на нихъ избушками для рабочихъ. Волжское лѣсное дѣло имѣетъ огромное значеніе, снабжая лѣсомъ всю восточную полосу Россіи и степной Донъ. На Козьмодемьянской ярмаркѣ, начинающейся въ маѣ и продолжающейся два мѣсяца, идутъ милліонные обороты. Самъ Козьмодемьянскъ, незначительный уѣздный городокъ Казанской губерніи, необыкновенно оживляется во время этой ярмарки, и 10-ти-тысячное населеніе его почти удвоивается.

Ниже Козьмодемьянска лѣсное дѣло сильно развито въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи, но тутъ оно имѣетъ другой характеръ. Въ Козьмодемьянскѣ сосредоточивается, главнымъ образомъ, лучшій для построекъ лѣсъ, сосновый и еловый; въ Казанской-же губерніи преобладаетъ чернолѣсье: липа, дубъ, кленъ и проч. Все это слу-

жить матеріаломъ для мѣстной кустарной промышленности. Здѣсь сильно развиты столярныя работы и, въ частности, экипажное дѣло, а именно: производство прочныхъ и дешевыхъ бричекъ и телѣжекъ.

Изъ Унженскаго и Ветлужскаго края гонятся, кромѣ лѣса, также уголь и смола на огромныхъ бѣлянахъ, которыя идутъ уже не въ Козьмодемьянскъ, а гораздо дальше—въ Царицынъ, откуда этотъ грузъ переправляется по Волго-Донской желѣзной дорогѣ на Донъ.

Миновавъ Козьмодемьянскъ, мы вскорѣ подошли къ слѣдующему небольшому приволжскому городку *Чебоксарамъ*, живописно раскинувшемуся на холмистомъ берегу. Подъѣзжая къ Чебоксарамъ, путешественники обыкновенно интересуются «падающею башнею»; такое названіе носила долгое время покосившаяся высокая колокольня одной изъ многочисленныхъ чебоксарскихъ церквей. Но въ настоящее время городъ утратилъ эту достопримѣчательность: колокольня перестроена, такъ какъ грозила рухнуть. Существуетъ въ Чебоксарахъ еще другая подобная колокольня, но наклонъ ея слишкомъ незначителенъ, и она врядъ-ли можетъ замѣнить прежнюю достопримѣчательность.

Чебоксары слывутъ подъ названіемъ «чувашской столицы». На пристани, базарѣ, улицахъ, словомъ—всюду встрѣчаются тутъ сѣрые кафтаны и черныя онучи чувашей и своеобразные *хошпу* (головной уборъ) чувашенокъ. Живутъ они въ деревняхъ, въ городъ-же пріѣзжаютъ, главнымъ образомъ, для сбыта яицъ, такъ какъ куроводство является тутъ однимъ изъ видныхъ мѣстныхъ промысловъ. Милліоны яицъ идутъ изъ этихъ мѣстностей въ Петербургъ и за границу,—главнымъ образомъ, въ Англію.

Кромѣ *чувашъ*, живущихъ на правомъ берегу Волги, встрѣчаются тутъ и *черемисы*, живущіе на обоихъ берегахъ, горномъ и луговомъ, на ряду съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, а по сосѣдству съ ними живетъ еще и *мордва*—самое древнее изъ всѣхъ этихъ племенъ.

Не является-ли у васъ при этомъ вопросъ: да откуда-же взялись всѣ эти инородцы въ сердцѣ Россіи, на берегахъ великой русской рѣки? Чтобъ отвѣтить на него, припом-

нимъ прежде всего, что наша родина не всегда была такою, какою мы ее знаемъ теперь; въ древнія времена она не составляла одного цѣлаго, нераздѣльнаго государства; въ ней не было сильнаго, осѣдлаго народа. Взглянемъ на карту Россіи: вотъ, начиная отъ мѣста, гдѣ оканчиваются Уральскія горы, вплоть до Каспійскаго моря, находится большое, ровное степное пространство, какъ будто широкія ворота изъ Азіи въ Европу. Въ древности чрезъ эти ворота постоянно пробирались въ Европу дикіе, кочевые азіатскіе народы. Удерживать ихъ было некому, и они свободно двигались впередъ по южной Россіи, въ Западную Европу. Особенно сильно было это движеніе въ первое столѣтіе по Р. Х. Оно извѣстно подъ названіемъ «великаго переселенія народовъ».

Послѣ того, какъ движеніе это поутихло и кочевые народы отхлынули, на Русской землѣ водворилось осѣдлое племя, раскинувшееся на большомъ пространствѣ. То были славяне. Когда именно пришли сюда славяне—неизвѣстно: извѣстно только, что они пришли съ юга-запада, съ береговъ Дуная, вытѣсненные оттуда какимъ-то сильнымъ врагомъ. Они поселились по рѣкамъ: Западному Бугу, Днѣстру, Днѣпру и его притокамъ, далѣе на сѣверѣ—по Западной Двинѣ и около озера Ильменя, и на востокѣ—по Окѣ. На Волгѣ въ то время жили *финскія племена*, которыя оказываются, такимъ образомъ, самыми древними обитателями Поволжья.

Кромѣ финскихъ племенъ, на Волгѣ, близъ устья Камы, въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи, жили *болгары*, происхожденіе которыхъ до сихъ поръ неизвѣстно въ точности; затѣмъ, послѣ нашествія татаръ на Россію, въ XIII вѣкѣ, на берегахъ Волги появились *народы монгольскаго племени*.

Итакъ, мы видимъ, что финны поселились на Волгѣ раньше славянъ. Тѣмъ не менѣе, стремленіе послѣднихъ къ великой рѣкѣ начинается уже съ незапамятныхъ временъ. Шагъ за шагомъ двигались славяне визъ по ней, разводя свои пашни, закладывая селенія и города, являясь, такимъ образомъ, всюду проводниками осѣдлой земледѣльческой жизни. Но не дешево давалась имъ каждая пядь

благословенной земли, прилегающей къ волжскимъ берегамъ; неохотно уступали имъ ее племена, раньше ихъ тамъ поселившіяся. Много времени, много труда потратили наши предки, чтобы сдѣлать Волгу чисто русскою рѣкою. Всего упорнѣе пришлось имъ бороться съ водворившимися на берегахъ ея монголами.

Объ этой борьбѣ русскихъ съ татарами и о самихъ татарахъ мы поговоримъ далѣе, дойдя до Казани; теперь же познакомимся поближе съ нравами, обычаями и образомъ жизни волжскихъ инородцевъ финскаго племени: чувашей, черемисовъ и мордвы.

X.

ЧУВАШИ [1]).

Наружность. - Одежда. - Языкъ. - Жилища. — Занятія. — Народныя празднества: праздникъ по окончаніи полевыхъ работъ, дѣвичьи пиры, поминки.—Чуваши-язычники и чуваши-христіане.—Обрусѣніе чувашей. — Михалка, предсказатель погоды.

УДОЩАВЫЙ, смуглый, средняго роста, крестьянинъ, съ блѣднымъ, лишеннымъ всякой окраски лицомъ, съ нѣсколько выдавшимися скулами, съ узкими, темными глазами и темными - же волосами, съ тѣлосложеніемъ, не обнаруживающимъ большой физической силы,—вотъ какимъ является, въ большинствѣ случаевъ, чувашинъ въ излюбленныхъ имъ мѣстообитаніяхъ,—юго-западѣ Казанской и сѣверѣ Сим-

---

[1]) Главы X, XI, XII и XIII составлены по Рагозину и др. источникамъ

бирской губерніи. На первый взглядъ чувашинъ смахиваетъ нѣсколько на татарина; но вотъ онъ открываетъ ротъ, и при первыхъ-же звукахъ въ воспоминаніи вашемъ проносится нашъ рыжій петербургскій вейка.—„Фотъ, паринъ“.., „Тафай Покъ“... Какъ чистокровный чухонецъ, онъ изъ *в* дѣлаетъ *β*, изъ *б—п*, изъ *д—т*. Самъ чувашскій языкъ состоитъ изъ смѣшенія словъ финскихъ и татарскихъ. Очевидно, что чуваши, будучи сами, по всей вѣроятности, финскаго происхожденія, но живя съ незапамятныхъ временъ бокъ-о-бокъ съ татарами, перенялн у нихъ многое, какъ это всегда бываетъ съ народами, живущими въ близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга.

Одежда чувашъ имѣетъ сходство и съ русскою, и съ татарскою. Поверхъ длинной бѣлой рубахи, въ родѣ тѣхъ, какія носятъ въ Бѣлоруссіи, чувашинъ надѣваетъ сѣрый суконный кафтанъ; онучи у него всегда черныя. Въ одеждѣ женщинъ преобладаетъ татарскій вкусъ: рубашки у нихъ всегда вышиты разноцвѣтными шелками или бумагою; на головѣ замужнія женщины носятъ покрывало изъ бѣлаго полотна, называемое *сапаномъ*, сверхъ котораго надѣвается *хошпу*—головной уборъ, нѣсколько напоминающій монгольскій шлемъ и украшенный бисеромъ, бусами, монетами и разными вышивками.

Некрасивы, на нашъ взглядъ, чуваши и еще некрасивѣе чувашенки. Отъ тяжелой работы, дурныхъ жилищъ и мало-питательной пищи, онѣ преждевременно состариваются, и свѣжаго, привлекательнаго лица, какъ среди русскихъ крестьянокъ, между ними не встрѣтишь. Да красоты съ чувашской женщины и не спрашиваютъ: была-бы лишь хорошею работницею,—тогда ее и въ семьѣ цѣнятъ, и въ женихахъ недостатка не будетъ.

Чуваши-мужчины женятся рано, чтобъ имѣть скорѣе въ домѣ хорошую работницу. Чувашскія дѣвушки-же, напротивъ, засиживаются очень долго, и вотъ по какой причинѣ: каждая изъ нихъ съ 12—13 лѣтъ—уже хорошая работница: она нянчитъ младшихъ дѣтей, помогаетъ матери по хозяйству, участвуетъ въ полевыхъ работахъ. Отецъ цѣнитъ ея работу и не торопится отпускать ее въ чужой домъ. За чувашскою невѣстою не дается въ приданое ни

копѣйки. Напротивъ, женихъ долженъ, по татарскому обычаю, платить отцу ея *калымъ*, доходящій иногда до 200 руб. и болѣе. Конечно, не у каждаго найдутся такія деньги, идти-же противъ изстари установившагося обычая нельзя, а потому у чувашъ до сихъ поръ существуетъ обычай *красть невѣсту*. Но похищеніе это совершается не иначе, какъ съ согласія родителей жениха; да и невѣста никогда не позволитъ себя похитить безъ тайнаго согласія своихъ родныхъ; такъ что, собственно говоря, чуваши воруютъ не невѣстъ, а калымъ, который должны-бы были за нихъ заплатить. Свадьбы-же вполнѣ законныя, т. е. такія, которыя совершаются съ явнаго согласія родителей, какъ жениха, такъ и невѣсты, сопровождаются разными обрядами, по большей части заимствованными у татаръ, и пирушками, на которыхъ нечезаетъ обычная скупость чувашей: каждый старается употчивать гостей, какъ только позволяютъ его средства.

Чуваши слывутъ не только скупцами и скопидомами: за ними упрочилась и слава усердныхъ, трудолюбивыхъ работниковъ и отличныхъ земледѣльцевъ. Поля свои они прекрасно обрабатываютъ и тщательно ихъ удобряютъ; поэтому и хлѣбъ у нихъ родится лучше, чѣмъ у ихъ сосѣдей—русскихъ и татаръ. Убираютъ и обмолачиваютъ они его также раньше другихъ. Чувашское жилье можно легко отличить съ перваго взгляда,—стоитъ только посмотрѣть на гумно: если въ концѣ ноября или въ декабрѣ тамъ не видать ни одной хлѣбной копны, и только на верхушкѣ овина лежитъ необмолоченный снопъ, то можно смѣло заключить, что это—селеніе чувашское, а не татарское и не русское. Необмолоченный снопъ приносится въ жертву птицамъ небеснымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ знакомъ, что хозяинъ гумна окончилъ, наконецъ, тяжелыя полевыя работы.

Кромѣ земледѣлія, чуваши усердно занимаются пчеловодствомъ и куроводствомъ. У каждаго чувашина находится при домѣ множество куръ, яйца которыхъ служатъ значительною отраслью сбыта и идутъ, какъ уже было сказано, не только въ Петербургъ, но и за границу. Одна Козловка, слывущая яичною пристанью, отправляетъ яицъ на 15,000 рублей.

Всѣ эти занятія дѣлаютъ чувашей исключительно сельскими жителями. Въ городъ чуваши ѣздятъ только за покупками или по дѣламъ, и тогда они стараются вволю поглазѣть на улицахъ да по базарамъ и наслушаться разныхъ росказней и новостей, до которыхъ они великіе охотники. Чувашскія селенія расположены обыкновенно въ лѣсахъ, оврагахъ, котловинахъ, вдали отъ большой дороги. Они отличаются необыкновенною разбросанностью построекъ; улицъ нѣтъ, есть только проѣзды между дворами, въ которыхъ очень легко заблудиться, заѣхать во дворъ, принявъ его за улицу, потомъ въ другой, третій и т. д., пока, наконецъ, не уткнешься въ какой-нибудь гуменный заборъ.

Внутренность чувашскаго дома имѣетъ видъ не особенно привлекательный; большинство избъ курныя; вокругъ стѣнъ устроены нары въ видѣ скамеекъ: печь изъ битой глины; полъ черенъ, какъ уголь, да и все прочее покрыто грязью и копотью. Изъ котла, въ которомъ варится пища, пьютъ люди, овцы и телята; тутъ-же моютъ маленькихъ дѣтей и стираютъ бѣлье. Лѣтомъ чуваши живутъ въ лачугахъ, а въ избахъ только пекутъ хлѣбъ. Посреди лачуги устраивается очагъ, на которомъ въ котлѣ варится пища; вокругъ него разставляются деревянные ценьки, и тутъ-то по вечерамъ, съ трубочкою въ зубахъ, собираются чуваши и передаютъ другъ другу все видѣнное и слышанное ими въ городѣ или на базарѣ. Необходимою принадлежностью каждаго чувашскаго селенія является пивоварня.

Сѣренькое и однообразное житье чувашей прерывается, отъ времени до времени, народными праздниками, главнымъ изъ которыхъ является Чуклэмэ—моленіе по окончаніи полевыхъ работъ. Каждый чувашинъ, по очереди, окончивъ полевыя работы, варитъ пиво и созываетъ родныхъ и знакомыхъ. Изъ нихъ онъ выбираетъ одного въ распорядители и нѣсколько человѣкъ въ товарищи ему. Они садятся за столъ, на который ставятся кадочки съ пивомъ и коровай хлѣба изъ послѣдняго урожая, соль и девять ковшей съ пивомъ; для распорядителя выбирается самый большой ковшъ. Обрядъ начинается съ того, что, взявъ приготовленные ковши съ пивомъ, обращаются ли-

цомъ къ двери, а распорядитель, съ ковшомъ въ рукѣ и съ шапкою подъ-мышкою, начинаетъ молитву:

«Боже, помилуй, Боже, не оставь!.. Боже, ты благословилъ насъ благополучно дожить до настоящей поры, затѣмъ сподоби благополучно встрѣтить лѣто. Встрѣтивъ лѣто, мы начнемъ пахать и сѣять хлѣбъ; тогда рѣзцамъ и сошникамъ плуговъ дай силу и крѣпость. Посѣянный хлѣбъ да будетъ густъ; стволъ да будетъ, какъ камышъ, зерно—какъ горохъ; отъ каждаго посѣяннаго зерна сподоби получить тысячу зеренъ. Господи, помилуй! Хозяинъ вспоминаетъ и уповаетъ на тебя, Боже! Затѣмъ мы начнемъ жатву; во время жатвы, когда сожнемъ горсть хлѣба, да будетъ отъ нея прибыль; когда складемъ кучку сноповъ и сдѣлаемъ въ полѣ копну хлѣба; когда, при перевозкѣ, наложимъ хлѣбъ на телѣгу, а по привозѣ на гумно, складемъ скирдъ,—да будетъ отъ всего этого прибыль. Затѣмъ начнемъ ставить овинъ; во время сушки хлѣба сохрани, Боже, отъ пожара, случающагося отъ искры. Обмолотивши хлѣбъ, ссыплемъ его въ сусѣкъ,—да будетъ отъ сусѣка прибыль. Семи сортовъ хлѣбъ въ семи клѣтяхъ держать дай. Семи видовъ скотъ въ семи скотныхъ дворахъ держать дай; во время выгона на водопой одинъ конецъ стада да будетъ во дворѣ, а другой—на берегу рѣки; да вознаградятъ птицы и скотъ за кормъ перомъ, шерстью и удобреніемъ для земли, да порадуютъ хозяина. Господи, помилуй! Хозяинъ прославляетъ Тебя, уповаетъ на Тебя. Еще отъ грома, отъ молніи, отъ пожара сохрани, Боже! При продажѣ товара, дай продать дорого, а при покупкѣ—купить дешево. Тебя, Господи, мы призываемъ, на Тебя уповаемъ. Это пиво и хлѣбъ сподоби, Господи, пить-ѣсть съ добрыми однодеревенцами-сосѣдями. Если Ты благоволилъ создать насъ, то благоволи пропитать. Прими эту молитву. Аминь. Помилуй!»

Докончивъ эту молитву, въ которой такъ ясно изложены всѣ главные интересы патріархальной жизни чувашей, распорядитель беретъ свою шапку изъ-подъ мышки и надѣваетъ на голову; онъ, товарищи и хозяинъ выпиваютъ по три ковша пива. Тогда прочіе присутствующіе дѣлаютъ земной поклонъ распорядителю и его товари-

щамъ, а эти желаютъ поклонившимся нажить дѣтей, богатства и всякаго добра и запѣваютъ пѣсню:

«Ахъ, Боже, ахъ, податель, слава Тебѣ за сотвореніе насъ! Если-бы Ты, Богъ податель, не создалъ насъ, то намъ не видать-бы этого дня, не пивать-бы этого пива!»

Затѣмъ распорядитель и товарищи его привѣтствуютъ прочихъ присутствующихъ, которые при этомъ поднимаются на ноги, цѣлуются съ распорядителемъ, его товарищами и хозяиномъ, получаютъ ковши пива, обращаются къ привѣтствующимъ и поютъ пѣсню, пѣтую послѣдними. Вслѣдъ за этимъ начинается обычное угощеніе, пированіе и пѣніе пѣсенъ.

Кромѣ такого рода празднествъ, чуваши любятъ попировать и въ другое время. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ ходу такъ называемые «*дѣвичьи пиры*». Они начинаются въ декабрѣ, еще до Рождества, и продолжаются иногда до самой масляницы.

Дѣвушки того или другого селенія, задумавъ устроить свой пиръ, выбираютъ особое помѣщеніе, обыкновенно избу какой-нибудь вдовы, гдѣ ихъ никто не не стѣснялъ-бы. Собравъ въ складчину достаточное количество муки, солоду и хмѣлю, онѣ варятъ пиво, а по окончаніи всѣхъ приготовленій — созываютъ въ гости дѣвушекъ изъ ближнихъ деревень, каждая по одной гостьѣ, причемъ, въ знакъ ненарушимости слова, мѣняются съ гостьями кольцами.

Въ день пира всѣ разодѣваются въ лучшіе наряды и приглашаютъ заблаговременно нанятаго музыканта. Подъ вечеръ учредительницы пира отправляются за приглашенными, которыя къ тому времени собрались уже всѣ въ какой-нибудь избѣ, приводятъ ихъ къ себѣ и начинаютъ ихъ угощать съ соблюденіемъ разныхъ особенностей, которыми отличаются «дѣвичьи пиры». Такъ, каждая дѣвушка-хозяйка становится передъ своею собственною гостьею, беретъ особый ковшъ и, наполняя его пивомъ, угощаетъ исключительно одну только свою гостью и самое себя. Въ то-же время, хозяйка занимаетъ свою гостью разговоромъ, а когда говоритъ гостья, то хозяйка поддакиваетъ на каждое ея слово; такимъ образомъ, разговоръ не умолкаетъ ни на минуту.

Затѣмъ дѣвушки-хозяйки встаютъ въ рядъ посрединѣ избы передъ сидящими гостьями и начинаютъ, такъ сказать, вступительную пляску, вслѣдъ за которою каждая изъ нихъ приглашаетъ свою гостью и пляшетъ съ нею. Во время плясокъ поются пѣсни насчетъ самаго пира и выражаются желанія, чтобы подобные пиры устраивались и на будущее время:

«Эхъ, что за веселье—дѣвичій пиръ! Будетъ-ли онъ каждый годъ? И теперь-то онъ изъ года въ годъ,—да нельзя-ль ему бывать по дважды въ годъ?»

Во время пира въ избѣ бываетъ необыкновенно жарко и душно, потому что, кромѣ пирующихъ, набивается множество народа изъ любопытства. При этомъ дѣвушки-хозяйки не угощаютъ пивомъ никого изъ посѣтителей; желающій выпить непремѣнно долженъ заплатить деньги, которыя собираетъ одна изъ учредительницъ пира. Изъ этого сбора даютъ условленную плату музыканту, а остатокъ или дѣлятъ между собою, или покупаютъ на него пряниковъ, которые съѣдаютъ вмѣстѣ.

Дѣвушки пируютъ цѣлыя сутки. Къ концу пира учредительницы запѣваютъ протяжную пѣсню, низко кланяясь во время нея своимъ гостьямъ и выражая въ ней и благодарность за посѣщеніе, и извиненіе за недостатки пира:

«Нѣтъ у меня, моя гостьюшка, ни золота, ни серебра. Чего-же-бы дать тебѣ, моя гостьюшка? Далъ мнѣ Богъ одну лишь головушку; поклонюсь-же я тебѣ ею, моя гостьюшка!»

Затѣмъ хозяйки провожаютъ гостей до дому, причемъ послѣднія приглашаютъ ихъ къ себѣ на пиръ, который устраивается въ непродолжительномъ времени и на которомъ гостьи чествуются такимъ-же точно образомъ.

Въ Семикъ всѣ чуваши поголовно отправляются на кладбища, гдѣ совершаются поминки по покойникамъ. Въ этотъ день около полудня чувашскія кладбища уже полны народомъ. Туда привезено множество разныхъ съѣстныхъ припасовъ, пива и водки. Каждое семейство располагается вокругъ могилъ своихъ умершихъ родственниковъ; вокругъ могилъ разстилаются холсты и кафтаны и разставляются кушанья и питье. Особенно многочисленны собранія во-

кругъ могилъ недавно умершихъ. Сдѣлавъ три низкихъ поклона передъ такою могилою, поминающіе начинаютъ выть и оплакивать покойника, восхваляя его добродѣтели. Потомъ къ могильному кресту привѣшиваютъ полотенце въ знакъ открытія поминокъ; дѣлаютъ въ головахъ могилы ямку и, наливъ въ ковши пива, говорятъ, какъ-бы обращаясь къ покойнику: «Здравствуй! Молись о нашемъ здоровьѣ, храни насъ отъ бѣдствій, живи на томъ свѣтѣ хорошо, богато и весело и не бери насъ къ себѣ до маститой старости». Каждый изъ поминающихъ отливаетъ въ ямку пива и вина и кладетъ въ нее по куску отъ каждаго кушанья, чѣмъ пользуются, разумѣется, собаки, сопровождающія своихъ хозяевъ изъ деревни на кладбище. Затѣмъ начинается пиръ-горой: шумъ, гамъ, вопли плачущихъ, веселыя восклицанія пирующихъ, крики ссорящихся между собою, нестройная игра шыбырзе (чувашскій народный музыкальный инструментъ) и гусельщиковъ, вой и визгъ собакъ, взвизгиванія пляшущихъ, ругательства пьяныхъ,—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ чувашскія поминки не столько забавными, сколько отталкивающими и переноситъ насъ въ глубокую языческую старину.

Да и дѣйствительно, не такъ еще отдаленно то время, когда всѣ чуваши были язычниками. Они вѣрили въ *Тора*, бога свѣта и добра, и въ *Шайтана*, бога зла и мрака. Кромѣ Шайтана, они вѣрили въ высшихъ злыхъ духовъ, такъ называемыхъ *Керметей*, которымъ они приносили жертвы въ священныхъ рощахъ, называвшихся также *керметями*. Жертвы эти приносились иногда, чтобъ умилостивить злыхъ духовъ, иногда-же для того, чтобъ навлечь при ихъ посредствѣ бѣдствія на своихъ враговъ.

Вотъ картина одного чувашина, молившагося Хаяръ-Кереметю, самому свирѣпому изъ всѣхъ керметей, описанная со словъ очевидца. На чувашинѣ лица не было, когда онъ, въ видимомъ, волненіи, торопливо пробирался вглубь лѣса. Можно было подумать, не хочетъ-ли онъ совершить самоубійство. Но нѣтъ: вотъ онъ вышелъ на одну полянку, сбросилъ шляпу, грянулся о земь и шепчетъ какую-то молитву. Потомъ всталъ, скинулъ рукавицы, распоясался, разулся, снялъ кафтанъ, наконецъ, рубашку. Со-

вершенно нагой, онъ нѣсколько времени стоялъ и что-то шепталъ, вперивъ глаза на востокъ и изрѣдка покачивая головою. Но вдругъ онъ завылъ дикимъ, пронзительнымъ, раздирающимъ душу голосомъ, обращаясь къ самому Хаярь-Кереметю: «Злой Кереметь! Лихой Кереметь! Услышь мою молитву: немедленно излови и умертви его (подразумѣвая подъ этимъ своего врага)!»—Чувашинъ пришелъ въ какое-то изступленіе: онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ; онъ только чувствовалъ какъ-бы близость ужаснаго Кереметя и общеніе съ нимъ; онъ рвалъ на себѣ волосы, валялся по землѣ, руками и зубами рылъ землю, судорожно корчилъ руки и ноги, скрежеталъ зубами; глаза его сверкали, налитые кровью; у рта была пѣна; тѣло было исцарапано до крови, покрыто пылью и грязью. Окончивъ заклинанія, чувашинъ всталъ, поклонился въ поясъ на востокъ, обулся, сталъ одѣваться; но, одѣвъ одну рубашку,—какъ-бы подъ вліяніемъ необычайнаго страха,—поспѣшно захватилъ въ охапку остальную одежду и, стремглавъ, бросился вонъ изъ лѣса.

Вотъ каковъ чувашинъ, молящійся злому Кереметю, и вотъ каковъ самъ Кереметь?

130 лѣтъ тому назадъ, чуваши были обращены въ христіанство, хотя и до сихъ поръ въ Казанской и Самарской губерніяхъ находится еще незначительное число чувашей-язычниковъ. Правда, многихъ даже обращенныхъ въ христіанство чувашей нельзя назвать христіанами истинными. Относительно многихъ предметовъ христіанской вѣры у нихъ существуютъ весьма своеобразныя понятія; такъ, напримѣръ, св. Николай Чудотворецъ особенно чтится чувашами, и, покупая его икону у торговца, чувашинъ увѣренъ, что съ тѣмъ вмѣстѣ онъ пріобрѣлъ и его покровительство. Тотъ-же чувашинъ, въ простотѣ души, находитъ, что не мѣшаетъ иногда прочесть и наставленіе Николаю Чудотворцу: «Смотри-же,—говоритъ онъ, обращаясь къ иконѣ,—смотри-же, Микола-богъ! Можетъ быть, сосѣдъ мой, Максимка, что-нибудь наговоритъ тебѣ на меня, или станетъ ябедничать,—такъ ты его не слушай: я ему ничего худого не сдѣлалъ и зла ему не желаю. Самъ онъ—негодяй, хвастунъ и міроѣдъ. Онъ тебя не по-

читаетъ, а только лицемѣритъ; а я вотъ тебѣ отъ души свѣчу поставилъ",

Тѣмъ не менѣе, чистосердечіе чувашей и сознаніе, что они одной вѣры съ русскими имѣетъ для чувашей огромное значеніе и сильно способствуетъ ихъ обрусѣнію. Теперь всѣ они, худо или хорошо, а говорятъ по-русски: священныя рощи, ихъ керемети, вырублены; чувашскія дѣти, наравнѣ съ русскими, берутся за книгу и привыкаютъ къ ней чуть-ли не скорѣе русскихъ.

Въ настоящее время не слышно уже о старинномъ способѣ чувашской мести: *тащить непріятелю сухую бѣду*,— то-есть вѣшаться на двери своего врага съ тѣмъ, чтобы къ нему, по поводу мертваго тѣла, нагрянула полиція.

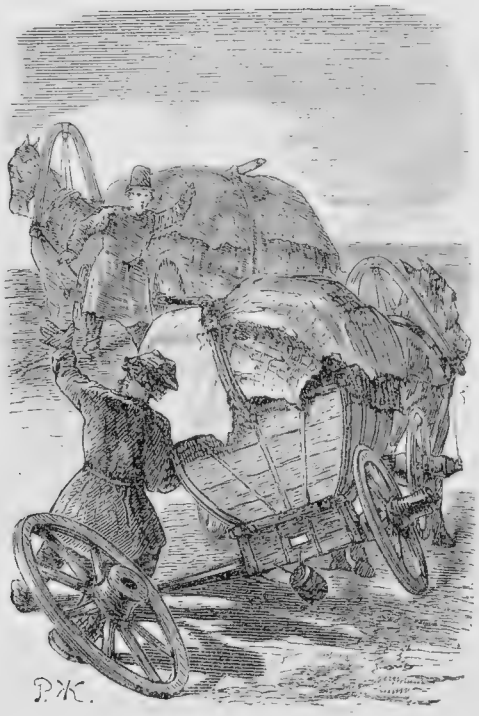
Развиваясь умственно, сближаясь съ русскими, считая за великую честь породниться съ послѣдними, чуваши, мало-по-малу, перестаютъ быть тѣми запуганными, загнанными инородцами, какими они были прежде. Теперь чувашинъ самъ закупаетъ въ Казани и въ ближайшихъ городахъ нужныя ему вещи и сбываетъ тамъ свои сельскія произведенія. Онъ и на Нижегородскую ярмарку нашелъ себѣ дорогу. Вообще говоря, чуваши находятся наканунѣ обрусѣнія.

Въ заключеніе, нельзя не упомянуть о необыкновенной наблюдательности чувашей; такъ, напримѣръ, умѣньемъ предсказывать погоду по признакамъ, неуловимымъ для русскихъ крестьянъ, они приводятъ тѣхъ въ изумленіе. Русскіе приписываютъ чувашамъ въ этомъ отношеніи чуть-ли не особый, сверхъестественный даръ. Одинъ изъ нашихъ образованныхъ соотечественниковъ, хорошо изучившій бытъ чувашей [1]), разсказываетъ, какъ онъ самъ былъ пораженъ способностью одного чувашина, именемъ Михалка, заранѣе узнавать погоду.

«Нѣсколько разъ,—говоритъ онъ,—пытался я повѣрять эту способность и спрашивалъ, каковъ завтра будетъ день. Михалка посмотритъ на небо, на лѣсъ, втянетъ въ себя носомъ нѣсколько разъ воздухъ и отвѣтитъ:—«Завтра будетъ небольшой дождь съ утра до обѣденной поры»—

[1]) В. Сбоевъ.

и т. п. Къ удивленію моему, эти предсказанія каждый разъ сбывались съ удивительною точностью. Чуваши-же не находили тутъ ничего удивительнаго.—«Онъ узналъ это отъ матери: у него мать—колдунья»,—говорили они, полагая, что только колдовствомъ и можно себѣ объяснить такую необыкновенную наблюдательность у простого, неученаго человѣка.



XI.

ЧЕРЕМИСЫ.

Черемисы горные и луговые.—Одежда.—Пища.—Занятія.—Жилища. — Общинное хозяйство. Любовь и почитаніе лѣса.—Черемисы-язычники.—Ихъ главныя божества.—Жертвоприношенія частныя и общественныя.—Праздники.—Обряды.—Жрецы.—Обрусѣніе черемисовъ.—Нравственныя качества.

ЧЕРЕМИСЫ живутъ почти исключительно въ Казанской и Вятской губерніяхъ. Черемисы, живущіе въ Казанской губерніи, дѣлятся на *горныхъ*, живущихъ на правомъ, возвышенномъ берегу Волги, и на *луговыхъ*, живущихъ на противоположномъ, низменномъ ея берегу. Горные черемисы — по наружности самые красивые изъ приволжскихъ инородцевъ. Они ловки, проворны, имѣютъ правильныя черты лица и, живя среди русскихъ, вблизи городовъ, отличаются развязностью. Одежду мужчинъ составляетъ бѣлый кафтанъ, суконный зимою и холщевый лѣтомъ, обшитый синимъ шнуркомъ или кумачемъ. Рубашки тоже бѣлыя, расшитыя. На головѣ войлочная шляпа, на но-

гахъ толстыя онучи и лапти; рубашка подпоясана ременнымъ поясомъ. На поясѣ, сбоку, обыкновенно висятъ ножны для ножа; тутъ-же вкладывается огниво и прицѣпляется топоръ.

Черемисскія женщины несравненно красивѣе чувашенокъ. Онѣ носятъ почти такую-же одежду, какъ и мужчины, кромѣ пояса. Замужнія обертываютъ голову бѣлымъ холстомъ, который наматывается на подставку въ родѣ лопаты, съ выдающимися рогами или углами; такой головной уборъ унизывается иногда монетами. Дѣвушки носятъ просто бѣлыя косынки, а въ косы вплетаютъ бисеръ, шнурки и монеты; монетами-же и бисеромъ украшаютъ шею; въ ушахъ носятъ проволочныя серьги, очень длинныя, по нѣсколько паръ; грудь украшена также монетами, прикрѣпленными на кожаномъ четырехугольникѣ, а руки—кольцами и браслетами.

Питаются черемисы едва-ли не лучше русскаго простонародья, такъ какъ употребляютъ въ пищу много мяса, не брезгая кониною и мясомъ лѣсныхъ птицъ и звѣрей; оленей, зайцевъ, бѣлокъ, даже галокъ и сорокъ, за которыми со страстью охотятся въ лѣсахъ. Постовъ они не соблюдаютъ никакихъ, хотя другіе православные обряды исполняютъ ревностно. Кваса черемисы обыкновенно не дѣлаютъ, за то варятъ крѣпкое, хмельное пиво и мореный медъ.

Горные черемисы по преимуществу—земледѣльцы. Черемисы луговые, живущіе среди хвойныхъ и дубовыхъ лѣсовъ, не могутъ прокормиться однимъ хлѣбопашествомъ. Любимыя ихъ занятія—охота, пчеловодство и лѣсные промыслы.

Вооружившись топоромъ и ружьемъ, захвативъ хлѣба и трубку, черемисинъ уходитъ на нѣсколько дней въ самую глушь лѣсовъ, нерѣдко за многіе десятки верстъ. Застигнетъ его ночь,—онъ разведетъ огонь, закуритъ трубочку и задумчиво сидитъ съ нею передъ костромъ, зная, что слѣдующій день и слѣдующую ночь проведетъ точно также. Такъ проходитъ большая часть его жизни. Впрочемъ, надо сказать, что самъ черемисинъ вовсе не считаетъ свою жизнь скучною и унылою; онъ пропалъ-бы съ

тоски въ городѣ, среди шумной, неугомонной суетолоки. Лѣсъ—его стихія, его божество.

Безграничная любовь къ лѣсу является общею чертою всѣхъ черемисовъ, какъ луговыхъ, такъ и горныхъ. Любовь эта отразилась и на общемъ видѣ ихъ селеній: при каждой избѣ у нихъ непремѣнно находится садикъ изъ кудрявыхъ березъ, обнесенный крѣпкимъ плетнемъ и содержащійся въ большомъ порядкѣ. Большое количество зелени придаетъ черемисской деревнѣ необыкновенно привлекательный видъ. Вся закутанная въ свои садики, она кажется издали скорѣе какою-то пригородною дачею, чѣмъ обыкновенною глухою деревнею.

Внутренность черемисскихъ жилищъ не соотвѣтствуетъ ихъ пріятному внѣшнему виду. Хотя избы у черемисовъ, по большей части, не курныя, а бѣлыя, т. е. съ трубами, но содержатся онѣ грязно и неопрятно; ихъ не метутъ и не моютъ; воздухъ въ нихъ спертый и удушливый. Черемисинъ содержитъ въ гораздо большемъ порядкѣ свой дворъ и свой садикъ, чѣмъ свою избу. Окна въ избахъ крошечныя; поэтому въ нихъ всегда бываетъ темно. Вдоль передней стѣны устраиваются нары, т. е. подмостки, вышиною на аршинъ отъ пола, а шириною аршина $2^1/_2$. На нарахъ ѣдятъ и спятъ, а внутри нихъ хранятъ цѣнныя вещи: кафтаны, женскіе уборы, платки, деньги. Въ каждой черемисской избѣ на столѣ, во всякое время, лежитъ коровай хлѣба, завернутый въ скатерть, и стоитъ жбанъ съ питьемъ: въ жбанѣ деревянный ковшикъ. На лѣто черемисы обыкновенно перебираются изъ избы въ амбаръ или, какъ они его называютъ, *чумъ*, гдѣ привѣшивается и котелъ для варки пищи.

Черемисскія селенія, по большей части, очень велики. Происходитъ это, главнымъ образомъ, потому, что у черемисовъ сохранился до сихъ поръ старинный, патріархальный обычай селиться каждому «родомъ своимъ», и черемисская деревня, въ отдѣльности взятая, состоитъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ болѣе или менѣе близкихъ между собою родственниковъ. Случается иногда даже такъ, что всѣ крестьяне какого нибудь большого околотка составляютъ одну родственную семью.

Владѣніе землею и лѣсомъ у черемисовъ, также какъ и у русскихъ крестьянъ, *общинное*. Каждая семья получаетъ участокъ земли не въ наслѣдство отъ отца и не въ даръ отъ него, а отъ міра. Даже обработка земли и всѣ сельскія работы производятся сообща. На работы идетъ цѣлая деревня—старъ и младъ, мужчины и женщины, и работаютъ день и ночь, пока не кончатъ посѣва, сѣнокоса или жатвы. Никто не смѣетъ отказаться, остаться дома или отдыхать. Жатва раздѣляется затѣмъ здѣсь-же, на полѣ, между семьями поровну; поля-же никогда напередъ не дѣлятся. Неудивительно, что, при такомъ общинномъ хозяйствѣ, между черемисами нѣтъ нищихъ. Если и бродятъ по черемисскимъ деревнямъ въ праздничные дни нищіе, то это—русскіе нищіе. Имъ черемисы подаютъ мукою, рѣже деньгами.

Въ настоящее время большинство черемисовъ—христіане, но сравнительно не такъ давно всѣ они были грубыми язычниками, да и теперь язычниковъ между ними насчитывается нѣсколько тысячъ.

Мы уже говорили о привязанности черемисовъ къ лѣсу, перешедшей къ нимъ отъ предковъ изъ глубокой древности. Лѣсъ прекрасенъ и полезенъ: въ немъ можно найти въ изобиліи дичь и пушныхъ звѣрей; въ немъ растутъ разные ягоды и грибы; онъ-же даетъ матеріалъ для постройки жилищъ. Мрачная, таинственная тишина лѣса, шумъ расходившейся въ немъ бури или его весеннее пробужденіе, оглашаемое пѣніемъ возвратившихся птицъ, запахъ смолистой хвои, распускающихся березъ и душистой черемухи,—все это такія явленія, которыя не только возбуждаютъ въ полудикомъ человѣкѣ *любовь* къ лѣсу, но заставляютъ его относиться къ лѣсу, какъ къ существу живущему, необъятному, грандіозному, несравненно болѣе могучему, чѣмъ самъ человѣкъ. Такъ зародилось въ древности у черемисовъ *почитаніе лѣса*. По словамъ одного автора, писавшаго о черемисахъ, они считаютъ даже каждое отдѣльное дерево не безчувственнымъ: по ихъ мнѣнію, оно чувствуетъ глубокую скорбь, когда подсѣкаютъ его вѣтви или отрываютъ отъ него плоды. Болѣе всего почитаются черемисами-язычниками *береза* и *рябина*. Береза чрезвычайно красива; кромѣ

того ,она и очень полезна: ея лучина освѣщаетъ мракъ долгихъ зимнихъ вечеровъ; она даетъ лучшее топливо; прекрасная, бѣлая и необыкновенно прочная кора ея имѣетъ самое разнообразное примѣненіе: ею черемисинъ и избу свою кроетъ, изъ нея-же и деготь онъ добываетъ, и разную посуду приготовляетъ. Что касается до рябины, то за нею черемисы признаютъ очистительную силу, предохраняющую отъ колдовства и отъ дѣйствій злыхъ духовъ.

Наравнѣ съ лѣсомъ, черемисинъ-язычникъ почиталъ и *землю*, на которой родится лѣсъ, и *солнце*, которое освѣщаетъ и согрѣваетъ все живущее, и *рѣку*—эту живую дорогу, которая не только переноситъ человѣка на многія сотни верстъ, но и кормитъ его, лишь-бы онъ только сумѣлъ достать изъ ея глубины обильную и вкусную пищу.

Идя далѣе въ своемъ умственномъ развитіи, черемисинъ сообразилъ, что и солнце, и земля, со своими лѣсами, полями и рѣками, а также и человѣкъ, и животныя не могли явиться сами по себѣ, безъ причины; что все должно быть сотворено кѣмъ-либо однимъ, живущимъ гдѣ-то тамъ, далеко, на *небѣ*. И вотъ понятіе о Богѣ и о небѣ слилось въ умѣ полудикаго черемисина въ нѣчто общее, и высшимъ божествомъ для него сталъ богъ-Небо, называемый на черемисскомъ языкѣ *Юмо*.

Противоположный Юму богъ, это—*Кереметь*, богъ злой и страшный, котораго черемисы боятся гораздо болѣе Юма и которому поэтому больше и молятся. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ боговъ, у черемисовъ безконечное множество боговъ второстепенныхъ: богъ хлѣба, богъ пчелъ, богъ-старичекъ, живущій въ овинахъ, богъ-чума и т. д. Воздухъ, воды, поля, лѣса, селенія наполнены тьмами мелкихъ духовъ, изъ которыхъ одни добры, другіе вредны. Бѣдный черемисинъ долженъ себя чувствовать буквально окруженнымъ безчисленнымъ роемъ разныхъ духовъ, надъ которымъ высится чудовищно-страшная, хотя и неопредѣленная фигура ужаснаго Кереметя. Нелегко должно быть у него на душѣ.

Чтобы умилостивить боговъ, имъ приносятъ жертвы, частныя и общественныя. Первыя совершаются очень

часто: передъ началомъ каждаго дѣла, передъ ѣдою и т. п. Гдѣ-бы ни находился черемисинъ, дома или въ дорогѣ, прежде чѣмъ начать ѣсть или пить, онъ непремѣнно отложитъ часть пищи въ жертву какому-нибудь богу и броситъ ее на землю, а также отольетъ нѣсколько капель питья. Въ особенныхъ-же случаяхъ, напримѣръ, при моленіи объ урожаѣ или объ отвращеніи какого-нибудь народнаго бѣдствія, совершаются жертвоприношенія при особо торжественной обстановкѣ.

Когда рѣшатъ, что надобно совершить общее моленіе. то назначаютъ для него время, мѣсто и число жертвенныхъ животныхъ. Выбранные міромъ люди собираютъ съ каждаго дома муку, солодъ, однимъ словомъ—все, что нужно, а также и деньги для покупки жертвенныхъ животныхъ; эти-же выборные приготовляютъ пиво и лепешки. Наканунѣ дня, назначеннаго для общественнаго жертвоприношенія, всѣ участвующія въ немъ лица должны непремѣнно сходить въ баню и надѣть чистое бѣлье, новый кафтанъ, новые онучи и лапти. Необходимою принадлежностью жертвеннаго костюма считаются еще высокія берестовыя шапки, въ $^3/_4$ аршина вышиною, въ родѣ камилавокъ. Священное, мѣсто, назначенное для моленія также очищается отъ всякаго сора и нечистоты и сохраняется съ величайшимъ благоговѣніемъ. Съ этою цѣлью выбирается обыкновенно просторная поляна среди лѣса. Посреди нея разстилается бѣлая кошма, на которой раскладываются лепешки въ три ряда кучками, по три лепешки въ кучкѣ. Около кошмы разводится костеръ, на которомъ для варенія жертвеннаго мяса и становятся боченки съ пивомъ; въ старое время ихъ бывало штукъ до 20; около нихъ ковши по числу присутствующихъ. Всѣ участники жертвоприношенія становятся вокругъ кошмы лицомъ на востокъ. У каждаго изъ нихъ сумка, въ которой принесены чашка и ложка, а въ рукахъ восковая свѣча. Жрецъ или, какъ его зовутъ у черемисовъ,—*мужангъ*, прежде всего осматриваетъ идоложертвенныхъ животныхъ, чтобъ опредѣлить, годны-ли они для жертвы. Затѣмъ онъ назначаетъ всѣмъ присутствующимъ, кому какого бога призывать въ молитвѣ, и тогда приступаютъ къ моленію. Всѣ

начинаютъ молиться, постоянно падая на колѣни и кланяясь въ землю. Послѣ этого мужангъ закалываетъ животныхъ и варитъ ихъ мясо; затѣмъ мясо это раскладывается на столѣ, и онъ кадитъ на него зажженною головнею. Наконецъ, совершается самое жертвоприношеніе богамъ, а именно отдѣляются частицы отъ мяса и лепешекъ и совершаются возліянія въ огонь. Затѣмъ всѣ садятся доѣдать остатки, снявъ предварительно съ головы обрядовыя берестовыя шапки. Тѣмъ, которые не могли придти въ лѣсъ на жертвоприношеніе, мясо и лепешки относятся на домъ, такъ какъ эти яства считаются священными. Кости, внутренности и шкуры животныхъ сжигаются. О многолюдствѣ такихъ общественныхъ жертвоприношеній и обиліи приносимыхъ на нихъ жертвъ можно судить по тому, что на нихъ собираются цѣлые десятки деревень. Послѣ одного такого жертвоприношенія на полянѣ, гдѣ оно совершалось, было найдено до 170 головъ скота и птицъ.

Главнѣйшіе праздники черемисъ-язычниковъ слѣдующіе:

1) *Праздникъ пашни.* Онъ бываетъ весною, когда наступаетъ пора посѣва въ овсяныхъ поляхъ. Въ этотъ день, по-утру, всѣ домохозяева въ чистыхъ одеждахъ выходятъ въ поле и несутъ съ собою лепешки, кашу, яйца и пиво. Въ полѣ, подъ двумя-тремя березами, жрецъ раскладываетъ огонь, отъ котораго каждый черемисинъ зажигаетъ восковую свѣчу и прилѣпляетъ ее къ приносимой имъ ѣдѣ; затѣмъ начинаетъ отдѣлять отъ нея частички и бросаетъ ихъ въ огонь. Пока горятъ эти части, черемисы стоятъ на колѣняхъ и молятся, а затѣмъ тушатъ огонь и идутъ домой. На пути они кормятъ пашню, т. е. кладутъ въ землю, каждый на своей полосѣ, каши и яицъ, дома-же съѣдаютъ остатки того, что носили въ поле.

2) Праздникъ, называемый *Новая каша.* Онъ бываетъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, и во многомъ напоминаетъ чувашскій праздникъ урожая.

Также, какъ чуваши, справляютъ черемисы и

3) *Семикъ*, когда они поминаютъ родныхъ, какъ-бы при-

глашая ихъ къ себѣ на пиръ, во время котораго они сами упиваются и наѣдаются до послѣдней возможности.

4) Днемъ полнаго отдыха послѣ недѣльныхъ трудовъ для нихъ является *кугарня*—пятница, соотвѣтствующая русскому воскресенью.

Также, какъ чуваши, платятъ и черемисы калымъ за своихъ невѣстъ и весьма часто похищаютъ ихъ. Существуетъ и у нихъ обычай наносить врагу «сухую бѣду», т. е. вѣшаться у него на дворѣ, чтобы подвести его подъ уголовную отвѣтственность.

Но есть у нихъ своеобразные, имъ однимъ принадлежащіе обычаи. Вотъ, наприм., какъ у нихъ дается имя новорожденному. Родители новорожденнаго приглашаютъ жреца или *карта*, какъ такіе жрецы называются у черемисовъ. Онъ беретъ на руки младенца и начинаетъ его трясти, чтобы тотъ заплакалъ; пока ребенокъ плачетъ, картъ произноситъ цѣлый рядъ именъ, и то имя, на которомъ ребенокъ прекращаетъ плачъ, и остается за нимъ на всю жизнь. Или-же картъ беретъ кремень и огниво и высѣкаетъ искры на трутъ, перебирая разныя имена; на какомъ имени трутъ загорѣлся, то и дается ребенку. Иногда-же обходятся и безъ жреца, а при сажаніи хлѣбовъ въ печь—каждому хлѣбу дается какое-нибудь имя; имя лучше остальныхъ испекшагося хлѣба и дается ребенку.

Кромѣ картовъ, у черемисовъ существуютъ еще другіе жрецы—такъ называемые *мужанги*, о которыхъ мы уже упоминали. Это—черемисскіе шаманы или волхвы, чародѣи. По понятіямъ черемисовъ, они находятся въ сношеніяхъ со злыми богами, получаютъ отъ нихъ желаемые совѣты и помощь и могутъ даже повелѣвать ими. Мужангъ знаетъ, отъ какого духа пристала болѣзнь; знаетъ, какую, въ томъ или другомъ случаѣ, принести жертву; знаетъ онъ также, гдѣ находится украденное и какъ возвратить его.

Черемисы-язычники не любятъ мужанговъ, но страшно боятся ихъ; съ бранью и проклятіями исполняютъ они назначаемыя тѣми жертвы и подчиняются разнымъ поборамъ, уклониться отъ которыхъ не смѣютъ изъ боязни, что тѣ навлекутъ на нихъ разныя несчастія. Черемисы-

христіане подсмѣиваются надъ ними и рады-радешеньки, что избавились какъ отъ нихъ, такъ и отъ своихъ ненасытныхъ боговъ.

Число черемисовъ-язычниковъ съ каждымъ годомъ уменьшается; большинство ихъ переходитъ въ христіанство и исполняетъ обряды православной церкви не менѣе ревностно, чѣмъ сами русскіе. Они заимствуютъ у русскихъ религію и высшее умственное развитіе; но есть и русскимъ что позаимствовать у дикарей-черемисовъ. Преступленій между черемисами очень мало, воровства почти вовсе нѣтъ,—избы при уходѣ на работы никогда не запираются; убійство между ними—вещь неслыханная; самоубійства въ высшей степени рѣдки. Нищихъ у нихъ вовсе нѣтъ. Хорошій работникъ, истинный, правдивый черемисъ, вполнѣ способный на дальнѣйшее умственное развитіе и нравственное усовершенствованіе, является желаннымъ собратомъ для русскаго крестьянина.

XII.

МОРДВА.

Одежды.—Обычаи: коляды, проводы русалки, моленье по окончаніи уборки хлѣба.—Свадьбы.—Похороны.—Физическія и нравственныя качества.—Зажиточность.—Обрусѣніе.

ЗЪ всѣхъ приволжскихъ инородцевъ болѣе всего слилось съ русскими древне-финское племя мордвы. При первомъ взглядѣ на мордвина, его даже трудно отличить отъ русскаго; развѣ только выдастъ его тяжеловатый, не вполнѣ чистый выговоръ, такъ какъ мордвинъ, говорящій и по-мордовски, и по-русски, и по-татарски, ни однимъ изъ этихъ языковъ не владѣетъ въ совершенствѣ. Живетъ мордвинъ совершенно по-русски и отличается отъ русскаго крестьянина только еще большимъ трудолюбіемъ и рьянымъ усердіемъ къ полевымъ работамъ. Отъ этого онъ

пользуется обыкновенно и большею зажиточностью, чѣмъ послѣдній.

Мужская одежда мордвы одинакова съ русскою; только обувь отличается нѣсколько, да и то лишь въ томъ отношеніи, что у мордвина и лапти прочнѣе, и онучи почти всегда бѣлыя.

Но женщины сохранили больше своеобразности: онѣ и говорятъ, главнымъ образомъ, по-мордовски, по-русски же очень плохо, и одѣваются по своему. Мордовки носятъ бѣлую рубашку, красиво вышитую разноцвѣтною бумагою съ навѣшанными на ней металлическими бляхами, серебряной мелкой монетой и *ужовками* (родъ мелкихъ раковинъ); подолъ обшиваютъ красною тесьмою; подпоясываются женщины очень низко широкимъ краснымъ поясомъ съ кистями. Головной уборъ, въ родѣ кокошника, у женщинъ низкій, съ разными украшеніями, а у дѣвушекъ—высокій, перевитый лентами и стеклярусомъ; шею украшаютъ ожерельемъ изъ старинныхъ серебряныхъ монетъ, разноцвѣтнаго бисера и ужовокъ; въ ушахъ носятъ серьги, отъ которыхъ идутъ до плечъ подвѣски съ бисеромъ и другими украшеніями. Пальцы мордовокъ непремѣнно украшены перстнями: у тѣхъ, которыя побогаче, ни одного пальца безъ перстня не останется; къ лучшимъ изъ перстней прикрѣпляютъ еще цѣпочки съ серебряными монетами.

Какъ уже было сказано, мордва болѣе всѣхъ остальныхъ инородцевъ слилась съ русскимъ народомъ и переняла отъ него религію и образъ жизни. Въ настоящее время вся мордва православной вѣры, но лѣтъ 100 тому назадъ народъ этотъ сохранялъ еще свою древнюю языческую религію, во многомъ схожую съ религіею черемисовъ и чувашей. Праздники мордвы представляютъ смѣшеніе русскаго элемента съ мордовскимъ и христіанства съ отжитымъ язычествомъ.

Наканунѣ новаго года, въ мордовскихъ деревняхъ колядуютъ, какъ въ Малороссіи: ребятишки расхаживаютъ по домамъ и распѣваютъ колядки, желая хозяевамъ:

«хлѣбъ соломою въ оглоблю, а зерномъ—какъ яичный желтокъ».

За это имъ даютъ куски пирога, лепешки и деньги.

Въ большіе праздники разряженная мордва высыпаетъ на улицы; составляются большіе, замысловатые хороводы; окрестность оглашается пѣснями и звуками доморощенныхъ музыкальныхъ инструментовъ: гармоніи, балалайки, скрипки. Старики и старухи въ это время чинно сидятъ на завалинкахъ, посматриваютъ на молодежь и вспоминаютъ безвозвратные минувшіе дни своей золотой юности.

Въ четвергъ передъ Троицей дѣвушки вьютъ вѣнки изъ вѣтвей березы и цвѣтовъ и веселятся въ нихъ; а въ Троицу, послѣ обѣда, бросаютъ ихъ въ рѣку или озеро и пируютъ до разсвѣта слѣдующаго дня.

Въ воскресенье послѣ Троицы *провожаютъ русалку* или весну: наряжаютъ кого-нибудь лошадью, сажаютъ верхомъ мальчика и ведутъ въ поле; сзади слѣдуетъ хороводъ съ громкими пѣснями; въ полѣ наряженную лошадь разоблачаютъ съ разными играми.

Если и у мордвы праздникъ урожая или моленья по окончаніи уборки хлѣбовъ. Совершается онъ ежегодно 15-го сентября. Къ этому дню въ каждомъ большомъ мордовскомъ селеніи варятъ изъ 4-хъ пудовъ меда брагу, жарятъ бѣлыхъ гусей и пекутъ лепешки. Затѣмъ идутъ къ завѣтнымъ деревьямъ (по всей вѣроятности, старинныхъ Кереметямъ): у деревьевъ ставятъ бочку съ брагою и начинаютъ молиться; является православный священникъ съ причтомъ и начинаетъ служить молебенъ. Затѣмъ священникъ благословляетъ брагу; каждый изъ присутствующихъ выпиваетъ по ковшу и заѣдаетъ гусемъ.

Крайне своеобразные обычаи существуютъ у мордвы при похоронахъ умершихъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: предавъ тѣло покойнаго землѣ, всѣ участвовавшіе на похоронахъ возвращаются домой, а одинъ изъ родственниковъ умершаго одѣвается въ его платье и принимаетъ на себя ту роль, которую игралъ покойный при жизни. Онъ остается нѣкоторое время на могилѣ, а затѣмъ направляется къ дому умершаго. Семья еще издали кланяется ему и радостно его встрѣчаетъ: кто пожимаетъ ему руку, кто цѣлуетъ въ плечо, и мнимый покойникъ, отвѣчая на поклоны, желаетъ всѣмъ здоровья и счастья.

Тогда ему начинаютъ задавать вопросы относительно другихъ умершихъ родныхъ, отвѣчая на которые живой покойникъ не упускаетъ случая прочитать нравоученіе.

— А что дѣдушка Линдя на томъ свѣтѣ подѣлываетъ? — спрашиваетъ его, напримѣръ, кто-нибудь изъ семьи.

— Ничего, живетъ себѣ помаленьку,—отвѣчаетъ онъ,— только сердится, что ты вотъ со свекровью ссоришься. Говоритъ—покорись старухѣ: она лучше знаетъ, что хорошо, что худо.

Когда разыгрывающій роль покойнаго входитъ въ избу, хозяинъ встрѣчаетъ его съ хлѣбомъ и поклонами, и, вырѣзавъ тремя ударами ножа кусокъ хлѣба изъ коровая, посоливъ его и накрывъ кускомъ яичницы, онъ подаетъ все это дорогому гостю, говоря:

— Вотъ тебѣ священный кусъ,—не грози намъ, благослови насъ и думай о нашемъ добрѣ.

Изображающій умершаго беретъ этотъ кусокъ и съѣдаетъ его. Тогда всѣ садятся за обѣдъ, въ продолженіи котораго онъ даетъ всѣмъ совѣты, какъ жить и что дѣлать. По окончаніи обѣда, онъ отправляется по роднѣ, возвращается домой къ вечеру, и тогда начинаются проводы дорогого гостя. Въ дверяхъ избы хозяинъ подноситъ ему ярку (молодую овечку), а хозяйка—курицу. Провожаемый, поглаживая ее, желаетъ семьѣ, чтобы число ярокъ въ ихъ домѣ удвоилось. Съ курицею-же онъ поступаетъ жестоко: онъ отрываетъ у нея голову, говоря:

— Какъ эта курица разорвалась на двое, такъ чтобы и каждая курица принесла на будущій годъ вдвое бо́льше цыплятъ, чѣмъ нынѣшній годъ.

Послѣ этой церемоніи, всѣ выходятъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ и провожаютъ живого покойника на кладбище. Онъ ничкомъ ложится на могилу. Хозяинъ покрываетъ его съ головы до ногъ холстомъ и затѣмъ сдергиваетъ этотъ холстъ. Лежавшій быстро вскакиваетъ и съ этой минуты становится тѣмъ-же, кѣмъ былъ до принятія роли покойнаго.

Свадьбы мордвы отличаются тою особенностью, что засватанная дѣвушка должна оставаться въ невѣстахъ,

по крайней мѣрѣ, годъ, если не болѣе, и чѣмъ дольше, тѣмъ это для нея почетнѣе. Въ это время женихъ обязанъ посѣщать ее довольно часто и привозить ей и ея роднымъ разныхъ гостинцевъ, особенно меду, что, въ концѣ концовъ, является довольно обременительнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ обязанъ дать за нее и выкупъ, не менѣе 100 рублей.

Всѣ, знающіе близко мордву, отзываются объ этомъ народѣ самымъ лестнымъ образомъ. Нѣкоторые землевладѣльцы, при подрядахъ и покупкахъ, руководствуются, напримѣръ, такимъ правиломъ: съ подгородными крестьянами и мѣщанами дѣла вовсе не имѣть; татаръ обязывать строгими условіями на законныхъ основаніяхъ, а мордвѣ—вѣрить на-слово.

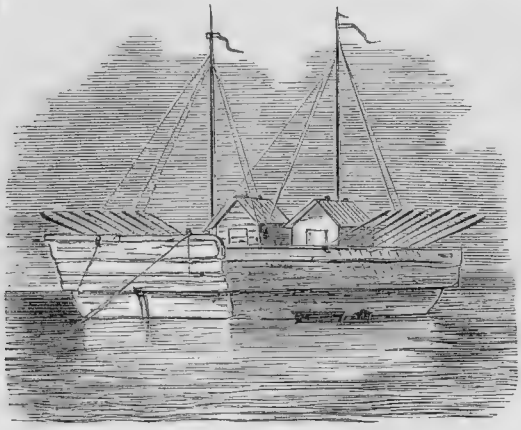
Мордва — народъ крѣпкій, здоровый, широкоплечій. Мордовскія волости представляютъ рекруть, принимаемыхъ безъ браковки. Въ мордовскихъ деревняхъ встрѣчаются столѣтніе старики, настолько еще бодрые, что въ состояніи исполнять нетрудную работу. — «Еще двое лаптей въ день сплететъ»,—говорятъ о такихъ старикахъ, не безъ гордости, ихъ односельчане. Мордовскія женщины славятся своимъ здоровьемъ и крѣпостью сложенія. Онѣ принимаютъ участіе во всѣхъ хозяйственныхъ и полевыхъ работахъ наравнѣ съ мужчинами, отлично пашутъ, косятъ, жнутъ и молотятъ, не уступая мужчинамъ.

Живетъ мордва гораздо зажиточнѣе большинства русскихъ крестьянъ. Лошади, коровы, овцы встрѣчаются у каждаго мордвина. Онъ и одѣтъ лучше русскаго и ѣстъ лучше его. Правда, мясная пища появляется у него за столомъ тоже не каждый день, но все-же гораздо чаще, нежели въ русскихъ домахъ, такъ какъ онъ не брезгаетъ ни зайцемъ, ни дичью, за которою охотится съ увлеченіемъ. Рыба тоже идетъ ему въ пищу. Лѣтомъ въ большомъ ходу молочныя блюда, самымъ любимымъ изъ которыхъ является такъ называемый «ирьянъ»—кислое молоко, особымъ образомъ приготовляемое изъ сушенаго творога.

Благосостояніе мордвы и ея высшее развитіе, сравнительно съ остальными приволжскими инородцами финскаго

происхожденія, идетъ изстари. Иностранецъ Герберштейнъ, посѣтившій Россію въ XVI столѣтіи, говоритъ о мордвѣ, какъ о народѣ независимомъ, имѣющемъ постоянныя жилища, и какъ объ отличныхъ стрѣлкахъ изъ лука.

Въ настоящее время мордва является не только самымъ богатымъ, но и самымъ многочисленнымъ инородческимъ племенемъ Поволжья: число ея представителей доходитъ до 1.000,000, тогда какъ число чувашей опредѣляется 600,000, а черемисовъ насчитывается всего 260,000.



XIII.

ТАТАРЫ.

Наружность.—Отчего въ наружности татаръ, живущихъ въ европейской Россіи, такъ мало монгольскаго?—Занятія.—Одежда.—Образъ жизни татарскихъ женщинъ.—Жилища.—Мечети. Богослуженіе.—Рамазанъ.—Курбанъ-Байрамъ.—Свадьбы.—Школы.—Грамотность.

КАЗАНСКІЕ татары, какъ и родичи ихъ—крымскіе татары, сложены хорошо и, въ большинствѣ случаевъ, красивы собою. Роста они, чаще всего, средняго, но между ними встрѣчается немало и высокорослыхъ. Широкоплечая фигура татарина съ широкою грудью и толстою короткою шеею дышетъ силою и здоровьемъ; лицо у него продолговатое, скулы почти не выдаются; умные, выразительные темные глаза имѣютъ правильный

разрѣзъ, какъ у прочихъ европейскихъ народовъ славянскаго и германскаго племени. Какъ мало общаго между такимъ татариномъ и тѣмъ, какимъ онъ является въ нашей исторіи во времена монгольскаго ига! Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ характерныя черты монголовъ: небольшой ростъ, нѣсколько треугольная форма головы, выдающіяся скулы, далеко отстоящіе другъ отъ друга глаза съ косымъ разрѣзомъ, худыя, въ большинствѣ случаевъ искривленныя отъ верховой ѣзды ноги,—и сравнимъ этого монгола съ хорошо сложеннымъ, красивымъ татариномъ нашихъ временъ,—что за рѣзкая разница и какъ ее себѣ объяснить? Объясняется она отчасти тѣмъ, что въ безчисленныхъ полчищахъ Батыевыхъ, грозною волною нахлынувшихъ на Русь въ XIII вѣкѣ, было множество народовъ *Тюркскаго* племени, по внѣшнему виду гораздо болѣе похожихъ на европейцевъ, чѣмъ на представителей монгольской расы. Затѣмъ на пришедшихъ изъ Азіи татаръ имѣли сильное вліяніе ихъ сосѣди славянскаго и финскаго племенъ, а также прекратившій въ настоящее время свое существованіе, но сильный и богатый въ тѣ времена *болгарскій* народъ, жившій у низовьевъ Камы, о которомъ мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Близкое сосѣдство со всѣми этими народами имѣло сильное вліяніе и на внѣшній видъ татаръ, и на ихъ характеръ и образъ жизни, о нѣкоторыхъ интересныхъ особенностяхъ котораго мы теперь и поговоримъ.

Прежде всего бросается намъ въ глаза то, что татары, по занятіямъ своимъ, рѣзко отличаются отъ прочихъ приволжскихъ инородцевъ—мордвы, черемисовъ и чувашей,—а также и отъ русскихъ крестьянъ. Земледѣліемъ татары занимаются мало. Во многихъ татарскихъ селеніяхъ, особенно расположенныхъ къ востоку отъ Казани, они даже вовсе имъ не занимаются, а сдаютъ свои земли русскимъ и чувашамъ въ аренду или за деньги, а чаще *исполу*, т. е. крестьянинъ, снявшій землю, пашетъ, боронитъ, засѣваетъ ее своимъ хлѣбомъ, жнетъ и молотитъ урожай; землевладѣлецъ-же является только къ раздѣлу, причемъ ему достается половина всего уродившагося зерна. Татаринъ занимается, по возможности, легкою работою—торговлею, из-

возомъ, пчеловодствомъ, содержаніемъ постоялыхъ дворовъ, или нанимается въ приказчики, въ караульщики, или идетъ служить въ гостиницу и ресторанъ. Если у него заведется хоть немного деньжонокъ, онъ сейчасъ пускается въ торговлю: скупаетъ въ однѣхъ русскихъ деревняхъ яблоки и вишни, выгодно мѣняетъ ихъ въ другихъ на яйца; отыскиваетъ мерлушки, перекупаетъ лошадей; все это онъ продѣлываетъ очень ловко, съ большими выгодами для себя. Впрочемъ, надо сказать, что татары не чуждаются и болѣе трудныхъ работъ: на очень многихъ пристаняхъ ихъ можно встрѣтить въ качествѣ гребцовъ-перевозчиковъ или въ качествѣ грузчиковъ и притомъ самыхъ лучшихъ, какъ по силѣ, такъ и по честному отношенію къ исполненію работы. Но самое излюбленное занятіе всѣхъ татаръ это—торговля. Къ ней у нихъ необыкновенныя способности, и, при своей врожденной смѣтливости и расторопности, многіе изъ татаръ, благодаря ей, сильно обогощаются. Въ Казани есть татары, считаемые милліонерами.

Одежда татаръ—восточная, отличающаяся своею длиной и шириной: чѣмъ шире одежда, тѣмъ это считается лучше, почетнѣе. Рубашка—бѣлая холщевая или изъ синей крашенины—спускается ниже колѣнъ и не подпоясывается; шаровары—тоже широкія, запущенныя въ сапоги или завернутыя за онучи. Поверхъ рубашки татары носятъ безрукавый камзолъ, доходящій до колѣнъ и сшитый обыкновенно изъ зеленой или желтой нанки, а у богатыхъ изъ пестрой шелковой или полушелковой матеріи; затѣмъ, смотря по тому—холодно или тепло, идетъ халатъ, подпоясанный гарусным или шелковымъ кушакомъ, или шуба. За пазухой у татарина всегда платокъ. Одежда богатыхъ отличается только тѣмъ, что она сшита изъ лучшаго матеріала и содержится опрятнѣе. Но они носятъ много цѣнныхъ украшеній: кольца съ алмазами, толстыя золотыя цѣпи, ременные пояса, украшенные массивными серебряными разнообразной формы бляхами. Выбритая голова татарина покрыта тюбетейкою или ермолкою, иногда расшитою золотомъ и жемчугомъ, затѣмъ шапкою, у богачей опушенной бобромъ, Муллы, мудриссы (профессора) и хаджи, т. е. совершившіе путешествіе въ Мекку, носятъ

бѣлую чалму. Зеленыя чалмы присвоены только однимъ потомкамъ Магомета. Масса татаръ носятъ поверхъ тюбетейки бѣлыя поярковыя шляпы оригинальной формы.

Женщины очень любятъ наряды. Одежда ихъ состоитъ изъ длинной рубашки съ яркими обкладками и нагрудникомъ, украшеннымъ серебряными монетами. Подъ рубашкою, подобно большинству восточныхъ женщинъ, онѣ носятъ шальвары. На рубашку татарки надѣваютъ зилянъ (кафтанъ), а на голову накидываютъ полотняное покрывало или чадру; или, вмѣсто зиляна, носятъ просто халатъ изъ парчи, изъ шелковой матеріи или изъ простой китайки съ длинными, съуженными къ концамъ рукавами. Халатъ накидывается иногда на голову, вмѣсто чадры. По закону Магомета, женщины не имѣютъ права ходить безъ покрывала, такъ какъ лицо ихъ можетъ видѣть только ихъ мужъ; поэтому чадра является необходимою принадлежностью ихъ костюма. Тѣ татарки, которыя побѣднѣе, обвиваютъ головы полотенцами съ узорчатыми концами, а у богатыхъ есть шелковые колпаки въ видѣ повязки съ дорогою бахромою, позументами и драгоцѣнными каменьями, а также бархатныя круглыя шапочки съ плоскимъ верхомъ, отороченныя соболемъ. Затѣмъ татарки носятъ множество украшеній изъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ: ожерелья, серьги, браслеты, перстни, а также надѣтую на лѣвое плечо, богато украшенную каменьями и монетами перевязь, въ концѣ которой вложены изреченія изъ священной книги магометанъ—Алкорана. Необходимою принадлежностью щеголихи-татарки являются тщательно вычерненные зубы, выкрашенные ногти, густо намазанное бѣлилами и румянами лицо и насюрмленныя брови и рѣсницы. Намъ это кажется безобразіемъ, но ими считается верхомъ красоты. Крымскія татарки не румянятся, но тоже тщательно вымазываютъ зубы, ногти и даже волосы особаго рода ярко-огненною краскою, называемою *хною*.

Скучною и томительно однообразною кажется намъ жизнь татарки, особенно молодой и богатой. Она ничѣмъ не занимается, иглы въ руки не беретъ; по хозяйству и то хлопочетъ мужъ или старушка-свекровь; молодая-же

заботится только о нарядахъ и о томъ, какъ-бы ей послаще поѣсть. Какъ только она встанетъ по-утру, такъ и нарядится въ эпсоргевое платье, набѣлитъ и нарумянитъ лицо и, поджавъ ноги, усаживается на диванъ. Передъ нею кипитъ самоваръ. Она заваривастъ себѣ чай и пьетъ его до тѣхъ поръ, пока потъ сгонитъ всѣ бѣлила и румяна съ ея лица; тогда она вновь намазываетъ свое лицо и принимается за завтракъ, состоящій изъ самыхъ жирныхъ кушаній. Потомъ она снова усаживается; если къ ней придетъ въ гости пріятельница, то на столѣ снова появляется самоваръ, и она съ гостьей вторично пьетъ чай столько-же, какъ и по-утру. Лицо ея снова разстраивается отъ пота; его снова надо подкрасить, чтобъ явиться къ обѣду въ полномъ блескѣ. Послѣ обѣда чай составляетъ для татаръ необходимость, такъ какъ они утверждаютъ, что онъ способствуетъ пищеваренію послѣ жирной пищи. Напившись чаю и отдохнувши, богатая татарка вздумаетъ иногда ѣхать въ гости; тогда она наряжается въ другое дорогое платье, садится въ крѣпко-кованную, яркими красками выкрашенную повозку, запряженную парою лошадей, и ѣдетъ, вся закутанная, къ своей знакомой, не выставляя носа изъ-подъ покрывала до самой горницы своей подруги. Богатыя татарки лишены даже воздуха. Садовъ у нихъ нѣтъ, развѣ есть небольшой палисадникъ; но и туда *мурзачка* (татарская барыня) не смѣетъ выйти, не покрытая съ ногъ до головы зипяномъ, изъ опасенія встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ. Она боится выглянуть изъ окна, чтобъ ее не увидѣли прохожіе. Если даже и нѣтъ прохожихъ, то ей, все-таки, не удается подышать свѣжимъ воздухомъ черезъ окно, такъ какъ всѣ окна татарскихъ жилищъ уставлены горшками съ бальзаминами и душистыми базиликами.

Татаркамъ низшаго сословія живется гораздо свободнѣе. Ходятъ они почти безъ покрывала; притиранья употребляютъ только по пятницамъ,—пятница у магометанъ все равно, что у насъ воскресенье. Онѣ сами хозяйничаютъ, стряпаютъ, доятъ коровъ. Кромѣ того, онѣ занимаются вышиваньемъ тюбетеекъ и ичеговъ (сапожковъ), цѣнность которыхъ доходитъ иногда до 100 рублей.

Къ стран. 132.

См. на оборотѣ.

1) Татарская деревня. 2) Татарскій дворъ. 3) Казанскіе татары. 4) Костю
татарскихъ женщинъ. 5) Внутренность татарскаго дома.—Татары на молитв

Сами татары ведутъ жизнь несравненно болѣе разнообразную, нежели ихъ жены. Мы говоримъ уже, что главнымъ занятіемъ большинства татаръ является торговля; поэтому татары большую часть времени проводятъ внѣ дома слоняясь по улицамъ, базарамъ и трактирамъ, которые они до смерти любятъ. Тутъ сказывается, по всей вѣроятности, пристрастіе обитателей Востока къ ихъ кофейнямъ. Въ трактирѣ татаринъ обыкновенно выпиваетъ нѣсколько рюмокъ бальзаму,—вино ему запрещено магометовымъ закономъ,—и множество бутылокъ пива. Выпить въ теченіе дня 10—15 бутылокъ пива для татарина не составляетъ еще подвига. За пивомъ онъ распѣваетъ свои пѣсни или слушаетъ органъ, курить табакъ,—у себя въ домѣ курить ему не позволяется. Пьяные татары ссорятся не такъ скоро, какъ русскіе, за то ужъ если случится драка, то ее нелегко унять. Богатые татары часто заходятъ въ кондитерскія пить шоколатъ съ огромнымъ количествомъ ванили.

Пища татарскаго простонародья лучше пищи русскихъ крестьянъ. У послѣднихъ мясная пища является на столѣ развѣ только по праздникамъ; у татаръ-же обыкновеннѣйшее кушанье *салма*—родъ лапши, въ которой варятся баранина, козлятина и конина. Затѣмъ, въ ряду любимыхъ татарскихъ кушаній идетъ кислое молоко, пироги съ зелеными огурцами, разныя жирныя лепешки и сухіе плоды. Свиное мясо запрещено Кораномъ; лошадиное-же не только разрѣшается, но считается у простыхъ татаръ самымъ лучшимъ мясомъ. Затѣмъ татары любятъ мореный медъ, пиво и страстные охотники до чая, который они потребляютъ туть-ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ русскіе купцы.

Жилище татаръ дѣлится на двѣ половины: переднюю и заднюю; между ними сѣни, большею частью не крытыя, предназначенныя для домашняго богомолья. Войдемте въ переднюю половину болѣе или менѣе зажиточнаго татарина-мѣщанина: вправо отъ входа въ горницу стоитъ большая печь и при ней мѣдный котелъ, въ которомъ варится пища. На печи стоятъ мѣдные вылуженные кувшины для умыванья; за печью, въ углу,—мѣдный тазъ,

надъ которымъ висятъ два полотенца: одно для обтиранья лица и рукъ, другое—для ногъ. Всѣ магометане обязаны 5 разъ въ сутки совершать моленіе, а передъ этимъ дѣлать омовеніе ногъ,—это называется *творить намазъ*. Далѣе, у стѣны, придѣланы широкія нары, гдѣ лежатъ пышныя перины за занавѣсомъ. Противъ двери, направо, стоитъ столъ, покрытый пестрою бумажною скатертью, а на столѣ поставлено маленькое зеркало. Влѣво, въ углу, стоитъ также покрытый столъ съ чайными фарфоровыми чашками, мисками и нѣсколькими подносами. Около самыхъ стѣнъ нѣсколько простыхъ деревянныхъ стульевъ, а у печи всегда стоитъ самоваръ. Между столами, у стѣны, поставлены красиво обитые сундуки, покрытые коврами и служащіе главнымъ украшеніемъ горницы. На передней стѣнѣ, противъ дверей, виситъ небольшое зеркало. У столовъ постланы простые ковры. Окна заставлены горшками съ душистыми цвѣтами. Отъ большой печи, вправо, у стѣны, виситъ занавѣсъ, закрывающій небольшое мѣсто; здѣсь, когда у хозяина бываютъ гости, должна обѣдать хозяйка, чтобы никто не могъ ее видѣть.

Задняя изба назначается для черныхъ работъ; здѣсь-же лежатъ кое-какіе домашніе пожитки, а лѣтомъ здѣсь-же спятъ хозяева.

Татарскія деревни и татарскіе кварталы нѣкоторыхъ приволжскихъ и крымскихъ городовъ похожи на случайно разбросанный таборъ: улицы кривы, дома не выходятъ на улицу, а по восточному обычаю—прячутся за заборами во дворахъ; со стороны улицы видны одни только глухія стѣны, такъ что насколько уютны и привлекательны внутри татарскія жилища, настолько непривѣтливый и мрачный видъ имѣютъ они снаружи, съ улицъ, надъ глухими стѣнами которыхъ возвышаются лишь стройные *минареты* мечетей.

Минаретъ—это нѣчто въ родѣ башни, на которую поднимается муэдзинъ, чтобы протяжнымъ, громко разносящимся по окрестности голосомъ призывать къ молитвѣ *правовѣрныхъ*, какъ величаютъ себя мусульмане. Молитвы эти обязательны для каждаго магометанина, гдѣ-бы онъ ни находился и какимъ-бы дѣломъ ни занимался. Всѣ,

бывавшіе на Волгѣ или въ Крыму, имѣли, конечно, не разъ случай видѣть, какъ совершаютъ татары свои ежедневныя молитвы, каждый разъ омывъ предварительно себѣ ноги. Если они находятся въ пути и подъ рукою у нихъ нѣтъ воды, то они имѣютъ право замѣнить воду пескомъ. Татары творятъ намазъ пять разъ въ сутки, а именно: утромъ, передъ восходомъ солнца, въ полдень, за часъ передъ закатомъ и около 9—10 часовъ вечера.

Общественныя моленія татаръ происходятъ въ мечетяхъ. Вотъ какъ описываетъ такое моленіе одинъ очевидецъ: «Въ одну изъ *пятницъ* захотѣлось намъ видѣть татарское богослуженіе. Возможность эта была намъ доставлена, и мы отправились въ мечеть. Она помѣщалась въ просторной, но низкой комнатѣ, въ которой стоялъ аналой и родъ маленькой кафедры, а посреди потолка висѣла небольшая люстра: ни стульевъ, ни скамеекъ въ ней не было. Въ передней стояли въ рядъ татарскіе башмаки, такъ какъ правовѣрные могутъ входить въ мечеть не иначе, какъ босыми ногами. Мы пришли нѣсколько поздно; муэдзинъ произнѣлъ уже вступительныя слова: «Склонитесь, вѣрующіе, такъ какъ это законъ»: мулла кончилъ свою обыкновенную пятницкую проповѣдь, и уже началась общая молитва присутствующихъ. Законъ воспрещаетъ вѣрующимъ поворачиваться во время молитвы и чѣмъ-бы то ни было развлекаться, такъ что нашъ приходъ не обратилъ на себя вниманія. Молитва заключалась въ частыхъ поклонахъ въ землю, причемъ сначала обѣ руки поднимаютъ на высоту головы ладонями вверхъ, такъ что большіе пальцы прикасаются къ нижней части уха. Затѣмъ молящійся становится на оба колѣна, опускается на руки и касается лбомъ пола. При этомъ многіе шевелили губами, какъ будто произнося слова молитвы. Всѣ были съ покрытыми головами. Это моленье продолжалось около четверти часа; во все это время царствовала глубочайшая тишина: каждый былъ вполнѣ погруженъ въ себя, никто ничѣмъ не развлекался. Это молчаливое собраніе людей, съ глубокимъ благоговѣніемъ, покаяніемъ и надеждою возносящихъ молитвы къ Богу и соединенныхъ общею вѣрою, производитъ поистинѣ возвышенное впечатлѣніе на всякаго безпристрастнаго зри-

теля. По окончаніи моленья, мулла далъ знакъ непонятнымъ для меня словомъ. Всѣ тотчасъ опустились на колѣни; каждый старательно закрылъ свое лицо обѣими руками и затѣмъ раскрылъ передъ собою руки въ видѣ раскрытой книги, какъ будто читая въ нихъ. Мулла началъ громко читать или, вѣрнѣе, пѣть изъ Корана. Мелодія была очень оригинальна—несложна, въ нѣсколько нотъ. Пѣніе это продолжалось недолго, а затѣмъ, помолившись про себя еще нѣсколько времени, правовѣрные стали выходить изъ мечети, но не всѣ заразъ, а по мѣрѣ окончанія каждымъ своей молитвы.

Постовъ и праздниковъ у татаръ немного. Главный постъ *Рамазанъ*, продолжающійся мѣсяцъ—отъ новолунія до новолунія, состоитъ не въ воздержаніи отъ какой-либо извѣстной пищи, а въ полномъ воздержаніи отъ всякой пищи и даже отъ питья въ теченіе цѣлаго дня; ночью-же разрѣшается ѣсть и пить, что угодно и сколько угодно; поэтому во время Рамазана въ татарскихъ деревняхъ и городахъ послѣ захода солнца начинается необыкновенное оживленіе: музыка, пѣсни и нескончаемая ѣда. Постъ этотъ переходящій, и особенно трудно выдерживать его лѣтомъ въ долгіе, знойные дни.

Рамазанъ заканчивается самымъ торжественнымъ изъ всѣхъ татарскихъ праздниковъ—Курбанъ-Байрамомъ или Рамазанъ-Байрамомъ,—праздникомъ разговѣнья, начинающимся съ того момента, какъ покажется луна. Въ Константинополѣ моментъ этотъ возвѣщается пушечной пальбой изъ сераля—дворца турецкаго султата, барабаннымъ боемъ и звукомъ трубъ на площадяхъ. Въ Крыму посылаютъ верховыхъ повыше на горы; тамъ сторожатъ они моментъ появленія на небѣ молодого мѣсяца, вслѣдъ за тѣмъ летятъ, какъ бѣшеные, обратно въ свою деревню, гиканьемъ и пальбою въ воздухъ изъ пистолета возвѣщая своимъ односельчанамъ радостную вѣсть о наступленіи великаго праздника. Праздникъ Курбанъ-Байрама продолжается обыкновенно 3 дня. Проходитъ онъ въ безконечной ѣдѣ, хожденіи по знакомымъ; сопровождается иногда и народными зрѣлищами, въ родѣ скачекъ, бѣганья на перегонку и т. п.

Къ татарскимъ праздникамъ можно причислить и *свадьбы*, которыя у татаръ тѣмъ болѣе часты, что каждый мусульманинъ можетъ имѣть нѣсколько женъ. Впрочемъ, очень немногіе татары пользуются этимъ правомъ. Свадьба татаръ обыкновенно устраивается черезъ свахъ. Жениху запрещено по закону видѣть невѣсту прежде, чѣмъ она сдѣлается его женою. Но сваха всегда сумѣетъ обойти этотъ суровый законъ и доставить жениху случай взглянуть тайкомъ на невѣсту. Женихъ обязательно платитъ родителямъ невѣсты калымъ, доходящій иногда до 1,000 рублей. Со дня помолвки женихъ посылаетъ невѣстѣ подарки, а въ самый день свадьбы непремѣннымъ подаркомъ у казанскихъ татаръ являются кадка меда и кадка топленаго коровьяго масла. Свадебный пиръ тѣмъ и начинается, что подаютъ на блюдахъ медъ и масло; гости намазываютъ на хлѣбъ того и другого и ѣдятъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Свадебный пиръ продолжается нѣсколько дней. Женщины пируютъ отдѣльно отъ мужчинъ. Всѣ эти празднества чрезвычайно скучны и однообразны, особенно собранія женщинъ. Разрядившись до невозможности, усаживаются онѣ, поджавъ ноги, на ковры, разостланные на полу, смотрятъ другъ на друга и ведутъ нескончаемые разговоры о нарядахъ. Пиръ состоитъ, главнымъ образомъ, въ ѣдѣ. Но не даромъ обходится онъ гостьямъ: каждая изъ нихъ обязательно должна сдѣлать, по своимъ средствамъ, подарокъ невѣстѣ. По осмотрѣ подарковъ, начинается угощеніе: чай, разныя сласти и ужинъ, открывающійся тѣми-же медомъ и масломъ; затѣмъ слѣдуютъ пироги, пилавы, жаркія и пирожныя, всего до 20-ти блюдъ, всѣ очень жирныя, и ни одно блюдо не пропускается. Такой пиръ длится 10 и болѣе часовъ. Подобнымъ-же образомъ пируютъ и мужчины, съ тою разницею, что у нихъ главную роль играютъ не лакомства, а дозволенные ихъ закономъ спиртные напитки: пиво, бальзамъ и др.

Благодаря магометанской религіи, обязывающей каждаго правовѣрнаго знать Коранъ, грамотность среди татаръ распространена не только болѣе, нежели между всѣми остальными инородцами, но даже несравненно болѣе, нежели между русскимъ простонародьемъ. Татаръ, получив-

шихъ образованіе въ городскихъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ очень немного, но за то почти всѣ татары грамотны. Неграмотный татаринъ не пользуется уваженіемъ своихъ земляковъ. Мало найдется среди татаръ и женщинъ, которыя не умѣли-бы читать и писать.

Обучаютъ татарскихъ дѣтей муллы и ихъ жены. Школы находятся не только въ городахъ, но и въ большинствѣ селеній: при каждой мечети полагается училище. Домъ для училища обыкновенно покупается какимъ нибудь богатымъ татариномъ; отопленіе и ремонтъ беретъ на себя другой зажиточный татаринъ на годъ или болѣе. Внутри училищнаго дома находится, кромѣ небольшихъ сѣней, одна большая комната, съ возвышеніемъ въ нѣсколько ступеней. На этомъ возвышеніи располагаются такъ, что учителю, его помощникамъ и ученикамъ достается каждому мѣсто шага въ полтора для подушки, ящика, посуды, книгъ и письменнаго прибора. Помощники учителя и ученики въ одной и той-же комнатѣ учатся и ведутъ хозяйство. Если кто захвораетъ, то долженъ лежать въ самомъ училищѣ на своей подушкѣ до окончанія болѣзни. Учитель — вмѣстѣ съ тѣмъ и врачъ; онъ лечитъ больныхъ разными народными средствами. Подушки учителей отдѣляются отъ ученическихъ занавѣсками изъ пестрой матеріи. Надъ мѣстомъ, которое занимаетъ учитель, на прибитыхъ къ стѣнѣ полкахъ кладутся нужныя для ученія книги. Тутъ-же часто можно видѣть и чеботарный приборъ: учитель учитъ и сапоги чинить, какъ себѣ, такъ и самимъ ученикамъ. Дѣти поступаютъ въ училище на 7-мъ и 8-мъ году отъ роду; курсъ ихъ ученія продолжается, по крайней мѣрѣ, 5 лѣтъ. Кто желаетъ сдѣлаться современемъ, въ свою очередь, муллою или учителемъ остается въ школѣ гораздо долѣе.

Ученіе начинается съ азбуки, послѣ которой читаютъ книгу Гавтіанъ, содержащую въ себѣ извлеченія изъ Алкорана, разныя другія татарскія книги въ стихахъ и прозѣ и, наконецъ, книгу Мухамедъ-эфенди, заключающую въ себѣ наставленія въ торговлѣ. Кромѣ того, дѣти учатся арабскому языку, насколько это нужно для того, чтобы хоть отчасти понимать въ подлинникѣ Алкоранъ, а также иногда

персидскому и бухарскому языкамъ для облегченія своихъ торговыхъ сношеній съ восточными народами.

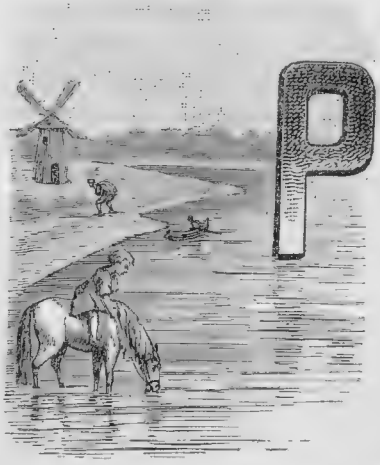
Что касается до русскаго языка, то, несмотря на то, что казанскіе и крымскіе татары живутъ среди русскихъ и по торговлѣ имѣютъ больше всего дѣло съ русскими, они вовсе не стараются основательно изучить русскій языкъ. Изъ нихъ нѣтъ почти ни одного, кто-бы хорошо говорилъ по-русски, а тѣмъ болѣе умѣлъ-бы на немъ хорошо писать. О женщинахъ и говорить нечего: живя въ четырехъ стѣнахъ своего дома, онѣ или вовсе ничего не понимаютъ по-русски, или понимаютъ очень мало.

Относительно характера татаръ, всѣ близко ихъ знающіе отзываются съ самой лестной стороны объ ихъ сговорчивости, добродушіи, чистоплотности. Татары, въ особенности крымскіе, держать себя съ достоинствомъ: свободная, даже нѣсколько горделивая осанка, добродушная улыбка и прямая рѣчь,—все это какъ-бы остатки тѣхъ временъ, когда они были народомъ независимымъ и господствующимъ. Оттого-то, можетъ быть, и не сливаются они такъ легко съ русскимъ народомъ, какъ остальные инородцы, являющіеся, сравнительно съ русскими, полными дикарями, тогда какъ у татаръ свое славное прошлое и своя образованность, заставляющая ихъ считать себя выше нашего русскаго простонародья, пока еще малограмотнаго.

XIV.

КАЗАНЬ.

Казань съ Волги.—Кремль.—Происхожденіе названія Казани.—Легенды объ ея основаніи.—Взаимныя отношенія царствъ Казанскаго и Русскаго.—Первый походъ на казань Іоанна IV въ 1550 г.—Основаніе Свіяжска.—Казанская царица Сумбека.—Покореніе Казани 2-го октября 1552 г.—Времена Пугачева.—Современная Казань.—Учебныя заведенія.—Святыни и историческіе памятники Казани.



РАНО поутру подошли мы къ бывшей татарской столицѣ—*Казани*. Въ нѣкоторомъ удаленіи отъ берега раскидывался передъ нами большой полувосточный городъ. Живописно выдѣлялись на свѣтломъ фонѣ утренняго неба его бѣлые дома, зеленые сады, колокольни православныхъ церквей и минареты мечетей. На первомъ планѣ этой картины выдвигался старинный Кремль на большомъ возвышеніи, окруженный бѣлыми стѣнами, изъ-за которыхъ выглядывалъ шпицъ знаменитой Сумбекиной башни.

Пароходъ нашъ остановился на нѣсколько часовъ; значитъ, можно было успѣть осмотрѣть городъ, хотя до него отъ пристани считается около 4-хъ верстъ.

Сходимъ съ парохода на мостки, ведущіе къ берегу.

— Барыня, хошь мыла? Харошъ мыло, казанское!—

выкрикиваютъ на ломаномъ русскомъ языкѣ татары съ лотками въ рукахъ, на которыхъ разложены кусочки самаго обыкновеннаго яичнаго мыла, пестрые платки и т. п. пустяки.

Поднимаемся на берегъ. Тутъ приходится выдержать натискъ толпы извозчиковъ, и русскихъ, и татаръ. Тутъ же стоитъ и вагонъ конно-желѣзной дороги, соединяющей городъ съ пристанью. Мы порядили молодого татарина-извозчика и тронулись въ путь.

Потянулись безконечныя предмѣстья большого города: красивыя дачки въ перемежку съ татарскими лачугами, какія-то заброшенныя, полуразвалившіяся каменныя строенія, пестрое, аляповатое зданіе съ вычурною надписью: „Тиволи—заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ". Но вотъ передъ нами появилось что-то особенное: посреди поросшей травою площади большое зданіе оригинальной архитектуры, напоминающее пирамиду. Извозчикъ объяснилъ, что это церковь, воздвигнутая въ память воиновъ, павшихъ при взятіи Казани.

Дорога показалась намъ очень длинною, пока мы не добрались, наконецъ, до самаго города. Чтобы попасть въ него, пришлось подниматься на высокую, крутую гору. Взобравшись на нее, мы очутились въ болѣе или менѣе заурядной провинціальной обстановкѣ, вовсе не соотвѣтствовавшей тому поэтическому впечатлѣнію, которое производитъ Казань издали, съ Волги: улицы, хотя и довольно оживленныя, оказались однообразными, со скромными постройками и неровною, пыльною мостовою: сады, которые манили насъ къ себѣ издали, съ рѣки, попрятались неизвѣстно куда. Проѣхались мы по главной улицѣ, посмотрѣли на университетъ—величественное бѣлое каменное зданіе съ колоннами и золотымъ крестомъ домовой церкви надъ главнымъ входомъ—и тронулись затѣмъ по направленію къ Кремлю.

Будто въ другой міръ попали мы, въѣхавъ въ его широкія ворота съ двумя высокими сторожевыми башнями. Эти старинныя зубчатыя стѣны съ темными бойницами, этотъ древній православный соборъ, а рядомъ съ нимъ стройная, загадочная башня Сумбеки, отъ которой такъ и

вѣетъ таинственнымъ, жаркимъ Востокомъ—какъ мало походитъ все это на суетливую будничную обстановку, которую мы оставили позади себя, въ самомъ городѣ! Дѣла давно минувшихъ лѣтъ, картины славнаго, бурнаго прошлаго Казани встаютъ и проносятся передъ нами, какъ живыя.

Названіе *Казань* происходитъ отъ татарскаго слова „*казанъ*", по-русски—*котелъ*. Древняя Казань была основана въ 47 верстахъ выше, по рѣкѣ Казанкѣ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ заштатный городокъ *Арскъ*. Названа она такъ была, по всей вѣроятности, вслѣдствіе расположенія своего въ круглой, замкнутой долинѣ, имѣющей видъ котла.

Объ основаніи древней Казани существуетъ слѣдующая легенда: одинъ изъ сыновей Батыя любилъ охотиться на кабановъ въ долинѣ рѣки Казанки. Разъ какъ-то на берегу этой рѣки приготовляли ужинъ для хана, и одинъ изъ слугъ, черпая въ рѣкѣ воду, оступился и уронилъ въ рѣку единственный имѣвшійся у охотниковъ котелъ для варки пищи. Въ память неудавшагося ужина, рѣка, поглотившая котелъ, сама была названа котломъ. Это-же названіе перешло и на городъ, основанный, нѣсколько времени спустя, на ея берегу.

Вновь основанный городъ началъ быстро расти, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратило свое существованіе древнее Болгарское царство съ его столицею, находившееся въ низовьяхъ Камы. Черезъ 104 года первоначальный городъ былъ перенесенъ на новое, нынѣшнее его мѣсто.

О построеніи новой Казани существуютъ также интересныя легенды, въ родѣ слѣдующей: одинъ богатый житель древней Казани или *Иски-Казани*, какъ ее звали, держалъ пчелъ въ лѣсу на Джеланъ-тау (змѣиной горѣ), гдѣ стоитъ нынѣшняя Казань. Отправляясь осматривать ульи, онъ часто бралъ съ собою свою красавицу-дочку, которой сильно полюбилась эта гористая лѣсная мѣстность на берегу Волги. Татарочка выросла, вышла замужъ, и вотъ что съ нею разъ случилось: по обычаю всѣхъ восточныхъ женщинъ, она ходила сама на рѣку за водою; какъ-то разъ поднимается она съ тяжелымъ кувшиномъ на плечѣ на

крутой берегъ Казанки и принимается бранить того хана, которому пришло въ голову построить городъ на такой крутизнѣ. Слова ея были кѣмъ-то подслушаны и донесены царствовавшему тогда хану, одному изъ потомковъ основателя древней Казани. Онъ потребовалъ къ отвѣту дерзкую молодую женщину, но она не растерялась.

— Что говорила, то говорила,—моя вина,—отвѣчала она.—А что правда, то правда: дѣдъ-то твой вѣдь, небось, не самъ по воду ходилъ, такъ и не зналъ онъ, каково намъ, грѣшнымъ, тяжелые кувшины на такую кручу таскать.

— Ну, а гдѣ-жъ, по твоему, городъ надо было выстроить?—спросилъ ханъ, смягченный красотою и смѣлостью молодой татарки.

— Да хоть-бы тамъ, гдѣ пчельникъ моего отца, на Джелантау,—отвѣчала она.

— А кабаны да змѣи, которыхъ между Казанкою и Булакомъ (рѣки, при сліяніи которыхъ находится Джелантау) столько водится?—возразилъ ханъ.

— А наши колдуны на что? Не справиться имъ развѣ съ этими *гнусными тварями?* [1])—съ увѣренностью отвѣчала татарка.

Ханъ и самъ не долюбливалъ своего города; поэтому онъ рѣшилъ послушаться совѣта молодой татарки и послалъ своего сына-наслѣдника съ двумя вельможами и отрядомъ всадниковъ къ устью Казанки, чтобъ отыскать тамъ мѣсто для построенія города. Посланнымъ вручёнъ былъ запечатанный конвертъ, который они должны были вскрыть на выбранномъ для города мѣстѣ и тотчасъ исполнить то, что тамъ написано. Выборъ посланныхъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшняя Казань. Распечатавъ конвертъ, они съ ужасомъ узнали волю князя, состоящую въ томъ, чтобъ одинъ изъ трехъ посланныхъ, по жребію, былъ закопанъ въ землю живымъ, чтобы новый городъ «крѣпче стоялъ». Жребій палъ на ханскаго сына. Вельможамъ стало жаль молодого царевича, и они спрятали его отъ хана, а въ землю зарыли живую собаку.

[1]) По понятіямъ мусульманъ, нѣтъ твари гнуснѣе кабана или дикой свиньи, мясо которой признано Магометомъ поганымъ и вреднымъ.

Вскорѣ ханъ сталъ сильно горевать о сынѣ. Послы признались ему тогда въ обманѣ и привезли царевича къ отцу. Ханъ очень обрадовался, но старый мулла отнесся къ этому неудовлетворительно и предсказалъ, что новый городъ, въ основаніе котораго легъ обманъ, перейдетъ со-временемъ въ руки гяуровъ (христіанъ), враговъ мусульманской вѣры, считаемыхъ мусульманами наравнѣ съ собаками.

Истребленіе змѣй поручено было колдуну, который отлично справился съ этимъ дѣломъ. Онъ съ осени приготовилъ огромный костеръ изъ дровъ, хворосту и соломы, а кругомъ костра тоже уложилъ хворостъ въ видѣ ограды. Змѣи со всѣхъ сторонъ поползли сюда, чтобы зимовать въ готовомъ помѣщеніи изъ хвороста и соломы. Съ наступленіемъ весны колдунъ прибавилъ къ кучамъ сухого сѣна, полилъ все смолою и сѣрою и зажегъ. Змѣи всѣ сгорѣли. Чтобы выгнать кабановъ, зажгли лѣса около озера Кабана, находящагося и по сіе время въ окрестностяхъ Казани, отчего всѣ эти звѣри, любящіе лѣса, удалились отъ города.

Однако, одинъ самый большой, крылатый змѣй, *Зелантъ*, о двухъ головахъ, улетѣлъ и поселился на горѣ, недалеко отъ города, отчего эта гора и названа Джеланъ-тау (змѣиная гора) или *Зелантова гора*. На ней находится въ настоящее время Успенскій монастырь, основанный въ 1552 году въ память воиновъ, убіенныхъ при взятіи Казани. Онъ тоже называется чаще всего Зелантовымъ монастыремъ.

Зелантъ, по преданію, былъ о двухъ головахъ, изъ которыхъ одной, *змѣиной*, онъ пожиралъ животныхъ, а другою, *воловьею*—растенія. Зелантъ жилъ, припѣваючи: ежедневно въ полдень онъ леталъ на озеро Кабанъ пить воду; тогда всѣ жители падали ницъ передъ нимъ, и онъ въ такомъ случаѣ не причинилъ имъ вреда. Впрочемъ, Зелантъ могъ и не летать въ городъ для утоленія жажды, а пить изъ своего озера, которое было въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его жилища; это озеро и до сихъ поръ называется *Змѣинымъ*.

Долго наводилъ Зелантъ ужасъ на окрестности, но,

наконецъ, искусствомъ волшебниковъ онъ былъ умерщвленъ. Въ память этого событія, ханъ внесъ его изображеніе въ гербъ города Казани. Изображеніе Зеланта до сихъ поръ красуется на гербѣ Казанской губерніи.

Таковы народныя преданія, объясняющія сохранившіяся понынѣ названія: Зелантова гора, озеро Кабанъ, рѣка Казанка и др

Преданія эти объясняются также въ смыслѣ аллегорическомъ, т. е. иносказательномъ: Зелантъ является, по татарскимъ сказаніямъ, олицетвореніемъ древняго идолопоклонства, побѣжденнаго магометанствомъ, а по русскимъ понятіямъ—онъ олицетворяетъ собою злую татарщину и магометанство.

Мы находимъ въ исторіи также другое объясненіе о перенесеніи древней Казани на новое мѣсто: оказывается, что первая была разрушена русскими во время одного изъ безчисленныхъ столкновеній ихъ съ татарами; вслѣдъ за тѣмъ татарскій ханъ Улу-Махметъ выстроилъ Казань на новомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ, на которомъ она стоитъ и теперь [1]). Это было въ 1402 году.

Съ самаго своего возникновенія Казанское царство стало очень опаснымъ сосѣдомъ для Россіи. Казанцамъ было удобно воевать съ русскими: они жили за Волгою, черезъ которую всегда могли переправиться, какъ черезъ свою рѣку, и громить только-что заселявшіяся окраины Россіи, куда не могла подоспѣть скорая помощь. Русскимъ-же было очень затруднительно воевать съ Казанью, владѣнія которой отдѣлялись отъ нихъ обширными степными пространствами, населенными племенами или полупокоренными, или даже и совсѣмъ враждебными. Оставлять дѣла въ такомъ положеніи было невозможно: кромѣ того, что отъ татарскихъ набѣговъ постоянно страдали приволжскія населенія,—сильное Казанское царство, власть котораго признавали приволжскіе инородцы: мордва, чуваши и черемисы, грозило Россіи повтореніемъ временъ Батыя и Тохтамыша. Итакъ, русскимъ необходимо было вступить съ нимъ въ борьбу, и борьба эта началась не на одномъ только

[1]) Проф. Шпилевскій. «*Древніе города и булгаро-татарскіе памятники*».

бранномъ полѣ, гдѣ татары легко выходили побѣдителями, а также и другими способами, на изобрѣтеніе которыхъ былъ такимъ великимъ мастеромъ государь московскій Иванъ Васильевичъ III.

Не даромъ считается онъ однимъ изъ лучшихъ политиковъ своего вѣка. Со свойственнымъ ему политическимъ чутьемъ онъ угадалъ, что слабая сторона Казанскаго царства кроется въ тѣхъ междоусобныхъ распряхъ, которыя тамъ никогда не переводились. Главною причиною ихъ являлся вопросъ о престолонаслѣдіи. Законы престолонаслѣдія у казанцевъ не были точно выяснены, и смерть каждаго хана влекла за собою кровавые раздоры. Въ эти-то междоусобія и вмѣшался очень искусно Иванъ Васильевичъ. Онъ повелъ дѣло такъ, что недовольные тѣмъ или другимъ новымъ ханомъ обращались къ нему за помощью; разумѣется, онъ охотно ее оказывалъ, и, конечно, въ концѣ концовъ, ни одинъ важный вопросъ не рѣшался въ Казани безъ вмѣшательства московскаго государя. Такимъ образомъ, независимая, повидимому, Казань, въ сущности, находилась подъ полнымъ вліяніемъ Москвы. Тѣмъ не менѣе, набѣги казанцевъ на наши сосѣднія области повторялись по-прежнему; по-прежнему русскіе города и селенія превращались при этомъ въ груды развалинъ. Не мало пришлось еще повозиться съ татарами преемникамъ Ивана Васильевича — сыну его Василію Іоанновичу и внуку Іоанну IV Грозному.

Важною мѣрою противъ татарскихъ вторженій явилось въ царствованіе Василія Іоанновича основаніе Васильсурска. Русскіе давно уже сознавали необходимость ограждать свои приволжскія владѣнія отъ враждебныхъ инородцевъ укрѣпленіями, изъ которыхъ можно было-бы слѣдить за движеніемъ непріятеля и посылать противъ него войско. Прежде всего, въ 1221 году былъ основанъ съ этою цѣлью Нижній-Новгородъ.

«Онъ оказался хорошимъ замкомъ, запершимъ наши владѣнія на Окѣ; но съ тѣхъ поръ, къ XIV столѣтію, въ землѣ Русской явилась новая большая пристройка, сдѣлавшая насъ самыми близкими сосѣдями съ казанцами. Сура служила, такъ сказать, заборомъ, а устье Суры—

калиткою къ Волгѣ и по ней: налѣво—въ Русскую землю, а направо—въ Казанскую»[1]).

Вотъ эту-то калитку и заперъ великій князь московскій Василій Іоанновичъ новымъ городомъ, названнымъ, въ честь его, Васильсурскомъ.

Василій Іоанновичъ умеръ рано. Старшему сыну и наслѣднику его, Іоанну IV, было тогда всего 3 года. Опека надъ нимъ и управленіе государствомъ перешли къ матери его, великой княгинѣ Еленѣ. Въ концѣ ея управленія въ Казани водворился ханъ изъ рода Гиреевъ, господствовавшихъ въ Крыму. Соединившись подъ властью одной и той-же семьи, оба эти царства стали еще болѣе опасными для русскихъ. Сафа-Гирей казанскій опустошалъ области Муромскую и Костромскую; Саинъ-Гирей крымскій подходилъ къ Окѣ со всею ордою. Но въ Казани, попрежнему, боролись другъ съ другомъ партіи крымская и московская. Случилось такъ, что въ то время, когда въ Москвѣ государь Іоаннъ IV выросъ и съ чрезвычайнымъ усердіемъ сталъ заниматься дѣлами правленія, въ Казани умеръ ханъ Сафа-Гирей, оставивъ престолъ малолѣтнему сыну. Тогда тамъ начались обычныя междоусобія: партія московская обратилась къ Іоанну IV, а враждебная ей стала сноситься съ Крымомъ. За это Іоаннъ пошелъ войной на Казань (въ 1550 г.), осадилъ ее и сдѣлалъ приступъ, но неудачный. Множество людей было побито съ обѣихъ сторонъ. Потомъ начались весеннія оттепели, наступила распутица, и государь былъ вынужденъ воротиться назадъ.

Назвать этотъ походъ вполнѣ неудачнымъ, однако, нельзя: въ теченіе него русскіе сдѣлали еще одинъ большой шагъ впередъ въ пріобрѣтеніи Поволжья. По пути домой, во время стоянки у устья *р. Свіяги*, одного изъ правыхъ притоковъ Волги, Іоанну пришла мысль,—вѣроятно, подсказанная воспоминаніями о Нижнемъ и Васильсурскѣ,—поставить въ виду самой Казани крѣпость. Совѣтники великаго князя одобрили эту мысль, и было рѣшено, какъ можно скорѣе, заложить городъ. Въ Россіи изгото-

[1]) Рагозинъ. «Волга».

вили избы, церковь и другія строенія и матеріалы; даже нашли, кѣмъ заселить городъ. Весной слѣдующаго года всѣ строенія въ разобранномъ видѣ были сплавлены къ Свіягѣ; лѣсъ на горѣ тотчасъ вырубили; отслужили молебенъ и приступили къ постройкѣ города. Черезъ 4 недѣли на нагорной сторонѣ Волги, при устьѣ Свіяги, уже красовался новый русскій городъ на землѣ Казанскаго царства и древней Болгаріи—*Свіяжскъ*.

Къ тому времени отъ Казани отложились чуваши и черемисы и подчинились великому князю Московскому, который облегчилъ имъ подати. Въ самой Казани междоусобія были въ полномъ разгарѣ, причемъ московская партія взяла верхъ. По настоянію ея, маленькій ханъ, сынъ Сафы-Гирея, вмѣстѣ съ матерью своею, царицею Сумбекой, были отосланы въ Москву. Имя царицы Сумбеки встрѣчается во многихъ казанскихъ легендахъ. Красивая, энергичная молодая женщина послѣ смерти мужа своего, Сафы-Гирея, неожиданно сдѣлавшаяся правительницею, такъ какъ малолѣтній сынъ ея, понятно, не могъ обойтись безъ ея опеки, подпала подъ вліяніе партіи, враждебной Москвѣ; за это московскій царь и потребовалъ ея выдачи. Тяжело было Сумбекѣ покидать родину и отправляться въ чужую страну плѣнницею сильнаго и, можетъ быть, жестокаго врага. Сцена прощанія Сумбеки съ народомъ увлекательно описана у Карамзина:

«Не укоряя ни вельможъ, ни гражданъ,—говоритъ онъ,—Сумбека жаловалась только на судьбу, въ отчаяніи лобызала гробъ Сафы-Гирея и завидовала его спокойствію. Народъ безмолствовалъ; вельможи утѣшали ее и говорили, что Іоаннъ милостивъ, что многіе цари мусульманскіе служатъ ему; что онъ изберетъ ей достойнѣйшаго между ними супруга и дастъ владѣніе. Весь городъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато украшенная ладья. Сумбека тихо ѣхала въ колесницѣ: пѣстуны несли сына ея. Блѣдная, слабая, она едва могла сойти на пристань и, входя въ ладью, съ умиленіемъ поклонилась народу, который палъ ницъ, горько плакалъ и желалъ счастья бывшей своей царицѣ».

Такъ печально уѣзжала Сумбека изъ своего родного

города; ее страшило неизвѣстное будущее. Но страхъ ея оказался неосновательнымъ: московскій государь принялъ ее очень ласково и щедро одарилъ.

Въ Казани до сихъ поръ еще сохранился памятникъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ «Сумбекиной башни», о которой мы упоминали, говоря о казанскомъ Кремлѣ. Въ прежнее время башня эта составляла, по всей вѣроятности, одну изъ многочисленныхъ мечетей бывшей татарской столицы. Между татарами ходили таинственные слухи о томъ, будто въ ярко сіяющемъ, вызолоченномъ шарѣ, находящемся на высокомъ шпицѣ башни, скрыты какіе-то важные и секретные документы, но когда, въ 1830 году, по распоряженію мѣстныхъ властей, шаръ этотъ былъ снятъ и вскрытъ, то онъ оказался совершенно пустымъ. Есть также преданіе, будто Сумбека, возвратясь впослѣдствіи въ Казань, бросилась съ вершины башни, когда узнала о взятіи этого города русскими. Но врядъ-ли это было такъ; впрочемъ, достовѣрныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ знаменитой татарской царицы мы не имѣемъ. Сынъ ея впослѣдствіи былъ крещенъ, названъ Александромъ и, послѣ смерти, погребенъ въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

Вмѣсто сына Сафы-Гирея, Іоаннъ назначилъ въ казанскіе ханы Шигъ-Алея, приверженца русскихъ. Но Шигъ-Алей возбудилъ вскорѣ противъ себя сильное недовольство. Ненависть къ нему и, въ то-же время невозможность избавиться отъ него, невозможность бороться съ Москвою, внушили казанцамъ мысль подчиниться вполнѣ царю московскому, лишь-бы онъ только удалилъ отъ нихъ Шигъ-Алея. Іоаннъ согласился, удалилъ Алея и отправилъ въ Казань намѣстника своего. Русскіе бояре уже приблизились къ Казани; все было готово къ ихъ встрѣчѣ; оставалось только въѣхать въ городъ, какъ вдругъ оказалось, что ворота заперты: казанцы передумали и, какъ утопающій хватается за соломинку, рѣшили въ послѣдній разъ попытать счастія и взять царя отъ ногасвъ. Тѣ послали имъ астраханскаго царевича, по имени Едигера.

Тогда Іоаннъ рѣшилъ покончить съ Казанью и сталъ приготовляться къ походу противъ нея. Онъ ходилъ въ

сопровожденіи своихъ бояръ по храмамъ и монастырямъ, горячо молился святителямъ и чудотворцамъ московскимъ, раздавалъ щедро милостыню. Народъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на такія приготовленія: для него казанцы не были врагами обыкновенными,—это были враги вѣры Христовой, та самая злая татарщина, тяжелыя времена которой помнились еще тогда такъ живо.

Лѣтомъ 1552 года Іоаннъ выступилъ въ знаменитый походъ противъ Казани, стоя самъ во главѣ многочисленнаго войска.

— «Приспѣло время нашему подвигу,—говорилъ царь собравшимся вокругъ него воеводамъ и боярамъ.—Пострадаемъ-же единодушно за благочестіе, за православную вѣру христіанскую, за единородную нашу братію—православныхъ христіанъ, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ казанцевъ! Вспомнимъ слово Христово, что нѣтъ больше сей любви, какъ полагать души за други своя... Не пощадите головъ своихъ за благочестіе. Если умремъ, то не смерть это, а жизнь. Я съ вами самъ пришелъ: лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ, мучимыхъ безбожными казанцами! Владыко, о твоемъ имени движемся!»—громко воскликнулъ Иванъ Васильевичъ, взирая на образъ Спасителя.

Стопятидесятитысячное войско обложило Казань, и началась знаменитая въ русской исторіи осада. Осаждаемые защищались отчаянно, и только 2-го октября сдалась татарская столица. Вотъ какъ описываетъ этотъ день Карамзинъ:

«Заря освѣтила небо ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ; россіяне передъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнью знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ; въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: «*Да будетъ едино стадо и единъ пастырь!*»—грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, цер-

ковь затряслась... Государь вышелъ на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви; Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился: «*Да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его*»,—раздался новый ударъ: взорвали другой подкопъ, еще сильнѣе перваго,—и тогда, воскликнувъ: «*съ нами Богъ*!» полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели разрушенія, вопили: «*Алла! Алла!*» призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей, мѣряли глазами разстояніе и вдругъ дали ужасный залпъ; пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглись, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибелью для россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали или мертвые, или раненые, или отъ страха. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулисъ въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Св. Тайнъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Но казанцы и тогда не сдались окончательно.

— Пока было можно защищать нашъ городъ и нашего царя, мы бились до смерти,—сказали они русскимъ.—Теперь отдаемъ вамъ живого и здороваго. Ведите его къ своему царю!.. А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу».

И вышло изъ города 6,000 храбрѣйшихъ защитниковъ Казани на смертный бой съ русскими. Всѣ, до единаго, испили изъ кровавой чаши; по преданію, въ Казани не осталось въ живыхъ ни одного жителя, способнаго носить оружіе. Семьи убитыхъ очутились, конечно, въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Въ день взятія Казани тамъ оказалось около 60,000 вдовъ и сиротъ, такъ что побѣдители, даже при желаніи, не въ состояніи были хотя-бы только накормить всю эту массу несчастныхъ. Отъ этого обстоятельства и происходитъ русское прозвище: «*казанская сирота*».

Съ великимъ торжествомъ возвратился Іоаннъ Васильевичъ въ Москву. Трудно описать невыразимую радость, охватившую всѣхъ русскихъ при извѣстіи, что пало, наконецъ, Казанское царство. Это было первое завоеваніе, послѣ тяжелыхъ временъ Монгольскаго ига, цѣлаго *татарскаго* царства. Кромѣ того, взятіе Казани было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка. Наконецъ, съ покореніемъ Казани и послѣдовавшимъ черезъ 2 года покореніемъ Астраханскаго царства, Волга во всѣхъ своихъ частяхъ перешла во владѣніе русскихъ: устье Камы и вся многоводная эта рѣка, земля древнихъ болгаръ, всѣ приволжскіе лѣса, черноземныя, тучныя нивы, необозримые луга, богатыя рыбныя ловли, однимъ словомъ—всѣ эти неисчерпаемыя богатства стали достояніемъ русскаго народа! Прежніе воинственные кочевники—татары смирились окончательно и сдѣлались мирными, трудолюбивыми гражданами великаго русскаго царства.

Покоривъ Казань, Грозный принялъ мѣры для водворенія въ городѣ и во всемъ томъ краѣ порядокъ и спокойствіе.

Въ Кремлѣ былъ оставленъ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ намѣстника, который долженъ былъ управлять и гражданскою частью. Для распространенія христіанства была учреждена архіепископская каѳедра, а для предупрежденія столкновенія между православными и магометанами послѣдніе были выселены за р. Булакъ, гдѣ основалась татарская слобода, существующая и до настоя-

щаго времени. Вообще, Іоаннъ Грозный имѣлъ въ виду успокоить край и сдѣлать Казань административнымъ и духовнымъ центромъ *средняго и нижняго Поволжья*.

Петръ Великій взглянулъ на дѣло шире: оцѣнивъ выгодное географическое положеніе города, онъ пожелалъ сдѣлать Казань центромъ торговыхъ сношеній съ отдаленными восточными краями: *Сибирью, Китаемъ, Персіею и среднеазіатскими ханствами*.

Съ прекращеніемъ на средней Волгѣ постоянныхъ столкновеній между татарами и русскими и съ водвореніемъ тамъ спокойствія, въ Казанскій край потянулись русскіе ремесленники, купцы и земледѣльцы; торговля стала быстро развиваться, а самъ городъ расти и богатѣть. По повелѣнію Петра I, въ Казани были учреждены суконная фабрика и кожевенный заводъ, а въ 4-хъ верстахъ отъ города, на берегу Казанки—корабельная верфь.

Одновременно съ фабриками и заводами, Петръ учредилъ въ Казани первое общественное учебное заведеніе, а именно *цифирную школу* при Ѳедоровскомъ монастырѣ. До того въ Казани существовали маленькія школы при монастыряхъ, въ которыхъ обучали исключительно одни только монахи. Въ 1733 году она была преобразована въ *семинарію* и переведена въ Зелантовъ монастырь.

Въ 1767 году Казань посѣтила императрица Екатерина II, а семь лѣтъ спустя, на этотъ городъ надвинулась страшная гроза,—къ нему подступалъ Пугачевъ. Горожанами овладѣла паника; многіе бѣжали изъ города. Но дворянство рѣшило оказать правительству дѣятельную помощь при оборонѣ города и составило ополченіе, обмундированное и снаряженное на его счетъ. Императрица, выражая за это свою благодарность дворянству, назвала себя *казанскою помѣщицею*. Казанцы изо всѣхъ силъ старались привести городъ въ оборонительное положеніе и привлекать силы въ свое ополченіе.

Изъ воспитанниковъ и учителей основанной въ 1758 году *гимназіи* составился тоже отрядъ подъ командою директора гимназіи фонъ-Каница. Къ этой храброй, но, конечно, неопытной дружинѣ присоединились художники и ремесленники изъ нѣмцевъ, проживающихъ въ Казани. Всѣ

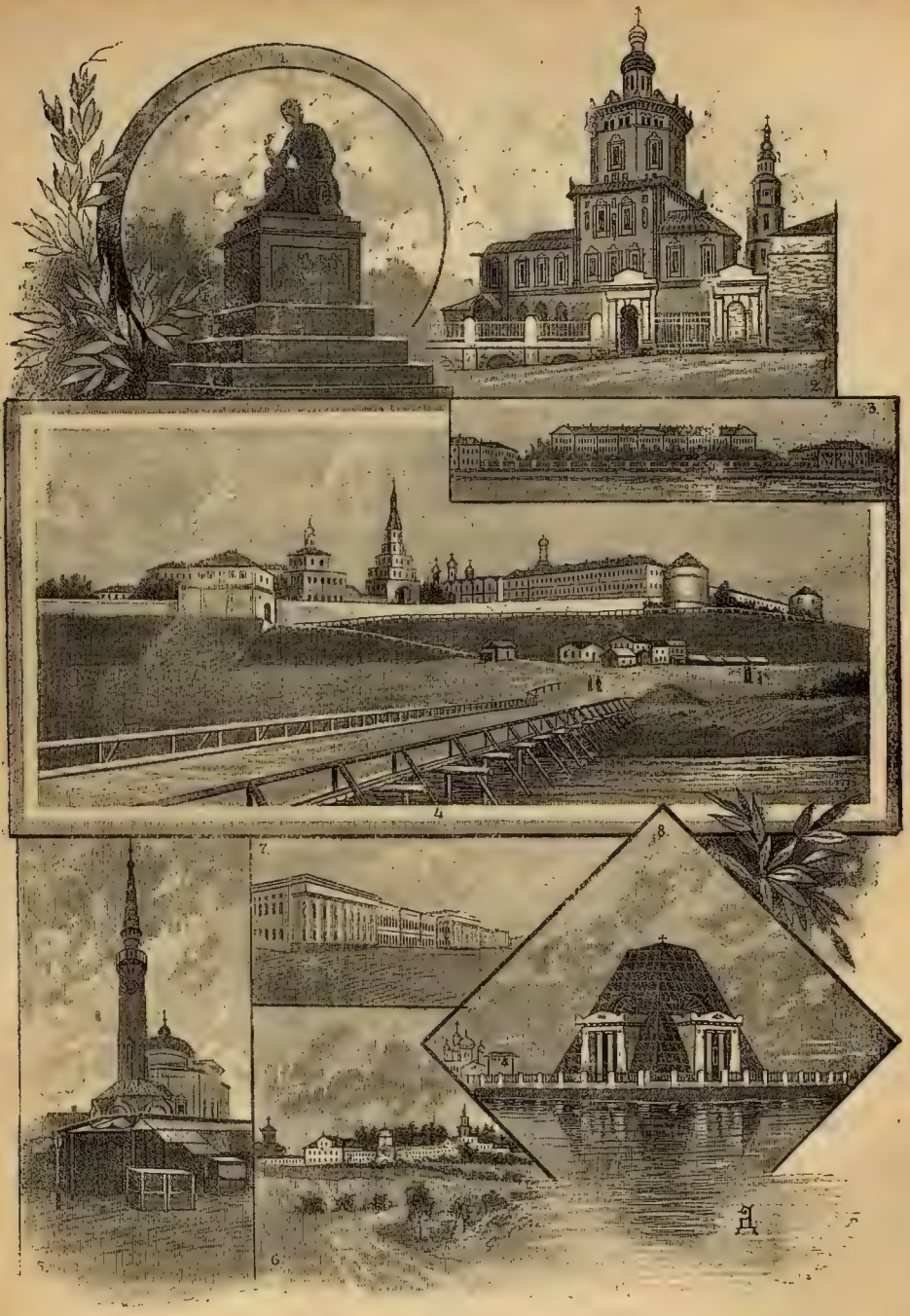
они вооружились пиками и карабинами и, поставивъ впереди себя рогатки, заняли позицію на Арскомъ полѣ, возлѣ р. Казанки.

Появился Пугачевъ. Суматоха и переполохъ въ городѣ были неописанные. Всѣ импровизированныя ополченія частію разбѣжались, а частію были захвачены въ плѣнъ бунтовщиками. Дольше всѣхъ держалась на своемъ мѣстѣ гимназическая дружина. Во время обороны она дѣйствовала въ такомъ порядкѣ: по флангамъ стояли взрослые, а въ серединѣ построились въ двѣ шеренги ученики; передняя шеренга была вооружена карабинами, а задняя—пиками. Во время сраженія были ранены самъ директоръ и 6 учениковъ, одинъ изъ которыхъ умеръ; 6 учениковъ пропали безъ вѣсти; взрослыхъ было убито 6 человѣкъ, изъ нихъ два учителя. По удостовѣренію казанскаго генералитета, гимназическая дружина дѣйствовала твердо и хорошо и, при отступленіи въ крѣпость, шла одною изъ послѣднихъ.

Шайки Пугачева ворвались въ городъ, злодѣйствовали тамъ и жгли его. Сильная батарея, подъ начальствомъ самого Пугачева, стояла у гостинаго двора и громила Кремль—единственное убѣжище казанцевъ. Къ вечеру лицевая стѣна его была сильно повреждена, и защитники готовились на утро къ смерти. Къ счастію, имъ на выручку подоспѣлъ отрядъ генерала Михельсона, и осада была снята.

Казанцы не находили словъ для выраженія благодарности Михельсону; но ихъ городъ, обращенный въ груду горящихъ развалинъ, представлялъ ужасную картину: изъ 3,867 домовъ сгорѣло 2,057. Сгорѣло 25 церквей и три монастыря. Уцѣлѣвшіе дома, церкви и гостиный дворъ оказались разграбленными. Множество народа было убито и ранено, многія тысячи семействъ остались безъ крова и хлѣба.

Начальство озаботилось о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ. Они были также приглашены въ лагерь Михельсона для разбора добычи, отнятой у бунтовщиковъ, и для признанія своихъ вещей. Раздѣлъ этотъ, при всеобщей неурядицѣ, происходилъ, разумѣется, кое-какъ, и



(*См. на оборотѣ*).

1) Памятникъ Державину. 2) Петропавловскій соборъ въ Казани. 3) Духовная академія. 4) Видъ Казанскаго Кремля. 5) Татарская мечеть на Сѣнной площади. 6) Зелантовъ монастырь. 7) Университетъ. 8) Памятникъ по убіеннымъ при взятіи Казани въ 1552 г.

многіе зажиточные очутились нищими, а бѣдняки разбогатѣли. Такъ окончились въ исторіи Казани мрачные и трудные дни Пугачевщины.

Послѣ Пугачевскаго бунта Казани уже не приходилось ни разу быть на военномъ положеніи, а съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія правительство рѣшило сдѣлать Казань умственнымъ центромъ Поволжья. Въ 1804 году въ ней былъ открытъ *университетъ*. а въ 1846 году учреждена *Духовная Академія*, которой пожалована богатая библіотека Соловецкаго монастыря, увезенная оттуда въ 1855 году, во время бомбардированія англичанами этого монастыря. Кромѣ чтенія лекцій студентамъ, казанскій университетъ издаетъ ученыя записки и учреждаетъ ученыя общества. Академія--же дѣятельно работаетъ на миссіонерскомъ поприщѣ, распространяя среди инородцевъ православіе и ведя борьбу съ расколомъ.

Среднеучебныя заведенія съ Казани слѣдующія: 3 классическія гимназіи, 2 женскія—Маріинская и Ксеніевская, реальное училище, Родіоновскій [1]) женскій институтъ. Спеціальныя учебныя заведенія: пѣхотное юнкерское училище, учительская семинарія, земская школа для подготовленія народныхъ учительницъ, земская фельдшерская школа, фельдшерская школа при ветеринарномъ институтѣ, фельдшерская школа при военномъ госпиталѣ и земледѣльческое училище при фермѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Казани. Низшихъ учебныхъ заведеній, т. е. начальныхъ русскихъ школъ, въ Казани насчитывается всего только 19, что для города со стотысячнымъ православнымъ населеніемъ, считающимся вдобавокъ «умственнымъ центромъ Поволжья», разумѣется, мало.

Историческими памятниками Казани, съ которыми связаны главнѣйшія историческія событія съ того момента, какъ пало татарское царство и Казань стала русскимъ городомъ, являются, кромѣ Кремля, главнымъ образомъ, нѣкоторые церкви, часовни и монастыри.

Успенскій монастырь, называемый также *Зелантовымъ*,

[1]) Названный такъ по имени казанской помѣщицы Родіоновой, пожертвовавшей крупную сумму на его основаніе.

былъ заложенъ Іоанномъ Грознымъ на мѣстѣ погребенія воиновъ, павшихъ при осадѣ Казани. Черезъ 7 лѣтъ монастырь этотъ былъ переведенъ на возвышенность, называемую Зелантовой горою, такъ какъ на прежнемъ мѣстѣ онъ ежегодно затоплялся водою. Иконостасъ въ церкви этого монастыря пожертвованъ царицею Анастасіею Романовою; образъ Смоленской Божіей Матери, хранящійся въ храмѣ, есть тотъ самый, который Іоаннъ Грозный бралъ съ собою во время своихъ походовъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ Зелантовъ монастырь былъ первоначально основанъ, теперь стоятъ памятникъ и часовня, подъ которою находится склепъ съ гробницею, въ которой лежатъ кости убитыхъ при осадѣ Казани. Въ самой-же часовнѣ находится художественный портретъ Іоанна Грознаго, писанный масляными красками.

Въ *Казанскомъ* женскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1579 году, на иконы Казанской Божіей Матери и Спасителя надѣты руками Императрицы Екатерины II, посѣтившей Казань въ 1767 году, золотые вѣнцы съ бриллiантовыми коронами. Икона Казанской Божіей Матери настолько чтится всѣми православными, что мы считаемъ нужнымъ привести преданіе о ея обрѣтеніи.

Въ 1579 году въ Казани случился страшный пожаръ. Въ числѣ погорѣльцевъ былъ стрѣлецъ Онучинъ, возымѣвшій намѣреніе построить новый домъ, вмѣсто сгорѣвшаго. Во время приготовленій къ работѣ, 10-ти-лѣтняя дочь его, Матрена, увидѣла во снѣ Божію Матерь, повелѣвшую ей заявить городскимъ властямъ, что въ пепелищѣ сгорѣвшаго дома Онучина сокрытъ Ея пречистый образъ; но власти и даже архіепископъ Іеремія не повѣрили дѣвочкѣ. Тогда она сама начала искать и, дѣйствительно, нашла на пепелищѣ своего дома, на глубинѣ двухъ аршинъ, икону, завернутую въ старый суконный рукавъ и притомъ вполнѣ хорошо сохранившуюся, будто недавно написанную. Впослѣдствіи узнали, что обрѣтенная такимъ образомъ икона Пресвятой Дѣвы есть точный снимокъ съ чудотворнаго образа, вывезеннаго изъ Іерусалима въ Константинополь греческою царицею Евдокіею. Полагаютъ, что въ Казань она была привезена какимъ-нибудь татариномъ, принявшимъ православіе.

Послѣ многихъ чудесъ, совершившихся при новоявленной иконѣ, архіепископъ Іеремія приказалъ снять съ нея копію и отправилъ послѣднюю царю Іоанну Васильевичу, съ подробнымъ описаніемъ всего событія. Царь приказалъ немедленно построить на мѣстѣ обрѣтенія иконы женскій монастырь, а Матрена Онучина поступила въ него подъ именемъ Марфы.

Въ смутное время икона Казанской Божіей Матери получила всероссійское значеніе: рать, отправленная изъ Казани на выручку Москвы, находившейся во власти поляковъ, взяла съ собою списокъ съ этой иконы, которая вскорѣ пріобрѣла особое уваженіе среди всего русскаго войска. Ея чудесной помощи приписывали спасеніе Москвы, такъ что послѣ изгнанія поляковъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ установилъ празднованіе въ честь этой иконы два раза въ годъ: 8-го іюля—день ея обрѣтенія и 22-го октября—день освобожденія Москвы.

При Петрѣ Великомъ чудотворная икона Казанской Божіей Матери была перенесена въ Петербургъ, гдѣ и находится по сіе время въ мѣстной святынѣ—Казанскомъ кафедральномъ соборѣ.

Памятникомъ посѣщенія Казани Петромъ Великимъ служитъ церковь апостоловъ Петра и Павла, сооруженная однимъ изъ казанскихъ богачей того времени, Михляевымъ. Этотъ-же Михляевъ оказалъ Петру важную услугу, пожертвовавъ на весьма крупную сумму драгоцѣнностей и денегъ, которыя были необходимы тогда императору для предстоявшей войны съ Персіею.

Въ адмиралтейской слободѣ, близъ Казани, хранится галера «Тверь», на которой императрица Екатерина совершила свое путешествіе по Волгѣ, и ботикъ, въ которомъ переправлялся черезъ Волгу императоръ Павелъ I въ 1799 году.

Современная Казань расположена большею своею частью на низкомъ мѣстѣ; только крѣпость и нѣсколько улицъ, ближайшихъ къ Арскому полю, стоятъ на довольно возвышенномъ мѣстѣ.

Канавою *Булакомъ*, когда-то бывшимъ рѣчкою, и озеромъ *Кабаномъ*, которое служитъ какъ-бы продолженіемъ

Булака, Казань дѣлится на двѣ части: лѣвую—большую и лучшую часть города и правую—меньшую, населенную почти исключительно татарами. Озеро Кабанъ имѣетъ въ длину около 3 верстъ, а въ ширину отъ 15 до 20 саженъ; берега его довольно живописны и покрыты множествомъ дачъ; тутъ-же находятся ботаническій садъ, архіерейская дача, юнкерскіе лѣтніе бараки, а въ концѣ озера и кумысолечебныя заведенія. Кабанъ является однимъ изъ любимыхъ мѣстъ для лѣтнихъ прогулокъ казанской публики средняго класса. Теперь по Кабану ходитъ маленькій пароходъ, но большинство предпочитаетъ ему лодки. Кабанъ, и въ особенности Булакъ, почти совсѣмъ пересыхающій лѣтомъ, служатъ источниками испареній, отъ которыхъ развиваются сильно распространенныя въ Казани и ея окрестностяхъ лихорадки.

Лучшая и бо́льшая часть города, заключенная, съ одной стороны, между Булакомъ и оз. Кабаномъ, а съ другой—р. Казанкой, имѣетъ впереди себя крѣпость, обращенную къ Волгѣ. Отъ Спасской башни крѣпости идетъ въ городъ *Воскресенская* улица, считающаяся лучшею казанскою улицею.

На Воскресенской улицѣ находятся: дума, судебная палата, окружный судъ, лучшіе магазины, гостинницы и «Пассажъ», видъ котораго много проигрываетъ отъ того, что лучшая его сторона обращена въ переулокъ. Воскресенская улица оканчивается съ правой стороны университетомъ, а съ лѣвой—клиникой, выходящей одной стороной на *Николаевскую* площадь, продолженіемъ которой служитъ театральная площадь. Эти площади отдѣляются одна отъ другой *Державинскимъ* садомъ, посреди котораго возвышается памятникъ Державину, знаменитому уроженцу Казанской губерніи [1]).

Проломная улица идетъ параллельно Воскресенской; на этой улицѣ сосредоточено главное торговое движеніе. На мѣстѣ Проломной улицы проходила стѣна, въ которой сдѣланъ былъ *проломъ* при штурмѣ Казани въ 1552 году.

[1]) Гавріилъ Романовичъ Державинъ «пѣвецъ Фелицы», родился, по преданію, въ мѣстечкѣ *Кармачахъ* или *Сокурахъ*, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губ., верстахъ въ 40 отъ этого города, 3-го іюня 1743 года.

Изящными зданіями и чистотою отличается *Грузинская* улица, идущая отъ Николаевской площади до *Арскаго поля*, памятнаго своими битвами между русскими и татарами. На Арскомъ полѣ находится Родіоновскій женскій институтъ, а далѣе—большое зданіе военнаго госпиталя и Духовная Академія. Не доходя госпиталя, встрѣчается оврагъ, черезъ который идетъ дорога по каменной дамбѣ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ послѣдней сохранились остатки разрушеннаго моста, гдѣ, по народной молвѣ, встрѣтились извѣстные «временщики»: Биронъ и Остерманъ. Биронъ ѣхалъ въ Сибирь, въ ссылку, а Остерманъ, сосланный въ Сибирь по происками Бирона, возвращался оттуда.

На самой окраинѣ города, на возвышенномъ берегу р. Казанки, среди живописной мѣстности, возвышается громадная больница для душевно-больныхъ. За Арскимъ полемъ, противъ Духовной Академіи, по направленію къ берегу р. Казанки, идетъ живописная мѣстность, извѣстная подъ названіемъ *Русской* и *Нѣмецкой Швейцаріи*.

Продолженіемъ Казани, по направленію къ Волгѣ, является *Адмиралтейская слобода*, отстоящая отъ города 2 версты и соединяющаяся съ нимъ каменною дамбою. Во время весенняго разлива Адмиралтейская слобода бываетъ со всѣхъ сторонъ окружена водою, на подобіе острова. Въ ней находятся громадныя фабрики, и она имѣетъ видъ самостоятельнаго промышленнаго города довольно большихъ размѣровъ.

Третья часть Казани, называемая «*Устьемъ*», расположена на самомъ берегу Волги и на ней сосредоточены конторки всѣхъ пароходныхъ обществъ. Устье соединяется съ городомъ конно-желѣзною дорогою.

Долгое время страдала Казань отъ отсутствія желѣзнодорожнаго сообщенія, что отражалось крайне невыгодно на ея промышленности и торговлѣ. По закрытіи навигаціи, она становилась какъ-бы отрѣзанною отъ всего міра, особенно во время распутицы и половодья, дѣлавшихъ почти немыслимымъ даже почтовое сообщеніе. Въ настоящее время этотъ жгучій для Казани вопросъ разрѣшенъ въ московско-казанской линіи, Казань, наконецъ, включена въ нашу желѣзнодорожную сѣть.

XV.

Окрестности Казани.—Село Услонъ и его таинственная могила. — Волга или Кама? — Развалины «Великаго града Булгара»: Черная или Судейская и Бѣлая палаты, минаретъ и др. — Разсказы о древнемъ Болгарскомъ царствѣ араба Ибнъ-Федлана.

ПОСЛѢ четырехчасовой стоянки въ Казани, пароходъ нашъ тронулся далѣе. Вотъ предстала, во время одного изъ его поворотовъ, еще разъ во всей своей красѣ древняя татарская столица. Вотъ начали блѣднѣть и сливаться съ горизонтомъ ея минареты, колокольни и сады. Вотъ исчезли они окончательно, и мы снова среди приволья матушки-Волги. Какая ширь, какой просторъ!.. Лѣвый берегъ продолжаетъ представлять необозримое луговое пространство; на правомъ, противоположномъ Казани, берегу, въ перемежку съ лѣсами и рощами, потянулись безконечныя пашни.

Противъ Казани, на самомъ берегу Волги, раскидывается село *Услонъ*, на кладбищѣ котораго находится могила съ простымъ сѣрымъ камнемъ, на которомъ можно прочитать слѣдующую надпись: «Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д....,»—Это—могила жены когда-то могущественнаго временщика князя Меньшикова, княгини Даріи Михайловны, подруги императрицы Екатерины I, свѣтлой личности, спасавшей, во времена своего могущества, многихъ отъ гнѣва мужа. Что за драма—судьба этой женщины! Сначала блескъ, богатство, слава, величіе міра сего въ полномъ значеніи этого слова. Затѣмъ странная ссылка, издѣвательства, грубое обращеніе съ нею, ея мужемъ и дѣтьми, когда ихъ, уже безсильныхъ, везли въ Сибирь, въ отдаленный Березовъ. У нихъ все отняли: у ея маленькаго сына вытащили послѣднее зеркальце изъ кармана, у княженъ—послѣднія ленты и тряпки бросили на дорогу. Не вынесла несчастная княгиня, заболѣла и, не доѣхавъ до страшной Сибири, успокоилась вѣчнымъ сномъ на берегахъ красавицы-Волги. Обливаясь слезами, собственноручно вырылъ князь могилу дорогой подругѣ своего свѣтлаго прошлаго и горькихъ послѣднихъ дней,

уложилъ ее туда, засыпалъ землею и ушелъ съ своими несчастными сиротами въ далекую Сибирь. И осталась на томъ мѣстѣ, гдѣ разыгралась эта раздирающая душу драма, одна только могильная плита, на которой, взамѣнъ ея глухой надписи, съ полнымъ правомъ можно было-бы начертать: «*Sic transit gloria mundi*» (такъ проходитъ земная слава).

Пароходъ нашъ разукрасился свѣжими березками и шиповникомъ; всѣ встрѣчныя суда, начиная отъ огромныхъ американскихъ пароходовъ и кончая послѣднею баржею, были тоже въ зелени. Оказалось, что въ дорогѣ мы и не замѣтили, какъ наступилъ праздникъ Троицы. День стоялъ, въ полномъ смыслѣ слова, праздничный, свѣтлый, солнечный. Въ каюту и заглянуть не хотѣлось.

Плывемъ часъ, другой, третій. Наступаетъ обѣденное время... Но что-же это такое? Волга, и безъ того уже широкая, принимаетъ видъ огромнаго воднаго пространства, такъ что кажется, будто изъ рѣки мы попали въ морской заливъ. Въ этомъ мѣстѣ въ Волгу впадаетъ другая рѣка—огромная, многоводная. Рѣка эта—*Кама*.

Кама беретъ начало въ Вятской губерніи, на границѣ съ Пермскою. По длинѣ она уступаетъ изъ русскихъ рѣкъ только Уралу и отчасти Дону и Днѣстру. Въ западной Европѣ больше ея одинъ только Дунай. Бассейнъ Камы и притоковъ ея, праваго—рѣки *Вятки* и лѣвыхъ—рѣкъ *Чусовой* и *Бѣлой* съ *Уфою*, равняется всей площади Франціи. Теченіемъ своимъ, вдоль среднихъ частей Урала, Кама соединяетъ эту горную систему съ долиною Волги, въ которую она несетъ безчисленныя богатства губерній пріуральскихъ: цѣнные каменья, мѣдь, желѣзо, соль, мѣха. Кама связываетъ Волгу также и съ сѣверомъ Россіи—съ рѣчною областью Сѣверной Двины.

Размѣры Камы такъ величественны, значеніе ея такъ громадно, что возникаетъ даже вопросъ: которую изъ двухъ, Волгу или Каму, слѣдуетъ считать главною рѣкою? Тотъ-же вопросъ существуетъ относительно Волги и Оки, въ родѣ того, какъ въ Сѣверной Америкѣ онъ существуетъ относительно Миссисипи и Миссури. Волга или Кама?—

разсуждаютъ и спорятъ представители науки и мирные приволжскіе граждане.

Не вдаваясь въ обсужденіе этого спорнаго, но въ сущности безплоднаго и лишеннаго практическаго значенія вопроса, мы будемъ, по-прежнему, считать Волгу главною рѣкою, а Оку и Каму—ея притоками и обратимся къ замѣчательному мѣсту, находящемуся въ нѣсколькихъ верстахъ ниже устья Камы и верстахъ въ семи отъ Волги.

Еще отъ деревни Тенишева, стоящей на берегу Волги, а также, говорятъ, и изъ уѣзднаго города *Тетюшъ* видѣнъ вдали какой-то «столпъ». Если посмотрѣть на него поближе, то окажется, что это—не что иное, какъ остатки стариннаго минарета. Вблизи него находится село *Болгары* или Успенское, расположенное на мѣстѣ бывшей столицы древняго могущественнаго и богатаго *Болгарскаго царства*, существовавшаго въ мѣстности, прилегающей къ берегамъ Волги и Камы, въ незапамятныя времена, когда русская земля начала свое существованіе.

Около развалинъ вышеупомянутаго минарета разбросаны въ разныхъ направленіяхъ и другія развалины: какая-то, сравнительно—очень большая, потемнѣвшая, съ уцѣлѣвшимъ сводомъ, которую въ народѣ зовутъ «*Черною*» или «*Судейскою Палатою*»; саженяхъ въ 100 къ югу отъ нея находится «*Бѣлая Палата*», очень любопытное зданіе съ подземными ходами, каналами и остатками водопроводовъ въ стѣнахъ, украшенныхъ сложною лѣпною работою. Эти величественныя развалины—могила древней Болгаріи, ея славнаго «*Великаго града Булгара*».

Долгое время мѣсто это было забыто. Знали о немъ только окрестные жители и казанскіе татары, очень уважающіе развалину древняго Булгара. Много преданій ходило о нихъ въ народѣ. Такъ, напримѣръ, названіе «Черной Палаты» объясняли слѣдующимъ обстоятельствомъ: однажды знаменитый татарскій завоеватель Тамерланъ (1336—1405) сдѣлалъ нападеніе на Великій Булгаръ. Ханъ булгарскій съ женами и дѣтьми заперся въ «Судейской Палатѣ». Тамерланъ приказалъ завалить палату снизу до верху бревнами, облитыми горючими веществами, и зажечь ихъ. Ханъ и всѣ бывшіе съ нимъ сгорѣли, кромѣ одной

изъ дочерей его, которая спаслась чудеснымъ образомъ. Когда палата сгорѣла, дѣвушку увидѣли сидящею на сводѣ въ бѣлой одеждѣ одного святого муллы, что явно подтверждало ходившую молву о святости и добродѣтели царевны, прозванной за необыкновенную красоту «*райскою гуріей*»[1]). Тамерланъ удивился ея чудесному спасенію, плѣнился ея умомъ и красотой и взялъ ее съ собой. Судейская-же палата послѣ пожара совершенно закоптѣла отъ дыма и съ тѣхъ поръ была названа «Черною».

Еще больше разсказовъ ходитъ въ народѣ о кладахъ, будто-бы скрывающихся подъ развалинами древняго Булгара, и немало находится до нынѣ охотниковъ, которые, въ поискахъ за скрытыми сокровищами, подрываютъ остатки зданій и тѣмъ способствуютъ ихъ быстрому разрушенію.

Первый, кто обратилъ серьезное вниманіе на знаменитыя развалины, былъ Петръ Великій. Проѣздомъ въ Астрахань, въ 1722 году, онъ лично осмотрѣлъ ихъ, велѣлъ расчистить лѣсъ, которымъ они заросли, и хранить уцѣлѣвшіе памятники давней старины. Много ученыхъ и путешественниковъ посѣтили съ тѣхъ поръ это замѣчательное мѣсто, въ томъ числѣ въ 1768 году академикъ Палласъ, извѣстный своими научными изслѣдованіями нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, а въ 1829 году знаменитый Гумбольдтъ; осматривала его и императрица Екатерина II во время своего путешествія по Россіи, въ 1767 году. Воля великаго русскаго Преобразователя, тѣмъ не менѣе, не была исполнена: развалины не только не охраняются, но съ каждымъ годомъ приходятъ все въ большее и большее разрушеніе.

Замѣчательна судьба болгарскаго народа: послѣ громкаго прошлаго, послѣ кипучей дѣятельности, которою онъ оживлялъ когда-то берега Волги и Камы, онъ исчезъ почти безслѣдно, не оставивъ послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ, на основаніи которыхъ можно былобы возстановить его исторію. Извѣстно только, что древнее Болгарское государство уже въ X—XI вѣкѣ было

[1]) *Гуріи*—свѣтлые духи Магометова рая, имѣющіе видъ прекрасныхъ женщинъ.

сильно, богато и по тому времени высоко образовано; что въ немъ велись оживленныя торговыя сношенія съ Востокомъ; что нашимъ предкамъ, обитавшимъ въ курныхъ избушкахъ, разбросанныхъ по лѣсамъ ростовско-суздальской области, оно казалось какимъ-то чуднымъ, полусказочнымъ міромъ; извѣстно, что болгары расширяли свои владѣнія, закладывали новые города, и что сама Казань основана выходцами изъ Великаго Булгара. Всѣ эти свѣдѣнія, однако-жъ, очень отрывочны и не полны. Больше всего узнаемъ мы о древнихъ болгарахъ изъ разсказовъ арабскихъ писателей, посѣщавшихъ ихъ страну по разнымъ дѣламъ, торговымъ и политическимъ. Древнихъ волжскихъ болгаръ связывало съ арабами единство вѣры, такъ какъ тѣ и другіе были магометанскаго вѣроисповѣданія.

Вотъ, что читаемъ мы, напримѣръ, у одного изъ нихъ, Ибнъ-Фодлана:

Когда—говоритъ онъ—мы были на разстояніи сутокъ пути отъ царя славянъ, къ которому ѣхало наше посольство, къ намъ вышли навстрѣчу братья его, дѣти и четверо подвластныхъ ему царей, неся хлѣбъ, мясо и просо. Отсюда мы отправились далѣе, вмѣстѣ съ ними, и когда до царскаго жилища оставалось только 8 верстъ,—встрѣтилъ насъ самъ царь. Увидѣвъ насъ, онъ сошелъ съ лошади и палъ ницъ, восхваляя и благодаря Аллаха. Потомъ онъ разсыпалъ предъ нами серебряныя деньги, бывшія у него въ рукахъ, а для помѣщенія нашего велѣлъ разбить палатки, въ которыхъ мы остановились. Черезъ три дня приготовили мы два вышитые золотомъ чехла, бывшіе съ нами, украсили лошадь богатымъ сѣдломъ, одѣли царя въ черное платье, а голову его обернули турбаномъ; я вынулъ грамату халифа [1]), и онъ прочелъ ее, стоя. Вельможи царя осыпали насъ серебряными деньгами. Мы вынули подарки халифа и представили ихъ царю; потомъ надѣли мы жалованную шубу на его супругу, которая, по обычаю той земли, садится рядомъ съ мужемъ. Наконецъ, царь позвалъ насъ въ свою палатку. Самъ онъ сидѣлъ на престолѣ, покрытомъ греческою пар-

[1]) *Халифъ*—намѣстникъ Магомета, духовный глава магометанъ.

чею: по правую руку его находились подвластные цари, прямо противъ него сидѣли его дѣти, а насъ онъ посадилъ по лѣвую руку отъ себя. По повелѣнію царя, тотчасъ приняли столъ, а на столѣ жареное мясо. Взявъ ножъ, онъ сначала отрѣзалъ одинъ кусокъ и съѣлъ его; потомъ такимъ-же образомъ съѣлъ другой и третій, потомъ отрѣзалъ еще кусокъ и подалъ его нашему послу, передъ которымъ послѣ этого поставили небольшой столъ. Таковъ тамъ обычай, что никто не можетъ дотронуться до кушанья, пока царь ему не дастъ куска. Такимъ образомъ, каждый изъ насъ получилъ сначала кусокъ отъ царя, потомъ отдѣльный столикъ и ѣлъ одинъ, не сообщаясь съ другими. По окончаніи обѣда, мы взяли съ собой домой, что оставалось на нашихъ столикахъ; по прежде, чѣмъ мы ушли, царь велѣлъ подать медоваго вина, пилъ самъ и мы пили».

Затѣмъ Ибнъ-Фодланъ разсказываетъ объ отблескѣ сѣвернаго сіянія, случайно видѣнномъ имъ на небѣ и несказанно поразившемъ его, жителя южныхъ странъ.

«Въ самую первую ночь, которую мы провели въ великомъ городѣ Булгарѣ, замѣтилъ я, незадолго до заката солнца, что горизонтъ ужасно красенъ, и услыхалъ, что высоко въ воздухѣ раздаются громкіе отголоски и глухой шумъ. Я поднялъ голову—и что же вижу: надо мной плаваетъ красное, какъ огонь, облако, и этотъ шумъ, и эти отголоски выходятъ оттуда! Въ облакѣ видны были какъ-бы люди и лошади, а въ рукахъ у тѣхъ призраковъ луки, копья и мечи. Такъ видѣлъ я, или, можетъ быть, такъ мнѣ это показалось. Потомъ явилось другое облако, такое-же, какъ и первое; они устремились другъ на друга, слились, потомъ опять раздѣлились, и это продолжалось до самой ночи, пока облака не исчезли. Мы такъ испугались, что принялись молиться Богу; увидавъ это, туземцы стали надъ нами смѣяться и очень дивились нашему страху».

Поражало также Ибнъ-Фодлана и то, что въ Великомъ Булгарѣ въ одну часть года день бываетъ длиненъ, а ночь коротка, въ другую-же—наоборотъ.

«Видѣлъ я также тамъ,—пишетъ онъ далѣе,—дерево [1]),

[1]) Береза.

которое не знаю, какъ, назвать: оно вышины необыкновенной, стволъ у него безлиственный, вершина, какъ у пальмы, а листья мелкіе, но густые. Дерево это покалываютъ въ стволъ и вытекающую оттуда жидкость, которая пріятнѣе меда, собираютъ въ сосуды. Пища булгаръ состоитъ, большею частью, изъ проса и конины, хотя въ землѣ ихъ пшеницы и ячменя родится очень много. Масла нѣтъ никакого; его замѣняетъ рыбій жиръ. Всѣ носятъ шапки. Если встрѣтятъ царя, то снимаютъ шапку, берутъ ее подъ-мышку и надѣваютъ опять не прежде, какъ царь проѣдетъ. Грозы случаются очень часто, и если молнія ударитъ въ домъ, то его бросаютъ, говоря, что надъ этимъ строеніемъ гнѣвъ Божій. Много можно было-бы—заключаетъ Ибнъ-Фодланъ—еще сказать объ этомъ народѣ, но мы ограничимся только тѣмъ, что уже сказано.»

Всѣхъ этихъ свѣдѣній, однако, такъ мало, что невозможно точно опредѣлить даже, къ какому именно племени принадлежалъ исчезнувшій народъ. Одни ученые предполагаютъ, что болгары были славянскаго происхожденія; другіе, на основаніи ихъ магометанской религіи, склонны думать, что они принадлежали къ племени тюркскому. Ничего опредѣленнаго въ этомъ отношеніи сказать нельзя. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ нынѣшними дунайскими болгарами; скорѣе можно предположить, что они были не чистокровною націею, а смѣсью племенъ славянскаго и тюркскаго; вотъ почему ихъ государственный строй не имѣлъ достаточной прочности; вотъ почему также, вслѣдствіе наплыва татаръ, отъ нихъ не осталось и слѣда въ исторіи.

XVI.

Село Кирельское.—Соколъ-гора и ея пещеры.—Тетюши.—«Дворянское гнѣздо».—Симбирскъ.—Жегули.—Ихъ легенды.—Жегулевская вольница. Разбойничья рѣка—Уса.—Ночь въ Жегуляхъ.—Природа Жегулей.—Ставрополь.—Самарская лука.—Царевъ-курганъ.—Самарскія ворота.

Почти противъ самаго устья Камы, на правомъ берегу Волги виднѣется высокая гора, вдвинувшаяся въ рѣку всею своею массою. На ней раскинулось большое село

съ бѣлой каменной церковью, золотой крестъ которой блеститъ свѣтлою точкою. Село это называется *Кирельскимъ*, а гора—*Соколъ-горою*. Вся она, равно какъ и сосѣднія горы, состоитъ изъ алебастра и изрыта глубокими пещерами. Одна изъ этихъ пещеръ ледяная. Въ нее входятъ чрезъ полукруглое отверстіе, отстоящее на 4 версты отъ берега. За отверстіемъ довольно обширная сводчатая комната съ гладкими, какъ-бы обтесанными стѣнами. За нея другая комната съ полукруглымъ входомъ; своды ея также правильны, но, вмѣсто пола, разстилается озеро, вѣчно покрытое толстымъ слоемъ льда. Слѣдующая пещера называется водяною, такъ какъ дно ея залито никогда незамерзающею водою.

О пещерахъ этихъ ходитъ много сказаній. Говорятъ, что ихъ вырыла мордва въ тѣ далекія времена, когда она еще вела войны съ Русью. Увидѣла она, что не совладать ей съ силою христіанскою, и похоронилась въ землѣ до суднаго дня, а ходы къ себѣ залила водой. Въ тихіе лѣтніе дни,—прибавляетъ преданіе,—до сихъ поръ слышны бываютъ иногда внутри этихъ пещеръ движеніе и гулъ, точно отъ большого города...

Миновали мы устье Камы. Волга перестала походить на морской заливъ и снова приняла видъ рѣки, но какой рѣки!—въ нѣсколько верстъ ширины, такъ что съ одного берега на другой не видать человѣка. Что за ширь, что за просторъ, что за яркія, ласкающія взоръ краски!

Прошли мы мимо утопающаго въ зелени *Спасскаго затона* (заливчика) съ большими зданіями пароходнаго завода общества «Кавказъ и Меркурій» и приблизились къ уѣздному городку Казанской губерніи *Тетюшамъ*, расположенному на высокой, крутой горѣ праваго берега Волги, подъемъ на которую считается въ нѣсколько верстъ. Какъ большинство уѣздныхъ городовъ Казанской губерніи, Тетюши бѣденъ и малолюденъ,—въ немъ всего около 3,000 жителей.

Въ 7-ми верстахъ отъ него, у подножія горы, виднѣется бѣдная часовенка; мѣсто это называется *Старыми Тетюшами* или *Богородицкимъ Рынкомъ*. Относительно этого мѣста существуетъ слѣдующее поэтическое преданіе: въ

золотыя времена Болгарскаго царства, одинъ изъ его хановъ добылъ себѣ въ кровавой сѣчѣ русскую княжну, красоты неописанной. Взялъ онъ себѣ эту плѣнницу въ жены. Бѣдная царица, не соглашаясь перемѣнить вѣру, уходила на противоположный берегъ Волги молиться и плакать о далекой родинѣ. Она такъ тосковала, что, наконецъ, зачахла. Говорятъ, что въ тихія лунныя ночи тоскующая тѣнь плѣнной русской княжны тихо мелькаетъ вокругъ часовни, а въ густой чащѣ, окружающей послѣднюю, слышится чей-то печальный плачъ...

На разсвѣтѣ добрались мы до *Симбирска*. На вершинѣ высокой горы, называемой *Вѣнцомъ*, видиѣется лучшая часть города, съ двумя соборами, водопроводною башнею и хорошенькими садиками. Особенно живописнымъ кажется этотъ городъ, когда къ нему подходить снизу, отъ Самары. Высокія колокольни его виднѣются тогда чуть-ли не за десять верстъ.

Въ Симбирскѣ, какъ и въ Казани, пристань находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, подъ горою. Отъ нея до города идетъ *Петропавловскій спускъ* длиною въ 4 версты. Петропавловскій спускъ оканчивается на *Большой Саратовской* улицѣ, лучшей въ городѣ, охватывающей въ видѣ полукруга лучшую часть всего города—Вѣнецъ. Въ срединѣ полукруга находится площадь, на которой возвышаются два собора; тутъ-же расположены два городскихъ сада—Николаевскій и Карамзинскій, памятникъ Карамзину, губернскій домъ, классическая гимназія и зданіе присутственныхъ мѣстъ. Сюда-же выходитъ и лицевая стѣна Спасскаго дѣвичьяго монастыря, а надъ обрывомъ къ Волгѣ устроенъ бульваръ, откуда открывается прекрасный видъ на Волгу и заволжскую даль. Изящная наружность зданій, окружающихъ Вѣнецъ, хорошіе тротуары и садики,—все это производитъ самое пріятное впечатлѣніе и напоминаетъ тѣ времена, когда Симбирскъ считался «*дворянскимъ гнѣздомъ*», когда въ немъ жилось широко и весело.

До освобожденія крестьянъ дворяне всей губерніи проводили зиму въ Симбирскѣ. Превосходная черноземная почва губерніи давала богатые доходы, особенно при да-

ровомъ трудѣ крѣпостныхъ; помѣщики ни въ чемъ себѣ не отказывали и жили широкою барскою жизнью прежнихъ временъ, тратя десятки тысячъ на роскошную обстановку, изысканный столъ и изящные туалеты, носившіе отпечатокъ самаго утонченнаго европейскаго вкуса.

Во время пугачевскаго бунта, въ 1780 г., Симбирскъ оставался неизмѣнно вѣренъ присягѣ, за что императрица Екатерина II пожаловала ему нынѣшній гербъ: на синемъ полѣ бѣлый столбъ съ золотою короною. Отъ этого коренные приволжскіе дворяне величали себя «*столбовыми дворянами*».

По почину богатаго и образованнаго дворянства, возникли въ Симбирскѣ и всѣ выдающіяся общественныя постройки и учрежденія: публичная библіотека, два клуба, театръ и т. д. На счетъ дворянства-же сооружены одинъ изъ соборовъ и памятникъ извѣстному русскому историку Карамзину.

Онъ состоитъ изъ гранитнаго четырехъ-угольнаго пьедестала, на которомъ поставлена бронзовая статуя Кліо—музы исторіи. Подъ статуей, на лицевой сторонѣ пьедестала, въ круглой нишѣ, помѣщенъ художественный бюстъ Карамзина, а подъ нимъ надпись: «Н. М. Карамзину, историку россійскаго государства, повелѣніемъ императора Николая I». Въ боковыя стороны пьедестала врѣзаны два свѣтлыхъ бронзовыхъ барельефа: одинъ изъ нихъ изображаетъ чтеніе Карамзинымъ исторіи императору Александру I, а другой—врученіе умирающему историку рескрипта императора Николая I.

Послѣ освобожденія крестьянъ, симбирское дворянство обѣднѣло, распродало свои земли, сократило расходы, и въ городѣ замерло его прежнее оживленіе. За послѣдніе годы въ жизни Симбирской губерніи чувствуется новое вѣяніе: имѣющій хорошую почву и окруженный богатою, плодородною мѣстностью, Симбирскъ начинаетъ пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и принимаетъ дѣятельное участіе въ торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства. Тѣ изъ симбирскихъ дворянъ, которые не растратили окончательно своихъ капиталовъ и не распродали земель, начинаютъ дѣятельно заниматься сельскимъ хозяйствомъ,

увеличиваютъ запашки и вводятъ усовершенствованные способы обработки земли при помощи земледѣльческихъ машинъ. Они начинаютъ даже заниматься фабричною и заводскою промышленностью, особенно суконною.

Оставивъ позади себя Симбирскъ, невольно чувствуешь, какъ все больше и больше углубляешься въ хлѣбородную черноземную полосу. Безконечныя пашни открываются по обоимъ берегамъ рѣки. Сколько ржи, сколько золотистой пшеницы собирается на нихъ! Ею снабжается не только Россія: многіе милліоны пудовъ вывозятся оттуда и за границу. Села и деревни въ этой полосѣ Поволжья не имѣютъ того оживленнаго, торговаго характера, какъ въ верховьяхъ Волги; это—настоящія черноземныя хлѣбопашескія русскія селенія, какія мы встрѣчаемъ въ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, только они почище и побогаче послѣднихъ.

Ниже Симбирска оба берега Волги сначала довольно низменны и однообразны; поражаютъ они только необычайною ширью. Но вотъ вдали, на правомъ берегу, на горизонтѣ начинаетъ что-то чернѣть и возвышаться. Обрисовывается очертаніе замѣчательно живописной горной цѣпи. Вотъ, наконецъ, выдѣляется высокая гора, поросшая густымъ лѣсомъ, а на вершинѣ ея видиѣется небольшая башенка. Это—*Усолье*, знаменитое имѣніе графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ, самыхъ крупныхъ приволжскихъ землевладѣльцевъ, десятки тысячъ десятинъ которыхъ легко могли-бы составить любое нѣмецкое герцогство или французскую провинцію. Башенка воздвигнута покойнымъ владѣльцемъ Усолья. Изъ нея, какъ говорятъ, открывается чудный видъ на окрестности, верстъ на 100 въ окружности.

За Усольемъ потянулись безпрерывною цѣпью знаменитыя *Жегулевскія горы*. Грозною стѣною возвышаются онѣ на берегу широко разлившейся рѣки, высоко подымая къ небесамъ свои причудливыя вершины, поросшія дремучимъ лѣсомъ. Не видать въ нихъ человѣческаго жилья, не слыхать людской рѣчи; всего три-четыре поселка встрѣчаются на всемъ 90-верстномъ протяженіи Жегулей, но и тѣ не въ состояніи оживить суровую горную природу. Мало въ

нихъ жизни дѣйствительной, за то народное воображеніе щедро населяетъ ихъ легендарными героями-богатырями и богатыршами.

Въ Жегуляхъ, по преданію, находится могила знаменитой русской богатырши, Бориславы, которая въ древности спустилась по Волгѣ въ Каспійское море и Персію, завоевала тамъ множество городовъ, набрала несмѣтныя сокровища и схоронила ихъ въ Жегуляхъ, положивъ такой завѣтъ: «Не видать драгоцѣннымъ каменьямъ, парчамъ и персидскому золота свѣта Божьяго до тѣхъ поръ, пока не народится на Руси другая такая-же богатырша и не разсѣчетъ кургана заповѣднымъ булатнымъ мечемъ, который самъ откроется ей на томъ мѣстѣ, гдѣ погребена Борислава».

Еще болѣе сказаній сохранилось въ Жегуляхъ о тѣхъ временахъ, когда ихъ глубокія пещеры и дикіе буераки [1]) служили притономъ для крѣпостныхъ людей, бѣжавшихъ изъ-подъ тяжкаго барскаго ига, для бѣглыхъ солдатъ и преступниковъ, для всякихъ неудачниковъ, а также и для искателей легкой наживы на чужой счетъ,—для всего этого темнаго люда, носившаго общее названіе «*жегулевской вольницы*». Всѣ извѣстные атаманы волжскихъ разбойниковъ съ знаменитымъ Стенькою Разинымъ во главѣ, разгуливали по этимъ дикимъ мѣстамъ. Побывали тутъ, если вѣрить народной молвѣ, и покорители Сибири—атаманы Ермакъ и Кольцо, именами которыхъ называются существующія до сихъ поръ деревни, *Ермаково и Кольцовка*.

Вотъ, что разсказываютъ о нападеніяхъ разбойниковъ на проходившія мимо Жегулей суда: завидѣвъ судно, разбойники, выслѣдившіе его съ какого-нибудь высокаго кургана, спускались къ берегу, отвязывали свои ладьи, выѣзжали навстрѣчу судну и кричали:

«Сарынь на кичку!»

Слова эти производили магическое дѣйствіе: бурлаки, тянувшіе лямку, судорабочіе и всѣ, находившіеся на баркѣ, ложились носомъ внизъ (кичка, а по выраженію разбойниковъ —носъ) и лежали неподвижно; малѣйшее сопротив-

[1]) Узкія долины, мѣстами прерывающія горную цѣпь Жегулей.

леніе влекло за собою смерть. Хозяинъ судна вручалъ старшему рабочему деньги для передачи разбойникамъ, а самъ въ своей каютѣ клалъ земные поклоны передъ иконою съ зажженною лампадою.

Бурлаки часто дѣйствовали заодно съ разбойниками. Если хозяинъ обижалъ и обсчитывалъ ихъ, они какимъ-нибудь способомъ доводили объ этомъ до свѣдѣнія «жегулевской вольницы»,—и горе тогда было хозяину или его приказчикамъ: виновныхъ или убивали, или жестоко сѣкли на палубѣ, иногда даже зажженными вѣниками. Такого рода экзекуція носила названіе—«жечь на вѣникахъ». Говорятъ, что отъ нея происходитъ и само названіе «*Жегули*». Приближаясь къ Жегулямъ, каждый судохозяинъ задабривалъ рабочихъ водкою, а самъ готовилъ дань и горячо молился, чтобы Господь пронесъ его благополучно мимо этого страшнаго мѣста.

Прямо противъ небольшого уѣзднаго городка Самарской губерніи *Ставрополя*, живописно расположеннаго на лѣвомъ берегу Волги, при началѣ Самарской луки, впадаетъ въ Волгу р. *Уса*, сослужившая разбойникамъ добрую службу: притаясь въ ея устьѣ на своихъ ладьяхъ, они устраивали, такимъ образомъ, засады и производили оттуда нападенія на происходившія мимо суда. Не даромъ слыли Жегули по всей Россіи за разбойничье гнѣздо, и не было страшнѣе ихъ мѣста на всей Волгѣ.

Мы проходили мимо этой части Жегулей поздно ночью. Глубокая, безлунная мгла ея прерывалась лишь вспыхивавшими по временамъ зарницами. Нѣтъ словъ, чтобы выразить всю красоту и фантастичность обрисовывавшейся при этомъ картины: какіе-то загадочные замки и башни возвышались, казалось, на обрывистыхъ берегахъ красавицы-рѣки, поросшихъ вѣковыми дубами, густыми липами и стройными кленами; на самомъ берегу, въ чащѣ молодого ивняка, красивой ольхи и раскидистыхъ ветелъ мигали таинственные огоньки. Жутко становилось, духъ захватывало,—такъ величава, дика и прекрасна была эта картина природы. Въ тишинѣ и мглѣ ночной воображеніе работало съ особою силою; припоминались безчисленныя жегулевскія легенды, и казалось, что каждая изъ этихъ

живописныхъ вершинъ—становище какой-нибудь знаменитой разбойничьей шайки, а огоньки на берегу зажжены разбойниками, выслѣживающими проходящія мимо суда, что вотъ-вотъ раздастся ихъ грозный крикъ:

«Сарынь на кичку!»

Но нѣтъ,—времена жегулевской вольницы, по счастью, миновали безвозвратно, хотя до появленія на Волгѣ правильнаго пароходнаго сообщенія, т. е. приблизительно до половины нашего столѣтія, разбойники продолжали довольно безпрепятственно тутъ хозяйничать. Огоньки, которые мы видѣли съ палубы, обозначали, вѣроятно, не что иное, какъ ночлеги обжигателей извести или запоздавшихъ охотниковъ. Среди дикихъ жегулевскихъ скалъ водятся и бурый медвѣдь-стервятникъ, и волкъ, и лиса, и заяцъ. У береговъ Волги, въ камышахъ и затонахъ, живутъ огромныя стаи дикихъ утокъ и бекасовъ.

Уѣздный городъ Самарской губерніи Ставрополь, находящійся на лѣвомъ берегу Волги, противъ Жегулей, бѣденъ и малолюденъ. Но прекрасная сосновая роща, находящаяся тотчасъ за городомъ, превосходный кумысъ, которымъ пользуются немногочисленные живущіе тамъ дачники, дивный видъ на Волгу и на живописнѣйшія вершины Жегулей—на «Дѣвичій курганъ» и на курганъ «Два брата», все это сдѣлало-бы изъ него одинъ изъ любимѣйшихъ курортовъ, находись онъ за границею.

Отъ Ставрополя начинается такъ называемая *Самарская лука*, другими словами—отклоненіе, которое дѣлаетъ Волга по направленію къ Самарѣ, какъ-бы для того, чтобы захватить этотъ городъ въ область своего теченія. Самарская лука является благодѣтельницею цѣлаго края: она приближаетъ на 100 верстъ Поволжье къ Оренбургу, что имѣетъ огромное значеніе для нашихъ сношеній съ Среднею Азіею; изгибъ ея, равняющійся 240 верстамъ, вмѣсто 20 или 40, которыя имѣла-бы Волга, протекая прямо отъ Ставрополя, находящагося на сѣверной оконечности луки, до Сызрани, находящейся на ея южной оконечности, увеличиваетъ почти втрое число пристаней и оживляетъ большой промысловый округъ, который безъ нея остался-бы глухимъ захолустьемъ.

Около 50 верстъ ниже Ставрополя, на луговой сторонѣ, возвышается огромный курганъ, носящій названіе *Царева-Кургана*. Вотъ, что говорятъ мордовскія пѣсни о происхожденіи этого кургана: остановился какъ-то разъ, во время одного изъ своихъ походовъ, царь Іоаннъ Грозный на Жегулевскихъ горахъ и захотѣлось ему свое войско сосчитать; велѣлъ онъ каждому воину по горсти земли на опредѣленное мѣсто бросить, и образовался курганъ-великанъ. Разсказываютъ это еще и иначе: будто не царь Іоаннъ Грозный, а какой-то другой знаменитый полководецъ, чуть-ли не самъ Батый, велѣлъ своему войску этотъ курганъ наметать; Іоаннъ-же Грозный, проходя мимо кургана, велѣлъ каждому изъ своихъ воиновъ по шапкѣ земли съ него взять. Исполнило войско царскій приказъ, но снести такимъ образомъ ему удалось лишь вершину кургана.

За Царевымъ Курганомъ, ближе къ Самарѣ, Волга суживается; самое узкое мѣсто, съ высокими берегами, называется *Самарскими* или *Жегулевскими воротами*, которыя образуютъ съ лѣвой стороны *Соколиныя горы*, а съ правой—*Сѣрная гора*. Тутъ и кончаются Жегули, поворачивающіе на югъ и затѣмъ на западъ, внутрь Самарской луки.

XVII.

Самара съ Волги и Самара на самомъ дѣлѣ.—Достопримѣчательности города: памятникъ Императору Александру II, Александровская публичная библіотека, залъ Императора Александра II, женскій монастырь и др.—Торговля.—Пути сообщенія.—Историческія воспоминанія.—Митрополитъ Алексій.—Самара и Симбирскъ.—Русь Аксаковская и Русь Гончаровская.—Знаменитые волгари.

Миновавъ Жегулевскія ворота, мы вскорѣ завидѣли передъ собою вдали, на лѣвомъ берегу Волги, Самару.—Тутъ мнѣ пришлось услышать на палубѣ слѣдующій интересный разговоръ между одною пассажиркою, очевидно, въ первый разъ очутившеюся на Волгѣ, и сѣдобородымъ купцомъ, кореннымъ приволжаниномъ.

— Вотъ и Самара! Такъ она на другомъ берегу, чѣмъ Симбирскъ,—воскликнула она.

— Еще-бы, сударыня! — сказалъ ея собесѣдникъ. — Развѣ вы не знаете нашей волжской примѣты? У насъ, на Волгѣ, всѣ губернскіе города *мужскаго* рода—Ярославль, Нижній-Новгородъ, Симбирскъ и Саратовъ — на *правомъ* берегу лежатъ, а всѣ города *женскаго* рода—Тверь, Кострома, Казань, Самара и Астрахань—на *лѣвомъ*.

Съ парохода Самара и ея ближайшія окрестности кажутся чрезвычайно живописными. Вотъ промелькнуло мимо насъ какое-то изящное зданіе, окруженное паркомъ, — не то загородный дворецъ, не то роскошная вилла. Это — извѣстное кумысолечебное заведеніе, бывшее Аннаева, въ 3-хъ верстахъ отъ Самары,—а вотъ и самъ городъ. Широко раскинулся онъ террасами на отлогомъ лѣвомъ берегу Волги. Красиво выдѣляется величественное зданіе новаго собора, женскій монастырь, прелестный новый театръ, городской «Струковскій» садъ, спускающійся къ самой рѣкѣ, съ изящными павильонами, въ которыхъ помѣщаются ресторанъ и лѣтнія отдѣленія дворянскаго и общественнаго собраній.

Но стоитъ только подняться съ пристани въ городъ,— а на это требуется минутъ 5 времени, — и начинается сильное разочарованіе: скверная мостовая, ѣдкая пыль, густымъ облакомъ стоящая надъ городомъ даже во время полнаго безвѣтрія, отсутствіе зелени. Кромѣ прекраснаго Струковскаго городского сада и далеко не прекраснаго Молоканскаго, находящагося на выѣздѣ изъ города, по направленію къ кумысолечебнымъ заведеніямъ, въ огромной Самарѣ можно всѣ кусты и деревья по пальцамъ пересчитать. А могли-бы, кажется, самарцы, пользуясь своимъ новымъ городскимъ водопроводомъ, поливать улицы и обсадить ихъ деревьями, подобно тому, какъ это сдѣлали одесситы, превратившіе свой городъ изъ «песочницы», какою слыла Одесса до устройства въ ней водопровода, въ сплошной бульваръ.

Распланирована Самара очень правильно: всѣ ея улицы идутъ въ двухъ направленіяхъ—параллельно Волгѣ и перпендикулярно къ ней, образуя ряды прямоугольниковъ, называемыхъ кварталами. Главная улица — *Дворянская* — отличается огромнымъ количествомъ богатыхъ магазиновъ и

многими красивыми домами. Но, наряду съ роскошными хоромами самарскихъ богачей-купцовъ, виднѣются жалкія лачуги, уцѣлѣвшія отъ прежняго времени; тротуаръ мѣстами асфальтовый, мѣстами-же такой, что и ноги себѣ переломаешь; съ дворовъ, содержащихся чрезвычайно грязно, несутся зловонія... Дворянская улица идетъ параллельно Волгѣ. Посреди нея находится *Алексѣевская площадь*, на которой возвышается, окруженный сквером, художественный памятникъ Императору Александру II.

Памятникъ выстроенъ по Высочайше утвержденному проекту академика Шервуда. Покойный Императоръ изображенъ на немъ во весь ростъ, окруженный символическими фигурами, подъ которыми находятся надписи, относящіяся къ главнымъ событіямъ прошлаго царствованія. На лицевой сторонѣ находится надпись: Александру II, Царю-Освободителю, 1888 годъ (годъ открытія памятника); подъ группами: освобожденіе крестьянъ — 19 февраля 1861 года; покореніе Кавказа—1859—1864 гг.; завоеванія въ Средней Азіи: Ташкентъ—1865 годъ, Бухара—1868 г., Хива—1873 г., Кокандъ—1875—1876 гг., Ахалъ-Теке—1881 г., освобожденіе славянскихъ племенъ — 1877—1878 гг.; надписи на щитахъ: на правомъ боковомъ: присоединеніе Приамурскаго края—1858 г.; отмѣна тѣлесныхъ наказаній—1863 г.; земскія учрежденія 1864 г.; гласное судопроизводство—1862—1865 гг.; на лѣвомъ боковомъ: городовое положеніе—1870 г.; всесословная воинская повинность—1874 г.; присоединеніе Карса и Батума—1878 г.; сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ и моста черезъ Волгу — 1861—1880 гг.

На Дворянской-же улицѣ, вблизи Алексѣевской площади, находится симпатичнѣйшее учрежденіе всей Самары—ея *Александровская публичная библіотека*. По своему богатству и тому образцовому порядку, въ которомъ она содержится, библіотека эта является однимъ изъ весьма немногихъ, если не единственнымъ, учрежденіемъ подобнаго рода въ нашихъ провинціальныхъ городахъ. Интересенъ находящійся въ ней «*залъ Императора Александра II*». По идеѣ учредителей этого зала, тамъ должно сосредоточиться все, имѣющее отношеніе къ царствованію Царя-

1) Общій видъ города Самары. 2) Общій видъ города Саратова.

Освободителя: книги, портреты, гравюры, медали, модели сдѣланныхъ въ это царствованіе изобрѣтеній, коллекціи открытыхъ въ теченіе его минераловъ и т. п. Многое уже собрано. Особенно интересна коллекція портретовъ и гравюръ, благодаря которой передъ нами проходятъ въ живыхъ образахъ главные моменты славнаго царствованія, главные сподвижники Царя-Освободителя и самъ Онъ, начиная съ младенческихъ лѣтъ.

Дворянская улица, какъ и параллельная ей *Саратовская*, также считающаяся одною изъ лучшихъ самарскихъ улицъ, оканчиваются у площадки, на которой находится изящное зданіе новаго самарскаго городского театра, отстроенное въ 1888 г., по проекту московскаго архитектора Чичагова, и считающееся лучшимъ театральнымъ зданіемъ всего Поволжья.

Далѣе идетъ зданіе Иверскаго женскаго монастыря съ величественною колокольнею. Монахини этого монастыря отличаются трудолюбіемъ и искусствомъ въ разныхъ женскихъ рукодѣліяхъ. При монастырѣ находится обширная, хорошо организованная бѣлошвейная мастерская, обшивающая чуть-ли не всю Самару. За монастырскою оградою, по склону крутого волжскаго берега, раскинуто самарское аристократическое кладбище. Чудный видъ открывается оттуда на Волгу, вплоть до Жегулевскихъ воротъ. Это—одинъ изъ немногихъ поэтичныхъ и живописныхъ уголковъ Самары, чуждыхъ городской сутолокѣ, которая царитъ на самарскихъ улицахъ, особенно-же на тѣхъ, которыя ведутъ къ кишащей толпами народа пристани.

«Самара городокъ—Москвы уголокъ», съ гордостью повторяютъ коренные самарцы сложившуюся у нихъ поговорку. Дѣйствительно, Самара—городъ бойкій, торговый, молодой, растущій не по днямъ, а по часамъ. Это и понятно, если принять въ соображеніе, съ одной стороны, природныя богатства самарскаго края, а съ другой—необыкновенно счастливое положеніе Самары относительно путей сообщенія.

Самарскій край богатъ высшими сортами хлѣба, напримѣръ - *пшеницею-бѣлотуркою*, составляющею главный предметъ самарской отпускной торговли. Въ громадныхъ

размѣрахъ производится тутъ также торговля продуктами скотоводства, преимущественно *саломъ*. Въ Самару направляетъ всѣ свои хлѣбные грузы и обширный Оренбургскій край, соединенный съ Самарою желѣзнодорожною вѣтвью, примыкающею въ 33-хъ верстахъ отъ Самары, у разъѣзда Кинель, къ Сибирской желѣзной дорогѣ.

Торгуетъ Самара также и лошадьми, преимущественно *башкирками*—небольшими, но рысистыми и крайне выносливыми лошадками, уроженками оренбургскихъ и башкирскихъ степей, напоминающими нѣсколько такъ называемыхъ *шведокъ*. Но табаководство и коноводство играютъ незначительную роль въ самарской торговлѣ сравнительно съ хлѣбными грузами, количество которыхъ должно страшно увеличиться съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги, соединившей самарскій край съ богатыми, хлѣбородными мѣстностями по ту сторону Урала—Челябинскомъ, Троицкомъ и др.

Съ проведеніемъ послѣдней, значеніе Самары еще болѣе возросло,—и немудрено: стоящая на берегу великой русской рѣки, Самара является, съ тѣмъ вмѣстѣ, исходною точкою великаго рельсоваго пути, пролагаемаго державною волею нынѣ царствующаго Императора черезъ необъятныя пространства Сибири.

Историческихъ воспоминаній у Самары мало. Извѣстно, что Самарскій «городокъ» былъ основанъ въ 1586 году при сліяніи рр. Самары съ Волгою. Онъ являлся крайнимъ пунктомъ русскихъ поселеній на луговой сторонѣ Волги и много терпѣлъ отъ ногайскихъ татаръ, калмыковъ, башкиръ и понизовой вольницы. Въ 1671 г. въ него ворвался Стенька Разинъ, казнилъ воеводу и потопилъ въ Волгѣ всѣхъ дворянъ и все начальство. Въ 1781 г. Самара была переименована въ уѣздный городъ Симбирской губерніи, а въ 1851 г. сдѣлана самостоятельнымъ губернскимъ городомъ

Патрономъ Самары считается митрополитъ Алексій, являвшійся постояннымъ ходатаемъ и защитникомъ русскихъ интересовъ передъ ханомъ, у котораго онъ пользовался большимъ уваженіемъ, исцѣливъ жену его, Тайдулу, страдавшую глазною болѣзнью. Въ одну изъ своихъ по-

ѣздокъ въ орду (вѣроятно, между 1360—1370 годами), на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Самара, митрополитъ Алексій, по преданію, встрѣтилъ пустынника, которому предсказалъ, что тутъ выростетъ большой городъ, который будетъ имѣть блестящую будущность. Въ память митрополита Алексія, въ Самарѣ, на берегу Волги, воздвигнута «*Алексѣевская часовня*».

Другихъ легендъ и преданій въ Самарѣ не имѣется. Какая разница въ этомъ отношеніи между нею и ея близкимъ сосѣдомъ—Симбирскомъ! Юная, полная силъ и надеждъ на будущее, Самара живетъ этимъ будущимъ; о прошедшемъ ей и думать некогда; степенный, сановитый Симбирскъ весь ушелъ въ воспоминанія о быломъ. Какая разница, вообще, между Симбирскою и Самарскою губерніями, лежащими одна противъ другой по берегамъ одной и той-же рѣки. Разница эта бросается въ глаза каждому, кому приходилось проникать внутрь обѣихъ этихъ губерній.

Отъѣзжайте на нѣсколько верстъ отъ Симбирска или отъ любого изъ уѣздныхъ городовъ Симбирской губерніи, и вы увидите передъ собою, разбросанными по необозримымъ хлѣбнымъ полямъ, не одну, а нѣсколько помѣщичьихъ усадьбъ съ господскими домами внушительной внѣшности, съ садами, въ которыхъ сохранились еще бесѣдки, оранжереи, грунтовые сараи и т. п. затѣи прежняго барства, съ церквями, въ оградахъ которыхъ бѣлѣютъ фамильные надгробные памятники. Но, чтобы получить живое и ясное представленіе объ этихъ старыхъ дворянскихъ гнѣздахъ, посмотримъ, какъ описываетъ сельцо Малиновку—на самомъ-же дѣлѣ, находящуюся въ 3—4 верстахъ отъ Симбирска *Кындяковку*—знаменитый симбирскій уроженецъ И. А. Гончаровъ.

«Съ одной стороны Волга съ крутыми берегами и Заволжьемъ; съ другой — широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкалось далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны видны села, деревни и часть города. Воздухъ свѣжій, прохладный, отъ котораго, какъ отъ лѣтняго купанья, пробѣгаетъ по тѣлу дрожь бодрости.

«Домъ весь былъ окруженъ этими видами, этимъ воздухомъ, да полями, да садомъ. Садъ обширный около обоихъ домовъ, одного каменнаго, оставленнаго и запущеннаго, другого—деревяннаго, отстроеннаго отцомъ Райскаго, содержавшійся въ порядкѣ, съ темными аллеями, бесѣдкой и скамьями. Чѣмъ далѣе отъ домовъ, тѣмъ садъ былъ запущеннѣе.

«Подлѣ огромнаго развѣсистаго вяза, съ сгнившей скамьей, толпились вишни и яблони; тамъ рябина; тамъ шла кучка липъ, хотѣла-было образовать аллею, да вдругъ ушла въ лѣсъ и братски перепуталась съ ельникомъ, березнякомъ. И вдругъ все кончалось обрывомъ, поросшимъ кустами, идущими почти на полверсты берегомъ до Волги.

«Подлѣ сада, ближе къ дому, лежали огороды. Тамъ капуста, рѣпа, морковь, петрушка, огурцы, потомъ громадныя тыквы, а въ парникѣ арбузы и дыни. Подсолнечники и макъ, въ этой массѣ зелени, дѣлали яркія, бросавшіяся въ глаза пятна; около тычинокъ вились турецкіе бобы; передъ окнами маленькаго домика пестрѣлъ на солнцѣ большой цвѣтникъ, изъ котораго вела дверь во дворъ, а другая, стеклянная дверь, съ большимъ балкономъ, въ родѣ веранды, въ деревянный жилой домъ...

«Около дома вились ласточки, свившія гнѣзда на кровлѣ, въ саду и рощѣ водились малиновки, иволги, чижи и щеглы, а по ночамъ щелкали соловьи.

«Дворъ былъ полонъ всякой домашней птицы, разношерстныхъ собакъ. Утромъ уходили въ поле и возвращались къ вечеру коровы и козелъ съ двумя подругами. Нѣсколько лошадей стояли почти праздно въ конюшняхъ.

«Надъ цвѣтами около дома рѣяли пчелы, шмели, стрекозы, трепетали на солнышкѣ крыльями бабочки; по уголкамъ жались, грѣясь на солнышкѣ кошки, котята.

«Въ домѣ какая радость и миръ жили! Чего тамъ не было? Комнатки маленькія, но уютныя, съ старинной, взятой изъ большого дома мебелью дѣдовъ, дядей...

«Полы были выкрашены, натерты воскомъ и устланы клеенками; печи обложены пестрыми, старинными, тоже

взятыми изъ стараго дома, изразцами. Шкапы биткомъ набиты старой, дрожавшей отъ шаговъ, посудой и звенѣвшимъ серебромъ.

«На виду красовались старинныя саксонскія чашки, пастушки, маркизы, китайскіе уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелыя ложки. Кругленькіе стулья, съ мѣдными ободочками и съ деревянной мозаикой столы, столики жались по уютнымъ уголкамъ...»

Вблизи этихъ зажиточныхъ уютныхъ барскихъ усадьбъ тѣснятся избушки крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ тѣсныя, курныя, жалкія. Нелегко живется бѣднымъ крестьянамъ богатой Симбирской губерніи: почва тутъ отличная, черноземная, но надѣлы маленькіе; промысловая жизнь развита слабо; хлѣба никогда отъ новины до новины не хватаетъ, и приходится въ иныхъ деревняхъ ребятишкамъ чуть что не съ осени «за кусочками», т. е., другими словами, «по міру идти».

Другое дѣло—Самарская губернія. Не успѣете вы перебраться на противоположный берегъ Волги и вступить въ ея предѣлы, какъ сразу почувствуете, что попали въ новыя, сравнительно, не такъ давно заселенныя мѣста. Въ ней селенія рѣдки; 10—15 верстъ ѣдешь по степи, не встрѣчая жилья. Но вотъ и село большое, зажиточное, съ избами, которыя кажутся чуть что не хоромами, сравнительно съ лачугами симбирскихъ крестьянъ. Такія большія села чаще всего безъ барскихъ усадьбъ; послѣднія стоятъ обыкновенно въ сторонѣ, окруженныя небольшими поселками, верстъ на 20 одна отъ другой, но внѣшнимъ барскимъ видомъ своимъ сильно напоминаютъ симбирскія помѣщичьи усадьбы. Населеніе Самарской губерніи чрезвычайно разнообразно: на ряду съ коренными русскими, вы встрѣтите тутъ и мордву, и татаръ, и чистокровныхъ хохловъ. Весь этотъ народъ переселился сюда изъ густо населенныхъ мѣстъ Имперіи, въ надеждѣ найти кусокъ хлѣба; и обширная, черноземная Самарская губернія былабы вполнѣ въ состояніи дать его, еслибъ не бичъ ея—бездождье и засухи, влекущія за собою, отъ времени до времени, полный неурожай.

Чѣмъ болѣе углубляетесь вы на востокъ Самарской

губерніи, по направленію къ Уфѣ и Оренбургскому краю, тѣмъ больше приволья, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, больше и дикости видите вы вокругъ себя. Чуется близость *Башкиріи*— этого живописнѣйшаго уголка Россіи, съ красивыми, покрытыми веселою зеленью возвышенностями, съ многоводными, обильными рыбою рѣками: *Бугурусланомъ*, *Кинелемъ*, *Демою*, съ обширными заливными лугами и пестрѣющими милліонами душистыхъ цвѣтовъ степными пространствами. Этотъ благодатный край имѣетъ тоже своего геніальнаго писателя въ лицѣ Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Прочитайте его «*Семейную хронику* и *Дѣтскіе годы Багрова внука*». Какою ширью, какимъ привольемъ повѣетъ на васъ отъ этихъ чудныхъ страницъ.

«Что за угодье, что за приволье было тогда на этихъ берегахъ! Вода такая чистая, что даже въ омутахъ, сажени въ двѣ глубиною, можно было видѣть на днѣ брошенную мѣдную денежку! Мѣстами росла густая *урема* [1]) изъ березы, осины, рябины, калины, черемухи и черноталa, вся переплетенная зелеными гирляндами хмеля и обвѣшанная палевыми кистями его шишекъ; мѣстами росла тучная, высокая трава съ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, надъ которыми возносили верхи свои душистая кашка, татарское мыло (боярская спѣсь), скорлазубецъ (царскія кудри) и кошачья трава (валеріанъ). Бугурусланъ течетъ по долинѣ; по обѣимъ сторонамъ его тянутся, то тѣснясь, то отступая, отлогія, а иногда и крутыя горы; по скатамъ и отрогамъ ихъ изобильно росъ всякій горный лѣсъ; поднимешься на гору,—тамъ равнина—непочатая степь, черноземъ въ аршинъ глубиною. По рѣкѣ и окружающимъ ее индѣ болотамъ всѣ породы утокъ и куликовъ, гуси, бекасы, дупеля и курахтаны вили свои гнѣзда и пискомъ наполняли воздухъ; на горахъ-же, сейчасъ превращавшихся въ равнины, покрытыя тучною травой, воздухъ оглашался другими особенными свистами и голосами: тамъ водилась во множествѣ вся степная птица: дрофы, журавли, стрепеты, кроншнепы и кречетки; по лѣсистымъ отрогамъ жили бездна тетеревовъ; рѣка ки-

1) Уремой называются лѣсъ и кусты, ростущіе около рѣкъ.

(См. на оборотѣ).

1) Лбище-гора противъ сліянія Волги и Камы. 2) Жегулевскія горы. 3) Царевъ-курганъ. 4) Гротъ въ Костычевскихъ горахъ. 5) Вознесенскій соборъ и Большая Саратовская улица въ Симбирскѣ. 6 и 7) Развалины града Булгара—малый минаретъ и Черная палата. 8) Памятникъ Карамзину въ Симбирскѣ. 9) Памятникъ Императору Александру II въ Самарѣ. 10) Иверскій дѣвичій монастырь въ Самарѣ. 11) Алексѣевская часовня на берегу Волги въ Самарѣ. 12) Общій видъ г. Хвалынска. 13) Дача Аннаева въ 3-хъ верстахъ отъ Самары. 14) Александровскій ж.-д. мостъ черезъ Волгу.

шѣла всѣми породами рыбъ, которыя могли сносить ея студеную воду; щуки, окуни, головли, язи, даже кутема и лохъ изобильно водились въ ней; всякаго звѣря и въ степяхъ и въ лѣсахъ было невѣроятное множество; словомъ сказать: это былъ—да и теперь есть—уголокъ обѣтованный...»

Читайте Гончарова и Аксакова, и они научатъ васъ не только *понимать*, но и *любить* богатую, барскую «Русь Гончаровскую» и привольную, полудикую «Русь Аксаковскую», подобно тому, какъ Тургеневъ, уроженецъ Тульской губерніи, воплотивъ со всею силою великаго таланта въ своихъ произведеніяхъ («Записки Охотника», описаніе ночи въ разсказѣ «Три встрѣчи» и проч., и проч.) всю прелесть русской природы и жизни нашихъ центральныхъ черноземныхъ губерній, учитъ насъ понимать и любить это сердце Россіи, эту «Тургеневскую Русь», а Гоголь—свою дорогую Украйну.

Упомянувъ о Гончаровѣ и Аксаковѣ, вспомнимъ и о другихъ замѣчательныхъ русскихъ людяхъ, въ жизни и произведеніяхъ которыхъ играетъ роль Поволжье.

Въ Твери, мальчикомъ, до 15-ти лѣтъ, жилъ знаменитый баснописецъ *Крыловъ*. Свободное время онъ проводилъ на Волгѣ, около барокъ, перевозовъ, плотовъ и тамъ, среди бурлаковъ, коноводовъ, перевозчиковъ, наблюдалъ и изучалъ настоящую русскую рѣчь, природу и коренныя свойства русскаго народа.

Въ Калязинскомъ уѣздѣ, *Тверской губерніи*, въ родовой усадьбѣ помѣщиковъ Салтыковыхъ, селѣ Спасъ-Уголъ, родился въ 1826 г. знаменитый сатирикъ Михаилъ Евграфовичъ *Салтыковъ*, писавшій подъ псевдонимомъ *Щедрина*. Нравы крѣпостной Руси, наблюдавшіеся имъ въ имѣніяхъ разныхъ кашинскихъ, калязинскихъ и корчевскихъ помѣщиковъ, послужили матеріаломъ для изображенія всѣхъ ужасовъ крѣпостного права въ «Пошехонской старинѣ» и другихъ его произведеніяхъ.

Въ селѣ Грешневѣ, *Ярославской губерніи* и уѣзда, провелъ свое дѣтство поэтъ *Некрасовъ*, родившійся въ 1821 году въ Подольской губерніи, во время походной жизни своего отца, служившаго тогда въ арміи. Чудныя картины

Поволжья оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ поэта, зовущаго Волгу своею «родною, любимою рѣкою» и воспѣвающаго ее во многихъ своихъ произведеніяхъ.

Въ мѣстечкѣ Кармачахъ или Сокурахъ, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи, въ 40 верстахъ отъ самой Казани, родился въ 1743 году «пѣвецъ Фелицы»—Державинъ, считающій себя прямо уроженцемъ Казани. Онъ называетъ этотъ городъ своею родиною, такъ какъ въ немъ онъ выросъ, воспитывался, пріобрѣлъ первыя знанія и зачатки стремленій къ литературной и гражданской дѣятельности. Поселившись подъ старость на берегахъ Волхова, въ помѣстьѣ своемъ Званкѣ, Державинъ не забывалъ своей родины. Домъ его часто наполнялся молодежью, среди веселаго шума и говора которой молодѣлъ душою и самъ поэтъ, но и тогда воспоминанія о миломъ прошломъ, тѣсно связанныя съ берегами Волги, не покидали его. Вотъ трогательные стихи, набросанные имъ какъ-то разъ подъ звуки арфы, на которой играла одна молодая дѣвушка, пріѣхавшая погостить въ Званку:

«Какъ весело внимать, когда съ тобой она
«Поетъ про родину, отечество дразня,
«И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
«Какъ время катится въ Казани золотое.

«О, колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
«Невинности моей и юности обитель!
«Когда я освѣщусь опять твоей зарей
«И твой, по-прежнему, всегдашній буду житель?

«Звучи, о, арфа, ты все о Казани мнѣ!
«Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ!
«Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
«*Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ*».

Въ Казани, какъ уже было сказано, воздвигнутъ памятникъ Державину. Поэтъ представленъ сидящимъ на камнѣ, съ арфою въ рукѣ, со взглядомъ, устремленнымъ вверхъ. Внизу, на сторонахъ пьедестала, барельефы съ аллегорическими изображеніями музъ, вѣнчающихъ поэта.

Въ Казанской гимназіи и университетѣ получилъ образованіе Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, родившійся въ

1791 году въ г. Уфѣ, а кто не читалъ его чудныхъ «Воспоминаній», относящихся къ этому періоду его жизни?[1]).

Въ Казани-же проходили юношескіе годы графа Льва Николаевича Толстого, посѣщавшаго нѣкоторое время лекціи казанскаго университета; слѣдовательно, къ Казани относятся многія изъ впечатлѣній, описанныхъ имъ въ его «Отрочествѣ» и «Юности».

Наконецъ, Симбирская губернія, какъ уже было сказано, является родиной И. А. Гончарова, родившагося въ 1812 г. въ самомъ Симбирскѣ[2]), и историка Н. М. Карамзина, родившагося въ 1766 году въ Симбирской губерніи. Кромѣ воздвигнутаго въ Симбирскѣ Карамзину памятника, тамъ учреждена еще тѣсно связанная съ его памятью общественная библіотека, существующая уже около 50 лѣтъ и вмѣщающая въ себѣ свыше 30,000 томовъ, 1-го декабря, въ день рожденія Н. М. Карамзина, въ библіотекѣ происходятъ ежегодныя публичныя собранія.

Въ Симбирской губерніи, въ богатой помѣщичьей семьѣ, родился въ 1803 году восторженный поклонникъ Пушкинъ и вѣрный его другъ, поэтъ Языковъ.

XVIII.

Сызрань.—Асфальтовое производство.—Александровскій волжскій мостъ.—Хвалынскъ.—Черемшанскіе скиты.—Балаково.—Столыпинскія минеральныя воды.—Вольскъ и его основатель Злобинъ.—Нѣмецкія колоніи.—Екатериштадтъ (Баронскъ).

Ещe не доходя до Самары, какъ уже было сказано, Жегули начинаютъ удаляться отъ праваго берега Волги, принимаютъ юго-западное направленіе и тянутся, подъ названіемъ *Шелехметскихъ* горъ, сплошною каменною стѣною до села *Винновки*, гдѣ и оканчиваются.

Возвышенности праваго берега Волги, между селами *Печерскимъ* и *Костычами*, называются *Печерскими* горами, благодаря многочисленнымъ пещерамъ, въ нихъ находя-

[1]) «Семейная хроника», отд. II, «Воспоминанія».
[2]) См. «На родинѣ», IX т. полнаго собранія сочиненій Гончарова.

щимся. Горы эти замѣчательны тѣмъ, что содержатъ громадное количество *асфальтоваго* или чернаго *известняка*, пласты котораго обнажаются вдоль береговой линіи. Эти богатыя залежи долгое время не разрабатывались правильно и приносили мало пользы. Теперь-же асфальтовое производство получило такое развитіе, что русскій асфальтъ не только вытѣснилъ заграничный изъ всѣхъ городовъ Россіи, но даже и самъ проникъ за границу. Центромъ его является *Сызранскій асфальтовый заводъ*, основанный симбирскимъ землевладѣльцемъ, г. Воейковымъ, близъ г. Сызрани, на берегу Волги.

Первый городъ, встрѣчающійся по пути отъ Самары внизъ по Волгѣ,—*Сызрань* (или *Сызранъ*, какъ зовутъ его на самой Волгѣ). Являющаяся конечнымъ пунктомъ тысячеверстной Сызрано-Вяземской желѣзной дороги и соединительнымъ звеномъ между нею и началомъ Сибирской дороги, Сызрань представляется въ настоящее время большимъ и на видъ довольно благоустроеннымъ городомъ. Особенно красива она съ Волги, разбросанная на отлогой возвышенности, со всѣми своими зданіями, церквями и старинными монастырями. Сызрань находится не на самой Волгѣ, а на «воложкѣ», и связана съ пристанями длинной дорогой, тянущейся около версты, Главный предметъ вывоза изъ Сызрани—хлѣбъ, преимущественно *пшено*, превосходнаго качества, извѣстное подъ названіемъ *сызранскаго*.

Въ 20-ти верстахъ выше Сызрани, у села *Новые Костычи*, черезъ Волгу перекинутъ гигантскій мостъ, одно изъ величайшихъ сооруженій подобнаго рода въ мірѣ,—первый постоянный волжскій мостъ. Мостъ этотъ открытъ 30 августа 1880 г., въ день тезоименитства Государя Императора, и названъ *Александровскимъ*. Онъ грандіозенъ во всѣхъ отношеніяхъ: длина его 696 саж., высота быковъ надъ уровнемъ воды $11{,}_{35}$ саж.; постройка его обошлась свыше 7.000,000 рублей.

Ниже Сызрани по берегамъ Волги начинаются известковыя и мѣловыя возвышенности, необыкновенно красиво отражающіяся въ синеватой, зеркальной поверхности спокойной рѣки. Среди этихъ красивыхъ горъ пріютился г. *Хвалынскъ*, бывшее село *Сосновый Островъ*, основанный

въ прошломъ столѣтіи раскольниками. Вообще, большинство селеній по Волгѣ, ниже Сызрани, до Балакова и Вольска включительно, обязаны своимъ происхожденіемъ старообрядцамъ, переселеннымъ сюда изъ внутреннихъ губерній Россіи и Польши.

Хвалынскъ, въ которомъ насчитывается до 18,000 жителей, имѣетъ довольно крупное значеніе по хлѣбной торговлѣ; на видъ-же онъ—невзрачный, глухой уѣздный городокъ съ скромными, преимущественно деревянными постройками и небольшимъ каменнымъ соборомъ въ центрѣ города. Главную прелесть Хвалынска составляютъ его прекрасные фруктовые сады, широкою полосою охватывающіе весь городъ.

Старообрядцевъ въ Хвалынскѣ теперь насчитывается не болѣе 3,000, но они сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ торговлю, капиталы и вліяніе на общественныя дѣла. Въ 6—7 верстахъ отъ города находятся *Черемшанскіе скиты*, имѣющіе много общаго съ описанными уже нами скитами верховаго Заволжья [1]). Скиты расположены въ 4-хъ верстахъ отъ Волги, въ красивой ложбинѣ, по которой пробѣгаетъ ручей *Черемшанъ*. Разсѣянныя въ разныхъ направленіяхъ среди густой зелени, монастырскія зданія, производятъ, на первый взглядъ, впечатлѣніе многочисленныхъ хозяйственныхъ построекъ. Среди нихъ возвышается каменная двухъ-этажная моленная, въ верхнемъ этажѣ которой помѣщается лѣтняя церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, а въ нижнемъ другая—зимняя, во имя Покрова. Обѣ церкви и богослуженіе, въ нихъ совершаемое, имѣютъ много общаго съ православными; поражаютъ насъ лишь особые церковные напѣвы и своеобразные костюмы монаховъ, короткіе, съ перелинами, къ которымъ прикрѣпленъ головной уборъ въ родѣ капора.

Недалеко отъ мужскаго монастыря, за горой, находится женская обитель, еще болѣе обширная. Въ обѣихъ обителяхъ жизнь ведется правильная, трудовая, строго распредѣленная между исполненіемъ церковныхъ обрядовъ и мирными хозяйственными работами. Скиты пользуются

[1]) См. гл. VIII.

большимъ почетомъ среди волжскихъ старообрядцевъ; добровольныя приношенія не оскудѣваютъ, и обитатели скитовъ пользуются полнымъ довольствомъ.

Въ 62-хъ верстахъ ниже Хвалынска, на лѣвомъ берегу Волги, находится богатѣйшее село Самарской губерніи—*Балаково* съ 12,000 жителей. Но, несмотря на то, что по своимъ размѣрамъ, Балаково не уступитъ любому уѣздному городу, а по своимъ торговымъ оборотамъ оно занимаетъ въ губерніи второе мѣсто послѣ самой Самары, благоустройства въ немъ нѣтъ никакого; весною и осенью грязь тамъ, въ полномъ смыслѣ слова, невылазная.

Въ 50 вер. отъ Балакова находится лечебное заведеніе «Столыпино». Лечатся тамъ водами сѣрныхъ и желѣзистыхъ источниковъ, а также минеральною грязью, которая, по изслѣдованію ученыхъ, признана одинаковаго достоинства съ грязями Старорусскими, Аренсбургскими и Гапсальскими.

Въ 30 верстахъ ниже Балакова и въ 135 верстахъ отъ Саратова, на правомъ берегу Волги, живописно раскинулся уѣздный городъ Саратовской губерніи *Вольскъ* въ котловинѣ, образуемой тремя мѣловыми горными хребтами. Судьба его тѣсно связана съ интересною судьбою его основателя—Василія Алексѣевича *Злобина*.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, на мѣстѣ нынѣшняго Вольска находилось село *Малыковка*, когда-то бывшее во владѣніи князя Александра Даниловича Меньшикова, а послѣ его ссылки поступившее въ казенную собственность. Въ этомъ-то селѣ, около 1760 года, у бѣднаго волостного писаря Алексѣя Половнина, прозваннаго народомъ за буйный, задорный характеръ Злобинымъ, родился сынъ Василій—будущій знаменитый коммерсантъ и владѣтель Вольска. Смѣтливый, способный мальчикъ самъ кое-какъ выучился грамотѣ и сталъ исполнять обязанности подпаска у мѣстнаго пастуха, а послѣ смерти отца занялъ мѣсто волостного писаря. Здѣсь вскорѣ, благодаря уму и необыкновеннымъ способностямъ, ему удалось не только пріобрѣсть большое вліяніе среди своихъ земляковъ, но даже сдѣлаться извѣстнымъ одному изъ близкихъ ко двору императрицы Екатерины II вельможъ, а

именно генералъ-прокурору князю Александу Алексѣевичу Вяземскому, владѣвшему обширными помѣстьями вблизи Малыковки.

Убѣдившись въ способностяхъ Злобина, князь началъ сперва давать ему разныя порученія по своимъ имѣніямъ, а потомъ поручилъ громадное откупное дѣло, представивъ ему и свои капиталы, и свою протекцію. Выдвинутый, такимъ образомъ, княземъ Вяземскимъ, Злобинъ взялъ винные откупа въ нѣсколькихъ губерніяхъ и повелъ дѣло такъ ловко и умѣло, что въ короткое время составилъ себѣ громадное состояніе, а казнѣ далъ около 100 милліоновъ дохода. Начавъ такъ удачно, Злобинъ брался уже смѣло за самыя крупныя торговыя предпріятія; онъ занимался не только питейными откупами, но держалъ еще на откупѣ соль и игральныя карты. Состояніе его было милліонное. Лично извѣстный императрицѣ Екатеринѣ и императорамъ Павлу и Александру I и милостиво награждаемый ими, Злобинъ жилъ роскошно и открыто, вращался въ обществѣ вельможъ, но не забывалъ и бѣднаго народа, являясь его постояннымъ благодѣтелемъ. Особенно близко принималъ онъ къ сердцу интересы своей родины, Малыковки, переименованной въ 1760 г. въ г. Вольскъ. Избранный здѣсь городскимъ головою, Злобинъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поднять благосостояніе вновь созданнаго города, и его усилія были не напрасны. При немъ Вольскъ украсился многими каменными зданіями и церквами; въ городѣ явились крупныя торговыя фирмы, и жители быстро богатѣли, состоя участниками обширныхъ коммерческихъ предпріятій Злобина. Дѣла Злобина, подъ конецъ его жизни, значительно разстроились, такъ что, послѣ его смерти въ 1814 году, за нимъ оказались даже громадныя казенныя недоимки, на покрытіе которыхъ пошло не только все его состояніе, но и состояніе многихъ другихъ богачей Вольска.

Теперь Вольскъ занимаетъ довольно скромное мѣсто среди городовъ Поволжья, хотя въ немъ считается болѣе 30,000 жителей, между которыми много богатыхъ купцовъ, торгующихъ преимущественно хлѣбомъ. Кромѣ того, жи-

тели занимаются рыбною ловлею и садоводствомъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

Главная и лучшая часть города, съ обширною площадью, соборомъ и каменнымъ гостинымъ дворомъ, примыкаетъ къ Волгѣ, откуда открывается прелестный видъ на холмы, покрытые строеніями и утопающіе въ свѣжей зелени многочисленныхъ садовъ. Лучшимъ считается садъ Сапожкова, играющій роль городского сада, куда въ лѣтніе вечера собирается все мѣстное общество, съ любопытствомъ разглядывающее пассажировъ, прибывающихъ съ каждымъ пароходомъ и обыкновенно отправляющихся въ садъ, пользуясь довольно продолжительною стоянкою. Вообще, лѣтомъ, по открытіи навигаціи, Вольскъ оживаетъ; населеніе его чуть-ли не удваивается, благодаря массѣ пришлаго рабочаго люда. Не мало оживленія придаетъ ему и новая желѣзнодорожная линія, связывающая его съ г. Аткарскомъ, находящимся на главной линіи Рязанско-Уральской желѣзной дороги.

За Вольскомъ начинается рядъ нѣмецкихъ колоній: *Унтервальденъ*, *Луцернъ*, *Цугъ*, *Золотурнъ*, *Цюрихъ*, *Шафгаузенъ*; кажется, вся Швейцарія переселилась сюда, на Волгу. Возникли эти колоніи со временъ Екатерины II, старавшейся привлечь иностранцевъ въ Россію всевозможными льготами. Въ *Екатериншадтѣ* или *Баронскѣ*, считающемся родоначальникомъ всѣхъ приволжскихъ нѣмецкихъ колоній въ предѣлахъ Самарской губерніи, поставленъ памятникъ Екатеринѣ II. Жители колоній всѣ, безъ исключенія, нѣмцы-лютеране; занимаются они хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, разведеніемъ табачныхъ плантацій и, отчасти, торговлею. Мы поговоримъ подробнѣе объ ихъ образѣ жизни, дойдя до *Сарепты*, съ которою намъ пришлось лично близко познакомиться.

XIX.

САРАТОВЪ.

Общій видъ города.—Историческій обзоръ.—Достопримѣчательности.—Радищевскій музей.—Учебныя заведенія.—Торговля.—Пути сообщенія.—Обмелѣніе Волги.

ЁТНИМЪ яснымъ вечеромъ подошли мы къ Саратову. Окруженный зелеными горами, широко раскинувшійся по правому берегу Волги, городъ этотъ производитъ съ парохода необыкновенно пріятное впечатлѣніе, которое только усиливается при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ.

Подобно Самарѣ, Саратовъ—городъ сравнительно молодой; въ 1892 г. праздновалъ онъ 300-лѣтній юбилей своего существованія. Родоначальникомъ его былъ маленькій укрѣпленный городокъ, основанный въ 1592 г. русскими на мѣстѣ татарской деревушки *Сари-тау* (Желтыя горы), на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчки Саратовки, верстахъ въ 10 — 12 отъ нынѣшняго города. 13 лѣтъ спустя, татары разрушили его до тла; тогда русскіе заложили новый Саратовъ на правомъ берегу, на нынѣшнемъ его мѣстѣ. Богатый черноземный край на берегахъ великой рѣки привлекъ множество поселенцевъ; Саратовъ началъ расти и богатѣть, несмотря на постигавшіе его невзгоды.

Перечислимъ главные изъ нихъ.

Съ переходомъ Саратова на правый берегъ, хищническіе набѣги на него татаръ и калмыковъ долгое время не прекращались. На смѣну имъ явились разбойники, которыхъ не мало водилось въ старое время на Руси. Разинъ вошелъ въ городъ хитростью. Подойдя къ городскимъ стѣнамъ, онъ просилъ пустить его помолиться св. угодникамъ, обѣщаясь не сдѣлать никакого зла. Простодушные саратовцы повѣрили ему и впустили его; онъ-же принялся грабить городъ.

Больше всего пострадалъ Саратовъ отъ нашествія Пугачева. Послѣдній двинулся на него изъ Пензы съ своими полчищами, состоявшими изъ всякаго сброда. Въ Саратовѣ въ то время регулярнаго войска было не болѣе 500 человѣкъ. Когда Пугачевъ былъ уже подъ стѣнами города, начальство послѣдняго спорило, кому принять команду надъ войскомъ. Поэтъ Державинъ, принимавшій тогда, въ чинѣ поручика гвардіи, участіе въ усмиреніи мятежа, полковникъ Бошнякъ и статскій совѣтникъ Ладыженскій спорили о томъ, кто выше чиномъ—статскій совѣтникъ или полковникъ. Кончилось тѣмъ, что начальство надъ войскомъ принялъ Бошнякъ. Ладыженскій и Державинъ сочли за лучшее удалиться изъ города раньше, чѣмъ туда ворвался Пугачевъ. 5-го августа 1774 г. между правительственными войсками и шайками Пугачева произошла стычка подъ самымъ городомъ. Подавленный массами, Бошнякъ былъ разбитъ. Разбойники расправились безпощадно съ несчастнымъ городомъ; кровь лилась потоками, имущество было разграблено, много домовъ сожжено...

Кромѣ этихъ невзгодъ, Саратовъ, долгое время входившій въ составъ Астраханскаго воеводства, много терпѣлъ отъ внутренняго неустройства, главнымъ-же образомъ отъ разныхъ начальниковъ, отличавшихся несправедливостью, лихоимствомъ и такими безобразными подвигами, какъ, напримѣръ, травленіе людей медвѣдями, какъ это дѣлалъ астраханскій воевода Хованскій.

Въ 1780 г., по указу Екатерины II, Саратовъ былъ преобразованъ въ губернскій городъ.

Съ этого времени и начинается быстрый ростъ Саратова и его развитіе въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, несмотря на тѣ бѣдствія, которыя онъ продолжалъ по временамъ переживать. Нынѣшнее столѣтіе началось для Саратова страшною чумою (1807), продержавшею городъ въ четырехлѣтнемъ карантинѣ; затѣмъ онъ былъ опустошенъ грознымъ пожаромъ, превратившимъ въ развалины большую часть города; въ 1830 и 1848 гг. холера убавила его народонаселеніе на 20 тысячъ. Немало бѣдъ причинила Саратову и послѣдняя холера 1892—1893 гг.

Въ настоящее время Саратовъ является большимъ, красивымъ, живописнымъ городомъ, съ громадною торговлею, громаднымъ населеніемъ (122,829 жит.), слывущимъ столицею средняго и низоваго Поволжья. Дѣйствительно, это нарядный, благоустроенный, европейскій городъ, съ прекрасными зданіями, богатыми магазинами, асфальтовыми тротуарами, приличнымъ освѣщеніемъ и конно-желѣзною дорогою. Главная улица, *Нѣмецкая*, носитъ вполнѣ столичный отпечатокъ. Она начинается отъ *Соборной площади* и отличается прекрасными домами, блестящими магазинами и большимъ оживленіемъ, особенно около 4-хъ часовъ, когда весь Саратовъ гуляетъ.

Другая улица, *Московская*, самая оживленная и самая дѣятельная, пересѣкаетъ весь городъ отъ прекраснаго зданія вокзала бывшей Тамбово-Саратовской желѣзной дороги, лежащаго на окраинѣ, до береговъ Волги. Здѣсь сосредоточено главное торговое движеніе, здѣсь находятся и главныя общественныя зданія Саратова: губернаторскій домъ, гостиный дворъ, дворянское собраніе и великолѣпное зданіе окружнаго суда.

Старый соборъ, одно изъ самыхъ старыхъ зданій Саратова, воздвигнутый въ 1697 году въ память избавленія города отъ чумы, стоитъ на площади, вблизи Волги. Въ немъ хранится чудотворная икона Всемилостивѣйшаго Спаса. Вблизи него находится древняя киновія, низкая, вся пригнувшаяся къ землѣ. Съ галлереи собора и съ балкона киновіи открывается чудесный видъ на Соколову-гору, у подножія которой стоитъ Саратовъ. На этой горѣ расположены были главныя силы Пугачева, а на склонахъ

ея стояли висѣлицы съ трупами несчастныхъ саратовцевъ, отказавшихся подчиниться волѣ бунтовщика.

Новый соборъ во имя Св. благовѣрнаго Александра Невскаго построенъ въ память 1812 года среди одной изъ лучшихъ городскихъ площадей и хранитъ массу знаменъ ополченія. Высокая колокольня его царитъ надъ всѣмъ городомъ. Онъ окруженъ липовымъ бульваромъ—любимымъ мѣстомъ гулянья саратовцевъ.

Интересно также зданіе католической церкви со многими прекрасными статуями и картинами. Вблизи Соборной площади находится и лютеранская церковь съ высокою колокольнею.

Главнымъ-же украшеніемъ Саратова является *Радищевскій музей*, этотъ эрмитажъ Поволжья, устроенный городомъ Саратовымъ и профессоромъ живописи Боголюбовымъ въ память дѣда послѣдняго, Александра Николаевича Радищева [1]). Величественное зданіе его, сооруженное по проекту покойнаго профессора архитектуры Штрома, стоитъ отдѣльно среди театральной площади, противъ краснваго каменнаго театра, выстроеннаго въ 1865 г. на мѣстѣ сгорѣвшаго деревяннаго. Музей открытъ въ 1885 г. Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ Государя Императора Александра III, города Саратова, Императорской Академіи Художествъ, проф. Боголюбова и многихъ другихъ учрежденій и лицъ, музей быстро выросъ, обогатился и представляетъ въ настоящее время настоящую сокровищницу, гордиться которою саратовцы имѣютъ полное право.

По Высочайшему повелѣнію, въ музей поступило изъ Императорскаго Эрмитажа нѣсколько картинъ знаменитыхъ мастеровъ и нѣсколько интересныхъ коллекцій, какъ, напримѣръ, собраніе «китайскихъ домашнихъ столовыхъ и гастрономическихъ принадлежностей», находящееся въ одномъ изъ нижнихъ залъ музея. Въ другихъ залахъ на-

[1]) А. Н. Радищевъ (1749—1802), авторъ «*Путешествія изъ Петербурга въ Москву*», сосланный за это сочиненіе Екатериною II на 10 лѣтъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, возвращенный императоромъ Павломъ и призванный императоромъ Александромъ I къ участію въ законодательной коммиссіи. Болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія см. въ «Исторіи русской словесности» Порфирьева, ч. II, отд. 2, стр. 254.

ходятся коллекціи старинныхъ монетъ и кредитныхъ билетовъ, фарфоровыхъ и стеклянныхъ издѣлій, бронзовыхъ предметовъ и старинныхъ русскихъ серебряныхъ вещей, а также коллекціи латъ и оружія и собраніе старинной мебели изъ Испаніи и Франціи временъ Людовиковъ XIII, XIV и XV. Особенное вниманіе обращаетъ тутъ на себя рѣзной шкафъ Людовика XIII и красивыя старинныя шкатулки съ замысловатою инкрустаціею.

Но особенно дорогъ по воспоминаніямъ сердцу каждаго русскаго такъ называемый «Тургеневскій уголокъ», пріютившійся въ одномъ изъ нижнихъ залъ музея. Здѣсь вы видите письменный столъ нашего великаго писателя, съ низкой полукруглой спинкой и клеенчатой подушкой; на письменномъ столѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, лежитъ маска, снятая съ покойнаго Ивана Сергѣевича, съ точностью воспроизводящая его измученное тяжкимъ недугомъ лицо; тутъ-же—слѣпокъ съ его исхудалой руки, а рядомъ съ нимъ небольшое перо, подарившее міру столько чудныхъ произведеній. На стѣнѣ висятъ портреты Тургенева: одинъ, снятый въ молодыхъ годахъ, другой—въ позднѣйшее время. Всѣ эти предметы присланы въ даръ Радищевскому музею наслѣдниками покойнаго.

Картинная галлерея музея представляетъ также большой интересъ. Тутъ и Тиціанъ со своимъ портретомъ герцога, четыре картины Теньера, прелестная картина англійской художницы Мэри Эттингеръ «Ангелъ Смерти»; тутъ и отецъ русской живописи Брюлловъ съ картиною «Іисусъ передъ народомъ» и портретомъ ратника; тутъ всѣ лучшіе представители современной русской живописи: Боголюбовъ, Рѣпинъ, Сверчковъ, Айвазовскій, Маковскій, Шишкинъ, Клеверъ, Журавлевъ и др. Вы видите передъ собою, какъ въ московской Третьяковской галлереѣ, только, разумѣется, въ меньшемъ количествѣ, оригиналы многихъ картинъ, являвшихся украшеніемъ академическихъ выставокъ и разошедшихся по Россіи на страницахъ всѣхъ нашихъ иллюстрированныхъ изданій: вотъ «Лжедимитрій у Сигизмунда» Неврева, «Таперъ» Прянишникова, «Мачиха» Журавлева, двѣ картины на одну и ту-же тему — «Христосъ воскрешаетъ дочь Іаира», писанныя

художниками Полѣновымъ и Зеленскимъ на золотую медаль.

Въ отдѣлѣ скульптуры обращаютъ на себя вниманіе: бюстъ покойнаго художника Крамского, бюсты Данте, устроителя музея Боголюбова, снимокъ съ Іоанна Грознаго Антокольскаго и мн. др. Перечислить всѣ художественныя сокровища музея нѣтъ возможности въ этомъ краткомъ очеркѣ. Надѣемся, что всякій, кого судьба заброситъ въ Саратовъ, поспѣшитъ познакомиться съ ними лично.

При музеѣ открыто рисовальное училище имени проф. Боголюбова.

Учебныя заведенія, помимо начальныхъ городскихъ и частныхъ, въ Саратовѣ слѣдующія: 1 классическая гимназія, 2 женскихъ гимназіи, 1 реальное училище, 1 духовное, 1 епархіальное, 1 православная семинарія, 1 католическая, 2 пріюта, учебно-заработный дѣтскій домъ, ремесленное училище и коммерческое училище. Кромѣ того, давно уже мечтаютъ объ университетѣ.

Какъ уже было сказано, по своимъ торговымъ оборотамъ Саратовъ считается однимъ изъ первыхъ городовъ Поволжья. Главный предметъ его торговли—хлѣбъ во всѣхъ его видахъ. Многоэтажныя мукомольныя мельницы завладѣли всѣмъ берегомъ вблизи пристаней. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Саратовъ является также главнымъ складомъ произведеній нѣмецкихъ колоній. Кому неизвѣстна, наприм., саратовская сарпинка, расходящаяся по всей Россіи. Для нѣмецкихъ колонистовъ Саратовъ, въ полномъ смыслѣ слова, столица. Они стремятся туда и за покупками и для того, чтобы поглазѣть на всѣ прелести большого города, потому-то въ Саратовѣ и на улицахъ, и въ лавкахъ, и на излюбленной торговымъ людомъ Сѣнной площади, — всюду встрѣчаются типичныя фигуры нѣмецкихъ колонистовъ въ ихъ длиннополыхъ камзолахъ, съ гладко выбритыми физіономіями, и колонистокъ въ чепцахъ и большихъ передникахъ; потому-то и виднѣются на многихъ харчевняхъ и трактирахъ нѣмецкія вывѣски, да и самая главная улица Саратова носитъ названіе *Нѣмецкой*.

Торговое значеніе Саратова еще болѣе возросло съ

(*См. на оборотѣ*).

1) Радищевскій музей въ Саратовѣ. 2) Столбичи на Волгѣ. 3) Уракова-гора. 4) Обрывъ Соколовой-горы у Саратова. 5) Нагрузка арбузовъ въ Камышинѣ. 6) Общій видъ г. Царицына. 7) Шапка и дубинка Петра I въ Царицынѣ. 8) Сарептскіе колонисты.

продленіемъ до г. Уральска бывшей Тамбово-Саратовской желѣзной дороги. Вокзалъ новой Уральской дороги находится въ слободѣ *Покровской*, на противоположномъ лѣвомъ берегу, за *Беклемишевымъ* островомъ. Островъ этотъ названъ въ честь саратовскаго воеводы Беклемишева, получившаго его въ даръ отъ царя Петра I, котораго онъ тутъ встрѣтилъ и рапортовалъ о благополучномъ состояніи ввѣреннаго ему города.

Злобу дня для Саратова составляетъ постепенное обмелѣніе Волги или, вѣрнѣе, постепенное отступленіе ея отъ города, очутившагося теперь отъ нея уже въ двухъ верстахъ. Саратовцы стараются, по мѣрѣ силъ и возможности бороться съ этимъ зломъ; они устраиваютъ плотины, направляющія силу воды съ сторону саратовскаго берега, роютъ каналы съ этою-же цѣлью, но всѣ эти мѣры пока еще не приносятъ существенной пользы, и Волга продолжаетъ себѣ отступать да отступать по новому, полюбившемуся ей, направленію.

XX.

Столбичи.—Разиновъ-бугоръ.—Уракова-гора.—Камышинъ.—Посадъ Дубовка.—Царицынъ.—Легенда объ его основаніи.—Картузъ и дубинка Петра Великаго.—Пути сообщенія.—Нобелевскій керосиновый городокъ.

НИЖЕ Саратова правый берегъ Волги имѣетъ сначала очень оживленный видъ: масса дачъ, деревень и хуторовъ, тонущихъ въ зелени, тянутся вдоль него длинною вереницею. Но на двадцатой верстѣ отъ города онъ рѣзко измѣняетъ свой характеръ: вы видите передъ собою рядъ голыхъ, обрывистыхъ утесовъ своеобразной формы, будто обточенныхъ чьею-то исполинскою рукою. Это—такъ называемые *столбичи*, состоящіе изъ ряда бугровъ или *шихановъ*, которые обрываются крутыми, отвѣсными стѣнами къ Волгѣ, а отъ сосѣднихъ возвышенностей отдѣляются глубокими оврагами. Со многими изъ нихъ связаны воспоминанія о лихихъ временахъ Разина и Пугачева.

Такъ, верстахъ въ 10—12 отъ пристани *Банновки*, съ парохода можно видѣть *бугоръ Стеньки Разина*. Онъ имѣетъ

видъ высокаго, столообразнаго утеса, спускающагося къ Волгѣ отвѣсною стѣною.

На немъ, по преданію, долго жилъ Разинъ. Жилье у него было богатое, обитое внутри дорогимъ бархатомъ, а на самой вершинѣ шихана стояло кресло съ насѣчкою изъ слоновой кости, откуда онъ слѣдилъ за проходившими судами. Лишь только подходило къ бугру которое-нибудь изъ нихъ, онъ махалъ платкомъ, громкимъ голосомъ требуя, чтобъ оно несло ему дань, и горька была участь тѣхъ, которые ему отказывали!.. Говорятъ, есть на бугрѣ глубокая яма, гдѣ содержались плѣнные и гдѣ до сихъ поръ, будто-бы, находятъ кости несчастныхъ, замученныхъ разбойниками; зарыты тамъ и клады, да не можетъ никто ими воспользоваться, такъ какъ они заколдованы. Стенька Разинъ является въ народномъ воображеніи, вообще, могучимъ колдуномъ, котораго и пуля не брала.

Верстахъ въ 19 ниже Камышина, на правомъ берегу Волги, есть гора, называемая *Ураковой*, по имени разбойника Уракова, предшественника Разина. Говорятъ, что Разинъ, 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, пришелъ сверху, изъ Ярославля, и поступилъ въ шайку Уракова кашеваромъ. Болѣе 10 лѣтъ исполнялъ онъ эти обязанности; но вотъ какъ-то разъ, когда Ураковъ хотѣлъ задержать проходившее мимо купеческое судно, Стенька закричалъ ему: «Брось,— не стоитъ, бѣдно!» По разбойничьей примѣтѣ подговаривать подъ руку—вѣрный признакъ неудачи; Ураковъ пропустилъ судно, но строго-на-строго запретилъ Разину вмѣшиваться не въ свое дѣло. Проходитъ другое судно, Стенька кричитъ то-же самое. Взбѣшенный атаманъ стрѣляетъ въ него изъ пистолета, но Разинъ и не пошатнулся; спокойно вынимаетъ онъ изъ груди пулю и, отдавая ее Уракову, говоритъ: «На, пригодится!» Ураковъ въ ужасѣ упалъ на землю; разбойники, видя такое колдовство, отступили отъ Стеньки, а тотъ незаряженнымъ пистолетомъ застрѣлилъ Уракова и сталъ самъ атаманомъ его шайки.

Прошли мы мимо ряда большихъ и богатыхъ селъ и колоній: *Сосновка, Ахматова Ровнаго* и села *Золотого*, славящагося своими вишневыми садами и пчельниками, ароматъ которыхъ сладкою струею несется по рѣкѣ; прошли мимо

рѣки *Еруслана*, послѣдняго лѣваго притока Волги, и вскорѣ добрались до *Камышина*.

Въ былыя времена Камышинъ слылъ разбойничьимъ городомъ, столицею «понизовой вольницы»: теперь онъ превратился въ мирный уѣздный городокъ Саратовской губерніи, соединенный желѣзнодорожною вѣтвью съ Рязанско-Уральскою желѣзною дорогою. Камышинъ славится своими арбузами. Арбузы эти не велики, но необыкновенно вкусны и, разумѣется, дешевы въ этихъ мѣстахъ. Даже на пристаняхъ, у торговокъ, любая штука стоитъ 4—5 коп. Подобно тому, какъ въ Малороссіи, на Волгѣ арбузы и грубый пшеничный хлѣбъ, называемый тамъ калачемъ, составляютъ почти исключительную пищу простонародья въ лѣтнее время. Главная масса камышинскихъ арбузовъ идетъ изъ *Быковыхъ-хуторовъ*—маленькой пристани на лѣвомъ берегу Волги, въ 49 верстахъ отъ Камышина.

Въ 88 верстахъ ниже Быковыхъ-хуторовъ лежитъ посадъ *Дубовка* съ 15,000 жителей. До проведенія Грязе-Царицынской желѣзной дороги посадъ этотъ имѣлъ важное значеніе, какъ ближайшій пунктъ къ Дону, куда изъ Дубовки шла конно-желѣзная дорога. Въ настоящее время Дубовка занимается, главнымъ образомъ, хлѣбнымъ производствомъ: въ ней до 20 мукомольныхъ мельницъ, изъ которыхъ одна паровая. На пристани продаются олеандры и дешевые ковры, работы мѣстныхъ крестьянокъ.

Отъ Дубовки недалеко и до *Царицына*. Проплывъ около 50 верстъ, мы увидѣли на правомъ берегу этотъ городъ, некрасивый даже съ Волги. Масса судовъ, цѣлый лѣсъ мачтъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, масса лачугъ, жалкихъ мазанокъ и покачнувшихся избъ, громоздящихся на берегу, придаютъ Царицыну видъ какого-то громаднаго села, выросшаго при впаденіи въ Волгу небольшой, пересыхающей лѣтомъ, рѣки *Царицы*.

Основаніе Царицына, какъ и основаніе другихъ поволжскихъ городовъ, связано съ разными легендами. Разсказываютъ, наприм., что Царицыномъ городъ этотъ названъ по имени р. Царицы, на берегахъ которой любила гулять одна изъ женъ хана Золотой Орды, главная ставка кото-

рой находилась въ 50 верстахъ отъ нынѣшняго Царицына, на отдѣляющемся отъ Волги протокѣ *Ахтубѣ*, тамъ, гдѣ теперь стоитъ *г. Царевъ*, Астраханской губерніи. Другая легенда повѣтствуетъ, что на берегу р. Царицы была казнена дочь хана, перешедшая въ христіанство подъ вліяніемъ вылечившаго ее отъ тяжкой болѣзни русскаго священника. Молодая дѣвушка, тайно принявъ православіе, бѣжала въ Россію, но была настигнута по пути и предана мученической смерти.

Несомнѣнно то, что въ концѣ XI вѣка мѣстность, гдѣ теперь расположенъ Царицынъ, была покрыта дремучими лѣсами и считалась владѣніемъ Золотой Орды; названіе-же Царицына, какъ и Саратова, по всей вѣроятности, татарскаго происхожденія, а именно происходитъ отъ слова «сари-чинъ», что въ переводѣ значитъ «желтый песокъ».

Послѣ вѣковой борьбы русскихъ съ татарами, послѣ того, какъ въ 1552 г. подъ ударами русскихъ рухнулъ одинъ изъ сильнѣйшихъ монгольскихъ атлетовъ—Казань, русское вліяніе стало распространяться по всему Поволжью, и по берегамъ Волги, одно за другимъ, начали возникать укрѣпленныя русскія поселенія, игравшія роль охранныхъ пунктовъ. Въ это время, а именно въ 1558 г., была выстроена крѣпостца, названная Царицынской, въ 5 верстахъ ниже нынѣшняго Царицына, на лѣвомъ берегу Волги. Но мѣсто, гдѣ она стояла, оказалось неудобнымъ по многимъ причинамъ, главнымъ-же образомъ потому, что оно ежегодно заливалось водою, и года черезъ два крѣпостца была переведена на правый берегъ, гдѣ Царицынъ стоитъ и теперь.

Въ 1722 г. Царицынъ былъ посѣщенъ Петромъ Великимъ, который, при отъѣздѣ, подарилъ городу свою дубинку и картузъ, со словами: «Вотъ вамъ моя палка,—какъ я управлялся со своими друзьями, такъ вы обороняйтесь ею противъ враговъ; а вотъ моя шапка—какъ ее никто не смѣлъ снять съ моей головы, такъ пусть никто ни посмѣетъ вытѣснить васъ изъ Царицына».

Картузъ и палка Петра Великаго хранятся до сихъ поръ въ царицынской думѣ.

Въ 1780 г. Царицынъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Саратовской губерніи.

Несмотря на свою неприглядную внѣшность, Царицынъ является, безспорно, однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Поволжья въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Отъ него идутъ двѣ желѣзныя дороги—Грязе-Царицынская и Волго-Донская—на Донскую пристань Калачъ, соединяющія такимъ образомъ бассейнъ Волги съ бассейномъ Дона. Поговариваютъ о постройкѣ еще третьей—отъ Царицына до Тихорѣцкой станціи Владикавказской желѣзной дороги и о прорытіи Волго-Донского канала.

Пріѣхавъ въ Царицынъ, стоитъ побывать въ такъ называемомъ *Нобелевскомъ керосиновомъ городкѣ*. Онъ находится въ 2-хъ верстахъ отъ пароходныхъ пристаней и отдѣляется отъ города оврагомъ, на которомъ лѣпятся разныя лачуги: эта мѣстность называется *Балканомъ*. Самъ заводъ стоитъ на берегу Волги, между двумя глубокими оврагами. Еще съ парохода виднѣется группа огромныхъ цилиндрическихъ баковъ или *цистернъ*, имѣющихъ видъ калмыцкихъ кибитокъ и вмѣщающихъ десятки тысячъ пудовъ керосина, предназначеннаго къ отправкѣ внутрь Россіи по Грязе-Царицынской желѣзной дорогѣ. Подвозится керосинъ изъ Баку въ особыхъ желѣзныхъ шкунахъ, нарочно для этого заказанныхъ въ Швеціи, на родинѣ Нобеля.

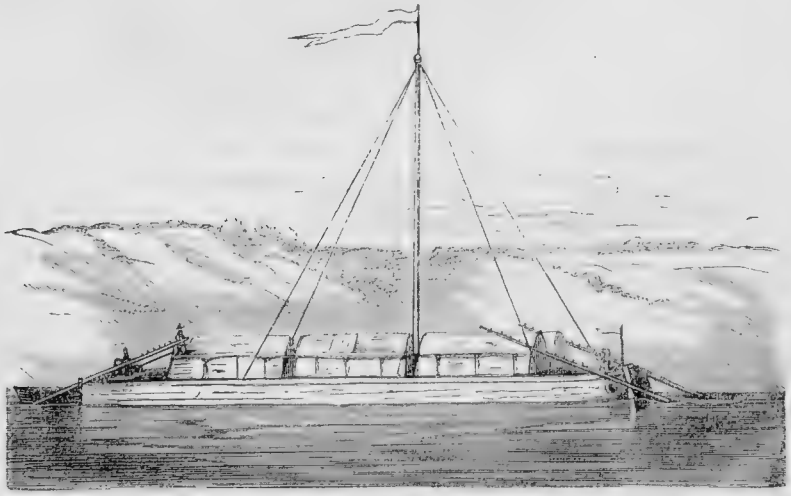
Устройство этихъ такъ называемыхъ *наливныхъ шкунъ* крайне интересно: въ желѣзный корпусъ судна вставлено 12 ящиковъ, которые и наливаются керосиномъ. Ящики расположены такъ, что по бортамъ судна и на днѣ его остаются свободныя пространства; въ случаѣ поврежденія, во время плаванія, дна или бортовъ судна, рабочіе тотчасъ-же задѣлываютъ пробоину и выкачиваютъ воду, а керосинъ въ ящикахъ остается невредимымъ.

Подойдя къ Царицыну, шкуны, налитыя керосиномъ, останавливаются въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Между шкуной и берегомъ ставится маленькое круглое паровое судно, называемое *Поповкой*, и прокладывается труба, идущая изъ шкуны черезъ Поповку наверхъ, гдѣ она отдѣляетъ вѣтвь къ каждой цистернѣ особо; керосинъ поднимается по трубѣ и наполняетъ ту или другую ци-

стерну. Изъ цистернъ керосинъ переливается, по трубѣ, въ стоящіе тутъ-же, у берега, *нефтяные вагоны*. Нефтяной вагонъ—это не что иное, какъ желѣзная бочка, поставленная на желѣзнодорожную платформу и вмѣщающая въ себѣ до 750 пуд. керосина.

Благодаря всѣмъ этимъ приспособленіямъ, въ связи съ другими, устроенными на мѣстѣ добыванія керосина, производство его расширяется до громадныхъ размѣровъ, а самъ онъ до того удешевился. что вытѣснилъ изъ домашняго обихода даже сальныя свѣчи и лучины, и нѣтъ теперь той крестьянской избушки, гдѣ-бы не горѣла керосиновая лампочка.

Въ городкѣ Нобеля несравненно болѣе порядка и благоустройства, чѣмъ въ самомъ Царицынѣ; по отлогостямъ овраговъ устроены вымощенные камнемъ спуски; вокругъ конторъ и жилыхъ домовъ разведены садики; всюду видны слѣды энергичной, разумной дѣятельности.



XXI.

Сарепта.—Ахтуба.—Владиміровка.—Баскунчакское озеро и соляной промыселъ[1]).—Гора Богдо.—Миражи въ пустынѣ.—Соляная гора Чипчачъ.—Эльтонское озеро.

За Царицыномъ Волга вступаетъ въ нижнюю часть своего теченія и словно преображается. Куда дѣвались ея зеленые берега съ ихъ живописными горами, веселыми рощами, богатыми селами,—всѣ эти полныя жизни и красокъ картины, ласкавшія взоръ? Гладко, пустынно вокругъ. Широкая, блестящая, точно изъ расплавленнаго серебра, рѣка спокойно катитъ свои воды среди необозримыхъ песчаныхъ равнинъ. Ни малѣйшей зыби незамѣтно на ней; въ воздухѣ полное затишье, жара и духота нестерпимыя...

Пароходъ нашъ подошелъ къ пристани у высокаго, глинистаго обрыва. Это была извѣстная гернгутерская колонія *Сарепта*. Публика поспѣшила запастись пресловутою сарептскою горчицею, пряниками, сарпинками и сарептскимъ бальзамомъ, продаваемыми на пристани; я-же рѣшила сойти съ парохода, чтобъ отправиться въ самую колонію. Въ Сарептѣ я провела какъ-то разъ, въ дѣтствѣ, цѣлое лѣто на дачѣ, и мнѣ не хотѣлось упустить случая посмотрѣть на мѣста, съ которыми было связано много воспоминаній.

Отъ пристани до самой колоніи около 7 верстъ, которыя проѣзжаешь на линейкѣ по душной, пыльной степи. Сарепта является какимъ-то оазисомъ среди этой степи. Ея бѣлые домики тонутъ въ зелени тополей, фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ; поля цвѣтущей горчицы ярко-желтыми коврами одѣваютъ окружающіе ее холмы и косогоры; ярко-красныя фабричныя трубы, поднимающіяся надъ колоніею, виднѣются еще издали. Прямыя, какъ стрѣлы, улицы обсажены тѣнистыми кленами и тополями, съ маленькими водокачками по обѣимъ сторонамъ. Всѣ

[1]) Свѣдѣнія о соляномъ и рыбномъ промыслахъ, а также о жителяхъ низовьевъ Волги—*казакахъ*, *татарахъ* и *киргизахъ*, заимствованы, главнымъ образомъ, изъ «Спутника по Волгѣ» Монастырскаго.

онѣ сходятся у главной площади колоніи, тоже обсаженной деревьями, съ фонтаномъ посреди. Площадь эту окружаютъ разныя общественныя зданія: школы, дома призрѣнія вдовъ и сиротъ и церковь. Въ церковь собирается каждое воскресенье все населеніе Сарепты, отъ мала до велика; въ ней-же происходятъ и такъ называемыя *хоровыя празднества* (Chorfeste).

Сарептяне принадлежатъ къ особой протестантской религіозной сектѣ *гернгутеровъ* или *моравскихъ братьевъ*, отличающейся набожностью, строгими нравами и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Они дѣлятся на нѣсколько корпорацій, называемыхъ *хорами*: хоръ дѣтей, юношей, молодыхъ людей, стариковъ, престарѣлыхъ дѣвицъ и холостяковъ. Каждый изъ этихъ хоровъ имѣетъ свой особый праздникъ, оканчивающійся общею трапезою, напоминающею древне-христіанскія трапезы любви, во время которой всѣмъ присутствующимъ въ церкви подаютъ кофе и маленькіе хлѣбцы.

Розыскала я и нашихъ прежнихъ хозяевъ, у которыхъ мы нанимали квартиру. Въ теченіе столькихъ лѣтъ въ семействѣ ихъ, конечно, не обошлось безъ перемѣнъ: мать умерла, старшія дѣти повыростали и обзавелись собственнымъ хозяйствомъ. Но строй жизни остался неизмѣнно тѣмъ-же, какъ и прежде. Трудовой день семьи начинался рано, въ 5 часовъ утра. Послѣ утренняго кофе мужчины уѣзжали въ поле; одинъ изъ сыновей, башмачникъ, уходилъ въ мастерскую; женщины принимались за домашнія работы. Въ 12 часовъ вся семья собиралась къ обѣду, по окончаніи котораго наступалъ часъ послѣобѣденнаго отдыха. Въ 4 часа пили кофе, затѣмъ снова возвращались къ работамъ, въ 8 часовъ ужинали, а въ 10 часу всѣ обитатели домика покоились уже глубокимъ сномъ.

Такое распредѣленіе времени принято не только въ знакомой мнѣ семьѣ, но и во всей Сарептѣ вообще. Выйдите въ 6 часу утра на улицу, и вы, навѣрное, увидите у воротъ почти каждаго дома заложенную телѣгу и хозяевъ, готовящихся отправиться въ поле; въ 4 часа пополудни всѣ сарептскія хозяйки бѣгаютъ съ кофейниками,

а въ 10 часовъ вечера колонія замираетъ, и по улицамъ расхаживаетъ одинъ только ночной сторожъ, мѣрно выкрикивающій часы.

Такъ идетъ жизнь сарептянъ изо-дня въ день, какъ заведенные часы. Однообразною, даже скучною можетъ она показаться со стороны; но слѣдствіемъ ея является то, что каждый житель Сарепты имѣетъ обезпеченный кусокъ хлѣба. Нѣтъ въ Сарептѣ праздныхъ, нѣтъ въ ней и голодающихъ бѣдняковъ. Приходится только удивляться всему тому, что умѣютъ извлекать неутомимые гернгутеры изъ выжженнаго солнцемъ, повидимому, безплоднаго куска земли, доставшагося имъ лѣтъ 100 тому назадъ, во время переселенія ихъ изъ Богеміи въ Россію, въ царствованіе Екатерины II. Колонію свою они назвали Сарептою въ память странствованія пророка Иліи чрезъ пустыню къ городу Сарпату или Сарептѣ, и словъ, сказанныхъ имъ вдовѣ-сарептянкѣ, что *мука въ ея водоносѣ не оскудѣетъ, а елей не умалится*. Совпаденіе названій степной рѣчки *Сарпы*, послѣдняго притока Волги, съ библейскою Сарептою было принято набожными гернгутерами за указаніе Божіе; они остановились здѣсь и основали новую Сарепту.

Заботясь о заселеніи нашихъ юго-восточныхъ окраинъ, императрица Екатерина II рѣшила привлечь туда переселенцевъ изъ-за границы и предоставила имъ всевозможныя льготы, надѣясь, что они дадутъ русскимъ землевладѣльцамъ образецъ хорошаго веденія сельскаго хозяйства и помогутъ имъ, такимъ образомъ, извлекать пользу изъ природныхъ богатствъ нашей страны. Первая цѣль мудрой государыни достигнута не вполнѣ, такъ какъ колонисты мало сообщаются съ русскими; но что касается до второй, то нѣмецкіе колонисты, въ особенности-же гернгутеры, сдѣлали въ этомъ отношеніи положительныя чудеса. Чего только не производитъ ихъ колонія, какихъ въ ней нѣтъ ремеслъ и занятій! Замѣчательно обработанныя поля, прекрасные сады и огороды, отличный домашній скотъ, мастерскія столяровъ, обойщиковъ, часовщиковъ, булочныя, извѣстныя своими пряниками, хлопчатобумажное производство, горчичныя фабрики и т. д. Однимъ словомъ, безъ преувеличенія можно сказать, что, не вы-

ходя изъ предѣловъ Сарепты, можно имѣть не только все, необходимое для жизни, но и многіе предметы роскоши.

Помню я какъ-то разъ, въ то лѣто, которое мы провели въ Сарептѣ, гуляли мы, дѣти, по колоніи, и зазвалъ насъ къ себѣ добродушный старичекъ-нѣмецъ, сидѣвшій съ трубочкой во рту у воротъ своего чистенькаго домика. Зашли мы къ нему—и какъ въ волшебное царство попали; чего только не было въ уютныхъ горенкахъ, какихъ звѣрей и птицъ! И красивыя, бирюзовыя сивороики, цѣлою стаею сидѣвшія на кустѣ, и длинноносая птица-баба, и водящіяся въ тѣхъ мѣстахъ небольшія черепахи, а надъ всѣмъ этимъ зоологическимъ міркомъ парилъ громадный орелъ въ погонѣ за какою-то мелкою пташкою, оба искусно подвѣшенные на проволокахъ къ потолку. Оказалось, что мы попали къ чучельнику, не только знатоку своего дѣла, но и настоящему художнику: такъ искусно умѣлъ онъ придать своимъ набитымъ звѣрямъ и птицамъ ихъ натуральное положеніе.

Гернгутеры не только хорошіе земледѣльцы, садоводы и ремесленники, они и любители музыки. Въ рѣдкомъ домѣ вы не встрѣтите хотя-бы плохенькаго піанино, и тѣ самыя колонистки, которыя весь день проводятъ на кухнѣ и въ огородѣ, по вечерамъ разыгрываютъ Тальберга, а иногда и Бетховена.

Итакъ, въ Сарептѣ, какъ видите, живется недурно, но врядъ-ли могъ-бы тамъ ужиться человѣкъ, не родившійся въ ней, не привыкшій съ малолѣтства къ строю ея правильной, слишкомъ уже однообразной жизни, гдѣ все подведено подъ одну и ту-же, заранѣе выработанную форму. Совѣтъ церковной общины, стоящій во главѣ администраціи колоніи, уничтожаетъ самостоятельность каждой личности. Безъ его согласія нельзя предпринять ничего: вступленіе въ бракъ, воспитаніе дѣтей—все находится въ полной отъ него зависимости. Совѣтъ этотъ—правитель, снабженный властью неограниченною и притомъ часто весьма деспотическою; давленіе его тяжело ложится подчасъ даже на самыхъ мирныхъ членовъ гернгутерской колоніи.

Нѣсколько выше Царицына Волга начинаетъ уже вѣт-

виться на рукава, образующіе ея дельту. Главный изъ нихъ—*Ахтуба*, на берегахъ которой находилась нѣкогда ставка Золотой Орды. Что за шумная, пестрая жизнь кипѣла когда-то въ этихъ мѣстахъ! Здѣсь раскидывались ханскія ставки со всею ихъ восточною роскошью; сюда стекались со всѣхъ сторонъ монголы, привозя съ собою богатую добычу, пригоняя сотни несчастныхъ плѣнниковъ; сюда-же пріѣзжали на поклонъ и наши русскіе князья. Сколько кровавыхъ сценъ разыгралось тутъ, сколько было пролито слезъ! Теперь отъ всего этого на берегахъ Ахтубы не осталось и слѣда. Жгучее солнце, безжизненная песчаная равнина, тишь да гладь—вотъ все, что представляется тутъ глазу.

Однообразное, плоское, пустынное, песчаное пространство составляетъ преобладающій характеръ всего нижняго теченія Волги. Одинокая плетеная избушка бѣдняка-рыболова, и та лишь изрѣдка оживляетъ низкій, песчаный берегъ. Встрѣчаются, впрочемъ, и тутъ большія селенія, какъ, напримѣръ, населенная малороссами *Владиміровка*, громадная слобода, соединенная желѣзнодорожною вѣтвью съ *Баскунчакскимъ* соленымъ озеромъ.

Баскунчакская желѣзная дорога—самая коротенькая изъ всѣхъ нашихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; со всѣми побочными и разъѣздными путями она имѣетъ всего только 72 версты. Построена она была правительствомъ отчасти для того, чтобъ удешевить соль, отчасти-же съ цѣлью дать заработокъ во время постройки киргизамъ, живущимъ въ этой мѣстности и сильно пострадавшимъ въ 1879—1880 гг. отъ неурожая и падежа скота.

Дорога эта пролегаетъ по обширной, выжженной солнцемъ равнинѣ, похожей скорѣе на пустыню, чѣмъ на степь. Нѣтъ въ ней ни листика, ни деревца, ни холмика; глинистая почва растрескалась отъ жары; не видно птицъ, не слышно кузнечиковъ, этихъ непремѣнныхъ обитателей степей; развѣ только тарантулъ пробѣжитъ и скроется въ ближайшей трещинѣ. Но вотъ вы видите передъ собою въ сторонѣ, верстахъ въ 3-хъ—4-хъ не болѣе, рѣку, а по берегамъ ея тѣнистыя деревья; въ васъ является непреодолимое желаніе свернуть туда, утолить жажду, вы-

купаться... Не поддавайтесь ему: никакой рѣки, никакихъ деревьевъ тамъ нѣтъ,—это *миражъ*, носящійся въ раскаленномъ воздухѣ приволжской пустыни.

Но вотъ еще явленіе, поражающее васъ: на полпути къ озеру, среди этой гладкой, ровной степи возвышается огромная гора, словно кососсальное чудовище, голова котораго обращена къ озеру, а туловище растянулось на 2—3 версты. Это—*Богдо*, священная для калмыковъ гора, созданная, по ихъ преданіямъ, Далай-Ламою, ихъ верховнымъ божествомъ. Вотъ, что разсказываютъ про нее ихъ *гелконги* (калмыцкіе жрецы): гора Богдо стояла прежде на берегу рѣки Урала, но двое святыхъ калмыковъ задумали перенести ее на берега Волги, для чего, послѣ долгихъ постовъ и молитвъ, взвалили ее себѣ на плечи и понесли по нескончаемымъ знойнымъ степямъ. Но одинъ изъ нихъ изнемогъ подъ тяжестью ноши и упалъ. Гора придавила его и оросилась его кровью, почему одинъ ея бокъ красенъ до сихъ поръ... Богдо состоитъ, дѣйствительно, изъ твердаго песчаника и красной глины. Поверхность горы усѣяна морскими раковинами и окаменѣлостями морскихъ животныхъ; это даетъ поводъ предполагать, что вся эта мѣстность была прежде дномъ морскимъ. Находятъ на ней старинныя монеты, нѣкоторыя изъ которыхъ относятся къ XV вѣку. Нынѣшніе калмыки также приносятъ сюда деньги и разныя вещи, приходя на поклоненіе къ своей священной горѣ.

Наконецъ, вы подъѣзжаете къ самому Баскунчакскому озеру. Передъ вами открывается чудная картина, для которой стоило подвергнуться скучному и томительному переѣзду. Вы видите передъ собою среди знойной, безжизненной степи прелестный зимній ландшафтъ: огромное озеро (17 верстъ въ длину и 9 верстъ въ ширину) какъ будто покрыто льдомъ, а берега его живописными грудами ослѣпительно бѣлаго снѣга, прелестно оттѣняемыми безоблачно-голубымъ небомъ. Это—соль, добытая со дна озера и сложенная въ бѣлыя пирамиды или просто поднявшаяся изъ озера и образовавшая на его берегахъ безчисленные бугры самой разнообразной формы. Дно озера покрыто толстымъ, сплошнымъ слоемъ соли, надъ кото-

рымъ пропитанная разсоломъ вода или такъ называемая *рапа* поднимается не болѣе, какъ на $^1/_4$ аршина. Рабочіе, занимающіеся добываніемъ соли, ходятъ прямо по водѣ, но съ нѣкоторыми предосторожностями, а именно, держа другъ друга за руки, такъ какъ въ твердыхъ и толстыхъ слояхъ соли попадаются глубокіе провалы.

Добываніе соли производится очень просто: рабочіе, при помощи кирки и лома, а иногда и динамита, отламываютъ соляныя глыбы, раздробляютъ ихъ молотами и перебрасываютъ лопатами въ разсолъ, гдѣ соль освобождается отъ песку и грязи; затѣмъ соль выбрасываютъ изъ разсола на берегъ и укладываютъ въ пирамиды. Послѣ этого она или нагружается въ вагоны, или пересыпается въ холщевые мѣшки для отправки на чумацкихъ воловьихъ подводахъ.

Кромѣ огромнаго Баскунчакскаго озера, въ той мѣстности много и другихъ, болѣе мелкихъ соляныхъ озеръ. Такъ, въ 80 верстахъ отъ Баскунчака возвышается соляная гора *Чипчачъ*, представляющая собою группу холмовъ, изъ которыхъ самый высокій не превышаетъ 10 саженъ. Всѣ эти холмы состоятъ изъ чистой и твердой поваренной соли, добываемой посредствомъ *шахтъ* (подземныхъ галлерей).

Въ 95 верстахъ къ сѣверу отъ пристани Владиміровки находится *Элтонское* соляное озеро, считавшееся до 70-хъ годовъ главнѣйшимъ соляннымъ источникомъ. Теперь Элтонъ утратилъ свое прежнее значеніе, вслѣдствіе конкуренціи съ Баскунчакомъ, который даетъ соль не низшаго достоинства, а между тѣмъ, находится ближе къ Волгѣ.

Вообще говоря, вся обширная киргизская степь Астраханской губерніи представляетъ собою громадный солончакъ, изъ котораго добываются десятки милліоновъ пудовъ соли, идущей, главнымъ образомъ, на соленье рыбы, что имѣетъ огромное значеніе для того рыбнаго царства, какимъ являются низовья Волги.

XXII.

Рыбные промыслы въ низовьяхъ Волги. — Ватаги. — Бѣшенка и вобла. — Рыба красная и частиковая. — Какъ ловится красная рыба на Волгѣ?

РЫБНЫЙ запахъ преслѣдуетъ насъ на протяженіи всѣхъ низовьевъ Волги. Имъ, кажется, насквозь пропитаны не только всѣ попадающіяся по пути казачьи станицы, но и маленькіе, захолустные уѣздные города Астраханской губерніи, *Черный-Яръ* и *Енотаевскъ*.

О рыбныхъ промыслахъ или такъ называемыхъ *ватагахъ* и говорить нечего: ихъ присутствіе становится ощутительнымъ за нѣсколько верстъ по острому запаху соленой рыбы, который отъ нихъ разносится.

Непремѣнную принадлежность каждой ватаги составляютъ: 1) десятка 2—3 *рыбницъ* (лодокъ), 2) *выходъ* (ледникъ для посола рыбы) и 3) *плотъ* (сходни отъ берега къ выходу саж. 20—30 длины). Между берегомъ и выходомъ находятся лабазы съ врытыми въ землю чанами для теплаго посола мелкой рыбы, соляные и матеріальные амбары, кладовыя, казармы для рабочихъ и дома для служащихъ.

Интересно побывать на низовьяхъ Волги раннею весною. Еще съ февраля на пристаняхъ и ватагахъ народъ копошится, готовясь къ усиленной работѣ: одни отправляютъ суда и лодки, конопатятъ, смолятъ ихъ; другіе чинятъ паруса и рыболовныя сѣти; третьи чистятъ и приводятъ въ порядокъ ватаги. Арендаторы и владѣльцы промысловъ нанимаютъ рабочихъ, которые тысячами стекаются сюда изъ калмыцкихъ степей и изъ верховыхъ губерній.

Въ мартѣ вскрываются рѣки. На ватагахъ и въ станицахъ суета невообразимая; ждутъ *бѣшенки* и *воблы*.

Воблою называется наша *плотва*. Здѣсь вылавливаютъ ее сотнями милліоновъ штукъ. Это—вкусная, хотя и костлявая рыба. Употребляется она во всѣхъ видахъ: жареною, копченою, сушеною и соленою.

Бѣшенкою называется каспійская и черноморская сельдь. Въ продажѣ она извѣстна подъ названіемъ «про-

стой селедки», играющей такую роль въ пищѣ нашего простонародья. Названіе бѣшенки она получила отъ того, что идетъ въ Волгу не такъ, какъ прочая рыба, а *косяками*, т. е. сплошными массами, и притомъ рѣзвится: попадаетъ на весла гребцамъ, часто выпрыгиваетъ изъ воды на берегъ, гдѣ и дѣлается добычей собакъ; а птицы—рыболовы-сѣрыки, чайки-мартышки, бакланы и скопы вытаскиваютъ ее прямо изъ воды. Бакланы ловятъ бѣшенку цѣлыми массами: они отхватываютъ рыбу отъ косяка и гонятъ къ берегу, хлопая крыльями, что есть силы, а, выгнавъ на берегъ—глотаютъ цѣликомъ.

Чтобы понять всю важность бѣшенки для астраханскаго края, нужно побывать здѣсь весной, когда она милліонными массами идетъ изъ моря. Тогда вездѣ только и разговоръ, что о бѣшенкѣ. Ходъ ея составляетъ выдающееся событіе дня. Оно и понятно: отъ болѣе и менѣе удачнаго ея улова зависитъ все благосостояніе жителей. Рыбные промыслы являются ихъ главнымъ занятіемъ, главнымъ заработкомъ; песчаная почва дѣлаетъ мѣстами почти немыслимымъ земледѣліе.

Кромѣ бѣшенки и воблы, въ низовьяхъ Волги ловится также *красная рыба* (бѣлуга, севрюга, осетръ) и *частиковая* (лосось, бѣлорыбица, стерлядь, сомъ, сазанъ, лещъ, судакъ, шамая). Частиковою называется рыба, имѣющая чешую и костяной скелетъ. Названіе «*частиковая*» происходитъ отъ слова «*частый*», относящагося къ орудіямъ лова.

Посмотримъ, какъ ловится на Волгѣ красная рыба[1]).

Со вскрытіемъ рѣкъ, когда Волга бываетъ въ полномъ своемъ разливѣ, красная рыба идетъ съ моря въ Волгу погулять и покормиться ея прѣсною водою. Мѣстные рыбаки начинаютъ приготовляться къ настоящему лову красной рыбы и ждутъ не дождутся, пока вода не пойдетъ на убыль.

Въ это время обыкновенно приходитъ Троицынъ день—ловецкій праздникъ,—и хозяинъ-рыбакъ, купивъ ведро водки, празднуетъ со своею артелью рабочихъ будущій

[1]) Составлено по статьѣ: «*Рыбная ловля въ моряхъ и на рѣкахъ*».—Народныя бесѣды. Изданіе Д. В. Григоровича.

успѣхъ ловли. Погулявъ порядкомъ на берегу, молодцы садятся въ разукрашенныя флагами лодки и катаются, съ пѣснями и хороводами, по широкой и раздольной поверхности матушки-Волги.

Въ этотъ-же день въ иныхъ мѣстахъ хозяева-рыбаки продаютъ пріѣзжающимъ купцамъ рыбу и икру будущаго своего лова.

Мало-по-малу вода начинаетъ сбывать. Какъ только представится первая возможность ловли и станутъ обнажаться песчаныя мѣста, рыбаки поселяются на удобныхъ мѣстахъ для ловли красной рыбы. Мѣсто ихъ поселенія называется «станомъ».

Для лова красной рыбы необходимо ровное дно, а потому всѣ станы располагаются на луговомъ, лѣвомъ берегу Волги, какъ на болѣе песчаномъ.

Взглянувши на станъ, никто-бы не подумалъ, чтобы послѣ тяжкой своей работы рыболовъ могъ укрываться отъ всякой непогоды, стужи и зноя въ такихъ маленькихъ шалашахъ изъ ивняка и камыша! Нѣсколько такихъ шалашей, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ песчанаго берега, лодки, вытащенныя до половины изъ воды, развѣшанныя сѣти, снасти, береста, одинъ или два огонька, расположенные подъ котелками, въ которыхъ варится каша или уха, два-три рыбака, починивающіе сѣти,—вотъ вамъ и живая картина стана! Съ убылью воды, въ этихъ станахъ появляется несмѣтное количество мошекъ, кусающихъ немилосердно лицо, руки; но и къ нимъ рыболовъ скоро привыкаетъ и, когда они слишкомъ уже къ нему пристанутъ, онъ скажетъ только: «экъ ея, поганой, сколько стало!»—да и перевернется на другой бокъ. На ночь, для защиты себя отъ несносной мошкары, рыбакъ дѣлаетъ родъ кибитки изъ холста, куда, ложась спать, влѣзаетъ на четверенькахъ.

Для ловли красной рыбы обыкновенно употребляютъ сѣти или самоплавы. Ловъ этими сѣтями называется «плавня». Самоплавы состоятъ изъ двухъ сѣтей, помѣщенныхъ одна за другою: *крупной—ряшь*, спереди, и *мелкой—частикъ*, сзади. Петля первой сѣти вдвое крупнѣе

второй. При вязаніи сѣти употребляются только два инструмента: деревяная игла съ намотанною нитью и дощечка, на которую сажаютъ петлю. Связанная сѣть собирается на двѣ веревки, такъ называемыя *посадныя*. На верхнюю посадную надѣваютъ поплавки изъ осокоровой коры, называемые *балберками*, а на нижнюю посадную въ разныхъ мѣстахъ—тяжесть изъ свинца, а на самые углы—по тяжелому камню. Отъ верхнихъ концовъ идутъ концы веревокъ; къ одной изъ нихъ привязывается, въ видѣ поплавка боченокъ, а другой конецъ, остается для притягиванія сѣти къ лодкѣ. Противъ сырости вся сѣть вываривается въ дубовой корѣ.

Пока не пришла еще настоящая пора лова красной рыбы сѣтями, рыбаки ловятъ *снастями*. Снасти бываютъ двухъ родовъ: *крупныя* или *пучковыя* для лова красной рыбы и *частыя* или *шашковыя* для лова стерлядей и другой рыбы. Крупная снасть состоитъ изъ длинной, толстой веревки *хребтины*, къ которой привязаны тоненькія веревки съ прикрѣпленными на ихъ концахъ длинными, острыми крючками. Къ концу хребтины привязываютъ четырехлапные якорки или *кошки*, которыя держатъ снасть на одномъ мѣстѣ; а чтобы, при бросаніи снасти, хребтина не ложилась на дно, то привязываютъ по нѣсколько балберковъ. Рядъ такихъ балберковъ называется пучкомъ, а потому и самая снасть называется пучковою.

Шашковая снасть отъ пучковой различается тѣмъ, что къ каждому крючку привязываютъ сверху поплавокъ, называемый шашкой.

Снастью обыкновенно ловятъ въ тихихъ и не очень глубокихъ водахъ. Она ставится поперекъ теченія Волги. Крючки ставятся спиной противъ теченія. Спокойно идущая между ними рыба чуть сдѣлаетъ неосторожное движеніе, чуть дотронется до котораго нибудь изъ крючковъ, какъ тотъ впивается въ нее своимъ остріемъ. Рыба начинаетъ биться, махать хвостомъ, а новое жало другого крючка, глядишь, и подхватитъ ее, и тогда, послѣ всѣхъ усилій, она дѣлается добычей счастливаго рыбака.

Снасть—вещь, запрещенная закономъ для ловли красной рыбы; говорятъ, что рыба, пойманная на крючекъ

снасти и потомъ сорвавшаяся, получаетъ рану, которая, разболѣвшись, заражаетъ здоровую рыбу.

На ловлю сѣтями ловцы отправляются поочередно. Для гребли обыкновенно берется мальчикъ—сынъ или племянникъ хозяина или другого ловца.

— Дементьевъ, твой, что-ли, чередъ?—кричитъ приказчикъ, наблюдающій за ловомъ въ станѣ.

Приказчика сейчасъ можно различить отъ прочихъ ловцовъ: онъ въ цвѣтной нарядной рубашкѣ и плисовомъ картузѣ.

— Мой,—отвѣчаетъ Дементьевъ.

— Такъ чего зѣваешь? Петруха-то ужъ поднимается. Плыви!

Въ воздухѣ жарко и тихо. Песокъ накалился до того, что непривычная разутая нога не выдержитъ его жары. Призывъ къ работѣ поднялъ разнѣженнаго и пригрѣтаго на пескѣ солнышкомъ Дементьева.

Оттолкнувъ лодку отъ берега и отплывши на нѣсколько саженъ, рыбакъ начинаетъ бросать сѣть въ воду: вотъ булькнулъ камень, шлепнулся боченокъ и закачался въ водѣ. Мальчикъ все гребетъ дальше. Вотъ, наконецъ, ушла въ воду и вся сѣть; булькнулъ за ней второй камень. Ловецъ привязываетъ конецъ веревки отъ сѣти къ лодкѣ, мальчикъ перестаетъ грести, и лодка съ сѣтью плыветъ плавно по теченію. Ловецъ-же, развалившійся на палубѣ, посматриваетъ на боченокъ. Вотъ приплыли до примѣты, которая показываетъ конецъ плава. Ловецъ поднимается на ноги, надѣваетъ кожаный фартукъ, отвязываетъ веревку, привязанную отъ сѣти къ лодкѣ, и, ставъ на палубу, начинаетъ вытаскивать сѣть. Вода льется струями по его фартуку и голымъ ногамъ. Сначала дѣло идетъ скоро, но вотъ вдругъ что-то стало... Рыбакъ сталъ выбирать сѣть осторожно. Онъ съ любопытствомъ ожидаетъ, что вытащится. Вдругъ ловецъ быстро соскакиваетъ на дно лодки и перекидывается грудью черезъ край. Это значитъ, что въ сѣти есть рыба. Его привычный глазъ увидалъ ее въ глубинѣ воды.

— Осетришка маленькій!—проговорилъ ловецъ.

Осетръ было проскочилъ сквозь первую сѣть, но завязъ

во второй; хватился назадъ, да нельзя: голова назадъ не проходитъ; вильнулъ хвостомъ и вовсе запутался въ передней сѣти.

— Малъ, да востеръ! Вишь ты, какъ закатался!—проговорилъ ловецъ, вынимая рыбу изъ сѣтей.—Табань, табань [1]), Ванюша, греби назадъ,—сказалъ онъ мальчику.

Поймавъ осетра или другую крупную рыбу, онъ сейчасъ-же *закуканиваетъ* ее, другими словами—продѣваетъ бичевку черезъ ротъ и жабры и пускаетъ ее въ воду, привязавъ къ лодкѣ; затѣмъ снова принимается вытаскивать сѣть, а затѣмъ возвращается въ свой станъ довольный, помогая грести мальчику и распѣвая веселую пѣсню.

Любо было-бы жить на свѣтѣ рыбаку, если бы всегда стояла хорошая погода, да выходилъ-бы счастливый ловъ: да то лихо, что часто бываетъ совсѣмъ другое.

Вотъ солнце садится въ широкую Волгу; потянулъ и зашумѣлъ низовой вѣтеръ, заморосплъ мелкій, но частый дождикъ. Зашумѣло на Волгѣ, заплескала волна на берегъ, закачало лодки, стоявшія у берега. Вдали показались паруса рыбаковъ, возвращающихся къ своему стану.

— Ну-ка, Петровъ, твой чередъ!—говоритъ опять приказчикъ. — Еще успѣешь, пока небольно рѣку развело. Сплывешь еще лишній разокъ. А то, пожалуй, всю ночь такъ раздуетъ, что ни разу не придется половить рыбки!

— Отчего теперь не плыть!—спокойно отвѣчаетъ ловецъ, идя со своимъ маленькимъ гребцомъ въ лодку такъже покойно, какъ иной идетъ на печь.

Опять оттолкнулись они отъ берега и поплыли на середину, выбрасывая сѣть; но теперь уже не слышно, какъ булькнулъ въ воду камень, какъ шлепнулся боченокъ. Волна шлепаетъ лодку, качаетъ ее, и нужно много удали и привычки, чтобы крѣпко стоять въ лодкѣ на ногахъ и работать въ такую качку. Мальчикъ при веслахъ долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы плыть дальше. Но сѣть, по-прежнему, брошена и привязана къ лодкѣ. Ловецъ не

---

[1]) *Табанить*—грести въ обратную сторону такъ, чтобъ лодка шла не носомъ, а кормою.

ложится уже на палубу, а сидитъ на кормѣ, да только поеживается отъ дождя, который сдѣлался проливнымъ.

— Нѣтъ, Ванюша,—говоритъ онъ, наконецъ,—видно подниматься надо до грѣха. Какая теперь ловля...

И вотъ начинаетъ онъ вытаскивать сѣть. Лодку такъ качаетъ, что даже привычныя ноги ловца скользятъ, и онъ нѣсколько разъ падаетъ на скользкую палубу, пока не вытащитъ сѣти. Вдругъ волна хлестнула черезъ бортъ и залила лодку до половины.

— Держи, держи, Ванюша, что ты, пострѣлъ!—кричитъ ловецъ. — Зачѣмъ повернулъ? Совсѣмъ зальетъ! Держи!

— И радъ-бы держать, тятька, да моченьки нѣтъ...

— Ахъ ты, пострѣлъ!.. а!.. Держи, дурашка! держи родненькій!.. Ну, недолго! ничего! всего сажень пятокъ дотянуть и вытащимъ боченокъ! Держи, дружокъ! Ну, ладно, совсѣмъ! Давай весла! Полѣзай въ корму... Ну, ничего!—говоритъ ловецъ, ободряя мальчика, который началъ было хныкать.

Но пока онъ беретъ весла изъ рукъ сына, новый ударъ волны поставилъ лодку поперекъ, и ее начало опять заливать.

— Отливай проворнѣе, отливай! — кричитъ ловецъ, стараясь грести со всѣхъ силъ къ берегу.

— Да чѣмъ отливать-то?—ковша нѣтъ.

— Говорилъ, пострѣлъ, завсегда бери ковшъ... Ну, хоть шапкой своей, что-ли, отливай... Эка, захватила окаянная, прости Господи!

Только присутствіе духа, смѣлость и опытность спасаютъ ловца отъ гибели. Онъ пристаетъ къ берегу, быстро выскакиваетъ и крѣпко держитъ лодку, чтобы не отшибло волною отъ берега; тогда мальчишка ставитъ въ лодку мачту, къ мачтѣ привязываетъ веревку и бросаетъ рыбаку конецъ. Потомъ и мальчикъ выскакиваетъ на берегъ. Оба они, измученные и мокрые, тащатъ лодку бичевою до своего стана. Не высохши, не обогрѣвшись, завертываются они въ тулупъ и засыпаютъ крѣпкимъ сномъ, забывъ о минувшей опасности. На другой день теплое, свѣтлое солнышко высушитъ и согрѣетъ ихъ. Никто, какъ Богъ:

Онъ вымочитъ, Онъ и высушитъ!—говоритъ русскій человѣкъ.

Каждый день, кромѣ праздниковъ, продолжается ловъ. Пойманную рыбу тотчасъ-же сажаютъ въ садки, а въ иныхъ мѣстахъ сначала въ «*заструги*» или «*колдыбани*», гдѣ рыбѣ даютъ нѣсколько дней поотдохнуть, а потомъ пересаживаютъ въ садки. Колдыбанями называются ямы, вырытыя въ береговыхъ пескахъ, въ которыхъ послѣ весенняго разлива остается вода, а также и заливинки въ пескахъ, которые загораживаютъ, чтобы запереть выходъ въ Волгу. Заструги или колдыбани годятся только большія и глубокія, чтобы вода въ нихъ не скоро нагрѣвалась и рыбѣ было-бы не душно отъ теплоты и можно было-бы гулять. Садки бываютъ двухъ родовъ: или, просто, маленькія озера, или нарочно вырытые пруды на проточныхъ водахъ или ключахъ; бываютъ также и деревянные огромные срубы, опущенные въ самую Волгу. Въ садкахъ рыба сидитъ до первыхъ зимнихъ морозовъ, когда она вынимается изъ нихъ, морозится и отправляется въ Москву.

Ловцы сами должны заботиться о своемъ пропитаніи, употребляя на это свое досужее время, котораго очень мало. Они ставятъ для этого разныя снасти для стерляди, судака и другихъ мелкихъ рыбъ, которыя идутъ имъ на ежедневную пищу. Попадется что нибудь, онъ счастливъ и поѣстъ сладко, а неудача—довольствуется хлѣбомъ съ жиденькою ушицею. Ловцы, вообще, славятся искусствомъ варить уху. Надъ разложеннымъ огонькомъ ставится деревянный треножникъ, къ которому на двухъ крючкахъ подвѣшиваются котелки. Въ одномъ варится уха, въ другомъ засыпано просо и налита вода. По мѣрѣ того, какъ изъ стерляди, положенной для ухи, выкипаетъ жиръ, его снимаютъ и кладутъ въ кашу, заботясь также, чтобъ и уха была жирна. Потомъ вынимаютъ нѣсколько жирныхъ частей уварившейся стерляди, растираютъ ложками, смѣшиваютъ съ кожею и даютъ ей поджариться на огнѣ докрасна. Это любимое рыбаками кушанье называется *кавардакомъ*. Когда сварилась уха, рыбаки сливаютъ жижицу въ особенную чашку, крошатъ въ нее хлѣбъ и даютъ ей

черезъ это маленькую кислоту; рыбу-же ѣдятъ особо, вмѣсто говядины. Ловцы, по общему обычаю русскихъ рабочихъ людей, ѣдятъ всѣ изъ одной общей чашки. Одно только шибко донимаетъ во время ѣды—это песокъ, поднимаемый вѣтромъ: летитъ онъ имъ прямо и въ уху, и въ кашу, и въ котелъ, и въ чашку, и хруститъ себѣ на зубахъ; но русскіе зубы здоровы и не то перемалываютъ, когда послѣ работы голодъ пройметъ.

XXIII.

Обитатели низовьевъ Волги: астраханскіе казаки и кочевники—татары, киргизы и калмыки.

Въ рыбныхъ промыслахъ принимаетъ участіе все населеніе низовьевъ Волги: и астраханскіе казаки, и татары, и киргизы, и калмыки,—весь этотъ пестрый, разноплеменный людъ, толпящійся на пристаняхъ Астраханской губерніи.

Астраханское казачье войско сформировано въ прошломъ столѣтіи, въ 1730 г. Оно надѣлено большими землями и рыболовными участками. Войсковая служба его производится на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и у донскихъ, уральскихъ и пр. казаковъ. Занятія астраханскихъ казаковъ въ льготное время зависятъ отъ характера ихъ мѣстности. Между Астраханью и Енотаевскомъ, гдѣ находится больше всего казачьихъ земель, мѣстность представляетъ песчаную бугристую низменность, лишенную всякой растительности, кромѣ полыни, колючки и ковыля, тоже не вездѣ ростущихъ; тамъ главный промыселъ казаковъ—рыболовство. Отъ Енотаевска до Царицына тянется возвышенная равнина съ песчано-глинистою почвою; хотя растительность здѣсь все еще бѣдна, но хлѣбопашество и скотоводство становятся возможными и ими-то и занимаются казаки. Отъ Царицына до Саратова является черноземъ, хотя и не совсѣмъ чистый, но вполнѣ вознаграждающій трудъ земледѣльца; здѣсь исключительное занятіе казаковъ—земледѣліе.

Астраханскіе татары—прямые потомки тѣхъ монголовъ, которые кочевали въ древнія времена по нашимъ низовымъ степямъ. Въ Астраханской степи было много татарскихъ племенъ, изъ которыхъ наиболѣе многочисленнымъ являлось племя *ногаевъ*, кочевавшее влѣво отъ Волги. Въ настоящее время астраханскіе татары дѣлятся на осѣдлыхъ—*юртовскихъ* и кочующихъ—*кундровскихъ;* послѣдніе являются прямыми потомками ногаевъ и встрѣчаются больше всего въ Красноярскомъ уѣздѣ, Астраханской губерніи.

Условія жизни всѣхъ астраханскихъ кочевниковъ, какъ татаръ, такъ киргизъ и калмыковъ, приблизительно одни и тѣ-же. Они живутъ, по большей части, въ шатрахъ или кибиткахъ. Кибитки строятся обыкновенно изъ жердей, образующихъ нѣчто въ родѣ складной рѣшетки; нѣсколько такихъ раздвинутыхъ рѣшетокъ образуютъ цилиндръ, на который ставится конусообразная крышка. Съ наружной стороны шатеръ покрывается большими полотнищами войлока—*кошмами*: такое дешевое и приспособленное къ потребностямъ кочевника жилье, какъ нельзя лучше, защищаетъ его отъ жары, холода и непогоды. Кибитку можно въ десять минутъ разобрать, сложить такъ, чтобы она занимала немного мѣста, и взвалить на спину вьючнаго животнаго; съ такою-же быстротою кибитка собирается и ставится на мѣсто.

Питаются кочевники произведеніями своихъ стадъ: мясомъ и молокомъ коровьимъ, кобыльимъ и овечьимъ. Впрочемъ, мясо ѣдятъ только богатые; оно, какъ цѣнный предметъ, обыкновенно пускается въ продажу, чтобы добыть деньги на расходы по домашнему хозяйству и, между прочимъ, на покупку *кирпичнаго чая*, необходимаго питательнаго напитка всѣхъ кочевниковъ, который употребляется даже и многими русскими.

Зимніе кочевники, по большей части, «сидятъ» на одномъ мѣстѣ: кибитка разставлена и обнесена загономъ, который одновременно и защищаетъ скотъ, и предохраняетъ утлое жилье кочевника отъ зимнихъ вѣтровъ и бурановъ. Мелкій скотъ бережется около кибитки, ѣстъ заблаговременно заготовленное для него сѣно, а крупный пасется тутъ-же, вблизи, на подножномъ корму.

Весной, какъ только проглянетъ молоденькая травка, кочевники покидаютъ свои зимовки трогаются съ мѣста группами семей, близкихъ по родству или по общимъ интересамъ. Кибитки, вмѣстѣ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, навьючиваются на верблюдовъ или тамъ, гдѣ они перевелись, на воловъ и лошадей, и группы двигаются по одному и тому-же пути, по которому двигались ихъ отцы и дѣды.

Въ мѣстахъ, гдѣ имѣются колодцы и можно пасти скотъ, кочевники останавливаются; мужчины сію-же минуту принимаются за свое дѣло: подчищаютъ колодцы, достаютъ воду и распредѣляютъ скотъ на пастбища; табунамъ лошадей отводятъ одно мѣсто, барановъ ведутъ въ другую сторону, а если рогатаго скота много, то его отгоняютъ на отдѣльное пастбище. Женщины въ это время хлопочатъ по хозяйству: разбиваютъ кибитки, разставляютъ въ нихъ домашній скарбъ, готовятъ пищу, доятъ кобылицъ, коровъ и овецъ.

Когда вся трава по близости вытравится скотомъ, кочевники переходятъ на другое, удобное для стоянки мѣсто. Такъ проводятъ они дни за днями все лѣто.

Къ началу сентября они достигаютъ оконечности того пути, по которому ходятъ изъ-года въ годъ, и затѣмъ поворачиваютъ назадъ по тому-же направленію, а иногда и по какому-нибудь другому. Къ концу осени всѣ кочевники достигаютъ постоянныхъ своихъ зимовокъ, привозя съ собою запасы сѣна, заготовленнаго исподволь во время лѣтняго пути.

На обычныхъ привалахъ одной извѣстной группы другія группы никогда не останавливаются. Это противно правиламъ и обычаямъ кочевниковъ; поэтому все степныя пространства вполнѣ точно распредѣлены, какъ между *улусами*, такъ и между родами и отдѣлами родовъ каждаго улуса.

Астраханскія степи населены очень рѣдко; тѣмъ не менѣе, онѣ представляютъ огромное разнообразіе кочующихъ по нимъ племенъ, главными между которыми являются *киргизы* и *калмыки*.

Киргизы или, какъ они себя называютъ,—«казакъ», но

слухамъ, издавна, были извѣстны русскимъ. Въ концѣ XVI столѣтія русскіе встрѣчались съ киргизами въ верховьяхъ Енисея, Оби и Иртыша, откуда киргизы постепенно подвигались къ западу и, наконецъ, заняли своими кочевьями все пространство отъ Иртыша до береговъ Каспійскаго моря. Прежде они раздѣлялись на три отдѣла, извѣстные у русскихъ подъ именемъ *ордъ* — большой, средней и малой. Каждая орда управляла своимъ ханомъ. Малая орда занимала степи отъ р. Урала и Каспійскаго моря на западѣ до Аральскаго моря и Хивинскихъ владѣній на востокѣ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія малая орда приняла русское подданство, причемъ одинъ изъ ея султановъ—*Букей* отдѣлился отъ своей орды самостоятельною отраслью и откочевалъ отъ нея на привольныя волжскія степи, называемыя «*Рынъ-Песками*».

Это вновь создавшаяся орда, въ отличіе отъ прочихъ, называется «внутреннею», а иногда по имени ея основателя—«*Букеевскою*».

Отъ своихъ сосѣдей-калмыковъ киргизы Букеевской орды отличаются тѣмъ, что юрты ихъ опрятнѣе; у богатыхъ полъ и стѣны украшаются бухарскими, иногда даже персидскими коврами. Одежда киргизовъ тоже лучше и богаче: многіе носятъ шелковые халаты и высокія коническія шапки. Обыкновенный головной уборъ женщинъ—два большіе бѣлые платка: одинъ, спускаясь съ головы, покрываетъ волосы, шею и плечи, а другой навертывается поверхъ перваго, въ видѣ высокой шапки. Въ торжественныхъ случаяхъ киргизки надѣваютъ твердый колпакъ въ видѣ усѣченнаго конуса; шея и грудь у нихъ всегда увѣшаны звонкими ожерельями, стеклярусомъ, бусами, жемчугомъ и монетами. Когда знатная киргизка важно расхаживаетъ, то шествіе ея можно слышать издали: разныя привѣски, металлическія бляхи и цѣпочки звонко и дружно вторятъ мѣрной, твердой и увѣсистой ея походкѣ. Затворничества, подобнаго тому, на какое обречены татарки, киргизки не знаютъ и рѣзко отличаются отъ восточныхъ женщинъ: онѣ очень развязны, радушны, и даже не лишены удальства, проявляющагося во время перекочевокъ и на народныхъ играхъ. Надо взглянуть на дѣвушку-

киргизку, когда она, сѣвъ верхомъ на лихого коня, мчится по степи, подзадоривая бѣгуна нагайкою! Нельзя не полюбоваться, какъ мастерски управляетъ она лошадью и какъ она безстрашна, легка и ловка!

Скотоводство киргизовъ обширнѣе калмыцкаго; вообще киргизскіе *султаны*, *біи* и *старшины* богаче *нойонговъ* и *зайсанговъ*, представителей калмыцкаго высшаго сословія. Но простонародье и у киргизовъ, и у калмыковъ одинаково бѣдно.

Киргизы грубѣе нравами и воинственнѣе калмыковъ; они до сихъ поръ еще извѣстны хищничествомъ и отгономъ чужого скота. Они—магометане, но коранъ мало понимаютъ и, вообще, являются до сихъ поръ вполнѣ полудикарями.

Астраханскіе калмыки—потомки наѣзниковъ Чингисъ-хана, одни изъ древнѣйшихъ кочевниковъ нашихъ прикаспійскихъ степей, славившіеся въ прежнія времена своею дикостью и хищническими набѣгами. Для обузданія калмыковъ, на Волгѣ были устроены казачьи станицы и выстроены крѣпости въ Енотаевскѣ и Черномъ-Ярѣ. При Екатеринѣ, въ калмыцкіе улусы были назначены чиновники, до такой степени угнетавшіе народъ, что въ 1771 г. 30 тысячъ кибитокъ, подъ предводительствомъ нѣкоего *Убуши*, котораго императрица отказалась утвердить въ званіи главнаго хана, двинулись въ китайскія владѣнія, въ Джунгарію, древнюю родину калмыковъ. Съ этою страною калмыковъ связывала и религія, такъ какъ они—язычники *Ламайской* религіи. Но въ Китай не дошло и пятой части калмыковъ: несчастные потеряли весь свой скотъ и гибли въ войскахъ съ киргизами и отъ китайцевъ, враждебно встрѣтившихъ пришельцевъ въ ихъ, и безъ того чрезмѣрно населенный, край. Китайцы подвергали ихъ страшнымъ пыткамъ и казнямъ: размалывали между жерновами, пилили на части и т. п.

Нынѣшніе калмыки—бѣдный, запуганный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма симпатичный народъ. Калмыкъ—врожденный скотоводъ и образцовый пастухъ: любимый, привычный свой промыселъ онъ бросаетъ только въ крайней нуждѣ, когда весь скотъ у него палъ и завести новый

нѣтъ средствъ. Въ такомъ случаѣ, калмыкъ идетъ добывать себѣ кусокъ хлѣба на рыбныхъ и соляныхъ промыслахъ. Въ Астраханской губерніи—онъ первый работникъ, работникъ сильный, выносливый и честный. На рыбныхъ промыслахъ неохотно берутъ татаръ и русскихъ, пришедшихъ на заработки съ верховыхъ и внутреннихъ губерній, а калмыковъ хватаютъ наперерывъ. Кто, кромѣ калмыка, полѣзетъ въ воду въ мартѣ? Кто станетъ съ утра до вечера таскать невода съ десятками тысячъ воблы и сельдей? Кто, при 15—16-ти-часовой работѣ въ сутки, будетъ сытъ однимъ хлѣбомъ и считать себя счастливымъ, если получитъ чашку щей или котелокъ кирпичнаго чаю? Даже баба-калмычка въ рыболовной артели наработаетъ больше лѣниваго татарина. Въ страшную жару, когда русскій еле двигается, млѣетъ, когда все живое отыскиваетъ тѣни и прохлады, калмыкъ работаетъ бодро. «Безъ калмыка хоть дѣло брось»,—говорятъ рыбопромышленники.

Кроткій, добрый до наивности, калмыкъ превращается въ дикаго звѣря, если его сильно раздражать. Помню я одну сцену, разыгравшуюся подъ сводами астраханскаго гостинаго двора: сидѣвшее тамъ, по обыкновенію—на корточкахъ, сборище калмыковъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ почему-то между собою повздорило. Невдалекѣ стояла груда маленькихъ пестрыхъ, кованныхъ желѣзомъ нижегородскихъ сундучковъ, которые такъ охотно раскупаются азіатами. Калмыки, не долго думая, расхватали ихъ и принялись наносить ими другъ другу удары по чему попало. Кровь лилась струями съ ихъ израненныхъ головъ; въ воздухѣ стонъ стоялъ отъ ихъ неистовыхъ криковъ; пришлось, въ буквальномъ смыслѣ слова, разливать ихъ водою. Но лишь только гнѣвъ въ немъ улегся, калмыкъ превращается снова въ смирную овечку, на глазахъ которой легко навертываются добрыя слезы.

Калмыки бываютъ обыкновенно средняго роста; глаза у нихъ узкіе, съ косымъ разрѣзомъ, разрѣзы выдающіеся, волосы черные и хорошіе зубы. Тѣлосложенія они крѣпкаго и пользуются хорошимъ здоровьемъ; страдаютъ лишь накожными болѣзнями отъ своей крайней неопрятности. Разсказываютъ, будто калмычатъ послѣ рожденія зашп-

вають на первое время въ с[illegible]нью шкуру и что какъ дѣти, такъ и взрослые никогда не моются.

Обыкновенная одежда калмыка состоитъ изъ кафтана, напоминающаго русскій зипунъ, а зимой изъ обыкновеннаго нагольнаго тулупа. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ шаровары, а на головахъ—шапки въ родѣ польскихъ конфедератокъ. Шапки эти носятся на-бекрень. У богатыхъ женщинъ шапка бываетъ изъ пунцоваго бархата съ золотыми позументами или изъ золотой парчи. Костюмъ женщинъ сильно смахиваетъ на мужской и отличается только при праздничной обстановкѣ, когда сверхъ суконнаго или шелковаго халата надѣвается черная плисовая безрукавка, обшитая пунцовою тесьмою.

Пунцовый цвѣтъ—любимый цвѣтъ калмыковъ. Въ него одѣты съ головы до ногъ ихъ *гелконги* — жрецы, являющіеся, въ то-же время, въ большинствѣ случаевъ, и народными лекарями; этотъ-же цвѣтъ играетъ главную роль въ одеждѣ и домашней обстановкѣ ихъ *нойоновъ*— знатныхъ калмыковъ, которые, въ противоположность простонародью, бываютъ довольно богаты и окружаютъ себя восточною роскошью.

О житьѣ-бытьѣ калмыковъ мнѣ приходилось слышать много въ дѣтствѣ, когда я жила въ Астрахани. Одной-же изъ моихъ родственницъ удалось даже побывать въ гостяхъ у одного изъ калмыцкихъ вельможъ—князя Тюменя. Вотъ разсказъ объ этой поѣздкѣ, записанный съ ея словъ.

XXIV.

Въ гостяхъ у Калмыцкаго князя.

Князь Тюмень и его Тюменевка. — Пріемъ у княгини. — Пляски. — Музыка. — Угощеніе. — Скачки.—Кумирня.- Богослуженіе.— Соколиная охота.

Въ одинъ изъ свѣтлыхъ весеннихъ дней 186*** года небольшая кучка пассажировъ толпилась у частнаго пароходика, разводившаго пары у астраханской пристани. Веселые, оживленные разговоры, нарядные костюмы дамъ, отсутствіе неизбѣжныхъ при отъѣздѣ чемодановъ, корзинъ и прочаго дорожнаго багажа — все это свидѣтельствовало о томъ, что не въ дальній путь отправлялись собравшіеся на пристани астраханцы, въ числѣ которыхъ случайно находилась и я.

Дѣйствительно, поѣздка, нами предпринимаемая, была не далека, но, тѣмъ не менѣе, интересна: мы собрались въ гости къ калмыцкому владѣтельному князю Тюменю.

Всякій, кого судьба заносила въ Астрахань, встрѣчалъ на улицахъ этого города десятки калмыковъ. Калмыкъ въ Астрахани—явленіе такое-же обыкновенное, какъ въ Петербургѣ—чухонецъ, а въ Москвѣ—рязанскій или костром-

ской крестьяне. Желтовато-смуглые, съ сильно выдавшимися скулами и косыми прорѣзами глазъ, въ большинствѣ случаевъ довольно бѣдно одѣтые калмыки встрѣчаются въ Астрахани повсюду, чаще же всего на базарахъ и въ проходахъ гостинаго двора. Собравшись въ кружокъ, они цѣлые часы просиживаютъ на корточкахъ, не выпуская изо рта трубки и перекидываясь отдѣльными фразами на своемъ гортанномъ негармоничномъ языкѣ. Палящее астраханское солнце, на которомъ, какъ у тропиковъ, въ полдень можно испечь яйцо, жжетъ имъ прямо въ голову; но для нихъ это безразлично; они переносятъ его такъ-же легко, какъ мы пятиградусный морозъ.

Калмыки пріѣзжаютъ въ Астрахань лишь по дѣламъ, да за покупками, все-же остальное время они кочуютъ по песчанымъ, солончаковымъ прикаспійскимъ степямъ. Въ окрестностяхъ Астрахани то и дѣло встрѣчаются кибитки этихъ кочевниковъ. Когда бы проѣзжаете мимо нихъ, особенно вечеромъ, васъ прежде всего охватываетъ острый запахъ дыма, а за экипажемъ вашимъ съ шумомъ и гамомъ гонятся взапуски тощія степныя собаки и совершенно голые, почернѣвшіе на солнцѣ калмычата. Вообще, калмыки производятъ довольно жалкое впечатлѣніе: кибитка, да десятокъ другой овецъ—вотъ все достояніе любого изъ нихъ, а съ такимъ достаткомъ, даже и при самой большой нетребовательности, прожить нелегко. По внѣшнему своему виду, нравамъ и обычаямъ, калмыки до сихъ поръ совершенные полудикари; потому-то и удивилъ меня владѣтельный калмыцкій князь Тюмень, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться въ астраханскомъ обществѣ.

Князь говорилъ совершенно чисто по-русски, носилъ военный мундиръ и имѣлъ видъ человѣка вполнѣ образованнаго. Онъ воспитывался въ Петербургѣ, въ одномъ изъ лучшихъ военно-учебныхъ заведеній, но, по возвращеніи своемъ оттуда, какъ говорили, успѣлъ снова сильно окалмычиться въ домашнемъ быту, хотя, на первый взглядъ, это было незамѣтно. Вообще, калмыки свободно научаются говорить по-русски и очень склонны переходить въ христіанство. Калмыки-христіане относятся къ своимъ языческимъ собратамъ гораздо презрительнѣе, чѣмъ русское

простонародье, которое любитъ калмыковъ за всѣ ихъ прекрасныя качества.

Князь Тюмень водилъ знакомство со всѣмъ астраханскимъ обществомъ и нѣсколько разъ въ году устраивалъ торжественные пріемы въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, Тюменевкѣ, находящемся въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Астрахани, внизъ по Волгѣ. О радушіи князя и разныхъ интересныхъ особенностяхъ его житья-бытья въ Астрахани ходили самые краснорѣчивые разсказы; немудрено поэтому, что я очень обрадовалась, получивъ отъ него приглашеніе посѣтить, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ астраханцевъ, его Тюменевку.

Тюменевка находится на одномъ изъ безчисленныхъ островковъ волжской дельты, въ окрестностяхъ Астрахани. Послѣ непродолжительнаго, пріятнаго плаванія по широкой, спокойной рѣкѣ, мы завидѣли передъ собою этотъ островокъ. Тамъ, почти на самомъ берегу, возвышается княжескій дворецъ,—красивое зданіе въ китайскомъ вкусѣ, со множествомъ разныхъ башенекъ и галлереекъ. Невдалекѣ отъ него виднѣется княжеская кибитка, а изъ-за зелени выглядываетъ своеобразная крыша калмыцкой кумирни. Прекрасные луга, въ перемежку со свѣжими зелеными рощицами, хорошо обработанныя поля, верблюды, пасущіеся здѣсь и тамъ, калмыки верхомъ на скакунахъ, снующіе въ разныхъ направленіяхъ,—все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ островку живописный и, съ тѣмъ вмѣстѣ, весьма разнообразный видъ.

Въ обстановкѣ князя Тюменя замѣчается поразительное соединеніе условій азіатской и чисто европейской жизни. Переступивъ порогъ его дворца, мы въ первую минуту забыли, что находимся въ гостяхъ у калмыка: такъ изящно и удобно было все, что мы вокругъ себя увидѣли. Въ комнатѣ, отведенной для дамъ, находился даже хорошенькій туалетный столикъ съ серебрянымъ приборомъ. Чай былъ поданъ совершенно по-европейски, тоже на серебрѣ.

Вскорѣ намъ, дамамъ, объявили, что насъ желаетъ видѣть жена князя, которая лѣтомъ живетъ, какъ оказалось, не во дворцѣ, а въ кибиткѣ. Когда передъ нами приподъ-

няли пеструю кошму (войлокъ), служившую какъ-бы портьерою у входа въ кибитку, мы увидали передъ собою просторное, круглое помѣщеніе, освѣщенное сверху свѣтомъ, проходящимъ чрезъ отверстіе, затянутое красною шелковою матеріею, вслѣдствіе чего всѣ предметы, находящіеся въ кибиткѣ, носили какую-то фантастическую, огненную окраску; полъ былъ устланъ пестрымъ персидскимъ ковромъ; въ воздухѣ сильно пахло куреніями. Въ такой-то оригинальной обстановкѣ возсѣдала княгиня Тюмень на небольшомъ возвышеніи, въ глубинѣ кибитки, окруженная десяткомъ другихъ калмычекъ. Богатая одежда—родъ кафтана изъ дорогой персидской матеріи—украшенная серебряными галунами и жемчугомъ, плотно обхватывала ея небольшую, стройную фигуру: на головѣ ея виднѣлась калмыцкая четыреугольная шапочка, отороченная мѣхомъ, изъ подъ которой спускались толстыя косы въ чехлахъ, перевитыхъ золотою цѣпью, соединяющеюся спереди съ толстыми золотыми кольцами, продѣтыми въ уши, вмѣсто серегъ. Княгиня была еще очень молода и, по всей вѣроятности, слыла у калмыковъ за красавицу. Лицо у нея было, дѣйствительно, миловидное, съ нѣжною, хотя и желтоватою, кожею, глаза блестящіе, черные, и, если-бы не косые разрѣзы этихъ глазъ, да не сильно выдающіяся скулы, ее, пожалуй, можно было-бы назвать хорошенькою даже въ нашемъ европейскомъ смыслѣ. Нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мы вошли, княгиня сидѣла неподвижно, какъ статуя, будто желая дать намъ возможность вполнѣ ею налюбоваться; затѣмъ она поднялась со своего мѣста, подошла къ намъ, пожала руку каждой изъ насъ и знакомъ попросила сѣсть на широкій турецкій диванъ. Послѣ этого княгиня начала по-своему занимать насъ. По знаку ея, изъ среды окружавшихъ ее женщинъ выдѣлилась одна и подъ звуки инструмента, напоминающаго нашу балалайку, начала плавную, однообразную, но, тѣмъ не менѣе, довольно граціозную пляску. Она то кружилась, то падала на колѣни, граціозно протягивая къ намъ руки. Наконецъ, она приблизилась къ другой молодой калмычкѣ и слегка дотронулась до ея плеча, послѣ чего та замѣнила ее и продолжала дальше пляску. За бале-

томъ послѣдовалъ концертъ. Состоялъ онъ изъ пѣнія калмыцкихъ пѣсенъ, подъ аккомпаниментъ все той-же балалайки. Торжественный пріемъ завершился угощеніемъ, поданнымъ на серебряныхъ подносахъ и заключавшемся въ кумысѣ и варенье нѣсколькихъ сортовъ.

Выйдя отъ княгини, мы поспѣшили присоединиться къ остальной части нашего общества, и насъ повели къ княжескимъ табунамъ, гдѣ намъ готовилось неожиданное, въ высшей степени интересное зрѣлище. Едва приблизились мы къ табуну, къ намъ подскакало нѣсколько конныхъ калмыковъ съ длинными ремнями и веревками въ рукахъ. Доѣхавъ до насъ, они остановились, какъ вкопанные, и устремили взоры на князя, очевидно ожидая отъ него какого-то приказанія. Князь кивнулъ головой. Въ то-же самое мгновеніе всадники врѣзались въ середину табуна и быстро спутали ноги у сильной, красивой, совершенно дикой лошади. Молодой калмыкъ вскочилъ на нее и моментально разрѣзалъ ремни, ее опутывавшіе; она бросилась впередъ, какъ стрѣла, и началась отчаянная борьба между всадникомъ и лихимъ скакуномъ. Лошадь металась изъ стороны въ сторону, вскидывала въ воздухъ заднія копыта, поднималась на дыбы, всячески стараясь освободиться отъ непрошеннаго сѣдока; пѣна валила съ нея клубами. Молодой калмыкъ будто приросъ къ ней; смѣло, ловко, съ полнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ предупреждалъ онъ всѣ ея движенія и крѣпко держался на ней, запустивъ руку въ ея густую гриву. Наконецъ, бѣшеный конь окончательно выбился изъ силъ, и тогда только всадникъ спрыгнулъ съ него, довольный, торжествующій, чувствующій себя побѣдителемъ.

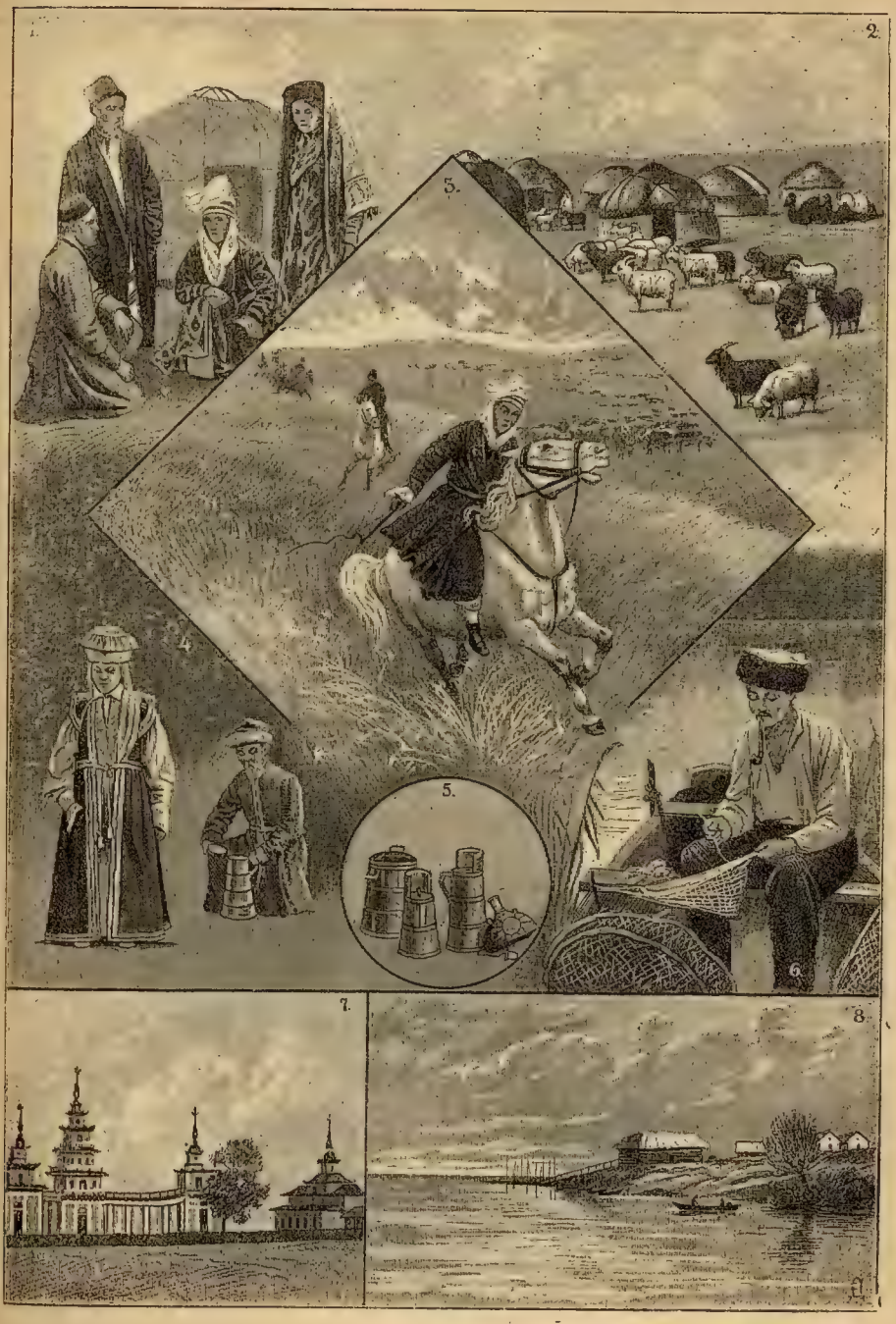
Не успѣли мы придти въ себя отъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на насъ этою бѣшеною скачкою, какъ кровь застыла у насъ въ жилахъ при видѣ калмыченка лѣтъ десяти, который бросился въ табунъ съ очевиднымъ намѣреніемъ послѣдовать примѣру наѣздника-калмыка. Взрослые не только не удерживали его, но тотчасъ-же спутали молоденькую, страшно горячую лошадку, и онъ продѣлалъ на ней почти то-же, что и его взрослый предшественникъ. Калмыки—природные наѣздники;

каждому изъ нихъ могла-бы позавидовать любая знаменитость нашихъ цирковъ.

Послѣ скачекъ насъ ожидалъ роскошный обѣдъ въ княжескомъ дворцѣ. На-ряду съ тонкими европейскими кушаньями и лучшими винами, для желающихъ подавались и произведенія калмыцкой кухни: кумысъ, конина и баранина.

На другой день намъ предложили осмотрѣть княжескую кумирню. Не успѣли мы переступить ея порогъ, какъ навстрѣчу намъ грянула музыка, громкая, дикая, терзающая слухъ. Мы остановились, ошеломленные, и въ первую минуту съ трудомъ могли понять, что вокругъ насъ происходитъ. Передъ нами сидѣло на землѣ, другъ противъ друга, два длинныхъ ряда *гелконговъ* (калмыцкихъ жрецовъ) въ яркихъ желтыхъ и красныхъ одеждахъ, съ самыми оригинальными музыкальными инструментами, которые намъ когда-либо доводилось видѣть: тутъ были и китайскіе тамтамы и какія-то таинственныя раковины, и мѣдные котлы, и огромныя металлическія трубы,—ими-то и производились необычайные звуки, поразившіе насъ. Вообще говоря, хуже калмыцкой духовной музыки ничего нельзя себѣ представить: въ ней нѣтъ ни размѣра, ни мелодіи; главное достоинство ея состоитъ, кажется, въ томъ, чтобы было какъ можно громче. За гелконгами, у жертвенника, виднѣлась фигура главнаго жреца, а по обѣимъ сторонамъ его два гелконга свертывали и развертывали безконечные свитки, покрытые какими-то таинственными письменами. Оказалось, что это молитвы, приносимыя верховному божеству; чѣмъ большее количество разъ развернуть ихъ, тѣмъ это угоднѣе богамъ. Кумиры этихъ боговъ наполняли всю внутренность храма; были тутъ и маленькіе, и большіе, и безобразные, и болѣе сносные. Тяжелое впечатлѣніе производятъ эти кумиры, да и, вообще, все калмыцкое богослуженіе и мы поспѣшили скорѣе выйти изъ храма на чистый воздухъ, гдѣ насъ ожидало еще одно интересное зрѣлище – *соколиная охота.*

Князь Тюмень былъ страстный любитель соколовъ. Онъ скупалъ ихъ, гдѣ только могъ, преимущественно-же

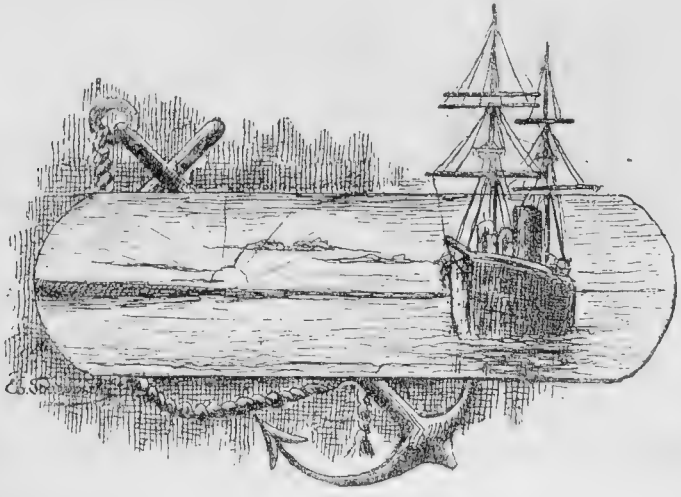


(*См. на оборотѣ*).

1) Киргизы. 2) Кочевье киргизовъ. 3) Киргизка на конѣ. 4) Калмычка и калмыкъ, приготовляющій чай. 5) Домашняя утварь калмыковъ. 6) Калмыкъ на ватагахъ. 7) Калмыцкій храмъ. 8) Рыбная ватага на низовьяхъ Волги.

у персидскихъ купцовъ, и составилъ себѣ замѣчательную коллекцію этихъ ловкихъ, смѣлыхъ птицъ. Соколиною охотою онъ руководилъ самъ. На рукѣ его, затянутой въ толстую кожаную рукавицу, сидѣлъ пристегнутый къ ней цѣпочкою соколъ съ колпачкомъ на глазахъ. Колпачекъ этотъ мѣшалъ соколу развлекаться при видѣ пролетавшихъ мимо птицъ, которыхъ охотники не намѣрены ловить. Но вотъ князь замѣтилъ птичку, по его мнѣнію, достойную вниманія. Быстро отстегнулъ онъ цѣпочку, удерживавшую сокола, и снялъ колпачекъ съ его глазъ. Соколъ встряхнулъ головою; зоркій глазъ его тотчасъ-же разсмотрѣлъ птичку; съ быстротою молніи поднялся онъ кверху и черезъ нѣсколько минутъ возвратился къ хозяину, держа въ своихъ острыхъ загнутыхъ когтяхъ злополучную птичку, черепъ которой онъ успѣлъ пробить острымъ зубцомъ, находящимся на концѣ его клюва. Въ охотѣ принимали участіе всѣ приближенные князя, и немало всякой дичи, водящейся въ прикаспійскихъ степяхъ, было истреблено въ тотъ день.

Соколиною охотою закончился рядъ зрѣлищъ и празднествъ, ожидавшихъ насъ въ Тюменевкѣ. На другой день мы возвратились въ Астрахань, унося съ собою самое пріятное воспоминаніе о радушіи калмыцкаго князя и о времени, проведенномъ нами въ его владѣніяхъ.



XXV.

АСТРАХАНЬ.

Калмыцкій базаръ.—Астрахань съ Волги.—Пристань.—Восточные ряды гостинаго двора.—Изъ исторіи Астрахани: митрополитъ Іосифъ и его мученическая смерть.—Чума 1692 г.—Свадебный бунтъ.—Петръ Великій въ Астрахани.—Современная Астрахань и ея достопримѣчательности. — Успенскій соборъ.—Ризница. — Персидская мечеть.—Портъ.—Окрестности Астрахани.—Торговля.

ПРОЙДЯ мимо *Калмыцкаго базара*, непригляднаго, грязнаго поселка въ 8-ми верстахъ отъ Астрахани, гдѣ, среди моря лачугъ, кибитокъ и шалашей, возвышается своеобразное, въ китайскомъ вкусѣ, зданіе калмыцкаго хурула, на разсвѣтѣ приблизились мы къ самой Астрахани.

Чудная картина открылась передъ нами при первыхъ лучахъ восходящаго солнца: огромный, богатый, полувосточный городъ, съ парящими надъ нимъ бѣлыми стѣнами старинаго кремля, величественнымъ пятиглавымъ соборомъ, широко раскинулся на буграхъ лѣваго берега Волги, окаймленный въ этомъ мѣстѣ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Пароходъ нашъ тихо приблизился къ пристани. Что за пестрое, удивительное зрѣлище представляетъ эта пристань, ки-

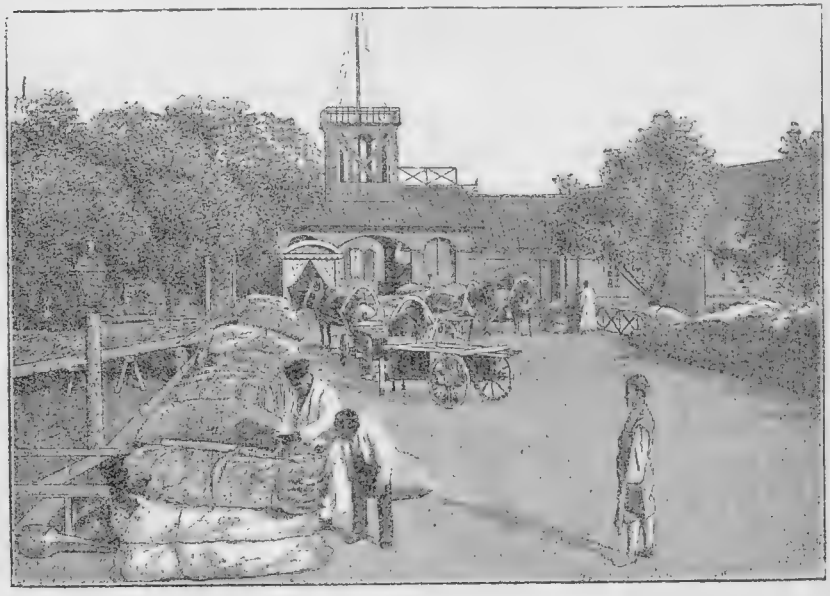
шащая народомъ! Черномазые персы съ бирюзовыми перстнями на пальцахъ, калмыки и калмычки въ красныхъ платьяхъ, четыреугольныхъ платочкахъ, съ массой монетъ на груди, астраханскія татарки, армяне, греки, киргизы въ перемежку съ чисто русскими лицами пришлыхъ рабочихъ и нашихъ матросовъ, снуютъ по песчаному берегу, оглашая воздухъ самыми разнообразными возгласами и нарѣчіями, сливающимися въ общій, неясный гулъ.

Пойдемте въ восточные ряды астраханскаго гостинаго двора, столь любопытнѣйшаго уголка Астрахани. Сколько сокровищъ Востока найдете вы въ его темныхъ, неказистыхъ на видъ лавкахъ: пестрыя шелковыя ткани бурръ-де-суа, канауса, тармалама, дорогіе бухарскіе и персидскіе ковры, всевозможныя восточныя вышивки, турецкія шали, настоящее розовое масло, груды сушеныхъ фруктовъ—урюка, кишмиша и шенталы,—просто глаза разбѣгаются. Не даромъ прозвали волжскіе рыбаки Астрахань «разгуляй-городкомъ»; въ ней и для бѣднаго человѣка рай: тепло, рыбы пропасть, фруктовъ и всякихъ овощей тоже, и все это можно получить за безцѣнокъ. Но это жгучее, южное солнце, эти толпящіеся вокругъ васъ персы, армяне, калмыки, татары—неужели это Россія, неужели это русскій городъ? Да, несомнѣнно русскій, съ господствующимъ русскимъ языкомъ, съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, водворившимся вотъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ на этой далекой окраинѣ и ведущимъ дѣятельную торговлю съ Востокомъ.

О времени основанія Астрахани и о прежнихъ обитателяхъ нынѣшней Астраханской губерніи достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ. Нѣкоторыя указанія древнихъ греческихъ географовъ даютъ поводъ предполагать, что въ низовьяхъ Волги еще до Р. Х. кочевали полудикіе народы. Позднѣе, уже въ V вѣкѣ, здѣсь утвердились хозары, которымъ принадлежалъ городъ *Итель*, находившійся при устьѣ Волги. Въ началѣ VII вѣка хозары были оттѣснены къ югу новымъ племенемъ—*хвалиссами*, которые имѣли свой городъ *Балангіаръ*, находившійся на Волгѣ, верстахъ въ 70 выше нынѣшней Астрахани. Съ XII вѣка на низовьяхъ Волги утверждается Золотая Орда или Кипчакское царство, сто-

лицей котораго сдѣлался *Сарай;* вмѣстѣ съ тѣмъ, на правой сторонѣ Волги основывается городъ *Цитрахань* или *Астрахань*—впослѣдствіи столица астраханскаго царства, возникшаго на развалинахъ Золотой Орды.

Вскорѣ послѣ покоренія Казани пала и Астрахань (1554 г.). Событіе это совершилось безъ борьбы и кровопролитія; астраханцы сознали, что они не въ состояніи



Пароходная пристань въ Астрахани.

сопротивляться Москвѣ, и послѣдній ихъ ханъ Ямгурчей, бросивъ свое ханство, бѣжалъ.

Для огражденія вновь присоединеннаго города отъ нападеній кочевниковъ и разбойниковъ, онъ былъ обнесенъ палисадомъ и стѣной. Затѣмъ въ 1582 году на Зайчьемъ бугрѣ—одномъ изъ высокихъ холмовъ, на которыхъ расположена Астрахань, былъ основанъ Кремль, а къ нему съ восточной стороны примкнулъ такъ называемый Бѣлый-городъ.

Дальнѣйшая исторія Астрахани представляетъ много печальныхъ событій.

Въ тяжелыя времена междуцарствія (1605—1606—1608 и 1612 гг.) Астрахань не разъ подвергалась нападенію и разграбленію со стороны приверженцевъ разныхъ самозванцевъ. Но самыми мрачными страницами астраханской исторіи являются 1670 г., когда городомъ овладѣлъ Стенька Разинъ, и слѣдующіе за нимъ годы, когда, даже послѣ поимки этого разбойника, въ тѣхъ мѣстахъ продолжали безчинствовать его шайки

Въ 1671 году въ Астрахани неистовствовала разбойничья шайка подъ предводительствомъ нѣкоего Васьки Уса. Въ то время въ Астрахани былъ назначенный царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ митрополитъ Іосифъ, извѣстный своею святою жизнью, кроткій, любвеобильный, но непреклонный въ борьбѣ со зломъ. Онъ громогласно увѣщевалъ жителей города оставаться вѣрными царю, а разбойниковъ—прекратить свои грабежи, убійства и насилія. Раздраженные его обличеніями, разбойники ворвались въ соборъ и потребовали его немедленно явиться къ вопросу на ихъ сходку, собравшуюся на базарной площади. Архипастырь совершалъ въ то время проскомидію. Видя, что сопротивленіе безполезно, онъ, въ сопровожденіи соборныхъ священниковъ, въ полномъ облаченіи, въ митрѣ, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ на площадь и здѣсь въ послѣдній разъ обратился къ разъяренной толпѣ со словами увѣщанія:

— Повторяю вамъ, мятежники, обратитесь къ великому государю и испросите у него прощеніе въ вашемъ преступленіи!

Но, видя, что обезумѣвшіе отъ крови и убійствъ злодѣи готовы сорвать съ него облаченіе, онъ приказалъ протодьякону разоблачить его, передалъ ему крестъ, панагію и митру и въ подрясникѣ, съ открытою головою, сошелъ на площадь, добровольно отдаваясь, такимъ образомъ, въ руки палачей. Разницы схватили его, сняли и подрясникъ, оставивъ въ одной черной суконной свитѣ, которую онъ носилъ прямо на тѣлѣ на подобіе власяницы; потомъ связали руки и ноги и повѣсили надъ грудою горящихъ

углей. Іосифъ громко читалъ молитвы, стараясь заглушить свои страданія. Затѣмъ обожженнаго, изувѣченнаго старца сняли съ огня, положили на «раскатъ» (соборную колокольню) и свергли внизъ.

И упалъ онъ, великій святитель,—говоритъ современное извѣстіе,—на востокъ передъ раскатными дверями, къ собору правою щекою.

Убійцы стояли на раскатѣ, повѣся головы: имъ стало страшно своего дѣла; а внизу молчаливо и угрюмо смотрѣлъ на убитаго главный виновникъ злодѣянія—атаманъ Васька Усъ [1]).

Въ митрополитѣ Іосифѣ видѣли праведнаго мученика. Онъ не былъ причисленъ къ лику святыхъ, но до сихъ поръ набожные люди поклоняются его могилѣ.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ разгрома Стеньки Разина, въ 1692 г., Астрахань постигло новое бѣдствіе—моровое повѣтріе, длившееся $1^1/_2$ года и похитившее болѣе 15,000 человѣкъ. Тогдашній астраханскій воевода, Хованскій, скрылся за городъ. Жители были оставлены на произволъ судьбы, и только одинъ митрополитъ Самсоній дѣлалъ, что могъ; за смертью священниковъ, погибшихъ отъ эпидеміи, онъ самъ отпѣвалъ и погребалъ умершихъ.

Въ 1705 г. при Петрѣ Великомъ, въ городѣ произошло возмущеніе стрѣльцовъ, подготовленное архимандритомъ Вознесенскаго монастыря Рувимомъ, недовольнымъ отнятіемъ нѣкоторыхъ монастырскихъ имуществъ. При его участіи былъ распущенъ слухъ, что царь хочетъ перемѣнить вѣру, раздѣлить государство и выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ замужъ за нѣмцевъ. Испуганные астраханцы въ одинъ день повѣнчали 100 паръ. Стрѣльцы, подбитые Рувимомъ, перебили до 300 человѣкъ въ городѣ и разграбили домъ митрополита Самсонія, который спасся только бѣгствомъ къ калмыкамъ, подъ защиту калмыцкаго хана Аюки. Войска, посланныя изъ Москвы подъ начальствомъ Шереметьева, встрѣтили сначала сильное сопротивленіе. Но когда, при содѣйствіи митрополита Самсонія, народу

---

[1]) Историч. монографіи Костомарова «Бунтъ Стеньки Разина», т. 2, стр. 353—361.

объяснили, что распущенные слухи невѣрны, то зачинщики бунта были выданы властямъ, и мятежъ прекратился. Главному зачинщику, Рувиму, удалось скрыться; но такъ какъ обнаружилось, что въ заговорѣ принимала участіе и братія Вознесенскаго монастыря, то монастырь этотъ былъ закрытъ, монахи были переведены въ другія обители, а на мѣсто Вознесенскаго монастыря учрежденъ былъ впослѣдствіи женскій Іоанновскій.

Въ 1722 г., во время своего похода въ Персію, Астрахань посѣтилъ лично Петръ Великій. Предполагая, что этотъ городъ будетъ служить преддверіемъ огромной торговли со Средней Азіей и Индіей, а также опорнымъ пунктомъ для дѣйствій противъ Персіи и Средней Азіи, великій преобразователь обратилъ особое вниманіе на Астраханскую губернію: онъ назначилъ туда губернаторомъ талантливаго и энергичнаго Артемія Волынскаго; и старался оживить край всѣми мѣрами. Такъ, напр., онъ устроилъ въ Астрахани портъ и докъ для судовъ; велѣлъ развести тутовыя деревья, устроилъ шелковичный заводъ, выписалъ лучшіе сорта винограда и развелъ въ Астрахани болѣе 20 виноградныхъ садовъ.

Тѣмъ не менѣе, многострадальная Астрахань еще не разъ подвергалась мятежамъ и эпидеміямъ до лѣта 1892 г., включительно, когда мятежная чернь разнесла холерные бараки и умертвила нѣсколько невинныхъ жертвъ.

Современная Астрахань расположена у вершины волжской дельты, на лѣвомъ берегу Волги, нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ отъ нея отдѣляется главный притокъ—*Болда*. Она раскинулась на нѣсколькихъ холмахъ, наиболѣе возвышеннымъ изъ которыхъ является *Заячій Бугоръ*. занятый Кремлемъ и центральными кварталами Астрахани. Вся остальная площадь города крайне низменна и ежегодно подвергается опасности быть затопленною во время волжскаго половодья. Опасность наводненія побудила астраханцевъ соединить Волгу съ ея притокомъ *Кутумомъ* посредствомъ канала. Предпріятіе это велось сначала казною, но было окончено нѣкіимъ богачемъ Варваціемъ, именемъ котораго и называется теперь каналъ. Кромѣ того, городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ валами и

дамбами, составляющими въ общемъ протяженіе около 28 верстъ.

Центромъ Астрахани и главною ея достопримѣчательностью является Кремль съ его величественнымъ *Успенскимъ каѳедральнымъ соборомъ*. Храмъ этотъ виденъ за 30 верстъ; имъ любуются всѣ, ѣдущіе по Волгѣ къ Астрахани. Издали, когда самый городъ кажется еще въ туманѣ, стройное зданіе собора обрисовывается явственно; купола и кресты его какъ-бы касаются облаковъ, и самый городъ, съ его церквами и строеніями, является какъ-бы подножіемъ храма.

Астраханскій каѳедральный соборъ.

Высокое двухъ-этажное зданіе Успенскаго собора (30 с. вышины отъ средняго креста) воздвигнуто въ царствованіе Петра Великаго на мѣстѣ прежняго обыкновеннаго одно-

этажнаго собора. Верхній соборный храмъ поражаетъ своею высотою, изяществомъ и величественнымъ видомъ. Своды его поддерживаются четырьмя массивными столпами, подведенными подъ мраморъ, равно какъ и стѣны храма; иконостасъ восьмирусный со многими образами художественной работы; царскія врата — чистаго серебра; престолъ также окованъ серебромъ. Нижній храмъ собора невысокъ и мраченъ; онъ служитъ усыпальницею наиболѣе замѣчательныхъ астраханскихъ іерарховъ: архіепископа Ѳеодосія, неустрашимаго обличителя самозванца Отрепьева, митрополита Іосифа, принявшаго мученическую кончину за вѣрность царю, митрополита Сампсонія, строителя храма и сподвижника въ подавленіи бунта, и нѣсколькихъ другихъ... Тутъ же погребены два грузинскихъ царя: Вахтангъ и Теймуразъ.

Архіерейская ризница собора—одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Митры. панагіи и цѣлая коллекція драгоцѣнныхъ крестовъ залиты жемчугами, алмазами, громадными яхонтами и безцѣнными смарагдами и поражаютъ своимъ великолѣпіемъ. Тутъ и плащаница, шитая золотомъ, серебромъ и шелкомъ, отобранная у Марины Мнишекъ, и серебряный ковшъ, пожалованный Петромъ Великимъ стрѣльцу Федорову, и три богатыхъ евангелія стариннаго письма, на одномъ изъ которыхъ сохранились надписи, сдѣланныя рукою Никона. Но самымъ дорогимъ по воспоминаніямъ сокровищемъ среди всей этой груды драгоцѣнностей является черная, изодранная, сохранившая слѣды крови власяница митрополита Іосифа, въ которой онъ былъ мученъ и убитъ.

Успенскій соборъ соединенъ крытою галлереею съ архіерейскимъ домомъ, въ которомъ находится собраніе портретовъ астраханскихъ митрополитовъ и архіереевъ, въ томъ числѣ и кроткое, благородное лицо замученнаго Іосифа.

Отъ соборной колокольни начинается главная улица Астрахани—*Московская*. Она очень узка и окаймлена съ обѣихъ сторонъ почти исключительно армянскими лавченками и подвалами, насквозь пропитанными запахомъ чеснока.

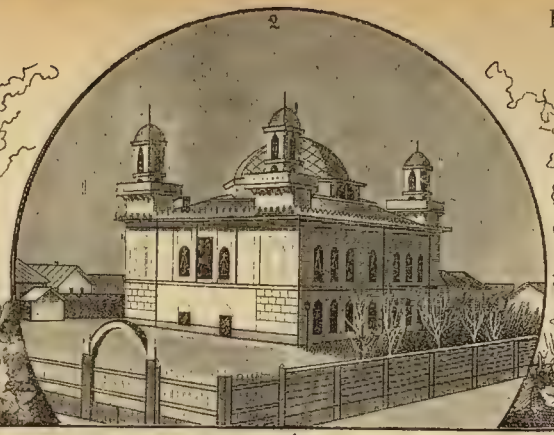
На Московскую улицу выходятъ: старый гостиный дворъ, оригинальное, старомодное зданіе, похожее на обветшавшій азіатскій дворецъ, городской театръ, Іоанновскій женскій монастырь, церкви Рождества Богородицы и Воздвиженія и армянскій соборъ, высокій, стройный, съ прекрасной копіей картины Рафаэля «Снятіе со креста». На Московской-же улицѣ находятся два небольшихъ городскихъ садика: Губернаторскій—возлѣ дома губернатора и Полицейскій—противъ городской полиціи.

Самая длинная улица въ Астрахани—*Полицейская*, начинающаяся у Губернаторскаго садика; здѣсь встрѣчаются нѣсколько хорошихъ зданій, магазиновъ и красивая персидская мечеть съ четырьмя минаретами и большимъ куполомъ посрединѣ. Внутри мечеть покрыта изреченіями изъ Корана, увѣшана лампадами и свѣтильниками, и богато украшена. Какъ извѣстно, персы принадлежатъ къ магометанамъ-шіитамъ и находятся въ религіозной враждѣ съ магометанами-суннитами, къ которымъ принадлежатъ всѣ остальные астраханскіе мусульмане: татары, киргизы, туркмены. Эта рознь и заставила персовъ выстроить свой собственный храмъ, отдѣльный отъ бѣлой татарской мечети, также возвышающейся на одной изъ улицъ Астрахани.

Полицейская улица пересѣкается Варваціевскимъ каналомъ, который упирается съ одной стороны въ слободу Ямгурчеевскую, а съ другой—въ Волгу. Здѣсь каналъ отдѣляетъ таможню отъ такъ называемаго «порта», являющагося памятникомъ пребыванія въ Астрахани Петра Великаго.

Въ 1868 г. собственно портъ изъ Астрахани переведенъ въ Батумъ, а мѣстность, занимаемая имъ, отдана въ арендное содержаніе пароходному обществу «Кавказъ и Меркурій», но она сохранила за собою названіе порта. Здѣсь, возлѣ главной аллеи, виднѣется окруженный зеленью *домикъ Петра Великаго*, гдѣ хранятся два ботика, на которыхъ государь, вмѣстѣ съ императрицею Екатериною I, осматривалъ окрестности Астрахани. Здѣсь-же хранятся модели морскихъ судовъ, копья, ружья, мушкеты, сабли, штыки, пики, инструменты, употреблявшіеся въ

2



1.

3.

5.

(*См. на оборотѣ*).

1) Общій видъ Астрахани. 2) Персидская мечеть въ Астрахани. 3) Домикъ Петра I въ Астрахани. 4) Продавецъ керосина въ Астрахани. 5) Продавецъ вина въ Астрахани.

началѣ прошлаго столѣтія для оснастки, окопатки и починки судовъ, а также и хрустальная рюмка Петра Великаго, вмѣстимостью около 3-хъ стакановъ.

Долгое время портъ являлся прелестнымъ уголкомъ, единственнымъ убѣжищемъ отъ астраханской жары и пыли; но теперь онъ въ сильной степени утратилъ свой прежній привлекательный видъ. Прежде туда стремились пользоваться прекрасными видами, подышать чистымъ воздухомъ, погулять среди тѣнистыхъ аллей, содержавшихся въ большомъ порядкѣ. Теперь все запущено, пруды покрыты тиной, полусгнившія, заброшенныя аллеи порѣдѣли и не даютъ болѣе тѣни...

Къ городу примыкаютъ обширныя слободы, самая старинная изъ которыхъ *Татарская*, куда были выселены татары вскорѣ послѣ покоренія Астрахани. Къ слободамъ съ востока и юга примыкаютъ виноградники, которыхъ въ окрестностяхъ Астрахани насчитывается болѣе 300. Больше всего виноградниковъ находится къ востоку отъ города, близъ *Казаче-бугровской* станицы и у села *Черепахи*, любимаго мѣста лѣтнихъ поѣздокъ горожанъ.

Изъ этого винограда, кромѣ пользующихся большою извѣстностью астраханскихъ винъ, приготовляется также любимый мѣстными жителями, особенно армянами, напитокъ *чихирь*. Въ астраханскихъ садахъ зрѣютъ груши, персики, абрикосы, а дынныя и арбузныя бахчи занимаютъ всѣ степи вокругъ Астрахани.

Но Астрахань, главнымъ образомъ,—рыбная столица. Всѣ безчисленные протоки и рукава, которыми она вливается въ море, служатъ великолѣпнымъ мѣстомъ рыбной ловли. Астраханская икра, астраханскіе балыки, астраханскія сельди расходятся не только по всей Россіи, но, можно сказать, по всему свѣту.

Перечислить подробно всѣ отрасли астраханской торговли, помимо ея рыбной торговли, невозможно: находясь почти на рубежѣ Европы и Азіи, Астрахань ведетъ торговлю большинствомъ европейскихъ и почти всѣми азіатскими товарами.

Точно также трудно сказать что нибудь общее о жизни обитателей Астрахани: на-ряду съ чисто русскими, про-

винціальными интересами и обстановкою, тутъ встрѣчаются уголки, какъ-бы цѣликомъ выхваченные изъ далекаго Востока,—стоитъ только отправиться въ армянскую или татарскую слободу, въ персидскую мечеть, въ восточные ряды или въ хурулъ на Калмыцкомъ базарѣ.

Вообще, про Астрахань можно безъ преувеличенія сказать, что она—одинъ изъ своеобразнѣйшихъ, интереснѣйшихъ русскихъ городовъ, наглядно доказывающій неимовѣрные размѣры и разнообразіе русскихъ владѣній.

XXVI.

УСТЬЯ ВОЛГИ.

Дельта Волги.—Царство рыбы, камыша и птицъ.—Бирючья коса.—Заключеніе.

ГОВОРЯТЪ, что Астрахань находится при устьѣ Волги, но отъ нея до ближайшей морской станціи, называемой «*9 футъ*», еще около 84 верстъ. Большія морскія суда не входятъ въ Волгу, фарватеръ которой, какъ уже было сказано, постоянно мѣняется, они останавливаются у длинной *Бирючьей косы*, а пассажиры и грузъ переходятъ на суда меньшихъ размѣровъ, безпрепятственно плавающихъ по безчисленнымъ рукавамъ волжской дельты, протяженіе которыхъ, вмѣстѣ взятое, составляетъ около 500 верстъ.

Помѣстившись на одномъ изъ пароходовъ «Кавказъ и Меркурій», мы пустились снова «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», и вскорѣ Астрахань съ бѣлою массою ея домовъ, съ ея величественнымъ соборомъ, съ лѣсомъ мачтъ, столпившихся у ея пристани, исчезла изъ нашихъ глазъ въ синей дали.

Голубое небо, голубая масса воды, которой, кажется,

нѣтъ ни конца, ни края... Что за ширь, что за просторъ! Не вѣрится, что плывешь по рѣкѣ, а не по безбрежному морю. Вѣтеръ крѣпнетъ и пароходъ нашъ начинаетъ сильно покачивать; волны принимаютъ морской характеръ: онѣ вздуваются, взметываютъ гребни, барашки бѣлой пѣны такъ и бѣгаютъ по нимъ.

Береговъ почти не видно; желтыя, однообразныя низины ихъ сливаются съ горизонтомъ. Кое-гдѣ поднимаются темные, глинистые бугры, чернѣютъ калмыцкія стада и обрисовываются очертанія незатѣйливыхъ строеній какой-нибудь рыбной ватаги или временныя пристанища промысловаго люда, жалкія лачуги, ежегодно затопляемыя во время весенняго половодья. На островкахъ ближайшихъ къ Астрахани, замѣтно еще нѣкоторое оживленіе: встрѣчаются тамъ и фруктовые сады, и виноградники, и даже цѣлыя села, какъ, напримѣръ, село Семирублевое; но чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ слабѣе становятся слѣды человѣческаго существованія, тѣмъ живѣе чувствуешь себя на лонѣ матери-природы.

Волжская дельта—это царство рыбы, камыша и птицъ.

Низовья Волги и Каспійское море играютъ главную роль въ русской рыбопромышленности. Изъ всѣхъ рыбныхъ улововъ Россіи, количество которыхъ опредѣляется приблизительно 40 милліонами пудовъ, на долю Каспійскаго бассейна приходится 25 милліоновъ. Главнѣйшіе промыслы Базилевскаго, Сапожниковыхъ и другихъ крупныхъ владѣльцевъ расположены въ окрестностяхъ Астрахани, на взморьѣ. Кромѣ того, рыбнымъ дѣломъ въ Астраханской губерніи занимаются и многія сотни мелкихъ промышленниковъ и «вольныхъ ловцовъ», по мѣстному выраженію. На астраханскихъ промыслахъ однѣхъ сельдей вылавливается отъ 200 до 300 милліоновъ, не говоря о прочей «красной» и «частиковой» рыбѣ. Изъ всего этого количества 75 процентовъ приходится на долю промысловъ низовыхъ и только 25 проц. на долю верховыхъ. Сельди по мѣрѣ улова немедленно солятся и отправляются вверхъ по Волгѣ на всевозможные русскіе рынки, гдѣ раскупаются нарасхватъ. На посолъ рыбы идетъ, какъ мы уже гово-

рили, главнымъ образомъ соль Баскунчакскаго озера, считающаяся самою чистою и хорошею.

Не одни только люди занимаются рыбною ловлею въ низовьяхъ Волги: съ ними соперничаютъ и птицы, и даже неуклюжіе каспійскіе тюлени, особенные охотники до бѣлорыбицы. Весною, когда сельдь тянется цѣлыми полосами изъ моря въ рѣку, наступаетъ настоящій праздникъ для всѣхъ этихъ чаекъ, баклановъ, «рыбаковъ» и «птицъ-бабъ», которыми кишмя кишатъ волжскіе камыши! Какими непроходимыми дебрями одѣли они безчисленные островки волжской дельты; какою высокою зеленою стѣною поднимаются они по обѣ стороны ея протоковъ, привѣтливо кивая при налетѣвшемъ вѣткѣ своими серебристыми верхушками!

Громадныя стада птицъ ютятся въ дебряхъ камышеваго царства. Черные съ зеленоватымъ металлическимъ блескомъ бакланы съ утра до вечера сидятъ на береговыхъ выступахъ, безъ устали ловя рыбу; плавно скользятъ по зеркальной поверхности красивые, изящные лебеди. Здѣсь же водится и розовато-бѣлый пеликанъ или «птица-баба», какъ зовутъ ее мѣстные жители, съ яркокрасными глазами, обведенными желтой кожей, и съ громаднымъ клювомъ, къ которому привѣшенъ широкій мѣшокъ, служащій пеликану складочнымъ мѣстомъ для пойманной рыбы. А сколько другихъ, болѣе мелкихъ породъ птицъ, главнымъ образомъ всевозможныхъ утокъ, водится въ этомъ камышевомъ царствѣ! Хорошо имъ здѣсь, сытно, привольно, да и люди мало ихъ тутъ безпокоятъ...

Послѣ коротенькихъ сумерекъ быстро наступилъ чудный лѣтній вечеръ съ міріадами яркихъ звѣздъ на безоблачномъ небѣ, въ глубокой, темной синевѣ котораго утопалъ взоръ; съ тою неизъяснимою, таинственною нѣгою, которая свойственна однимъ только южнымъ ночамъ... Все шире, все безбрежнѣе становилась Волга; все сильнѣе покачивало нашъ пароходъ.

Вдали показались какіе-то огоньки.

— Вотъ и Бирючья коса,—раздался чей-то голосъ на палубѣ.

Такъ незамѣтно приняло Каспійское море въ свои

широкія объятія великую русскую рѣку, съ которою мы теперь и разстанемся.

Мы видѣли, какъ она изъ маленькаго ручейка Тверской губерніи постепенно превращается въ огромную рѣку, протекающую 3,480 верстъ, омывающую берега 9-ти лучшихъ русскихъ губерній. Мы познакомились съ лѣсистою природой ея *верхняго теченія отъ Твери до Нижняго*, съ плодородными нивами и лугами ея *средней части*, отъ *Нижняго до Царицына*, съ песчаными и солончаковыми степями *ея низовьевъ* отъ *Царицына до Астрахани*. Мы присмотрѣлись къ житью-бытью коренныхъ древне-русскихъ жителей ея верховыхъ великороссійскихъ губерній: Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской, — жителей бойкихъ, смышленныхъ, способныхъ къ торговлѣ и промышленности. Узнали мы кое-что о земледѣльцахъ средней Волги, о крестьянахъ низовыхъ губерній: Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и о кочевникахъ Астраханской губерніи. Теперь, разставаясь съ Волгой и съ вами, читатель, желаемъ вамъ отъ души, при первой возможности, лично познакомиться съ «матерью русскихъ рѣкъ», подышать ея привольемъ, вдоволь налюбоваться на ея ширь и величавость, изучить ее, какъ можно ближе и подробнѣе, а, слѣдовательно, и полюбить ее отъ души. Кто не знаетъ Волги—не знаетъ Россіи.

А. Валуева (Мунтъ).

Кромѣ личныхъ наблюденій и свѣдѣній, собранныхъ нами на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ на Волгѣ, мы пользовались, при составленіи нашихъ очерковъ, между прочимъ, и слѣдующими источниками:

1) В. Рагозинъ, «Волга».

2) Боголюбовъ, «Волга отъ Твери до Астрахани».

3) А. Овсяниковъ, «Очерки и картины Поволжья».

4) А. Александровъ (Альмединген), «Нижній-Новгородъ»).

5) П. Алабинъ, «Трехвѣковая годовщина города Самары».

6) Его-же, «Двадцатипятилѣтіе города Самары».

7) Немировичъ-Данченко, «По Волгѣ».

8) Соловьевъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

9) Карамзинъ.

10) Костомаровъ, «Историческія монографіи».

11) Печерскій (Мельниковъ), «Въ лѣсахъ», «Въ горахъ».

12) Гончаровъ, «Обрывъ», «Обломовъ», «Обыкновенная исторія», «На родинѣ».

13) Аксаковъ С. Т., «Семейная хроника», «Дѣтство Багрова внука», «Записки объ уженьи рыбы и разсказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ».

14) Григоровичъ Д. В., «Рыбная ловля въ моряхъ и на рѣкахъ».

15) Звягенцевъ А. П., «О работахъ по сооруженію Ново-Мариинскаго канала и улучшенію прилегающихъ къ нему плесовъ рр. Вытегры и Ковжи». (Сообщеніе въ собраніи инжен. пут. сообщ.).

16) Спутники по Волгѣ: Монастырскаго.

17) » » Лендера.

18) » » Демьянова.

19) » » Сидорова.

20) Субботинъ, «Волга и волгари».

И многіе другіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА I. Отъѣздъ изъ Твери.—Селигеръ.—Верховья Волги.—Верхне-Волжскій бейшлотъ.—Волжскія мели и волжскіе лоцмана.—Села верхней Волги 3

ГЛАВА II. Корчева.—Кимра.—Настасія башмачница.—Кустарная промышленность.—Артельныя сыроварни.—Едимоновская школа молочнаго хозяйства Верещагина.—Отхожіе промыслы 14

ГЛАВА III. Угличъ.—Воспоминаніе о царевичѣ Димитріѣ.—Молога. Рыбинскъ.—Водныя системы: Тихвинская, Маріинская, Вышневолоцкая.—Географическія причины, ихъ обусловливающія.—Исторія ихъ развитія.—Ихъ современное состояніе 22

ГЛАВА IV. Города по пути отъ Рыбинска до Нижняго-Новгорода: Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ярославль, Кострома.—Толгскій и Ипатьевскій монастыри.—Кинешма.—Юрьевецъ-Поволжскій.—Поворотъ Волги на югъ.—Нижній-Новгородъ 35

ГЛАВА V. Нижній и Верхній Базары.—Кремль.—Ярмарочная часть города.—Легенды объ основаніи Нижняго-Новгорода.—Его исторія . 47

ГЛАВА VI. Нижегородская ярмарка 56

ГЛАВА VII. Астраханскій пароходъ.—Окрестности Нижняго.—Лысково.—Макарьевъ.—Св. Макарій, колонизаторъ и просвѣтитель Поволжья 74

ГЛАВА VIII. Керженецъ—святая рѣка старообрядцевъ.—Пѣсни преданія верхняго Заволжья.—Иванова ночь.—Купальскіе огни.—Озеро Свѣтлояръ и невидимый городъ Китежъ.—Раскольники.—Ихъ скиты.—Занятія и довольство жителей верхняго Заволжья 83

ГЛАВА IX. Васильсурскъ—стерляжья столица.—Сура.—Ветлуга—лыковая рѣка.—Лѣсное царство.—Козьмодемьянскъ.—Чебоксары—столица чувашей.—Откуда взялись на Волгѣ инородцы? 93

ГЛАВА X. Чуваши.—Наружность.—Одежда.—Языкъ.—Жилища.—Занятія.—Народныя празднества: праздникъ по окончаніи полевыхъ работъ, дѣвичьи пиры, поминки.—Чуваши язычники и чуваши христіане. Обрусѣніе чувашей.—Михалка, предсказатель погоды . 98

ГЛАВА XI. Черемисы горные и луговые.—Одежда.—Пища.—Занятія.—Жилища.—Общинное хозяйство.—Любовь и почитаніе лѣса.—Черемисы-язычники.—Ихъ главныя божества.—Жертвоприношенія частныя и общественныя.—Праздники.—Обряды.—Жрецы.—Обрусѣніе черемисовъ.—Нравственныя качества 109

ГЛАВА XII. Мордва.—Одежда.—Обычаи: коляды, проводы русалки, моленье по окончаніи уборки хлѣба.—Свадьбы.—Похороны.—Физическія и нравственныя качества.—Зажиточность.—Обрусѣніе 118

ГЛАВА XIII. Татары.—Наружность.—Отчего въ наружности татаръ, живущихъ въ Европейской Россіи, такъ мало монгольскаго?—Занятія.—Одежда.—Образъ жизни татарскихъ женщинъ.—Жилища.—Мечети.—Богослуженіе.—Рамазанъ.—Курбанъ-Байрамъ.—Свадьбы.—Школы.—Грамотность 124

Стран.

ГЛАВА XIV. Казань съ Волги.—Кремль.—Происхожденіе названія Казани.—Легенды объ ея основаніи.—Взаимныя отношенія царства Казанскаго и русскаго.—Первый походъ на Казань Іоанна IV въ 1550 г.—Основаніе Свіяжска.—Казанская царица Сумбека.—Покореніе Казани 2-го октября 1552 г.—Времена Пугачева.—Современная Казань.—Учебныя заведенія.—Святыни и историческіе памятники Казани 139

ГЛАВА XV. Окрестности Казани.—Село Услонъ и его таинственная могила.—Волга или Кама?—Развалины «Великаго града Булгара».—Черная или Судейская и Бѣлая палаты, минаретъ и др.—Разсказы о древнемъ Болгарскомъ царствѣ араба Ибнъ-Фодлана 160

ГЛАВА XVI. Село Кирельское.—Соколъ-гора и ея пещеры.—Тетюши.—«Дворянское гнѣздо».—Симбирскъ.—Жегули.—Ихъ легенды.—Жегулевская вольница.—Разбойничья рѣка.—Уса.—Ночь въ Жегуляхъ.—Природа Жегулей.—Ставрополь.—Самарская лука.—Царевъ курганъ.—Самарскія ворота 166

ГЛАВА XVII. Самара съ Волги и Самара на самомъ дѣлѣ.—Достопримѣчательности города: памятникъ Императору Александру II, Александровская Публичная Библіотека, залъ Императора Александра II, женскій монастырь и др.—Торговля.—Пути сообщенія.—Историческія воспоминанія.—Митрополитъ Алексій.—Самара и Симбирскъ.—Русь Аксаковская и Русь Гончаровская.—Знаменитые волгари 174

ГЛАВА XVIII. Сызрань.—Асфальтовое производство.—Александровскій волжскій мостъ.—Хвалынскъ.—Черемшанскіе скиты.—Балаково.—Столыпинскія минеральныя воды.—Вольскъ и его основатель Злобинъ.—Нѣмецкія колоніи.—Екатериштадтъ (Баронскъ) 189

ГЛАВА XIX. Общій видъ города.—Историческій обзоръ.—Достопримѣчательности.—Радищевскій музей.—Учебныя заведенія.—Торговля.—Пути сообщенія.—Обмелѣніе Волги 195

ГЛАВА XX. Столбичи.—Разиновъ бугоръ.—Уракова гора.—Камышинъ.—Посадъ Дубовка.—Царицынъ.—Легенда о его основаніи.—Картузъ и дубинка Петра Великаго.—Пути сообщенія.—Нобелевскій керосиновый городокъ 203

ГЛАВА XXI. Сарепта.—Ахтуба.—Владиміровка.—Баскунчакское озеро и соляной промыселъ.—Гора Богдо.—Миражи въ пустынѣ.—Соляная гора Чапчагъ.—Элтонское озеро 209

ГЛАВА XXII. Рыбные промыслы въ низовьяхъ Волги.—Ватаги.—Бѣшенка и вобла.—Рыба красная и частиковая.—Какъ ловится красная рыба на Волгѣ? 216

ГЛАВА XXIII. Обитатели низовьевъ Волги: астраханскіе казаки и кочевники: татары, киргизы и калмыки 224

ГЛАВА XXIV. Князь Тюмень и его Тюменевка.—Пріемъ у княгини.—Пляски.—Музыка.—Угощеніе.—Сказки.—Кумирня.—Богослуженіе.—Соколиная охота 230

ГЛАВА XXV. Калмыцкій базаръ.—Астрахань съ Волги.—Пристань.—Восточные ряды гостинаго двора.—Изъ исторіи Астрахани—митрополитъ Іосифъ и его мученическая смерть.—Чума 1692 г.—Свадебный бунтъ.—Петръ Великій въ Астрахани.—Современная Астрахань и ея достопримѣчательности.—Успенскій соборъ.—Ризница.—Персидская мечеть.—Портъ.—Окрестности Астрахани.—Торговля . 240

ГЛАВА XXVI. Дельта Волги.—Царство рыбы, камыша и птицъ.—Бирючья коса.—Заключеніе 253

Въ книжномъ складѣ

В. И. ГУБИНСКАГО,

въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 61.

Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль».

Сочиненіе Ч. Дарвина. Полный переводъ М. Филиппова; иллюстр. изданіе въ красивой папкѣ, 386 стр. Спб., ц. 1 р. 50 к. «Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль»—одна изъ занимательнѣйшихъ книгъ. Несмотря на присущую Дарвину научную точность и документальность, она читается какъ романъ, и смѣло можетъ быть рекомендована юношеству для образовательнаго чтенія». Отзывъ журнала «Нива».

Красный морской разбойникъ.

Сочин. Франц. Гофмана. Переводъ подъ ред. С. Бріанта. Спб. 319 стр., съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Оглавленіе: Въ Ньюпортѣ.—На кораблѣ морского разбойника.—Новый капитанъ.—Таинственное судно.—Ужасная ночь.—Гибель «Каролины».—На палубѣ «Дельфина».—Въ когтяхъ пирата.—Сынъ «Священнаго острова».—Исповѣдь Фида.—Опасный соперникъ.—Приготовленіе къ бою.—«Капитанъ Говардъ».—Плѣнники на свободѣ.—Трудная миссія.—Роковая битва.—Бичъ морей.—Геройскій поступокъ.—Въ родной семьѣ. Нужно прибавить, что книга эта, какъ и всѣ сочиненія Гофмана, до крайности интересна.

Приключеніе маленькаго савояра.

Сцены и картины изъ жизни горныхъ жителей Савойи. Сост. Ж. Казенъ. 50 рис. Въ папкѣ. 1 р. Въ почтовой каретѣ.—Ферма тетушки Дегранжъ.—Первый проступокъ.—Сокровище крестной матери.—Ловля форелей.—Неожиданная закуска.—Жанъ, увлекаясь игрою, проигрывается.—Мщеніе паяца.—Гроза.—Признаніе Жана.—Разъяренный быкъ.—Новое искушеніе.—Примиреніе двухъ друзей.—Пожаръ на горѣ.—Дикая коза.—Старый рыбакъ.—Кража.—Контрабандисты.—Самоотверженіе рыбака.—Все прощено.

Необычайныя, но достовѣрныя приключенія

капитана Коркорана. Сочин. А. Ассолана. Полный перев. съ французскаго Мазуренко. съ 50 рис. художника де-Невиля. 354 стр. Въ папкѣ, 1 р. 50 к. Имя автора, одного изъ наиболѣе блестящихъ и остроумныхъ французскихъ писателей, служитъ ручательствомъ выдающихся достоинствъ книги, представляющей одинаковый, захватывающій интересъ для читателей всѣхъ возрастовъ. Въ этой книгѣ быстро смѣняются блестящія картины и красивые драматическіе эпизоды, какъ напримѣръ: Освобожденіе изъ англійскаго плѣна Ситту дочери властительнаго раджи, на которой герой и женится впослѣдствіи. Описаніе блестящей побѣды маленькой арміи Коркорана надъ многочисленной англійской арміей Кой—и пр., и пр. Отъ первой и до послѣдней страницы читатель не оторвется.

Бюгъ-Жаргаль, отважный предводитель негровъ

Повѣсть В. Гюо. Переводъ В. Д. Владимірова. Съ 19 рисунками. Изд. В. И. Губинскаго. Спб., 179 стр., ц. 50 к.

Царь степей.

Путешествіе и приключеніе среди индѣйскаго племени. Соч. Люсьена Біара, съ рисунк. художника Ликсъ. Перев. Н. Н. Мазуренко. Спб., въ папкѣ. Цѣна—1 р. 35 к. Авторъ описываетъ нравы и обычаи, религіозныя вѣрованія и предразсудки индѣйскихъ племенъ, населявшихъ Мексику въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Юнга на кораблѣ корсара.

Соч. П. Маэль. Перев. Михайловой, съ рис. франц. художн. Париса и др. Плѣнные.—Дѣтская рѣшимость.—Начало.—Бѣгство.—Въ горѣ.—Спасеніе.—Экипажъ корсара.—Погоня.—Ученіе.—Вдали.—«Saint anne».—Военные мадригалы.—Тревога битвы.—Послѣ сраженія и пр. Съ 48 рис., 262 стр., въ папкѣ, ц. 1 р.

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО. Спб.

Слушайте, дѣтки! 25 разсказовъ. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ 46 рисунк. Спб. 1904 г. 1. 60 к. въ красивой папкѣ. Предлагаемая книжка содержитъ 25 разсказовъ, извлеченныхъ изъ англійскихъ дѣтскихъ писателей. Подборъ сдѣланъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы дать интересное чтеніе дѣтямъ 5—10 лѣтъ. Изъ дѣтскихъ писателей англичанамъ, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Разсказы ихъ естественны, жизнерадостны, въ то-же время, поучительны. Въ нихъ ярко выражаются три основы англійскаго воспитанія: долгъ, характеръ и самодѣятельность. Только правильное развитіе этихъ основъ дѣлаетъ человѣка пригоднымъ для жизни. Въ этой цѣлью въ Англіи даютъ дѣтямъ сравнительно довольно свободы, чтобы они изъ опыта могли вывести заключеніе, что дурные поступки ведутъ за собой дурныя послѣдствія, и остерегались ихъ.

Разсказы дѣткамъ-малолѣткамъ. Б. Дубровской. Съ 55 рисунками и заставками худож. М. Андреева, П. Зубрилова и др. 260 стр. Спб. Ц. 1 р. въ красивой хромолитогр. папкѣ. Предлагаемый сборникъ написанъ съ большимъ интересомъ. Простота и ясность изложенія дѣлаютъ книгу вполнѣ доступною пониманію маленькихъ дѣтей. Масса разнообразнаго содержанія довершаетъ интересъ, а также многочисленныя рисунки книги придаютъ ей наглядности.

Пестрая книжка. Соч. Фр. Гофмана. Перев. В. Энгельгардтъ, съ раскрашен. рисунками въ красивой папкѣ. Спб. Ц. 1 р. 237 стр., всего 130 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. У Мюллера было четверо дѣтей: двѣ дѣвочки и два мальчика. Франсіска была старшая, вторымъ былъ Вилли, третьимъ Валя, а самою младшею была Лена. На этихъ дѣтей нельзя было пожаловаться. Родители пріучили ихъ съ самаго ранняго возраста къ вниманію, порядку и послушанію. Дѣти были отзывчивы на все хорошее, прилежны, внимательны, услужливы, сестренки; и потому имъ всегда всѣ прощали ихъ маленькія ошибки, зная, что это все-таки были очень добрыя дѣти.

Маленькіе баловни. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста, составленныхъ по англійскимъ дѣтскимъ писателямъ. М. А. Лялиной. Всего 100 разсказовъ. Съ 75 рисунками и заставк. англійскихъ художниковъ. 220 стр. Цѣна въ папкѣ 1 руб. Книжка содержитъ 100 разсказовъ, извлеченныхъ изъ англійскихъ дѣтскихъ писателей. Подборъ сдѣланъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы дать интересное чтеніе дѣтямъ отъ 5—10 лѣтъ. Изъ дѣтскихъ писателей англичанамъ, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Разсказы ихъ естественны, жизнерадостны, въ то же время поучительны. Въ нихъ ярко выражаются три основы англійскаго воспитанія: долгъ, характеръ и самодѣятельность. Только правильное развитіе этихъ основъ дѣлаетъ человѣка пригоднымъ для жизни. Съ этой цѣлью въ Англіи даютъ дѣтямъ сравнительно довольно свободы, чтобы они изъ опыта могли вывести заключеніе, что дурные поступки ведутъ за собой дурныя послѣдствія, и остерегались ихъ.

атя. Повѣсть соч. Гордѣевой-Щербинской, съ рисунками, въ папкѣ. Спб. Ц. 1 р. Съ отзывомъ Тургенева. Первое знакомство.—Учитель.—Крестная мать.—Въ городѣ.—Послѣ праздниковъ.—М-мъ Элеонора и М-ье Анжелини.—Возвращеніе.—Маленькій нищенка.—Пріѣздъ на каникулы.—Горбушка.—Дядинъ другъ. Изданіе второе.

Почитай—мы послушаемъ. [illegible] Горбуновой-Щербачевой. [illegible] Похожденія [illegible] [illegible] 264 стран. [illegible] рисунками [illegible] Цѣна 1 руб. [illegible] И. С. Тургенева. ОТЗЫВЪ журнала [illegible] Вас. Петр. [illegible] Горбуновой-Щербачевой: [illegible] Всѣ они возбуждаютъ сочувствіе [illegible] благодаря [illegible] чувству самого автора. [illegible] весьма удачно.

Маленькіе путешественники. [illegible] приключенія трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Повѣсть для юношества Ав. Бадена. Съ 40 рисунк. французскаго художника Беннета. Спб., въ папкѣ 60 к. [illegible] «Маленькіе путешественники» А. Бадена, въ переводѣ съ французскаго изданія, хорошо [illegible] книжка съ многочисленными рисунками, живымъ занимательнымъ описаніемъ приключеній трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Авторъ [illegible] удачной формѣ разсказовъ знакомитъ своихъ юныхъ читателей съ природою и жизнью Алжира [illegible] его теперешнемъ состояніи («Новое Время»).

Сочиненія М. Ѳ. Ростовской (для дѣтей).

М. Ѳ. Ростовская.

Дѣтскія забавы. Разсказы для младшаго возраста. Съ 50 рисунками. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

Четыре времени года. Зима, Весна, Лѣто и Осень. Разсказы изъ деревенскаго быта. 2) Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, повѣсть. Съ рисун. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Жучка.** Разсказъ изъ деревенской жизни. Мильфиль и Горгона (разсказъ). Человѣкъ (очеркъ). Попугай. Съ рисунками, 4-е изданіе. Цѣна 1 руб.

*) **Звѣздочки.** Повѣсти и разсказы для дѣтей. Матрена Карповна съ семействомъ. Слово и дѣло. Контрабасъ. Изъ моихъ юношескихъ воспоминаній. Пара голубей. Три сестры. Почтовыя Марки (фантастическій разсказъ). Съ картинами, въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Крестьянская школа.** Исторія открытія сельской школы М. Ѳ. Ростовской. Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 75 коп.

*) **Сельцо Лебяжье.** Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. 4 изд. съ рисун. Ц. 1 р.

*) **Пони.** Приключеніе Эмскаго осла, повѣсть для дѣтей; съ разсказами: Голенькій охъ—за голенькимъ Богъ. Дѣти натуралисты. Смѣтливый мальчикъ. Съ рисунками, въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Разсказы изъ путешествій по Швейцаріи.** 2-е изд. Съ рисунками, 274 стран., въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Кладъ. Историческая повѣсть временъ завоеванія Іоанномъ III Великаго Новгорода, соч. К. Теплова, съ рисунками. Въ этой повѣсти авторъ мастерски рисуетъ жизнь и нравы русскихъ во времена Марфы Посадницы и борьбу Великаго Новгорода съ Іоанномъ III. Книга написана для юношества. Въ папкѣ 60 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) Избранныя сказки Андерсена.

Переводъ М. А. Лялиной. Изданіе иллюстриров. Спб., 272 стр., ц. 1 р. Знаменитый дѣтскій писатель Андерсенъ пользуется громадною популярностью во всей Европѣ. «Его сказки покорили ему сердца всего земного шара. Здѣсь онъ по истинѣ поэтъ Божіею милостью, ибо признанъ не одними лишь немногими избранными, но всѣми народами въ совокупности».

азсказы бабушки-всезнаюшки.

Соч. Ант. Бѣлозоръ. Шишка зайчишка. Воробышекъ.—Незабудка. Ушастые друзья.—Зина и Тоня.—Карлушка. Проказницы.—О трехъ заинахъ.—Болкъ и Анисья бабушка.—Шоколадное яйцо. Мама Петя.—О кроликѣ.—Курочка Чернушка.—Въ циркѣ.—Кощей безсмертный.—Кузя-Галченокъ.—Уличная дѣвочка.—Дѣдушка морозъ.—Бабушка и Ида. Для маленькихъ дѣтей. Съ рис. худ. Чигина. Спб., въ крас. папкѣ, ц. 1 р. 229 стр.

*) Путешествіе Гулливера

по отдаленнымъ странамъ свѣта. Обработано Фр. Гофманомъ. Перев. А. Н. Неѣловой, съ 45 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Путешествіе Гулливера одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ въ мірѣ; она очаровываетъ читателя и заставляетъ его переживать и испытывать все то, что испытывалъ авторъ, путешествуя по «Невѣдомымъ странамъ».

*) Двѣсти разсказовъ

для дѣтей младшаго возраста. Соч. Христ. Шмидта. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Неѣловой, съ 70 рисунками. Спб., 270 стр., въ красивой папкѣ, ц. 1 р. Предлагаемый сборникъ для дѣтскаго чтенія написанъ съ живостью и мастерствомъ, присущими перу этого удивительно талантливаго писателя, стяжавшаго всемірную извѣстность среди дѣтскихъ писателей. Тонкій умъ, живая наблюдательность автора придаютъ каждому разсказу огромный интересъ, а простота и ясность формы дѣлаютъ его вполнѣ доступнымъ дѣтскому пониманію.

А. Н. Неѣлова.

*) Золотое дѣтство.

Разсказы для дѣтей младшаго возраста, изложенные по сборникамъ нѣмецкихъ писат. А. Н. Неѣловой, съ 75 рисунками и заставками нѣмецкихъ и русскихъ художниковъ, 270 стр., въ красивой папкѣ, цѣна 1 руб. 20 к. Въ названный сборникъ вошли произведенія любимыхъ нѣмецкихъ писателей и писательницъ. Произведенія этихъ авторовъ живы, естественны и въ то же время полны высокопедагогическаго значенія. Многочисленные рисунки—нѣкоторые разсказы имѣютъ ихъ по нѣсколько—придаютъ еще большій интересъ книгѣ. Подборъ разсказовъ сдѣланъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы дать 6—10 лѣтнимъ дѣтямъ не только интересное, но и поучительное чтеніе.

*) Маленькіе школьники пяти частей свѣта.

Маленькій парижанинъ.—Маленькій американецъ.—Маленькій китаецъ.—Маленькій эскимосъ.—Маленькій африканецъ.—«Курчавая голова», маленькій австраліецъ. Соч. Эд. Бертэ. Перев. А. Неѣловой, съ 60 рисунками. Спб., въ папкѣ, цѣна 1 руб.

*) Для ума и сердца.

Разсказы для дѣтей средняго возраста по нѣмецкимъ дѣтскимъ писателямъ А. Н. Неѣловой. Съ 60 рисунками, 263 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Нѣмецкіе писатели не только крупные художники слова, но и большіе знатоки дѣтскаго міра. Своими простыми, часто трогательными разсказами, проникнутыми священнымъ огнемъ любви къ Богу и ближнему, они пробуждаютъ въ душахъ юныхъ читателей стремленіе къ добру и красотѣ и тѣмъ благотворно дѣйствуютъ на впечатлительную натуру дѣтей не умѣющихъ разбираться въ вопросахъ жизни и одинаково поддающихся какъ хорошему, такъ и дурному. Дать же дѣтямъ во время хорошій урокъ—великое дѣло, ибо ребенокъ не только чувствуетъ и воспринимаетъ правду и добро гораздо глубже, чѣмъ это думаютъ, но нерѣдко слишкомъ рано узнаетъ оборотную сторону жизни.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

*) **Сто сказокъ разныхъ странъ и народовъ.** Сборникъ сказокъ А. Неѣловой. Большой томъ, 460 стр., съ 160 рисунками въ красной папкѣ, ц. 2 р. Въ этомъ сборникѣ помѣщены лучшія сказки англійскія, арабскія, болгарскія, датскія, индѣйскія, испанскія, нѣмецкія, румынскія, русскія, кавказскія, чешскія, сартскія, финскія, эстонскія, сербскія, турецкія, фламандскія, французскія, чешскія, шведскія и японскія.

*) **Избранные сказки и разсказы.** Соч. А. Додэ. Перев. А. Неѣловой. Съ 35 рис. худ. Баяра и Марц. 2[illegible] стр., въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. Какого бы предмета авторъ ни касался въ своихъ произведеніяхъ, веселаго или грустнаго, отвлеченнаго или реальнаго, всюду онъ вѣренъ себѣ, всюду онъ—изумительный наблюдатель, глубокій знатокъ человѣческой души и [illegible].

Сказки доброй Феи. Сочин. Ж. Массе, съ 48 рисунками художника Берталя. Переводъ съ французскаго А. Н. Неѣловой, въ красивой папкѣ, ц. 1 р. Сказки Ж. Массе занимаютъ выдающееся мѣсто въ дѣтской литературѣ. Онѣ являются для дѣтей незамѣнимымъ чтеніемъ, такъ какъ авторъ стремится не только позабавить и развлечь своихъ читателей, и его главная цѣль—пробудить въ нихъ «добрыя чувства» и просто ясно отвѣтить на нравственные запросы, которые зарождаются въ дѣтскихъ головкахъ. Фантастическія по формѣ, но полныя реализма по содержанію, сказки Ж. Массе производятъ особенно сильное впечатлѣніе на дѣтей—отсюда ихъ огромное воспитательное вліяніе, чистая, благородная муза, которая пробуждаетъ сочувствіе и любовь ко всему прекрасному и твердую вѣру въ полное торжество добра на землѣ.

Другъ дѣтей Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и пересказанныхъ по нѣмецкимъ писателямъ А. Н. Неѣловой, съ 95 рисунками художн. Каульбаха и др. Въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Зима. Каштанчики дѣти. -Послѣ школы. Первый урокъ. Приключенія ласточки. Мышка. Вѣтерокъ. -Храбрый Федя.—На волосокъ отъ смерти.—На сѣновалѣ.—Игра въ солдаты.—Трудный урокъ.—Бѣлянка.—Даромъ ни одно доброе дѣло не пропадетъ. —Маленькій Фрицъ. Недовольный оселъ. —Лакомка. Что зайка увидѣлъ въ сочельникъ.- Вова и дымка. - Любопытный Левушка.—Близнецы. — Братишка-нянька. Маленькая мама. Кто полезнѣе.—Добрый старичекъ. Маленькій музыкантъ. Что Коля и Маня видѣли въ лѣсу.- Лизочкинъ сонъ. -Семейство Цыпкиныхъ. - Исторія одной куклы. - Совокъ да не ловокъ. Страшная минута.--Рыбка. Петя-плакса. - Яшка-воръ. Федяк горе и пр. и пр.

*) **Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена.** Соч. Фр. Гофмана, пер. А. Неѣловой, съ 50 рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Что за удивительный разсказчикъ былъ баронъ Мюнхгаузенъ. Сколько блестящаго остроумія и неистощимаго юмора въ его разсказахъ о своей богатой удивительными приключеніями жизни. Немудрено, что всякій, кому попадется его книжка, прочтетъ ее съ захватывающимъ интересомъ.

Снѣжинки и лепестки. Разсказы и стихотворенія И. П. Позднякова. Съ рис. художн. Зубрилова, Андреева и др. 270 стр., ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 коп. Снѣжинки.—Павлинъ и журавль.—Каня.—Въ морозъ и вьюгу.—Дурочки или Патріархъ-отъ-географіи. — Надежда. — Чужой дядя.—Клевета.—Они узнали.—Въ глуши.—Наши другъ Мумка.—Гутенбергъ.—Дѣти золотой глуши.—Вѣтеръ и Солнце.—Двѣ картошки.—Лучъ. Подъ музыку.- Въ бѣлую ночь.—Няня лгала. Правда. Крыша. Каня. -Запоздалымъ лѣтомъ. Дядя старался.--Чадо.—Лепестки. -Обезьяна.

*) **Итальянскія сказки.** Собраны и обработаны Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 62 рисун. 318 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. У итальянскихъ писателей богатая фантазія бьетъ бурнымъ ключемъ, живость разсказа, разнообразіе и богатство сказочныхъ образовъ невольно увлекаютъ юнаго читателя въ страну чудеснаго.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Чтеніе—лучшее ученіе. [illegible] Е. Чистяковой-Вэръ [illegible] 80 рисун. 279 стр. ц. 1 р. [illegible] разсказы [illegible] 10—12 лѣтъ [illegible] въ однихъ [illegible] въ другихъ—[illegible] не теряться [illegible] Все разсказанное [illegible] что «Чтеніе лучшее ученіе».

*) Въ добрый часъ.

[illegible] Составлены [illegible] англійскимъ и американскимъ [illegible] Е. Чистяковой-Вэръ, съ 72 рисун. ц. 1 р. Энергія, самостоятельность, твердость воли, сознаніе своего долга и чувство отвѣтственности, свойственныя молодому поколѣнію англичанъ и американцевъ, отражаются въ этихъ разсказахъ, какъ въ зеркалѣ. Мальчикъ лѣтъ десяти смотритъ за младшей сестрой, готовъ пожертвовать жизнью, чтобы спасти отъ опасности порученную его заботамъ малютку или исполнить какой либо другой возложенный на него долгъ, который для него является святыней. Дѣти одни ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, совершаютъ далекія прогулки и всегда, за рѣдкими исключеніями, дѣйствуютъ самостоятельно и разумно.

Англійскія сказки.

Собранныя и обработанныя Е. Чистяковой-Вэръ, 360 стр. съ 100 рис., въ папкѣ ц. 1 р. 50 к. Въ сборникъ «Англійскія сказки» вошло много народныхъ преданій, легендъ; дѣйствующими лицами въ нихъ являются простоватые великаны, колдуны, храбрецы, силачи и нѣжные крошечные крылатые эльфы, живущіе въ чашечкахъ цвѣтовъ, духи лѣсовъ, горъ и жилищъ и пр. и пр. Въ книгѣ помѣщены нѣсколько сказокъ Киплинга, въ которыхъ описываются характеры и нравы звѣрей; интересны даже для взрослыхъ читателей, а также нѣсколько грандіозныхъ поэтическихъ сказокъ Карана, Олькотъ, Гиктонъ, Саденъ, Джонсъ и мн. др.

Е. М. Чистякова-Вэръ.

*) Исторія крестовыхъ походовъ.

Соч. проф. О. Гене-Амъ-Рина, перев. съ нѣмец. Е. М. Чистяковой-Вэръ съ 60 отдѣльными картинами художника Густава Дорэ. Изданіе В. И. Губинскаго, въ красивой папкѣ. Въ этой книгѣ описываются всѣ семь походовъ крестоносцевъ для освобожденія Гроба Господня въ Іерусалимѣ отъ владычества мусульманъ, предпринятыхъ христіанскими королями—французскими Людовиками VII и IX, Филиппомъ II, Германскимъ Фридрихомъ Барбаросса, Англійскимъ Ричардомъ Львиное сердце и мн. друг. съ 1096 по 1291 г. (Готовится къ печати). Книга интересна и читается, какъ романъ. Рисунки Дорэ дополняютъ интересъ книги.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Приключенія маленькаго лорда.

Соч. Ф. Бернетъ. Перев. съ англійскаго Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 25 рисун. Спб., въ папкѣ, 1 р. Намъ кажется, исторію маленькаго лорда можно назвать образцовымъ романомъ для дѣтей; въ этой книгѣ нѣтъ ни тѣни желанія поучать, но каждая ея страница поднимаетъ въ душѣ даже взрослаго читателя все, что въ ней есть лучшаго. Въ ней нѣтъ ни одного скучнаго мѣста; читая ее, ни разу не подумаешь: это можно было бы пропустить, а окончивъ жалѣешь, что послѣдняя страница уже прочитана, и черезъ нѣсколько времени непремѣнно снова открываешь ее и начинаешь наслаждаться съ первой же страницы, по-долгу останавливаясь на любимыхъ мѣстахъ. Это перлъ дѣтской литературы, и каждому читателю юному, взрослому или старому онъ всегда доставитъ высокое наслажденіе.

Серебряные коньки.

Исторія одной голландской семьи и затѣи школьниковъ. Сочиненіе Сталь, перев. Н. Н. Мазуренко, 324 стр., съ 50-ю рисунками художника Шулле. Спб., ц. 1 р. 25 к. Голландія—страна особенная, значительная часть ея лежитъ ниже уровня моря; часть эта ограждена громадными плотинами, на которыхъ построены дома, укрытые тѣнистыми садами. Бывали случаи, что морская вода разрушала такія плотины и причиняла жителямъ страшныя бѣдствія. Обитатели Голландіи народъ честный, энергичный, трудолюбивый и талантливый. Изъ своей среды они сумѣли выдвинуть замѣчательныхъ представителей науки, литературы, техники и въ особенности художества. И дѣйствительно, кому неизвѣстна голландская школа художниковъ. Авторъ талантливо рисуетъ нравственность, обычаи, общественную и школьную жизнь страны. Большое мѣсто отведено описанію «состязаній на конькахъ», въ которомъ участвуютъ затѣи школьниковъ и школьницъ. Побѣдитель въ награду получаетъ при очень торжественной обстановкѣ серебряные коньки, для чего долго упражняются въ катаньи на конькахъ, чѣмъ развиваютъ силу, ловкость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтаютъ здоровье. Въ красивой хромолит. папкѣ.

расный морской разбойникъ.

Сочин. Фран. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стр., съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 коп. Оглавленіе: Въ Ньюпортѣ.—На кораблѣ морского разбойника.—Новый капитанъ. Таинственное судно.—Ужасная ночь. Гибель «Каролины».—На палубѣ «Дельфина».—Въ когтяхъ пирата.—Сынъ «Священнаго острова». Исповѣдь Фида.—Опасный соперникъ.—Приготовленія къ бою.—«Капитанъ Говардъ». Плѣнники на свободѣ.—Трудная миссія.—Роковая битва.—Бичъ морей!—Геройскій поступокъ. Въ родной семьѣ. Нужно прибавить, что книга эта, какъ и всѣ сочиненія Гофмана, до крайности интересна.

*) «Вовремя оно». Бенъ Хуръ

Повѣсть временъ земной жизни Іисуса Назарея. Соч. Уаллеса. 2-е изданіе, съ 75 рисунками. Спб., 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к. „Смотри, какъ издали съ высоты востока путеводная звѣзда спѣшитъ пролить на міръ свой лучезарный свѣтъ. И міромъ дышала ночь, въ которую Царь свѣта явился на землю для царства мира. И вѣтерокъ, дивясь чуду, нѣжно лобзалъ воды, передавшія эту новую радостную вѣсть тихимъ волнамъ океана, нынѣ вполнѣ забывшимъ эти грезы, когда мирныя птицы колышатся на ихъ чарующихъ гребняхъ. (Мильтона гимнъ „Рожденіе Христа“).

*) Основы общедоступной психологіи

и ея примѣненіе къ воспитанію. Джекъ Селли. Переводъ съ англійскаго М. Ш., подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1902 г. Цѣна 1 р. 35 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. стар. возр. и библ. ср. уч. зав.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Сѣверный богатырь. А. В. Суворовъ. Вездѣ великій человѣкъ. Иллюстрированное изданіе. Сочиненіе Л. А. Чарской. Любимый предметъ изученія [illegible] Суворова, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, [illegible] побѣдитель. Суворовъ покоритель Италіи и [illegible], побѣдитель при Рымникѣ, [illegible] Польши, [illegible] событій, [illegible] міръ въ началѣ XIX вѣка [illegible] спасать Царей [illegible] на берегахъ Требіи и [illegible] Сенъ-Готарда, въ угодѣ [illegible] засѣдалъ въ совѣтахъ Царей и [illegible], жилъ [illegible] въ своемъ сельскомъ уединеніи — пѣлъ на клиросѣ своей деревенской церкви, игралъ съ ребятишками въ бабки. Вездѣ самобытный, неизъяснимый, [illegible] загадка, которую разгадаетъ только тотъ, кто разгадаетъ Русь и ознакомится съ [illegible] Русскимъ. Помилуй Богъ, говоритъ Суворовъ, — не [illegible] — и вамъ самъ себя расскажу: Цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, при дворѣ надо мною смѣялись. Я [illegible] являлся при дворахъ, побасенками я говорилъ правду, былъ Балакиревымъ для пользы отечества и пѣлъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ. А родись я Цезаремъ, я былъ бы гордъ, какъ онъ, но уберегся бы отъ его пороковъ! (Готовится къ печати).

Солнышко. Сборникъ разсказовъ для дѣтей Л. А. Чарской. Солнышко. Разсказъ. Принцъ Фіалка. Катька, Катюша, Катринъ и Катишъ. (Исторія одной Кати). Котишъ, Катринъ, Катюша, Катька, разсказъ. Новая бабушка. Поѣздка заграницу и др. разсказы. Съ рисунками, въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к.

Струйка за струйкой—волна за волной. Пересказы нѣмец. дѣт. писат. Л. Чарской, съ рисун. 1 р. 25 к. Живая игрушка, Мальчикъ съ обезьянкой, Урокъ на всю жизнь, Фея работы, Господа Косогорскины, Я могу самъ, Чернушка, Заблудшая овечка, Горе перепелокъ, Благотворительница, Злюка Мими, Слезами горю не поможешь, Волшебное превращеніе, Полезная затѣя, Нянька и пр. и пр.

Л. А. Чарская.

Синія тучки. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста Л. А. Чарской съ 49 рисунками и заставками художн. А. Шпигера и др. Красивый томъ, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: Двѣ елки. — Аганька. — Юнга. — Правдивые. — Экзаменъ. — Подъ русалочка. — Предательница. — Только для бѣдныхъ. — Благодѣтель. — Волчонокъ. — Мальчишка. — Безъ сердца. — Графиня Зозо. — Лидочка. — Синичка. — Гдѣ живая игрушка. — Чудовище. — Бѣдный Тонечка. — Въ гости къ бабушкѣ. — Танюша. — Приключеніе Мишки.

Гимназисты. Повѣсть. Оглавленіе: Отецъ. — Капернаумъ. — Къ допросу. — Къ директору. — Предательскій замыселъ. — Возстаніе арианъ. — Товарищъ искаріотъ. — Бѣгство. — Діагнозъ знаменитости. — Карикатура. — Бенефисъ титипса. — Любимецъ и опальный. — По разнымъ дорогамъ. — Волненіе восьмиклассниковъ. — Дядя выручилъ. — На порогѣ новой жизни. — За наградами. — Передъ разлукой и пр. Сирена. Повѣсть. Въ глуши. Повѣсть. Три повѣсти соч. Л. Чарской съ рисун. М. Андреева, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*) Свѣтлый Воинъ Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедмитрія и Василія Шуйскаго. Соч. Л. Чарской; съ рисун. художника Андреева и др. 365 стран. Спб., ц. 2 руб. Въ этомъ произведеніи талантливый авторъ исторически вѣрно описываетъ картину жизни Русскаго народа въ періодъ смутнаго времени (1605 — 1612 годахъ), а именно послѣ смерти Царя Бориса слѣдуетъ трагическая смерть и его семьи. Царствованіе Чуднаго Лжедимитрія. Бунтъ народа противъ самозванца и смерть его. Появленіе второго самозванца названнаго исторіей «Тушинскій воръ». Избраніе въ цари В. И Шуйскаго и неумѣлое его правленіе Русью, вслѣдствіе чего явилась измѣна бояръ и воеводъ, и равнодушіе войска и народа погрузили страну въ анархію. Въ это тяжелое время къ спасенію Россіи явились истинные патріоты родины: Мининъ, Пальцынъ,Пожарскій, Ляпуновъ, а въ особенности выдѣлившійся изъ нихъ молодой князь Скопинъ-Шуйскій,—племянникъ царя, который несмотря на свои юношескіе годы былъ одаренъ сильнымъ умомъ, стойкостью воли и несомнѣннымъ воинскимъ дарованіемъ, и этотъ «свѣтлый воинъ» успѣшно боролся съ поляками, осаждавшими Троицкую Лавру, съ мятежниками-казаками, «Тушинскимъ воромъ» и прочимъ сбродомъ, грабившимъ Россію со всѣхъ концовъ. Князь Михаилъ и самъ не сознавалъ того необычайнаго дѣйствія, которое онъ производилъ на враговъ. Но когда его бѣлый конь появлялся на ратномъ полѣ у стѣнъ осажденнаго города, или когда его острый мечъ поднимался въ сторону врага, трепетъ охватывалъ послѣдняго. Что-то великое, не земное было въ грозной боевой фигурѣ юнаго стратега. Какою-то затаенною страшною силой обладало все его существо. Онъ какъ бы воплощалъ собою другого вождя и воина—побѣдоносца Георгія, который и былъ изображенъ на знаменіи князя, постоянно сопровождавшаго его въ бою. А между тѣмъ грозный и немилостивый съ врагомъ, князь Михаилъ былъ добръ и свѣтелъ душою среди окружающихъ. У него было чуткое, любящее сердце и довѣрчивая, благородная душа. Вотъ этотъ то молодой князь съ большимъ успѣхомъ велъ возстановленіе порядка, но, къ сожалѣнію, ранняя смерть прекратила жизнь этого прекраснаго дѣятеля, и онъ умеръ на 24 году. Смѣемъ думать, что чтеніе этой книги возбудитъ интересъ въ русскомъ юношествѣ къ смутному времени на Руси.

*) Яркія звѣздочки.

Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Л. А. Чарской; съ 60 рисунками и заставками художника И. Зуорилова и др. въ папкѣ, ц. 1 руб. 20 коп. Содержаніе: Пашина дочка.—Труськина елка.—Нютина посылка.—Васильекъ.—Диночка.—Новенькая.—Злючка.—Гришина елка.—Кто лучше?—Скучно.—На берегу моря.—Ко дню рожденія мамы.—Я такъ хочу.—По методѣ доктора Мартина.—О чемъ плакала птичка.—Барашекъ.—Дѣдушкины глазки.—Кто любилъ Тарочку больше.—Несчастливый день Тони.—Котики и Попка.—Царица мама.—Семейство Царапкиныхъ.—Въ первый разъ.—Большая кукла.—Жалоба Трезорки.—Судъ Соломона.—Сѣренькая птичка.—Три слезинки королевы. — Пріѣздъ мамы.—Свѣтлый мальчикъ.—Маленькій графчикъ.—Муся.—Сюрпризъ. Весенняя сказка.—Ильюшка и Дружокъ.—Разбойники.

Дѣтишки, ихъ дѣлишки.

Разсказы для дѣтей М. А. Лялиной, съ рисунками художника А. Чикина ц. 50 к. Для младшаго возраста недурны четырнадцать разсказовъ или скорѣе сценокъ изъ дѣтской жизни: «Дѣтишки, ихъ дѣлишки». Видно, что авторъ освоился съ міркомъ, который описываетъ, и чувствуетъ себя въ немъ, какъ дома. Мило написаны разсказы: «Свѣтлое Христово Воскресенье», «Праздникъ не въ праздникъ» и «Новички» Книга не дорога («Новое Время»).

Были и былинки. *)

Антъ. Бѣлозоръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста, съ рисунками худож. А. Чикина, въ папкѣ, 264 стр., ц. 1 р. Миша Вороновъ.—Фишка. – Разсказъ крестьянина.—Дѣло по сердцу.—Широкая масляница.—Лида. – Водолазъ. Дѣдушкина память.—Капунъ сочельника.—Деревенскія картинки.—Фіалка и соловей.—Обиженная.—Миронова работница. Сочиненія г-жи Бѣлозоръ. Это сборники разсказовъ для дѣтей младшаго и старшаго возраста; разсказовъ очень интересныхъ, содержательныхъ и очень мило иллюстрированныхъ. Въ ряду дѣтскихъ хорошихъ изданій книжка г-жи Бѣлозоръ, безъ сомнѣнія, должна занять видное мѣсто, и мы рекомендуемъ ее вниманію родителей. («Новое Время» № 6357).

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Сочиненія Клавдіи Владиміровны Лукашевичъ.

*) **По морю житейскому.** Разсказы для дѣтей Клавд. Влад. Лукашевичъ съ портретомъ автора, съ 39 рис., въ красивой папкѣ. 2 изданіе. Спб., ц. 1 р. 25 к.

*) **На жизненномъ пути.** Повѣсти и разсказы Клавдіи Лукашевичъ. 3-е изданіе. Спб. Съ 35 рисунками и заставками, въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к. Мин Нар. Просв. для безпл. нар. чит.

*) **Тучки.** Сборникъ разсказовъ Клавдіи Лукашевичъ. Въ красивой папкѣ и съ рисункам художниковъ Андреева, Никитина и Владимірскаго. Спб., ц. 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. въ уч. мл. возр., библ. сред. уч. зав., въ библ. низш. уч. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Няня.** Повѣсть для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, съ рисун Никитина, 3-е изд. ц. 40 к. У. К. М. Н. П. одоб. для ученич. библ. школъ.

Древній мудрецъ Сакія-Муни. (легенды) для дѣтей старшаго возраста. Сост. Клавдія Лукашевичъ. 87 стр., ц. 30 к.

*) **Изъ деревни.** (Акуля). повѣсть для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, рис. Питина. 4 изд., ц. 30 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учен. библ. нач. школъ.

К. В. Лукашевичъ.

*) **Босоногая команда.** Повѣсть для дѣтей изъ недавняго прошлаго Клавдіи Лукашевичъ, съ рисун. художн. Т. Никитина. 4-е изданіе Спб., ц. 40 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. одобрена для учен. библ. нач. школъ.

Трубочистъ. Хлѣбныя зерна. Два разсказа для дѣтей, съ рис. художн. К. Никитина и бар. Клодта. Спб., 2 изд., ц. 40 к.

*) **Честное слово.** Повѣсть Кл. Лукашевичъ, съ рис., ц. 40 к.

*) **Провинился и Игнашинскій барчукъ.** 2 разсказа Кл. Лукашевичъ, съ рисун. Спб., ц. 40 к.

*) **Родные уголки.** Сборникъ разсказовъ и сказокъ для дѣтей младшаго возраста Клавдіи Лукашевичъ. Съ рис. Спб. 1907 г., цѣна 90 к.

Мой товарищъ. Дѣтскій альманахъ. I. Рождество Христово во Св. Землѣ. —II. Наши лучшіе друзья. —III. Въ VIII школу. IV. Св. Пасха.—V. Изъ жизни природы. VI. Смѣсь. —VII. Изъ жизни животныхъ. —VIII. Полезныя и справочныя свѣдѣнія. Сост. К. Лукашевичъ, съ 100 рисун., въ папкѣ, 297 стр. ц. 1 р. 25 к.

*) **Робинзонъ Крузо младшій.** Соч. Кампе (для дѣтей). Переводъ Н. Х. Весселя, съ раскрашенными картинами, въ папкѣ (большой томъ). Спб., ц. 1 руб. 25 коп. Мин. Нар Просв., для безпл. народн. читаленъ.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Чудо-сказочки. Соч. Бехштейна. Пер. съ нѣм. [illegible] А. Юрьева. 317 стр., съ 72 рис. Спб., цѣна 1 р. [illegible] [illegible] многочисленныхъ [illegible] лучшихъ [illegible] рисунки литографированы; въ красивой папкѣ. Содержаніе: Волшебная палочка. Королевичъ [illegible] Волшебная [illegible] Ночной Гризуха. Зайчикъ. Сильный [illegible]. Лягушка-кумушка. Бездушный. [illegible]. Черный графъ. Маленькій крохотный человѣчекъ. Странное [illegible]. Острый ножикъ. Храбрый попрошайка. Шапка карлика. Мясникъ-путешественникъ. Рыцарскій турниръ. Мальчикъ, учившійся колдовству. Три желанія. Два пастушка. Самое необходимое. Рыбій царь. Змѣя съ золотымъ ключемъ. Золотое стадо. Проклятый городъ. Три рыла. Говорящій оселъ. Благочестивый рыцарь. Странствующій посохъ. Волшебныя вещи. Голубое племя. Неблагодарность. Жирный и тощій. Орлы и вороны. Зайцы и король слоповъ. Заяцъ и птица. Пустынникъ и три мошенника. Хитрый воронъ. Воръ и дьяволъ. Превращеніе мыши. Коварство и месть ворона. Два брата. Змѣя-благодѣтельница. Книга удостоилась прекрасныхъ отзывовъ нѣмецкой прессы.

*) **Чешскія сказки.** Собранныя Эрбеномъ и Нѣмцевою. Перев. съ подлинника **М. А. Ляялиной**, съ 36-ю рисунками, 286 стр. Спб., ц. 1 р. «Не меньше полезною книгою намъ представляется, изданный В. И. Губинскимъ, сборникъ «Чешскія сказки». Собраны онѣ Карломъ Эрбеномъ и Баженою Нѣмцовою и прекрасно переведены М. А. Ляялиною. Хотя мотивы большею частью и знакомы намъ по сборникамъ бр. Гриммовъ, но все же они обработаны въ національномъ духѣ и поэтому представляютъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу между народныхъ сказокъ. Изъ остальныхъ сборниковъ сказокъ отмѣтимъ «Польскія сказки» въ переводѣ подъ редакціею г. Домбровскаго и сказки Уйда». (Отз. Новое Время»). **Уч. Ком. О ин. Нар. Пр.** доп. въ уч. мл. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Избранныя сказки для дѣтей Вильгельма Гауфа.** Перев. Федоровой. Съ 36. рис., въ красивой папкѣ, 240 стр., ц. 1 р. Сказка о калифѣ-аистѣ. Сказка о кораблѣ съ привидѣніями. Спасеніе Фатьмы. Сказка о маленькомъ Мукѣ. Сказка о ложномъ принцѣ. Карликъ Носъ. Сказка о Альмансорѣ. Повѣсть о судьбѣ Саида. Сказка объ отрубленной рукѣ. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ уч. мл. возр., библ. ср. уч. зав., а равно и въ безпл. нар. библ. и чит.

Сказка о щелкунчикѣ и мышиномъ королѣ. Ф. Гофмана. Переводъ З. Журавской, съ рисунками Т. Никитина, ц. 60 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 25 к.

Зоологическій садъ 24 хромолитографиров. рисунка, отпечат. заграницей, въ видѣ Альбома большаго формата. Пѣтухи. Гуси и Утки, Индѣйки, Павлины. Собака, Кошка, Лошади, Корова, Овцы, Козы, Свинья, Ослы, Волки, Бѣлыя медвѣди, Страусы, Верблюдъ, Зубра. Жиравъ, Обезьяны, Слонъ. Левъ, Носорогъ, Тигръ и Ягуаръ. Въ папкѣ, цѣна 1 р. 50 к. Хорошій подарокъ маленькимъ дѣтямъ.

*) **Донъ-Кихотъ Ламанчскій** 700 рис. Соч. Мигуэля Сервантеса Переводъ съ испанскаго. В. Карелина. Исправленный и дополненный В. Зотовымъ, въ 2 громадныхъ томахъ, напечатанныхъ на прекрасной веленевой бумагѣ, 1000 страницъ, съ 700 иллюстраціями, Спб., ц. 3 р. Внес. въ кат. книгъ изд. по расп. М. Н. П., для безп. нар. чит.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Прос., для ихъ уч. завед.

*) **Сказки Уйда.** Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ рисунками. 2 изданіе Спб., ц. 1 р. «Дѣтямъ требуется именно тотъ мягкій спокойно-эпическій симпатичный тонъ, которымъ отличаются разсказы Уйда.» Книжка отличается по качествамъ внутренняго содержанія и полному, безупречному умѣнью держать фантастическій элементъ въ границахъ правды. Признавая этотъ элементъ литературныхъ произведеній не только важнымъ, но даже необходимымъ, считая его факторомъ развитія въ дѣтяхъ, такъ сказать, сердечной стороны духовнаго ихъ существа, мы, тѣмъ не менѣе, находимъ, что авторамъ въ сферѣ дѣтской литературы слѣдуетъ неотступно держаться на реальной почвѣ, т. е. держать фантастическій элементъ въ тѣсныхъ и неразрывныхъ рамкахъ правды и строгой логичности. Именно этимъ прекраснымъ свойствомъ и отличается перо Уйда. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. возр., библ. средн. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Польскія сказки. Съ рисунками художника Штейна. Спб., ц. 1 р. 20 к. Два брата.—12 заколдованныхъ орлихъ.—О купцѣ и найенышѣ.—О повѣтріи.—Березка-вѣщунья.—О царѣ Траянѣ.—О недовольномъ языкѣ.—О задолдованномъ змѣѣ.—О царѣ Зефирѣ.—О мужичкѣ-королѣ.—О вдовьемъ сынѣ и колдунѣ.—О королевичѣ скрягѣ и королевичѣ щедромъ.—Объ отцовскомъ проклятіи.—О черной горѣ.—Братья богатыри.—Наказанный колдунъ.—Разбойникъ Моѳей.—Королевичъ Воронъ.—Пагубные глаза.—Заячье сердце.—Мужичекъ горемыка.—Три пустынника.—О царевнѣ и пяти ягнятахъ.—О колдуньѣ и трехъ феяхъ.—О бѣдности и нищетѣ.—О человѣкѣ оборотнѣ.—О царѣ Гукъ-Пукѣ. Всего 31 сказка, всѣ онѣ иллюстрированы художникомъ Штейномъ и др. Надѣемся, что «Польскія сказки», какъ очень интересныя по своему содержанію и принадлежащія разнымъ извѣстнымъ польскимъ писателямъ, прочтутся русскою маленькою публикою съ большимъ интересомъ. Книга имѣетъ 312 стр.

Среди звѣрей. Русскія сказки, собр. М. Шевляковымъ. Спб. 274 стр., съ рисун., ц. 1 р. Эта книга отвѣчаетъ любимому жанру дѣтей: разсказы о животныхъ всегда были занимательны и поучительны. Помимо образовательныхъ задачъ сказки, съ фигурирующими въ нихъ животными, представляютъ широкое поле для моральныхъ выводовъ и характеристикъ, явленій общественной жизни, занимательность которыхъ обусловливается интересомъ фабулы. Сказка всегда должна быть интересна, иначе она не даетъ никакой пищи уму ребенка. Ея содержательность должна соотвѣтствовать не только дѣтскому пониманію, но даже и настроенію. Иначе она не удержитъ на себѣ вниманіе. Наконецъ, сказка должна быть жизненна, т. е. вложенная въ нее мысль должна быть развита въ формѣ факта, въ возможности котораго ребенокъ не сомнѣвался бы. Настоящій сборникъ строго согласованъ съ этими правилами и можетъ быть предложенъ съ одинаковымъ успѣхомъ какъ самымъ маленькимъ дѣтямъ, такъ равно и дѣтямъ средняго возраста.

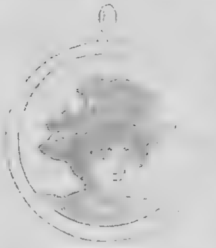
*) **Книга чудесъ.** Разсказы для дѣтей изъ миѳологіи. Сост. Н. Готорнъ, съ рисунками, отпечатанными въ два тона. Спб., 3-е изд., 346 стр., ц. 1 р. 25 к. Книга первая. Голова Горгоны.—Золотое прикосновеніе.—Дѣтскій рай.—Три золотыхъ яблока.—Чудесная кружка.—Химера.—Книга вторая. Минотавръ.—Пигмеи.—Драконовы зубы.—Дворецъ Цирцеи.—Похожденіе Прозерпины.—Золотое руно. Собранные въ этой книгѣ миѳы классической древности могутъ, несомнѣнно, служить прекраснымъ матеріаломъ для чтенія дѣтямъ и школьнаго и до школьнаго возраста. Изложены они вполнѣ доступно для дѣтскаго пониманія и вполнѣ способны возбудить въ молодомъ читателѣ интересъ къ исторіи или пригодиться ему въ то время, когда эти же миѳы придется изучать на школьной скамьѣ. Всѣ разсказы иллюстрированы рисунками, исполненными посредствомъ гравированія на деревѣ. Внесена въ первое дополн. къ опыту каталога ученич. библ. средн. учебн. зав. вѣдомства М. Н. П., а также для безпл. нар. чит.

*) **Семь чудесъ свѣта.** Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью Соч. Люсьена Оше. Переводъ съ французскаго Вольфсона. Съ 21 рис. Спб., ц. 1 р. Уч. Ком. М. Нар. Пр. доп. въ учен. ср. возр., библ. ср. уч. зав.

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) Сказки Шведскія, Норвежскія и Финскія.

Переводъ Эльвенгренъ съ 25 [illegible] 1 руб. [illegible] прынцеса.—Сказка о [illegible] горы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Путешествіе [illegible] [illegible] наго.—Лѣсная фея.—[illegible] [illegible] Земли. [illegible] Бога. [illegible] Карiусъ. [illegible] Братъ. [illegible] бываетъ на войнѣ.—Зеленѣющій островъ.—[illegible] Цвѣты [illegible] 275 [illegible] Уч. Ком. Мин. Н. Пр. [illegible]



*) Дѣвичій мірокъ.

[illegible] Соч. Л. Мидъ, переводъ съ англійскаго [illegible] 225 стр. [illegible] цѣна 1 р. [illegible] Маленькія [illegible] Какъ случилось [illegible] Трудъ и забава. [illegible] Въ ссылку.—Добрые люди.—Въ [illegible] сердце. [illegible] Негаданный [illegible] Новые [illegible] [illegible] ручей. [illegible] Новое горе. [illegible] Энни. [illegible] Спасена.—Мрачные дни.—Двѣ [illegible] Отецъ.—Награды за сочиненія. Уч. К. М. Нар. Пр. [illegible] въ учен. библ. гор. учил. и въ так. [illegible] учеб. зав. [illegible]

*) Семь дѣвицъ.

Повѣсть Л. Мидъ. Переводъ съ англійскаго М. Ловцовой, съ рисунками англійскихъ художниковъ Перси и Тарантъ. Въ красивой папкѣ, цѣна 1 рубль. Талантливая англійская писательница—г-жа Л. Мидъ, которая въ своихъ сочиненіяхъ посвященныхъ именно молоденькимъ дѣвушкамъ 12—15 лѣтъ, раскрываетъ передъ нами этотъ «Дѣвичій мірокъ» полнаго захватывающаго интереса, хотя авторъ вообще рѣдко выступаетъ изъ круга обыденной жизни, полной внутренняго содержанія для лицъ, умѣющихъ находить счастье не въ заоблочномъ мірѣ фантазіи, а вблизи себя. Авторъ—не докучливая резонерша, и ея нравоучительные выводы лечы сами по себѣ, безъ всякихъ подчеркиваній; она понимаетъ и любитъ своихъ маленькихъ героинь со всѣми ихъ слабостями, и достоинствами, съ ихъ неопытностью и самомнѣніемъ, свойственными молодости. Нельзя не прибавить, что сочиненія автора завоевали себѣ въ короткое время почетное мѣсто въ англійской современной литературѣ. Смѣемъ думать, что и у насъ займетъ такое же мѣсто. Учен. Ком. Мин. Н. Пр. допущ. въ учебн. средн. возр. библ. средн. учебн. зав. и въ безплатные народные библіотеки и читальни.

*) На необитаемомъ островѣ.

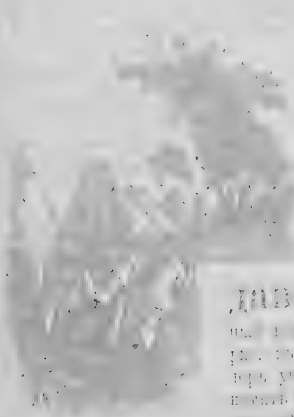
Приключенія четырехъ дѣтей, унесенныхъ бурей въ море. Соч. Л. Мидъ. Переводъ М. Ловцовой, съ рисунками англійскихъ художниковъ Перси и Тарантъ, въ папкѣ 1 р. Приготовленіе къ пикнику. Бригъ «Нанси». Въ открытомъ морѣ. Переправа черезъ стремнину. Спокойной ночи. Бухта «Побѣда». Бухта Полумѣсяцъ. Ужасная ночь. Мунго и Крабы. Бѣлый замокъ. Новыя обѣды. Неудачный пикникъ. Заблудились. Дѣла ухудшаются. Дѣвушка и ея собака. Ферни въ [illegible] Неожиданное вторженіе. Бѣлый замокъ. Обвалъ. Спасеніе. Маленькій Робинзонъ. На необитаемомъ островѣ нѣсколько недѣль. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. въ учебн. младш. возр., безплат. уч. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

Шалуны.

20 разсказовъ о проказахъ гимназистовъ-шалуновъ Н. Роговскаго, съ 25 рисун. художн. Захарова. Спб., въ папкѣ, ц. 50 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Просв., для ихъ учеб. зав.

*) **Бабушкины сказки.** Сочиненіе Жоржъ-Зандъ. Переводъ М. А. Лазаревой. Съ рисунками художника Гаоурина. Спб. 179 стр., въ красивой папкѣ, ц. 1 р. «Я разскажу вамъ, милыя дѣти, только слушайте внимательно,—про чудеса и [illegible], которые вы такъ любите. Я разскажу вамъ все простыя [illegible] [illegible] будетъ вамъ [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] волшебное. Оно, [illegible], будетъ [illegible], не будетъ [illegible] [illegible] [illegible] интересно [illegible] [illegible] старыхъ [illegible]; [illegible] [illegible]. Природа [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Уч. Ком. Мин. Н. Пр. [illegible] въ уч. [illegible] библ. [illegible] [illegible] и въ безпл. нар. библ. и чит.



*) **Маленькій разносчикъ (продавецъ спичекъ).** Соч. Жеклэра. Полное [illegible] [illegible] французскаго [illegible] [illegible]. Полный переводъ съ послѣдняго французскаго изданія Е. Д. [illegible]. Съ 25 рис. въ папкѣ, ц. 1 р. Первое знакомство сержанта съ Пендоромъ. Пендоръ учится [illegible] въ очень дурной компаніи. Въ госпиталѣ. Гаво [illegible] Пендора со своей жизнью. Гаво продолжаетъ свой разсказъ о томъ, как [illegible] сдѣлался [illegible]. Судьба улыбнулась Пендору. [illegible] Пендора [illegible] Гаво. [illegible] [illegible] [illegible] грусть. Пендоръ въ роли огородника. Пендоръ [illegible] заступъ и [illegible]. Глубокое [illegible] Пендора. Послѣдствія дурного знакомства. Маленькій подарокъ еще больше укрѣпляетъ дружбу Гаво съ Пендоромъ. Война съ [illegible]. Пендоръ — зуавъ. Отъѣздъ Пендора. Печальное начало. Пендоръ [illegible] геройскій [illegible]. Перекличка солдатъ. Кавалерія. Пендоръ уводитъ плѣнника. Заключ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. низш. учебн. зав.

*) **Избранныя русскія сказки.** Составлены по Афанасьеву и др. Четвертое изданіе. Съ 78 рисунками и заставками художника Р. Штейна. Спб. 337 стр., цѣна 1 руб. 50 коп. (большой томъ)—нѣкоторыя рисунки отпечатаны въ два тона. «Намъ кажется весьма труднымъ и едва ли полезнымъ до поры до времени [illegible] все волшебное и чудесное, оставлять молодое воображеніе безъ пищи, замѣнять сказку разсказомъ. Очень немногія [illegible] безусловно вѣрятъ всѣмъ чудесамъ сказки, и они очень [illegible] умѣютъ тотчасъ отрѣшиться отъ этой вѣры, как только [illegible] тому настанетъ». Эти слова И. С. Тургенева вспомнились намъ, когда мы прочли книгу В. Маракуева: «Русскія сказки». Да, [illegible] составленный сборникъ сказокъ —къ тому же народныхъ, [illegible] съ интересомъ и взрослыми—никогда не направитъ фантазію [illegible] на ложный путь: напротивъ, онѣ, такъ сказать, [illegible] [illegible] фантазію художественнымъ вымысломъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Маракуева безспорно принесетъ не мало пользы юному читателю, тѣмъ болѣе, что рисунки Р. Штейна прекрасно иллюстрируютъ духъ и идею каждой отдѣльной сказки. Всего 50 сказокъ. («Новое Время»). Въ папкѣ. **Уч. К. М. Н. Пр.** доп. въ без. нар. чит. и биб.

*) **Любимыя сказки Эд. Лабулэ.** Съ 120 рисунками. Переводъ Добровольскаго и Н. Мазуренко, съ рисункам. [illegible] ц. 1 р. 20 к. Пьонъ и Фанчетта. Бретонская сказка.—[illegible] [illegible].—[illegible] [illegible]. Мальчикъ съ [illegible].—[illegible] сказка.—Посѣщеніе [illegible]. [illegible] [illegible] Золотой [illegible]. [illegible].—Гуси Господа Бога.—Двѣнадцать мѣсяцевъ. Исторія [illegible]. [illegible]. Пафъ-пафъ или искусство исправлять людей. Король-причудникъ и [illegible]. [illegible] [illegible]. Первый урокъ. Свадьба Пазы. Ужасное событіе.—[illegible] [illegible]. Двѣ [illegible]. Пробужденіе. Красавчикъ получаетъ [illegible]. Кто такой былъ [illegible]. Жена [illegible] [illegible] мужу. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. низш. уч.

Сорванецъ. Записки [illegible] [illegible], воспоминанія И. Ратомскаго, съ рис. художн. М. Андреева, въ папкѣ, цѣна 50 коп.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по распор. Мин. Нар. Пр., для низш. учеб. завед.

О быломъ. Русскіе историческіе разсказы

Соч. Г. Т. Сѣверцова-Полилова, съ 60 рисун. художн. П. Захарова. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Лихолѣтье. Ради Господа. У Святого ручья. Новое лѣто. Царскій перспективныхъ дѣлъ мастеръ. Великая сила. Первый Спасъ. Книжное наученіе. Безъ вины. Царевъ указъ. Царскіе полотнянники. Прощеные дни. Въ недѣлю Ваій. Въ царициной службѣ. Маленькіе работники. Заспалъ. Попугай. Екатерина Великая. Кто крѣпче. Паракита. Царевъ Варганистъ.

*) Волшебныя сказки.

Соч. Ж. Перро, добавленіе сказокъ г-жи Лепренсъ-де-Бомонъ. Съ 65 рисунками, перев. съ франц. В. Владимірова. Спб., 276 стр., ц. въ папкѣ 1 р. Знаменитыя сказки Перро переведены на всѣ языки и всюду читаются съ громаднымъ интересомъ, такъ какъ онѣ написаны въ самой увлекательной формѣ. Надѣемся, что онѣ будутъ читаться русскими дѣтьми такъ же, какъ въ остальномъ свѣтѣ. **ч. Ком Мин. Нар. Пр.** доп. въ учен. мл. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) Сказки, преданія и легенды

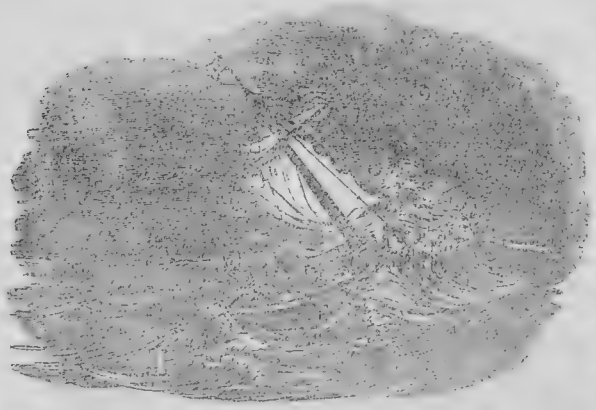
всѣхъ странъ и народовъ. Съ 50 рис. Подъ редакціей Владиміровой-Европеусъ. 320 стр., 2-е изданіе. Спб., ц. 1 р. 50 к. Диккенса, Андерсена, Гестринъ, Гофмана, Бехштейна, Асандеръ, Отто, Каминскаго, графа Майлата, Ж. Занда. **Уч. Ком М. Н. Пр** доп. въ учен. мл. и средн. возр., библ. средн. учебн. зав. Мин. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Сказки славянскихъ народовъ.

Сербскія, Босно-Герцоговинскія, Болгарскія, Хорватскія, Моравскія, Чешскія, Кашубскія, Польскія, Руссинскія сказки.—Съ рисунками. Обработала для русскихъ дѣтей М. А. Лялина Спб. въ папкѣ, ц. 90к.

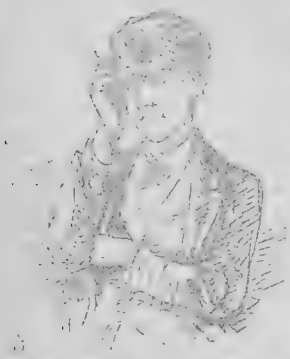
Юнга на кораблѣ корсара.

Соч. П. Маэль. Перев. Михайловой, съ рисун. франц. художн Париса и др. Плѣненные.—Дѣтская рѣшимость.—Начало.—Бѣгство.—Въ горѣ.—Спасеніе.—Экипажъ Корсара. Погоня.—Ученіе.—Вдали.—«Saint-anne».—Военные мадригалы.—Тревога битвы. — Послѣ сраженія и проч. Съ 48 рисун., 262 стр., въ папкѣ 1 р. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ 19 стол. На морѣ вели войну французы при Наполеонѣ I съ англичанами. Знаменитый французскій корсаръ, капитанъ корабля «Кларисса» Робертъ Сюркуфъ составилъ себѣ громкое имя между великими корсарами нашей исторіи. Въ двадцать пять лѣтъ Робертъ Сюркуфъ наносилъ сильные удары англійской промышленности, не опасаясь нисколько помѣряться силами съ корветами и фрегатами врага. Онъ снарядилъ на свой счетъ корветъ «Clarisse», вооруженный 14 пушками, которыми онъ громилъ англичанъ на Индійскомъ океанѣ. Онъ преслѣдовалъ безостановочно англійскія суда, на него собирались эскадры острова Маврикія, Маврасы и Бомбея. Однако, каждый непріятельскій капитанъ, какъ бы онъ ни былъ храбръ, боялся страшнаго корсара и пускался въ поиски за нимъ только съ тайнымъ желаніемъ, что его вовсе не найдетъ. Постоянно сражаясь съ непріятелемъ онъ пріучилъ свой экипажъ одерживать только однѣ побѣды. Вотъ на такомъ боевомъ суднѣ провелъ нѣсколько лѣтъ корабельный юнга и былъ свидѣтелемъ самыхъ страшныхъ морскихъ сраженій, пораженій и разныхъ морскихъ приключеній.



*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по распор. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

*) **Маленькій человѣкъ.** Романъ для юношества А. Доде. Перев. съ франц., съ 67 рисун., въ папкѣ, ц. 1 р. Дикенсъ, прочитавъ этотъ романъ, назвалъ автора возникающимъ свѣтиломъ французской литературы и [illegible] Абу въ своихъ письмахъ изъ Парижа въ «Athenaeum», называетъ Альфонса Доде одною изъ привлекательнѣйшихъ личностей современной литературы и признаетъ въ немъ несомнѣнное сходство съ Диккенсомъ по тонкой наблюдательности, мастерской группировкѣ подробностей, умѣнью заставить читателя и плакать и смѣяться. Уч. Ком. М. Н. Пр. доп. въ учен. библ. низш. учебн. зав.



Подвижныя игры. Физическое развитіе человѣка. Соч. проф. Кольрауша и Г. Вагнера. Перев. съ нѣмец. М. Михайлова съ 183 рисун., 350 стр. Спб., ц. 1 р.

*) **Лазутчикъ.** На дальнемъ сѣверѣ. На возвышенности. -Корро. Три разсказа Франца Гофмана. Спб., въ красивой папкѣ съ картинами, ц. 1 р. Оглавленіе: I. Лазутчикъ, - Каторжникъ. Благородное сердце,—Во время войны—Повѣсть его. Возвращеніе домой. II. На возвышенности Коаро. Испытаніе.—Родникъ.—Гіены и шакалы.—Слоны. Какъ стелятъ постель слону.—Дикіе ослы и собаки. Доброе дѣло не пропадетъ. -Возвращеніе на родину. Въ папкѣ. Внесена въ катал. кн. изд. по распор. М. Н. Пр. для безпл. нар. читал.

*) **Сказки бр. Гриммъ,** пересказанныя дядею Павломъ. Съ изящно раскрашенными картинами, переплетенныя въ красивую папку, напечатаны красивымъ четкимъ шрифтомъ, 4-е изд. 320 стр. Спб., ц. 1 р. 75 к. Содержаніе этой книги слѣдующее: Царьлягушка.—Непослушная. Волкъ и семеро козлятъ.—Преданность и вѣрность.—Догадливый продавецъ.—12 братьевъ.—Братецъ и сестрица. Три лѣсовика. Три пряхи.—Гриша и Миша.—О рыбакѣ и рыбкѣ.—Снѣжница. Семь вороновъ.—Умная Лиза. Мальчикъ съ пальчикъ. Странствованіе кошки. Чудо-птица. О миндальномъ деревѣ.—Спящая царевня.—Найденышъ.—Царь. Дрозова борода. Всеумѣйка.—Собака и воробей. Катя и Ѳедя.—Разношерстка. Умная крестьянка.—Докторъ-всезнайка. Замарашка.—Бѣднякъ и богачъ.—Королекъ и медвѣдь. Умники. Бѣдный мельникъ и кошечка.—Умный портной.—Бѣлорозка и Краснорозка. Четыре брата искусника. Одноглазка, Двухглазка и Трехглазка.—Черная и бѣлая невѣста.—Красная шапочка.—Смерть и курочки. Звѣзды-червонцы.—Не любо не слушай, а лгать не мѣшай.—Мышка, птичка и колбаса. Сказка о столикѣ, ослѣ и дубинкѣ.—Удивительные музыканты.—Двѣнадцать охотниковъ.—Бѣлая змѣя.—Медвѣжья шкура.—Гусятница. Золотыя дѣти. Три подмастерья. Счастливый Иванъ.—Птица грейфъ.—Сказка о сапожникѣ Шилинѣ.—Бѣлоснѣжка. Подарки мелкаго народа. Три фельдшера.—Чудесная скрипка. Чортъ съ золотыми волосами. Избушка въ лѣсу и пр. и пр. Уч. Ком. М. Н. Пр. доп. въ учен., млад. воз. биб. сред. уч. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

*) **Потерянный и возвращенный рай.** Поэма Джона Мильтона. Полный переводъ съ англійск. П. А. Коншина, съ 20-ю рисунк. знаменитаго художника Дорэ и др. и портретомъ автора. 2-е исправленное изданіе. Спб. 1906 г. Эта замѣчательная поэма знаменитаго англійскаго поэта выдержала безчисленную массу изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Своему широкому распространенію она обязана оригинальности замысла и творческому выполненію его, обезсмертившему имя автора, блестяще справившагося со своею мудреною задачею изобразить первобытнаго человѣка. Въ видѣ предисловія приложена статья переводчика о жизни и произвед. авт. 400 ст. 1 р. 50 к.

*) **Дневникъ школьника.** Эдм. Д. Амичисъ. переводъ и предисловіе В. Крестовскаго, съ рисунками, 5-е изданіе. ц. 1 р. 20 к. Книга „Дневникъ школьника" разошлась въ сотняхъ тысячъ экзем. и считается настольною книгою молодой Италіи. Она написана просто, безъ громкихъ словъ и запутанныхъ приключеній, будто все, что въ ней написано, было на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему она читается съ замираніемъ сердца и всему прочитанному верится. Молодость — лучшій судья въ вопросахъ первыхъ чувствъ и впечатлѣній. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. биб. низ. зав.

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) **Дѣвочка-Робинзонъ.** Исторія маленькой сиротки. Соч. Евгеніи Мюллеръ. Съ рис. Перевелъ съ франц. В. Д. Владиміровъ. ц. 1 р. 2 изданіе. Ч. I. Чужая. За ягодами. Око за око. Гостья. Изъ повѣдь. Киданіе жребія. Тщетная надежда Ч. II Свободная. У госпожи Вюрер. У господина Гюр.—Спустя четыре мѣсяца. Ночной разговоръ. Куда они пошли? Маленькая защитница. Неудачная месть. Ч. III. Странный ребенокъ. У маленькой Мари.—Зимою. -Весна.—Сплетни. Владѣлецъ. -Робинзонетта. Ч. IV Закѣмъ побѣда. Два празднества. -Бѣдняга и бѣдняжка. Аукціонъ. -Да здравствуетъ Робинзонетта! -Заключеніе. 266 стр. въ папкѣ. Уч. **Ком. М. Н. Пр.** доп. въ уч. мл. воз., ср. уч. зав. и въ без. нар. чит и библ.

Опасности дикихъ странъ *). Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. Соч. **Фр. Гофмана**, перев. подъ редакціею **Н. Позднякова**, съ рис. художн. Р. Штейна. Спб., ц. 1 р. 20 к. Изъ предлагаемаго разсказа вы познакомитесь съ тѣми опасностями, которыя угрожали переселенцамъ, вторгавшимся въ эти дикія страны. Разсказъ этотъ передаетъ большею частью истинныя происшествія и не только представляетъ вѣрную картину мрака, уединенности и ужаса почти безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, но рисуетъ также характеръ, нравы и обычаи племени, печальная судьба котораго зависитъ не исключительно отъ злоупотребленія бѣлыми своею властью, но также главнымъ образомъ, отъ собственныхъ ошибокъ и страстей. Приключенія странствующаго Натана, такъ же какъ конокрада Рудольфа Стакполя, исторически вѣрны и, безъ сомнѣнія, будутъ способствовать увеличенію интереса производимаго разсказомъ о чудесныхъ происшествіяхъ, кровавыхъ сраженіяхъ, разныхъ опасностяхъ и счастливыхъ избавленіяхъ въ папкѣ. Уч. **Ком. М. Н. Пр.** доп. въ учен. мл. воз., биб. ср. уч. зав. и въ без. нар. чит. и биб.

*) **Святочные разсказы.** Сочиненіе Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго Ф. Резенера. 4-е изданіе, украшенное 66 иллюстраціями. Спб., 453 стр., ц. 1 р. 50 к. „Святочные разсказы" Диккенса написаны такъ мастерски, съ такою художественностью, оставляютъ по себѣ такое глубокое впечатлѣніе. Диккенсъ написалъ пять святочныхъ разсказовъ: „Рождественская пѣснь въ прозѣ" святочный разсказъ съ „привидѣніями", „Часовые куранты", „Сверчокъ на шесткѣ", „Битва жизни" и „Одержимые духомъ". Трудно сказать, который изъ нихъ лучше, до такой степени всѣ они написаны увлекательно, отличаются необыкновенною глубиною мысли, проникнуты теплымъ чувствомъ и исполнены тѣмъ добродушнымъ, веселымъ, а подчасъ ѣдкимъ юморомъ, который свойственъ исключительно одному только Диккенсу. „Святочные разсказы" Диккенса, благодаря образцовому переводу г. Резенера, сумѣвшаго передать въ своемъ переводѣ малѣйшіе оттѣнки подлинника, вполнѣ доказывается тѣмъ, что они выдержали уже три изданія, и можно съ увѣренностью сказать, что таковымъ успѣхомъ они будутъ пользоваться еще долгое время. („Новое Вр."). Уч. **Ком Мин. Нар. Пр.** доп. въ безп. нар. чит. и биб.

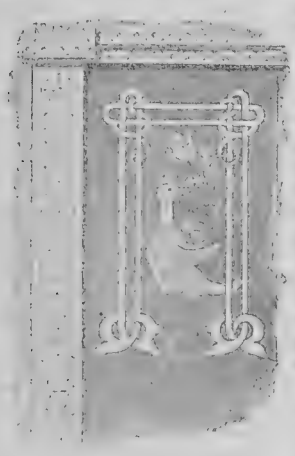
*) **Въ странѣ алмазовъ.** (Діамантина). Соч. В. О. фонъ-Горна. Разсказъ для юношества и народа. Переводъ Г. А. Чарусскаго. Съ рис. Спб., ц. 45 к. въ папкѣ. Предлагаемый разсказъ описываетъ приключенія одного легкомысленнаго молодого человѣка, переселившагося въ Бразилію и попавшаго въ рабство. Въ этой же печальной повѣсти читатели познакомятся съ интересной и малоизвѣстной отраслью горной промышленности, а именно съ добычей алмазовъ, а также съ жизнью работающихъ въ алмазныхъ копяхъ невольниковъ-негровъ.

Честный мальчикъ. Разсказъ Фр. Гофмана, переводъ съ нѣмецкаго В. Энгельгардъ. Съ рисунками, цѣна 40 коп.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Принцъ и нищій. Приключеніе Тома на воздушномъ шарѣ. Соч. Маркъ-Твэна. Большой томъ, 262 стран 100 рис въ красивой папкѣ, цѣна 1 р. 25 к. Талантливый авторъ разсказалъ намъ дѣйствительную исторію, происшедшую при англійскимъ дворѣ въ царствованіе короля Эдуарда VI. Король любилъ разсказывать окружающимъ исторіи своихъ приключеній, когда онъ превратился изъ королевскаго принца въ уличнаго бродяжку, что дало ему возможность изучить многія темныя и свѣтлыя стороны народной жизни, и сдѣлавшись королемъ воспользовался ими на благо своего народа. Нужно ли прибавить, что книга читается съ громаднымъ интересомъ какъ юношей, такъ и взрослыми. Во второй части книги разсказываются забавныя приключенія и путешествія Тома на воздушномъ шарѣ, совершенныя черезъ океанъ, пустыню Сахару и мног. др. замѣчательныя мѣстности.

Приключеніе Тома. Соч. Маркъ-Твэна, переводъ Н. Мазуренко, съ 70 рисунками. большой томъ въ красивой папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к. Трудно представить себѣ болѣе занимательное литературное произведеніе, написанное такимъ яснымъ, простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательнымъ, живымъ и образнымъ языкомъ и во многихъ мѣстахъ съ тонкимъ оригинальнымъюморомъ и одинаково занимательно для всѣхъ возрастовъ. Разсказъ относится къ періоду времени въ концѣ половины прошлаго столѣтія передъ войной между сѣверными и южными штатами изъ-за уничтоженія рабства. Въ немъ въ замѣчательно яркихъ краскахъ рисуется обыденная жизнь населенія маленькихъ городовъ и селъ Соединенныхъ Штатовъ. Почти на каждой страницѣ мелькаютъ картины жизни семьи, отношеніи родителей къ дѣтямъ, школа, церковь, общественная жизнь, даже судъ и судебное разбирательство, суевѣрья негровъ, отношеніе къ нимъ бѣлыхъ того времени и многое другое любопытное для читателя, интересующагося жизнью, нравами и обычаями американцевъ.



ечать Цезаря. Ист. для юнош. изъ временъ Юлія Цезаря знам. ист. Альфреда Рамбо. Пер. Л. Шелгуновой. 27 рисун. 268 стр., въ папкѣ. Цѣна 1 руб. Въ книгѣ описывается военная и бытовая жизнь римскаго общества временъ Цезарей. Книга читается съ большимъ интересомъ и пользою.

*) **Жизнь на Миссисипи.** Сочиненіе Маркъ-Твэна. Переводъ Федоровой. Спб. 100 рисун. 296 стр. цѣна 1 р. 35 к. въ красивой папкѣ. Миссисипи стоитъ того чтобы о ней читали. Миссисипи—самая замѣчательная рѣка въ свѣтѣ. Миссисипи самая длинная рѣка въ мірѣ, она орошаетъ своими водами 28 штатовъ. Она принимаетъ въ себя воды нѣсколькихъ сотъ рѣкъ и рѣчекъ, по которымъ плаваютъ большія и малыя суда, описаніе открытія рѣки, ея населеніе, жизнь и нравы жителей, промышленность, торговля, устройство городовъ и селъ, хлѣбопашество, фабрики, заводы и пр. пр.; 100 рисунковъ дополняютъ силу впечатлѣнія читателя. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ уч. сред. и стар. воз., библ. и уч. зав. въ без. нар. чит. и биб.

Кругосвѣтное путешествіе. сочиненіе Маркъ-Твэна. Переводъ А. Линдегренъ и М. Модель. Спб. 1926 г. Большой томъ. 461 стр. Съ рисунками художника Зубрилова и въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.—Въ Тихомъ океанѣ. Австралія. Изъ Австраліи въ Индію. Индія. Южная Африка.

*) **Приключеніе Финна.** Соч. Маркъ-Твэна, переводъ Н. Мазуренко, 115 рисунковъ, 299 стр. большого формата, съ хромо-литограф., въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к. **Уч. Ком. Мин. Нар Пр.** доп. въ учеб. биб. низ. училищъ.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Приключеніе мартышки, воробья, да мышки. [illegible] Будень. Съ массой оригинальныхъ рисунковъ лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ. Спб.

Царство сказокъ, *) Карменъ Сильва. (Елизаветы. Румынской королевы). Переводъ съ нѣмецкаго С. Маиновой, съ рисунками, цѣна 1 р. Симпатичный умственный и нравственный обликъ Румынской королевы выразился въ ея сказкахъ, оцѣненныхъ по достоинству критикой. Сказки отличаются необыкновенною оригинальностью и яркостью красокъ и духомъ гуманности ко всему угнетенному всѣ герои и героини сказокъ съ полнымъ самоотверженіемъ совершаютъ великіе подвиги для блага своего ближняго; гуманность по идеѣ и художественное изложеніе сказокъ даютъ возможность русской публикѣ съ большою пользою и интересомъ прочесть такое произведеніе, облагораживая въ себѣ художественный вкусъ и знакомясь съ новыми образцами поэтическаго творчества. Въ папкѣ. 311 стр. Уч. Ком. Мин. Н. Просв. доп. въ уч., ср. воз., библ. ср. уч. зав. и въ безп. и нар. чит. и библ.

*) **Юный укротитель львовъ.** Разсказъ для юношества, 110 стр. Фран. Гофмана, Е. Владиміровой, съ рисунк. 3-е изд. Спб., ц. 20 к.

Материнская любовь. Разсказъ Фран. Гофмана съ рисунками, цѣна 40 к.

*) **Братья.** Историческій разсказъ XVII столѣтія временъ дѣйствія испанской инквизиціи. Съ рисунками, ц. 40 к. Всѣ разсказы Гофмана, извѣстнаго дѣтскаго писателя, интересны и поучительны.

*) **Китоловъ.** Какъ онъ сдѣлался китоловомъ и что при этомъ узналъ и пережилъ. Разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна, перев. Г. А. Чарусскаго съ рисунками. Спб., ц. 45 коп. Юный читатель найдетъ въ этой книжкѣ увлекательное описаніе полнаго опасностей и приключеній морского путешествія въ Южный Ледовитый океанъ. Но помимо интереса предлагаемая повѣсть содержитъ въ себѣ много поучительнаго, знакомя съ жизнью кита, этого исполина морей, и съ интереснымъ китовымъ промысломъ, составляющимъ обширную отрасль промышленности.

*) **Преданный негръ.** Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна съ рис. Переводъ Г. А. Чарусскаго Спб., ц. 45 коп. Талантливый писатель открываетъ передъ юными читателями малознакомую страницу изъ этой мрачной исторіи, а именно возстаніе невольниковъ на французскомъ островѣ С. Доминго въ началѣ XIX столѣтія, когда грохотъ разрушенія великой французской революціи нашелъ себѣ откликъ въ далекой колоніи среди порабощеннаго народа, который, сплотившись, сбросилъ съ себя ярмо рабства, безпощадно уничтожая своихъ угнетателей и ихъ владѣніи.

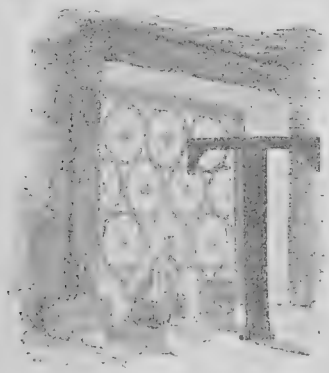
Бѣлоголовый. Разсказъ для юношества и народа В. О. фонъ-Горна. Переводъ Г. А. Чарусскаго, съ рисунками, ц. 40 к.

Отважная перуанка. *) Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна пер. Г. А. Чарусскаго съ рисунками. Спб. ц. 45 к. Разсказъ переноситъ насъ въ далекую эпоху господства испанцевъ въ Южной Америкѣ. Ненасытная жажда наживы привлекала въ новую страну множество корыстолюбивыхъ авантюристовъ, которые, въ цѣляхъ быстраго обогащенія безчеловѣчно притѣсняли простодушныхъ индѣйцевъ. Результатомъ такого отношенія, явилась страшная ненависть краснокожихъ къ ихъ жестокимъ покорителямъ и постоянныя кровавыя столкновенія. Только гуманное и справедливое отношеніе къ туземцамъ одного изъ вице-королей Гору возстановило миръ между враждующими народами и успокоило страну. Этотъ періодъ и служитъ темой предлагаемаго разсказа.

«Немезида», или судъ Божій. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рисунками цѣна 40 коп.

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для ихъ учеб. зав.

Рука Провидѣнія. Соч. Ж. Сандо. Перев. Е. Давыдовой, съ рисунками художника Баяра и др,. гравированными на деревѣ Пуцемъ и Смирновымъ. Въ литограф. папкѣ. Книга эта получила премію французской Академіи. Спб. г. 248 стр., цѣна 1 р. Сандо въ яркихъ увлекательныхъ краскахъ описываетъ намъ исторію юноши, который въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ доходитъ почти до полнаго моральнаго банкротства; жизнь, которую онъ еще мало знаетъ, теряетъ для него всякій смыслъ, всякую привлекательность, и онъ приходитъ къ убѣжденію, что на пиру жизни для него не уготовано мѣсто. Въ этомъ нѣтъ ничего преувеличеннаго -каждый знаетъ. что случаи, когда представители современной молодежи начинаютъ разочаровываться въ жизни и своихъ силахъ, повторяются. къ сожалѣнію, очень часто. Что же спасаетъ героя книги Сандо отъ моральной и можетъ быть и физической смерти? Трудъ, разумный, честный, любимый трудъ. Юноша начинаетъ постепенно привязываться къ труду, увлекаться имъ до самозабвеніяи, незамѣтно для самого себя, дѣлается новымъ человѣкомъ, энергичнымъ, любящимъ и сильнымъ.



Тысяча одна ночь. *) Арабскія сказки для дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Переводъ съ нѣмецк. Н. Михайловой, съ рисунками. Цѣна 1 р. 25 коп. Содержаніе: Агибъ, царскій сынъ. Гарунъ-аль-Рашидъ и Абдалахъ. Канатчикъ Гассанъ. -Рыбакъ и духъ. —Абу-Гассанъ и Гарунъ-аль-Рашидъ.—Принцъ Зиндскій и его приключенія.—Синбадъ-мореплаватель. Маленькій Кади.—Три принца.—Сади Нуманнъ и его конь. -Абу и Нинтикъ. Принцъ Ахметъ и волшебница Парибину.—Путешествіе мертваго горбуна.—Альбондокари.—Абу Магометъ, лѣнтяй. Подманаба и Гассанъ.—Три сестры.—Чудесная лампа Аладина.—Али-Баба и сорокъ разбойниковъ. Въ красивой литографированной папкѣ; 420 стр Уч. **Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ безп. нар. чит. и библіотеки.

*) **Пропавшій туристъ.** Соч. Е. Маевскаго. Фантастическія приключенія въ царствѣ насѣкомыхъ. Пер. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Съ 49 рис. Ю. Машинскаго. Изд. 2-е Спб. 1904 г. Стр. 440. Цѣна 1 р. **Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.** доп. въ учен. библ. сред. и низш. уч. зав. и въ безп. нар. чит. и биб.

*) **Сказка для дѣтей.** А. Г. Сахаровой, съ рисунками художника Овсянникова въ красивой папкѣ, ц. 1 р. **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ уч. мл. воз. биб. ср. уч. зав.

Кавказскія сказки. *) Преданія и легенды Л. Черскаго. Съ рисунками художника Михайлова. Спб., въ папкѣ. 60 к.—Что такое Кавказъ? Описаніе жителей, ихъ жизнь, нравы, обычаи, природа, исторія. Какъ собака нашла себѣ хозяина. Грузинская сказка.—Котъ Котофѣевичъ. Осетинская сказка. Какъ явилась въ міръ Иволга, Соловей и Удодъ. Грузинская легенда.—Хаджи-Агматъ. Грузинская сказка.—Умная сноха. Чеченская сказка. - Орлиная скала. Пахарь и Барсъ. Лезгинскія сказки. Баранъ и Берблюдъ. Слезы Машухи. Пятигорскія сказки. Два охотника. Кабардинская сказка. Бессо. Осетинская сказка. Царь и мудрецъ. Грузинская сказка. **Уч. Ком. Мин. Н. Пр.** доп. въ безп. нар. чит. и библ.

*) **Бѣдный мальчикъ.** Разсказъ Франца Гофмана. Переводъ Федоровой. Съ рисунками, 127 стр.. Ц. 40 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. город. училищъ

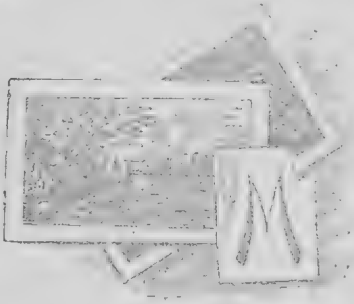
*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для ихъ учебн. зав.

Военныя похожденія Фридериса въ 1812 году.

Историческій разсказъ для юношества [illegible] эпохи нашествія Наполеона на Москву В. О. фонъ-[illegible], переводъ Г. А. Чарушнина, съ рис. ц. 45 к.

Путешествіе Коли

къ индійскому султану [illegible] [illegible] 36 рисун. [illegible] С. [illegible] папкѣ 60 к. Содерж. [illegible] Оглавленіе [illegible] и пр.



Маленькій золотоискатель въ Калифорніи.

Соч. [illegible] М. Мазуренко. Въ папкѣ съ рисунками 2[illegible] страницъ, ц. 1 р. 35 к. Предлагаемое [illegible] нашимъ юнымъ читателямъ этого разсказа [illegible] даровитаго автора, одного изъ [illegible] дѣтей старшаго возраста. Здѣсь [illegible] ныхъ образныхъ чертахъ разсказываются приключенія семьи, переселившейся изъ Сѣверной Америки въ Калифорнію въ эпоху горячаго увлеченія открывшимися там золотыми розсыпями. Главнымъ героемъ этого разсказа является пятнадцатилѣтній мальчикъ. Въ этомъ интересномъ произведеніи Герштекера встрѣчается весьма много географическихъ и въ особенности историческихъ свѣдѣній о Калифорніи, изложенныхъ хотя весьма сжато, но очень обстоятельно и полно. Въ этомъ разсказѣ много замѣчательно красиво переданныхъ моментовъ изъ Калифорнійской жизни, напримѣръ, чудесное спасеніе публики изъ когтей разсвирѣпѣвшаго медвѣдя, благодаря хладнокровной отвагѣ героевъ разсказа, внука и дѣда изъ семьи вышеназванныхъ переселенцевъ пр. и пр.

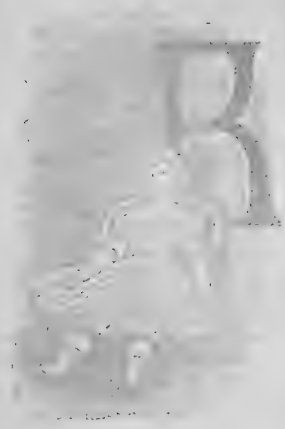
*) **Хижина дяди Тома,** или жизнь невольниковъ-негровъ въ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ Бичеръ-Стоу. Спб. съ 112 рисунками, переводъ Ландини. ц. 90 к. Кто изъ образованныхъ читателей въ своемъ дѣтствѣ не зачитывался романомъ Бичеръ-Стоу, кто изъ нихъ не проливалъ горячихъ, непритворныхъ дѣтскихъ слезъ надъ страданіями бѣднаго Тома и его доброй семьи, въ печальную эпоху рабовладѣнія, поднимая со дна души лучшія, гуманнѣйшія чувства любви человѣка къ человѣку. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. въ безпл. нар. чит. и биб.

*) **Улыбки и слезы.** Разсказы для дѣтей Е. Чебышевой-Дмитріевой съ 40 рисунками М. Андреева, А. Шлипова и др. въ красивой папкѣ 280 стран. Спб., ц. 1 р. 20 к. На елкѣ.—Волшебное ожерелье.—Артюшка бѣглый. Въ первый разъ на медвѣдя. Петръ съ зеленаго озера. Приключеніе раченка. Сказка о счастье.—За горемъ радость. Дядя Леня. Дѣтство Коли. Пастушенокъ Сенька и пр. Предлагаемая книга написана легкимъ литературнымъ языкомъ на темы преимущественно изъ сельскаго быта.

*) **Дитя лѣсовъ.** Приключеніе мальчика, три года бывшаго въ плѣну у орангъ-утанговъ. соч. Эм. Берто. Автора кн. „Маленькія школьники“. Переводъ съ 9 франц. изданія Н. Ратомскаго, съ 42 рисунками 239 стр. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. Колонія. Китаецъ Явъ. Негритенокъ. Тигръ.—Докторъ.—Визитъ. Балъ. Китайскій садъ.—Орангъ-Утангъ. Визитъ и [illegible]щеніе. Плѣнникъ.—Источникъ Лавы.—Горе. Преслѣдованіе. Найденный и потерянный. Дѣвственный лѣсъ.—Возвращеніе.—Новый человѣкъ. Открытіе. Возвращеніе въ помѣстье. Экспедиція.—Новыя опасности. Освобожденіе. Развязка.

Въ запертой комнатѣ. Соч. Ф. Бернетъ. Съ рисунками художницы Смисъ. Переводъ съ англійскаго Е. Д. Пеликанъ, ц. 15 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для нихъ учеб. завед.



Добрымъ дѣтямъ. Разсказы для [illegible] съ [illegible] красочными рисунками. Соч. А. Б. Круглова. [illegible] Спб., ц. 1 р. 25 к.

Веселое лѣто. Разсказы для дѣтей Г. Гейерштамъ, [illegible] Спб., съ рисунками, цѣна [illegible] к.

*) **Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо.** Описанныя имъ самимъ, соч. Даніеля Деф[illegible] полный переводъ В. Д. Владимірова, съ 17[illegible] рисунками худож. Гранвиля. Спб. 450 стр. ц. 1 р.—Знаменитый авторъ сумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновеннаго человѣка столько внутренней силы, что его жизнь явилась матеріаломъ для разсказа, [illegible] разнообразнаго по содержанію и поучительности. И дѣйствительно, замыселъ въ повѣсти въ высшей степени простъ, чтобы выбросить на необитаемый островъ и все тутъ. Такимъ образомъ фабула, [illegible] обстановка повѣсти; фантастическихъ приключеній и происшествій, запутанной интриги въ ней нѣтъ. Тутъ все просто въ высшей степени и, въ то же время, все поистинѣ удивительно, все поражаетъ своею жизненною правдою, рисуетъ исполинный величія образъ человѣка, заброшеннаго среди океана и дикой природы, въ борьбѣ за жизнь и свободу. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. доп. въ уч. библ. уч. зав. и въ без. нар. биб. и чит.

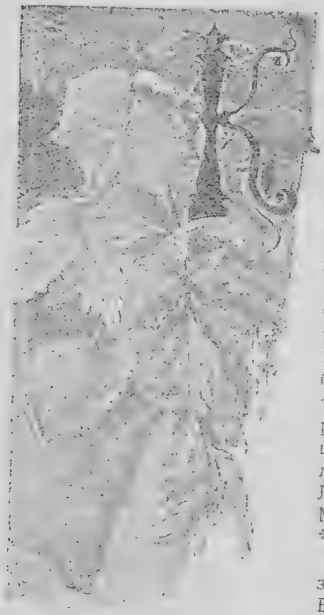
*) **Поевъ Ковчегъ.** Повѣсть. Соч. Виконтесы де Питранль, урожденной Граф. де Сегюръ. Переводъ В. Карпинской, съ 23 рис. худ. Робиди, въ папкѣ, ц. 1 р. Любовь, великая самоотверженная любовь къ людямъ вотъ истинный свѣтъ и смыслъ человѣческой жизни! Всѣ дѣйствующія лица повѣсти, каждый сообразно своимъ личнымъ свойствамъ и наклонностямъ, приходятъ къ сознанію, что истинное счастье человѣка—заключается въ самоотверженной любви къ людямъ. Особенно ярко обрисована фигура маленькой Одили. Капризная избалованная матерью дѣвочка, подъ вліяніемъ добраго, благороднаго брата и совѣтовъ окружающихъ, совершенно преобразуется и дѣлается Ангеломъ Хранителемъ своей семьи. Животныя, обладающія, вообще удивительнымъ инстинктомъ къ распознаванію людей, первыя даютъ ей нравственный толчокъ своимъ великодушіемъ, доказывая, какъ они умѣютъ цѣнить и помнить любовь и ласку. Прежнее отвращеніе дѣвочки къ животнымъ смѣняется любовью къ нимъ и „Ноевъ Ковчегъ" съ населяющими его попугаями и кошками становится ея любимымъ уголкомъ. Первая часть разсказа происходитъ въ Бретани, во Франціи, вторая въ Америкѣ. Одиль, общая любимица, постепенно, своей кротостью и любовью смягчаетъ ожесточенныя сердца окружающихъ и примиряетъ всю семью, которая наслаждается полнымъ счастьемъ.

Бюгъ-Жаргаль, отважный предводитель негровъ. Повѣсть В. Гюго. Переводъ В. Д. Владимірова. Съ 19 рисунками [illegible] В. И. Губинскаго. Спб., 179 стр., ц. 50 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. [illegible]

Юный гражданинъ, его права и обязанности.

Сочиненіе Арноль да Форстера. Съ рисунками. Спб., ц. 35 коп. Задача этой книги обучить мальчиковъ и дѣвочекъ, занимающихся въ начальныхъ школахъ, правамъ обязанностямъ и привилегіямъ британскихъ гражданъ. Въ простой и доступной формѣ въ ней приводятся свѣдѣнія о началахъ законодательнаго и административнаго устройства страны, объясняется значеніе и цѣнность главныхъ народныхъ вольностей и излагаются обязанности британскихъ гражданъ къ своей родинѣ, соотечественникамъ и себѣ самимъ.



артины растительности.

Жизнь и нравы птицъ и животныхъ. Соч. Мазіуса. Перев. съ нѣмецкаго женщины-врача Е. Вургафтъ. Подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго и Ф Александрова. Спб. 1906 г. 360 стр. большого формата, съ рисунками и въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Лѣсныя деревья: Кипарисъ. Пинія. Сосна. Пихта. Ива. Тополь. Черный тополь, серебристый тополь. Осина, береза. Ольха. Дубъ. Букъ.—Вязь. Липа. Изъ жизни птицъ: Голубь. Лебедь. Аистъ. Оселъ. Коршунъ. Соколъ. Ястребъ.— Вальдшнепъ. Тетеревъ. Рябчикъ. Скворецъ. Соловей. Лягушка. Ракъ и омаръ. — Лисица. Лугъ. Степь. — Хвойный лѣсъ. Лиственный лѣсъ. Нива. Изъ жизни животныхъ: Верблюдъ. Лось. Лошадь. Кошка. Яшерица. Змѣя. Китъ. Муравьи. Бамбукъ.—Слонъ. Тюлени. Тѣло.

*) Міръ сказокъ.

Собраніе самыхъ знаменитыхъ интересныхъ сказокъ для дѣтей средняго возраста Ю. Гофманъ. Пер. Владимірова. Съ 25 рис. Спб., 1903 г., ц. 1 р. въ папкѣ. Оглавленіе: Снѣгурочка.—Лебедь подшепи Котъ въ сапогахъ Калифъ-аистъ. Гансъ и Гретхенъ.—Вѣтка орѣшника.—Бременскіе музыканты.—Братецъ и сестрица. Лѣсная фея.—Петруша-плакса.—Умный портняшка. Принцесса на горошинкѣ. Синяя борода. Шапка-невидимка. Спящая красавица. Гансъ и Лиза.—Длинноносый карликъ. Лѣнивая и прилежная.—Гора-приникъ. Счастливый Гансъ. Дуракъ. Состязаніе зайца съ ежомъ. Золушка. Бѣлоснѣжка.—Путешествіе малыша. — Семь швабовъ-богатырей. Прощальный пиръ. Три брата. —Рыбакъ и его жена. Пастухъ. Столикъ, накройся. Услужливая лиса. Красная шапочка. Принцъ-самозванецъ. Лѣсная фіалка. Довѣріе и честность. Разсказъ о маленькомъ уродѣ. Мальчикъ съ пальчикъ. Счастливая страна. Рюбецаль. Уч. Ком. М. П. Н. доп. въ уч. биб. нѣм. учебн. зав., какъ средн. такъ и низшихъ.

Гибель Іерусалима.

Историческая повѣсть временъ римскихъ императоровъ: Веспасіана и Тита. Сочиненіе Генти. Переводъ М. И. Ловцевой. Съ рисунками англійскихъ художниковъ. С.-Петербургъ, въ папкѣ ц. 1 р. 25 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для ихъ учебн. зав.

Историческія сочиненія ФУРМАНА.

*) **Сандомскій плотникъ.** Историческая повѣсть. Съ портр. Ц. 25 к.

*) **Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій.** Историческая повѣсть въ 2-хъ част. съ портр. Ц. 40 к.

*) **Александръ Даниловичъ Меншиковъ.** Историческій романъ въ 3 част. Съ портр. Ц. 40 к. Счастіе и заслуги.—Честолюбіе и корыстолюбіе. —Несчастіе и искушенія.

*) **Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.** Историческая повѣсть въ 2-хъ част. Съ портр. Ц. 40 к.

*) **Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій.** Историческая повѣсть въ 2-хъ част. Съ портр. Ц. 40 к. Суворовъ на войнѣ. Катехизисъ Суворова.—Кинбурнъ.—Овчаровъ. Фокшаны.—Рымникъ.—Взятіе Измаила.—Кукарику.—Побѣда въ Польшѣ.—Прага Варшава. Донесеніе и отвѣтъ.—Фельдмаршалъ.—Горестное событіе.—Спаситель царей.—Въ Италіи.—Въ Швейцаріи. Тайное совѣщаніе.—Слава. Слава. Слава.—Заключеніе.

П. Р. Фурманъ.

*) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Историческ. повѣсть въ 3-хъ частяхъ, съ портр. Ц. 60 к.

Сынъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ *). Повѣсть съ портретомъ Ломоносова. Ц. 20 коп Домъ родительскій. — Сѣверное сіяніе. – Москва. – Училище.—За границей.—Солдатъ.—Слава.

Извѣстный критикъ Ф. Толль въ своей книгѣ: „Наша дѣтская литература“. Опытъ библіографіи отечественной дѣтской литературы преимущественно въ воспитательномъ отношеніи, на стр. 150 и 153, сказалъ: Сочиненія Фурмана прочтутся съ большею пользою и удовольствіемъ, смѣло рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ какъ весьма полезное чтеніе для ихъ дѣтей и питомцевъ.

*) **Ближній боярин Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.** Истор. повѣсть для дѣтей въ 2-хъ частяхъ, съ портр. Ц. 40 к.

Юные герои. (гарибальдійцы). Соч. Эдмонда де-Амичиса. 60 стр., 4 рис., ц. 35 к., въ папкѣ. Въ великой борьбѣ за освобожденіе и объединеніе Италіи ярче всѣхъ выдѣляется величавый образъ Джузеппе Гарибальди. Подъ его знамена, на его призывъ, стекались сотни тысячъ людей, не только мужчинъ, но и дѣтей. Въ предлагаемыхъ разсказахъ недавно скончавшійся знаменитый итальянскій писатель, авторъ любимой дѣтской книги „Дневникъ школьника“, съ присущимъ ему талантомъ, ярко и увлекательно описываетъ подвиги дѣтей, юныхъ героевъ, жертвовавшихъ жизнью за славу и величіе своей родины.

Народовѣдѣніе. Гиберландта, приватъ-доцента въ Вѣнѣ. Пер. Гренсбурга. Спб., 1908 г. Съ 150 рис. Ц. 60 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Царь степей.

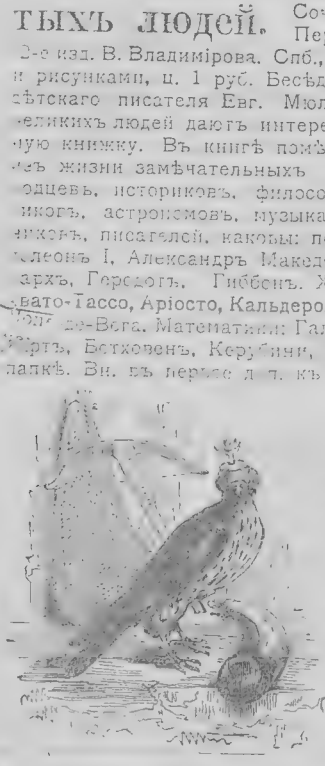
Путешествіе и приключеніе среди индѣйскаго племени. Сочиненіе Люсьвена Біара, съ рисунками художника Ликсъ. Переводъ Н. Н. Мазуренко. С.-Петербургъ, въ папкѣ, цѣна 1 руб. 35 к.

Маленькія школьницы пяти частей свѣта*).

Маленькая Гречанка, Дафно Маленькая Гавайтянка, Емма Маленькая Черногорка, Даринька. Маленькая Негритянка, Лели. – Маленькая Японка, Изами.— Маленькая Мексиканка, Жуана.—Маленькая Индуска, Сита. Соч. Эл. Бертэ. Переводъ Н. Мазуренко. Съ 65 рис. Спб., 25с стр., ц. въ хромолитограф. папкѣ 1 р. „Маленькія Школьницы", представляютъ собою весьма интересное чтеніе не только дѣтямъ старшаго возраста, но даже и взрослымъ, до такой степени онѣ богаты живописнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, знакомящимъ съ жизнью, нравами и обычаями жителей различныхъ странъ всѣхъ пяти частей свѣта. Въ особенности рельефно и интересно очерчены почти во всѣхъ разсказахъ семейная жизнь и воспитаніе дѣтей. Большинство этихъ маленькихъ героинь проявляютъ высокое самоотверженіе, горячую любовь къ родителямъ и ближнимъ и даже изумительную энергію, не говоря уже о находчивости, рѣдкой въ людяхъ взрослыхъ. **Уч. Ком. Н. Пар. пр**

*) Юность знаменитыхъ людей.

Соч. Е. Мюллеръ. Пер. съ француз. 3-е изд. В. Владимірова. Спб., съ портретами и рисунками, ц. 1 руб. Бесѣды талантливаго свѣтскаго писателя Евг. Мюллера о юности великихъ людей даютъ интересную и полезную книжку. Въ книгѣ помѣщены примѣры изъ жизни замѣчательныхъ людей, полководцевъ, историковъ, философовъ, математиковъ, астрономовъ, музыкантовъ, художниковъ, писателей, каковы: полководцы: Наполеонъ I, Александръ Македонскій, Карлъ XII, Тюреннъ, Баярдъ. Историки: Плутархъ, Геродотъ. Гиббенъ. Художники: Рубенсъ, Микель-Анджело. Писатели: Торквато-Тассо, Аріосто, Кальдеронъ, Сервантесъ. Мильтонъ, Мольеръ Беранже, Бальзакъ, Лопе-де-Вега. Математики: Галилей. Философы: Даламберъ, Паскаль. Музыканты: Моцартъ, Бетховенъ, Керубини, Мендельсонъ, Паганини, Мейерберъ и пр. и пр.; въ папкѣ. Ви. въ первое д. п. къ опыту кат. учен. библіот. сред. учеб. зав. вѣд. М. Н П



(*Жизнь птицъ.

Для домашняго семейнаго чтенія. Сочиненіе А. Е. Брема, перев. П. Страхова Роскошное изданіе съ 24 картинами и хромотипическими таблицами, выполненными за границею, яицъ и разныхъ породъ птицъ Спб. 1866. Цѣна 2 р. 50 к.

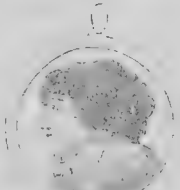
Почему и потому.

По системѣ Отто. Для учащихся въ семьѣ и школѣ. Зоологія и Ботаника. 800 вопросовъ и отвѣтовъ, по зоологіи и ботаникѣ съ 111 рисунками, составилъ Р. Гротріанъ Перев. съ нѣмецкаго. Изд. подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. Френкеля. Спб., 1904 г. ц. 65 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

Дѣтство и юность великихъ людей. *) (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Соч. Л. Колэ. Съ 50 рис., пер. съ 12-го франц. 2-е изданіе. С. Майковой. Спб., ц. 1 р. Семейныя условія, какъ вообще и вся домашняя обстановка, при какихъ росъ и развивался тотъ или другой изъ знаменитыхъ людей, постоянно возбуждаютъ въ насъ болѣе или менѣе сильное любопытство; насъ невольно интересуютъ характеръ, привычки, взгляды и понятія какъ отца, такъ и матери будущаго великаго человѣка, намъ пріятно знать, въ какой именно средѣ протекли годы его дѣтства, отрочества и первой юности, пріятно видѣть его то баловнемъ какой-либо старшей сестры, то любимцемъ брата, и сами мы съ своей стороны, невольно удѣляемъ частичку нашего сочувствія и восхищенія родителямъ, окружавшимъ его своими нѣжными заботами, любовью и ласками. Внес. въ первое доп. къ опыту кат. ученич. библ. сред. учеб. заведеній вѣд. М. Н. П.

Три сестры. Повѣсть для молодыхъ дѣвицъ. Соч. Дж. Мансеръ. Переводъ съ англійскаго М. И. Ловцовой съ рис. англійскаго худож. Маргенсона въ красивой папкѣ, цѣна 1 р. Предлагая юнымъ читательницамъ выше названную повѣсть, переводчица имѣетъ въ виду предоставить имъ занимательное и полезное чтеніе изъ англійскаго домашняго быта. Рано лишившись матери, тремъ сестрамъ приходится взять на себя всѣ хлопоты по хозяйству, воспитаніе младшей сестры и проч. Отецъ ихъ, отвлеченный литературною работой, ищетъ лишь временнаго отдыха у домашняго очага. Молодыя дѣвушки подчасъ тяготятся однообразною уединенною жизнью, но бодро приноравливаются къ обстоятельствамъ и сохранивъ свою юную жизнерадостность пріобрѣтаютъ незамѣтно силу воли и самостоятельность. Книга читается легко и съ большимъ интересомъ



Дѣтская забава. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Соч. М. Ростовской, съ многими рисунками, въ папкѣ. Спб., цѣна 1 руб. Кулекъ, дробинка, палачи, честность, кривулекъ, болото, павлины, дѣти натуралиста дѣти, свѣтлый мальчикъ, у страха глаза велики, счастливый случай, сравненіе, благій примѣръ, каширъ, карликъ, сосипитръ, смѣхъ и горе, зеркало, три мячика, крутое яичко, четвертакъ, шалуны, утятяти и пр. пр.

*) **Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** Изданіе подъ ред. М. Б. Чистякова. 4-е изданіе. Съ 100 рисунк. 1904 г. Ц. 1 р. Содержаніе: Предисловіе, объясняющее значеніе сочиненія Сервантеса. Семейство Донъ-Кихота. Отправленіе. О посвященіи въ рыцари. О случаѣ въ гостинницѣ. Несчастье. – Второй отъѣздъ. – Борьба съ мельницами. – Занокъ. Шлемъ. — Освобожденіе. Горы. Принцесса Мамиконика. — Донъ-Кихотъ въ клѣткѣ. — Санхо-Пансо. — Дульцинея. – Рыцарь зеркалъ. — Приключеніе пастуха. – Прекрасная охотница. — Важныя событія. О чарахъ Дульцинеи. — Губернаторство Санхо. — Донъ-Кихотъ дѣлается пастухомъ. – Ночное приключеніе. — Возвращеніе. **Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.** доп. въ учен. средн. возр., библ. средн. учебн. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

*) **Приключенія молодого натуралиста.** Соч. Біара. Перев. съ 15 изданія С. Бриліанта, съ 130 рисунками, въ папкѣ, 400 стр. Ц. 1 р. 35 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

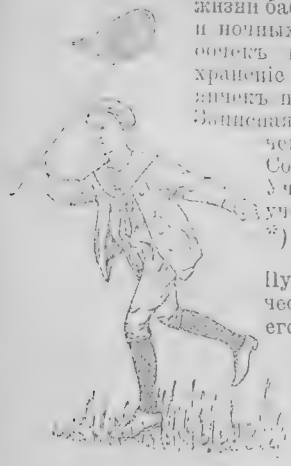
*) **Жизнь животныхъ. А. Брема.** [illegible] въ трехъ большихъ томахъ. Подъ редакціей [illegible] зоологіи К. К. Сентъ-Илера. Бремъ, [illegible] жизнь посвятилъ изученію животныхъ, для чего совершилъ [illegible] путешествія въ Африку, Азію, Америку, Египетъ, Норвегію, Сибирь и Европу, [illegible] изучалъ жизнь звѣрей и птицъ въ Европѣ, [illegible] со всѣми звѣринцами и зоологическими садами. Дома у него была масса прирученныхъ животныхъ для [illegible] и изученія ихъ. „Жизнь животныхъ“ Брема, подъ редакціею К. К. Сентъ-Илера, является не простымъ сокращеніемъ десятитомнаго изданія, а есть переработанный трудъ опытнаго и заслуженнаго педагога, сохранившаго все существенное большого изданія, но устранившаго все то что, по педагогическимъ началамъ, не должно быть изложено для юношескаго возраста. Такимъ образомъ новое изданіе, спец. для юношест. обоего пола даетъ возможность родителямъ, удовлетворяя любознательности своихъ дѣтей, дать имъ смѣло въ руки это изданіе, не опасаясь съ ихъ стороны встрѣтить вопросы, на которые часто нѣтъ возможности отвѣтить; состоитъ изъ трехъ битвъ, напечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ и заключаетъ въ себѣ 2150 страницъ текста большого формата, 690 рисун., исполненныхъ въ Библіографич. Институтѣ въ Лейпцигѣ и 3 худож. обложки работы К. Крюкова. Содержаніе: I томъ „Млекопитающія“. II томъ „Птицы“. III томъ „Пресмыкающіяся“, гады, рыбы, насѣкомыя и всѣ низшія животныя“. Цѣна за три тома 3 р. съ перес. Имѣются въ роскошныхъ переплетахъ.

*) **Породы собакъ** Охотничьи, сторожевыя и комнатныя. Популярное описаніе всѣхъ породъ собакъ; полный домашній лечебникъ собакъ. Соч. Крихлера, перев. съ нѣмецкаго В. Вольфсона. 47 рис., 2-е изданіе. Спб., ц. 1 р. Охотнич. собаки. Ганноверская и австрійская гончая. Баварская горная ищейка. Кровяная собака. Испанскій поденко. Лягавыя собаки. Щетинистая. Понтеръ. Сетеръ. Грифонъ. Эспаньелы. Ретриверъ. Испанскія лягавыя. Такса: коротконерстая, англійская. Бассетъ. Фокстерьеръ: короткошерстый, иглошерстый. Борзыя: англійская, русская. Шотландская оленья собака. Волкодавъ. Комнатныя и сторожевыя собаки. Нѣмецкій догъ. Датскій догъ. Англійскій мастиффъ. Сенъ-Бернардъ, длинношерстый. Ньюфаундленскія собаки (водолазъ). Бульдогъ. Испанскій мистикъ. Овчарка. Карликовыя шпицы. Шелковистый шпицъ. Эскимосская собака. Пудель. Карликовый пудель. Пинчеръ или крысоловъ. Далматская собака. Терьеры. Гладкошерстый пинчеръ. Мопсъ. Левретка. Карликовыя эспаньолы. Мальтійская собачка. Шипперкъ. Японскій хинъ. Болонка. Голыя собаки. Выращиванье собакъ. Дрессировка собакъ. Охота съ гончими. Объ умѣ собакъ. Полный лечебникъ собакъ. Ц. 1 р. Уч. Ком. Мин. **Нар. Просв.** допущена въ безпл. нар. чит. и библ.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) **Собиратель бабочекъ.** Сост. Александръ Бад. Пер. подъ редакціей Л. Френкеля, съ 98 рисун., 130 стран. Спбц. 40 к.



Введеніе.—Общій обзоръ.—Образъ жизни и продолжительность жизни бабочекъ.—Ловля дневныхъ бабочекъ.—Ловля сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ. Устройство коллекціи.—Размѣщеніе бабочекъ въ коллекціи.—Распознаваніе самцовъ и самокъ.—Сохраненіе коллекціи и т. д.—Коллекція гусеницъ.—Приготовленіе яичекъ и куколокъ для коллекціи.—Біологическая коллекція.—Записная книжка.—Кунія и мѣна.—Упаковка и отправка бабочекъ.—Отправка живыхъ гусеницъ, куколокъ и яичекъ.—Собираніе во время путешествій.—Подраздѣленіе бабочекъ. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. низшихъ учебн. завед.

*) **Чудеса древней страны пирамидъ.** Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра Карла Оппеля. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова, исправленный и дополненный по 4-му изданію подъ редакціею А. А. Быкова. Съ 182 рисунками, помѣщенными въ текстѣ, и планомъ съ птичьяго полета египетскихъ памятниковъ Нильской долины. Спб., 1897 г., 3-е изд., 542 стр., ц. 3 р. 50 к.

*) **Калифорнскіе разсказы.** Соч. Бредъ-Гарта. Пер. съ англійскаго, подъ редакціей С. Бриліанта, большой томъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Великіе люди Греціи и Рима. Цари, Полководцы, Адмиралы и Государственные дѣятели. Соч. Гульда. Перев. М. Модель. Съ рисунками и портретами. Спб. ц. 1 руб.

Маленькіе Гарибальдейцы. Разсказы. Сочиненіе Де-Амичисъ. Съ рисунками. Въ папкѣ Цѣна 35 коп.

Приключеніе знаменитаго сыщика Шерлока Холмса. 5 томовъ, 180 рисунковъ, 1400 стр. Соч. Конанъ-Дойля. Жизнь и дѣятельность Холмса, этого замѣчательнаго сыщика, описаны Конанъ-Дойлемъ. Увлекательное и безусловно правдивое содержаніе, наряду съ безукоризненнымъ изложеніемъ—все это давало право разсчитывать на вниманіе даже серьезнаго читателя. Неудивительно поэтому, что произведенія талантливаго англійскаго писателя, посвященныя описанію жизни и дѣятельности этой исключительной натуры, переведены почти на всѣ европейскіе языки и, что имя Шерлока Холмса сдѣлалось весьма популярнымъ среди читающей публики. Спб., цѣна за 5 томовъ 4 р. Т. 1, 2 и 3. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. учебн. завед. и въ безпл.

Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная (теорія автора, съ добавленіемъ Н. Faye (Фаіе), члена парижской академіи наукъ. Защиты гипотезы Лапласа и теорій—Корнвуда, Троубриджа, Ньюкомба, Г. Х. Дарвина, а также критика теоріи Н. Faye изъ соч. Космогоническія гипотезы К. Вольфа, члена парижской академіи, астронома обсерваторіи. 3-е изданіе. Спб., 1905 г., п. 1 р. 25 к.

*) **Пять чувствъ человѣка.** Соч. д-ра І. К. Крейбаха. Общедост. лекціи. Съ 30 рисунками. Перев. съ нѣмец. подъ редакц. д-ра І. А. Шапиро. Спб., 1903 г. 148 стр. Ц. 45 коп. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. стар. воз. библ. сред. уч. зав.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

*) **Умъ и энергія.** I томъ. „Жизнь и Трудъ“ (Life and Labour). Большой томъ. Переводъ съ англійскаго Л. А. Коропчевскаго. Характеристики выдающихся великихъ людей. Ц. 1 р. 20 к. Допущ. въ учен. библ. сред. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

*) **Характеръ.** III томъ. Образованіе. Пер. С. Майковой. 9-е изданіе. 26 стр. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библ. сред. уч. зав. въ безп. нар. чит.

*) **Саморазвитіе.** II томъ. Умственное, нравственное и практическое съ дополнительною статьею „Русскіе дѣятели (Самодѣятельность“). Переводъ и дополненіе В. Вольфсона. Спб. 4?? стр. Ц. 1 р. 25 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библ. ср. уч. зав.

*) **Вѣчный труженикъ.** IV томъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. 3-е изданіе. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. Уч. Ком. мин. Нар. Пр. въ учен. биб. ср. уч. зав. въ безп. нар. чит.

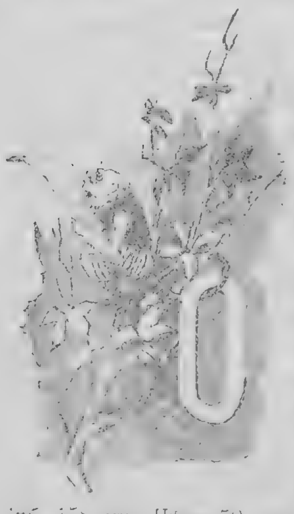
*) **Долгъ.** V томъ. Нравственныя обязанности человѣка. Перев. С. Майковой. Спб. 3-е изданіе. 368 стр. Цѣна 1 р. 25 к. Уч. К. М. Н. Пр. въ учен. библ. ср. уч. зав. а также въ без. нар. чит.

*) **Бережливость.** VI томъ. Переводъ Сысоевой. 3-е изданіе. Спб. 1904 Ц. 90 к. Уч. К. Мин. Нар. Пр. въ уч. библ. ср. уч. зав., также въ библ. нар. чит.

*) **Путешествіе мальчика вокругъ свѣта.** VII томъ. Съ рисунками. Перев. В. Вольскаго. Спб. 2-е изданіе. Ц. 1 р. Уч. К. М. Н. Пр. въ учен. библ. ср. уч. зав. въ безп. нар. чит.

*) **Біографіи промышленныхъ дѣятелей.** VIII томъ. Переводъ съ англійскаго Н. Н. Мазуренко. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. Уч. К. М. Нар. Пр. въ уч. биб. уч. зав., а также въ без. нар. чит.

Отдохнемъ и почитаемъ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ раскрашенными картинками, соч. С. Лаврентьевой. Спб. Ц. 80 коп.



*) **Библейская исторія.** Сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта протоіереемъ І. Базаровымъ. Съ 119 карт. Одобрена Учебнымъ Комитетомъ Святѣйшаго Синода для начальныхъ народныхъ училищъ въ качествѣ учебнаго пособія по Священной Исторіи, а также для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ учебнаго руководства. Удостоена медали гр. Н. Д. Киселева 33-е изд., ц. 1. руб. въ папкѣ.

*) **Бесѣды о здоровьи для народа.** Ц. 50 к. Доп. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для нар. чит. и библ. нар. и город. учил. и учительскихъ институтовъ и семинарій.

Охотничьи разсказы. *) Собранные Полемъ Беромъ, для дѣтей средняго возраста, переводы О. М. Мижуевой, съ рисунками Т. Никитина, въ красивой папкѣ. Спб., ц. 1 р. 20 к.

*) **О воспитаніи умственномъ и нравственномъ.** В. Г. Бѣлинскаго. Сост. А. Н. Сальниковъ. Спб. 178 стр. Цѣна 50 коп. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ фундаментальныя библіотеки средн. учебн. завед. Министер.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед.

На память дѣтамъ. Н. И. Позняковъ. Разсказы и стихотворенія, съ рисунками художн. Т. А. Карпинской, Т. П. Никитина и В. И. Овсянникова. Изд. 3-е. Спб., стр. 254. Ц. въ роскошной папкѣ 1 р. [illegible] доп. Одоб. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для ср. и низ. учеб. зав. и для безп. нар. библ. и чит.

*) **Черкесъ.** Соч. Л. Черскаго. Воспоминанія кадета. Съ иллюстраціями. Спб. 1901, стр. 31. Цѣна 30 к. Уч. Ком. М. Нар. Пр. доп. въ безп. нар. чит. и библ. и въ учен. библ. средн., для мал. возр. и низ. учебн. завед. Минист.

равственность семьи. *)

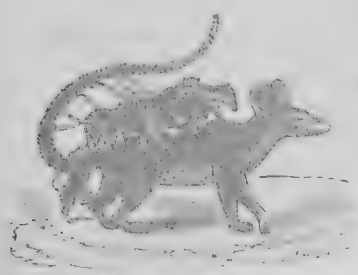
Въ разсказахъ, сказкахъ, практическихъ наставленіяхъ и жизненныхъ правилахъ. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей, и по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенное въ награду ученикамъ какъ полезная книга. Соч. Сталь. Переводъ Н. Мазуренко. Съ 34 рисунками французскихъ художниковъ: Баара, Мари, Фрелиха, Бинетта, де-Вилорса и др., въ красивой папкѣ. Спб. 1905 г., 342 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въ этой книгѣ, отъ первой страницы до послѣдней, рѣчь идетъ въ живописныхъ и увлекательныхъ, иногда чрезвычайно поэтичныхъ разсказахъ и поученіяхъ (напримѣръ: исторіи маленькаго пастуха и стараго капрала, только и исключительно о хорошихъ и дурныхъ чертахъ характера дѣтей, о средствахъ и способахъ вліянія на дѣтей, а также исправленія и улучшенія ихъ характера Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ безплат. народн. читал. и библ.

*) **„Божественная Комедія". Соч. Данте-Алегіери**

Адъ. Томъ. I. Переводъ В. В. Чуйко, со вступительною статьею переводчика о жизни и произведеніи автора. Съ 68 рисунками извѣстныхъ французск. художниковъ и съ портретомъ автора. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р, 50 к.

Чистилище. Томъ II. Пер. В. В. Чуйко, съ 75 рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Рай. Томъ III. В. В. Чуйко, съ 74 рисунками, Ц. 1 р. 25 к. „Божественная Комедія" извѣстна всякому образованному читателю. Она отличается такими поразительными красотами истинной поэзіи, такою глубиною содержанія, что никогда не потеряетъ своего значенія и всегда будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду величайшихъ литературныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ.



*) **Борьба человѣка съ животными.** Профес. К. Экштейна, Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. А. Френкеля. Съ 31 рисункомъ. 160 стр. Ц. 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. ср. и низш. учебн. завед. и въ безпл. народн. чит. и библ.

Звѣздоча. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ раскрашенными рисунками. Соч. Л. Шелгуновой, въ шапкѣ. Спб. Ц. 1 р.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учебн. завед.

*) **Дочь Египетскаго царя.** Историческій романъ Георга Эберса. Переводъ Вольфсона. Спб., 1907 г., 442 стр., Ц. 1 р. 50 коп. „Дочь египетскаго царя" первый историческій романъ Эберса и лучшій изъ всѣхъ имъ написанныхъ. Онъ появился въ печати въ 1860 г. По богатству содержанія, по обилію историческихъ подробностей, по яркости красокъ и, наконецъ, по художественности языка, ни одно изъ позднѣйшихъ произведеній покойнаго Эберса не можетъ сравниться съ „Дочерью египетскаго царя". Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. доп. въ учен. сред. воз., библ. сред. учеб. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

*) **Невѣста Нила.** Истор. романъ Георга Эберса. Пер. съ нѣмецкаго Н. Н. Мазуренко. Спб. 1905 г. 430 стр. Цѣна 1 р. 35 коп. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. и учебн. зав. и въ безпл. нар. биб. и чит.

*) **Уарда.** Историческій романъ. Цѣна 1 р. 50 коп.

*) [illegible]. Истор. ром. временъ римскаго императора Адріана. Георга Эберса. Спб. 1898 г. 2-ое изд. 481 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. Внес. въ кат. книгъ, изд. по распор. Мин. Нар. Просв., для безпл. нар. чит.

*) **Мелисса.** Тернистымъ путемъ. Историческій романъ Георга Эберса. Полный переводъ (большой томъ). Спб., 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен., сред. и стар. воз., библ. сред. учеб. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Человѣкъ есмъ.** Историч. ром. Георга Эберса. Переводъ съ нѣмецк. В. Мазуренко. Спб. 1903 г. 280 стр. Цѣна 90 коп. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. биб. учебн. зав. и въ безп. нар. биб. и чит.

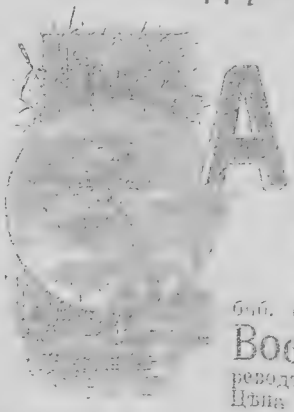
*) **Серапись.** Истор. ром. Георга Эберса. Пер. съ нѣм. Спб. 3-ое изд. 276 стр. Цѣна 75 коп. Внес. въ кат. книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Просв. для безпл. нар. чит.

*) **Пертская красавица.** Историческій романъ Вальтеръ Скотта. Спб., 1894 г., съ рисунками (большой томъ), 536 стр., Цѣна 2 р. Внес. въ кат. книг, изд. по рас. Мин. Нар. Пр. для безп. нар. чит.

Удстокъ. Романъ Вальтеръ-Скотта. Спб. Цѣна 80 к.

Карлъ Смѣлый. Историческій романъ. Соч. Вальтеръ-Скотта. Съ рисунками, 480 стр. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р. 25 к. Описывая событія второй половины XV в., относящіяся къ той эпохѣ, когда рыцарство блистало уже послѣдними лучами своего величія, которому по выраженію автора, „суждено было скоро окончательно угаснуть",—романъ этотъ вызываетъ большой интересъ и можетъ служить прекраснымъ подаркомъ къ праздникамъ въ любой семьѣ. (Отзывъ „Новаго Времени").

*) **Квинтикъ Дорватъ.** Историческій романъ временъ Людовика XI. Соч. Вальтеръ-Скоттъ. Въ этомъ романѣ описана картина раздоровъ, волновавшихъ Европу въ продолженіи XV вѣка; особенно ярко выразилась борьба Людовика XI съ Карломъ Бургундскимъ, сплетеніе тайныхъ интригъ, безчисленное множество различныхъ похожденій шпіоновъ, цыганъ, пилигримовъ и переодѣтыхъ нищихъ, описаніе сраженій и пр. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. биб. учеб. зав. и въ безп. нар. библ. и чит.



Ивенго. *) (Ivanhoe), историческій романъ Вальтеръ-Скотта. Переводъ съ англійскаго В. Владимірова. Второе изданіе. Спб., 1898 г., 362 стр. Ц. 1 р. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. сред. и стар. зав., биб. сред. уч. зав. и въ безп. нар. библ. и чит.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Соч. Гербера Спенсера. Новый полный переводъ съ англійскаго М. А. Лазаревой. Спб. 1906 г. изд. 2-е. Цѣна 75 коп.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. зав.

Удивительныя приключенія полишинеля. Соч. Октава Фелье. 80 стр., 50 рисунковъ художника Бертала, перев. [illegible]. Спб. Л. 40 к., въ папкѣ. Полишинель — [illegible] герой театра марiонетокъ, любимецъ дѣтей, сынъ веселой жизнерадостной Италіи, [illegible] много остроумія, смѣлости и [illegible]. На зарѣ своей жизни онъ отправляется ко двору неаполитанскаго короля, искать счастья, и здѣсь, благодаря своему природному уму и находчивости, въ короткое время дѣлается любимымъ [illegible] принцессы. Его приключенія до того необыкновенны, забавны и юмористичны, что невольно заставляютъ смѣяться самымъ заразительнымъ смѣхомъ не только дѣтей, но даже взрослыхъ.

Русско-французско-нѣмецкіе разговоры. Въ двухъ частяхъ. Руководство, служащее къ пріобрѣтенію навыка къ [illegible] основательно изъясняться на этихъ трехъ языкахъ и содержащее также разговоры о путешествіяхъ, желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и др. Съ приложеніемъ: 1) Правилъ произношенія словъ французскихъ для русскихъ и нѣмцевъ: русскихъ для французовъ и нѣмцевъ: нѣмецкихъ для русскихъ и французовъ. 2) Идіотизмовъ. 3) Пословицъ и поговорокъ. 4) Омонимовъ, съ практическими упражненіями на каждый изъ нихъ. Девятое изданіе, вновь исправленное и дополненное. Спб. 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Читать, писать и говорить по англійски. Новый способъ выучиться въ 73 урока. Метода профессора Оллендорфа, одобренная парижскимъ факультетомъ. Составлена и приспособлена для русскихъ А. Михельсономъ. Ц. 2 р. Легкость изученія иностранныхъ языковъ по методѣ Оллендорфа признана всею Европою. Достоинства и преимущества ея передъ другими способами доказываются уже тѣмъ, что въ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ народа, который не примѣнилъ бы ее для своего употребленія.

*) **Вулканы и землетрясенія.** Профессора Неймайра. Переводъ С. Чернова, 98 рисунк. 277 стр. С.-Петербургъ. 1903 г. Цѣна 90 коп.

*) **По великой русской рѣкѣ.** Очерки картины Поволжья А. П. Валуевой (Минтъ) съ многочисленными рисунками художника Т. Никитина Спб., 1904 г. 2-е изд., ц. 1 р. 50 к. Вн. въ пер. доп. къ оп. кат. уч. библ. ср. уч. зав. вѣд. М. Н. П.

Новая метода правильно читать, писать и говорить на нѣмецкомъ языкѣ въ 6 мѣсяцевъ. Сочиненіе профессора Оллендорфа. Одобренная парижскимъ факультетомъ, составлена (для русскихъ) по послѣднему парижскому изданію. 5-е изд., подъ ред. А. А. Быкова. 2 т., ц. 1 р. 50 к.

Метода Оллендорфа. Полный практическій учебникъ французскаго языка. Составилъ С. Коссовичъ. Въ 2-хъ частяхъ, 5-е исправленное изданіе, 2 тома. Спб., 800 стр. Цѣна 2 р. Метода Оллендорфа давно уже получила обширное примѣненіе, благодаря своимъ блестящимъ практическимъ результатамъ. Издаваемые по этой методѣ учебники являются хорошими самоучителями и нельзя отрицать того, что при желаніи и сравнительно небольшой посторонней помощи, языкъ, по крайней мѣрѣ, теоретически можно изучить и притомъ не въ особенно продолжительное время. Съ этой стороны практическій учебникъ французскаго языка, составленный г. Коссовичемъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Раздѣленіе учебнаго матеріала удачно, русско-французскій словарь составленъ полно, ключъ же можетъ служить не только подспорьемъ при переводахъ, но и прекрасною книгою, благодаря особому начертанію словъ, являющеюся однимъ изъ лучшихъ упражненій въ чтеніи. (Журналъ „Родина“).

Самоучитель итальянскаго языка. Практическая метода выучиться читать, писать и говорить по-итальянски безъ помощи учителя. Составилъ В. Вроблевскій. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

*) Внесены въ каталогъ книгъ изд. по рас. Мин. Нар. пр., для ихъ учеб. завед.

Самоучитель польскаго языка. Практическая метода выучиться читать, писать и говорить по польски безъ помощи учителя. Составилъ Врублевскій. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Самоучитель французскаго языка, или легчайшій способъ научиться безъ помощи учителя читать, писать и говорить по-французски. Въ двухъ частяхъ. Спб. Ц. 50 к.

Самоучитель англійскаго языка. Легчайшій способъ научиться читать, писать и говорить по англійски безъ помощи учителя. Составленъ по Руководствамъ Робертсона, Гласса, Эдварда и др., въ 2-хъ частяхъ. 1903 г. Ц. 50 к.

Самоучитель нѣмецкаго языка. Легчайшій способъ научиться безъ помощи учителя, читать, писать и говорить по нѣмецки. Составленъ по лучшимъ руководствамъ. Изд. 5-е. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

*) **Краткій учебникъ русской исторіи.** Въ біографическихъ очеркахъ (курсъ младшаго возраста). Составилъ А. Н. Сальниковъ. Изданіе пятое, исправленное, съ картами въ текстѣ. Ц. 35 к. Одоб. ученымъ Комит. Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для третьяго класса гимназій и реальныхъ училищъ.

*) **Краткій обзоръ русской исторіи,** для городскихъ училищъ. Составилъ А. Н. Сальниковъ. Спб. 1902 г., Ц. 20 к. Одобренъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. какъ руков. для город. и уѣздныхъ училищъ, а также для 3-го класса гимназій реальныхъ училищъ, и съ рисунками.

*) **Учебникъ географіи.** Въ трехъ частяхъ. I. Краткія свѣдѣнія по математической, физической и политической географіи. II. Западная Европа. III. Внѣ-Европейскія страны. Съ рисунками и картами. Составила Н. С. Мальцева, преподавательница Пермской женской гимназіи. Ц. 1 р. 25 к. Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія опредѣлилъ: допустить означенную книгу въ качествѣ учебнаго руководства для женскихъ гимназій и прогимназій Министерства. Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ опредѣлено одобрить къ употребленію въ женскихъ духовныхъ училищахъ въ качествѣ ученаго пособія по географіи.

Моментальное фотографированіе ручными камерами, общедоступное для всякаго любителя руководство. Составилъ фотографъ Буяковичъ, съ 33 рисун. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Руководство къ сочиненію прозаическому и стихотворному. Планъ и слогъ сочиненія. Стихосложеніе.—Романъ.—Повѣсть.—Разсказъ.—Очеркъ.—Наброскъ, эскизъ и пр. Трагедія.—Комедія.—Драма. Корреспонденція обыкновенная. Корреспонденція газетная.—Ораторскія рѣчи.—Пособіе къ конкурснымъ экзаменамъ по русскому языку.—Составилъ М. Бродовскій. Второе дополненное изданіе 102 стран. 1902 г. Ц. 60 к.

Мать и дитя. 8-е изданіе, съ 298 рисунк. Ц. 3 р. (Большой томъ, 1165 стран.). Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Состав. В. И. Жукъ. Книга „Мать и дитя“ удостоилась самаго лестнаго отзыва нашей прессы и въ короткое время разошлось 7 изданій, въ каждой семьѣ появленіе младенца считается однимъ изъ самыхъ важныхъ событій. Все въ такое время должно быть предусмотрѣно, и отъ малѣйшей неосторожности зависитъ жизнь не только малютки, но и его матери. А чаще всего наши матери, и въ особенности молодыя, совершенно не приготовлены къ исполненію своихъ священнѣйшихъ обязанностей. Тутъ-то имъ и приходитъ на помощь книга В. И. Жука. Въ ней до малѣйшихъ подробностей прослѣжена вся жизнь матери до и послѣ рожденія ею ребенка. Поданы совѣты, какъ ухаживать за больной и новорожденнымъ, описаны идеальныя одежды и дѣтская. Словомъ, разсказано все, что можетъ относиться къ пользѣ въ этомъ отношеніи семьи, и при всемъ этомъ все передано доступнымъ пониманію каждаго языкомъ. (Отз. журн. „Родина“.

Исторія Греческихъ героевъ. Разсказанная Нибуромъ своему сыну. Перев. съ нѣмецкаго. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Типографія Л. В. Гутмана, Спб., Калашниковскій пр., № 13.

Все наврано

Надо изъять из

библиотеки.

Крайний строгий урок за пренебрежительное отношение Вашей выхолощенной аристократ к инородцам.

19/IV-25 г.